

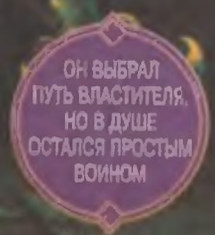
САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ФАРГАЛ

ТРОН
ИМПЕРАТОРА

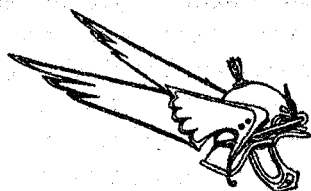
Александр
Мазин

ОН ВЫБРАЛ
ПУТЬ ВЛАСТИТЕЛЯ.
НО В ДУШЕ
ОСТАЛСЯ ПРОСТЫМ
ВОИНОМ

Земля Ашшур

Сказание о Фаргале

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ТРОН ИМПЕРАТОРА

Александр Мазин

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.2Р
М 13

На обложке использована иллюстрация
Майкла Уилана (Michael Whelan)

Мазин А.

М 13 Трон императора: Роман. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 496 с.

ISBN 5-7684-0083-4

От бурных волн Великого Океана до белоснежных вершин неприступных гор простирается Земля Ашшура — загадочный мир Четырех Империй. Один из могучих властителей этой Земли, царь-воин Фаргал вступает в жестокую схватку со злобными колдовскими силами, которые жаждут погрузить все обитаемые земли в бездну Хаоса и Тьмы.

© А. Мазин, 1996

© П. Борозенец, оформление, 1996

© Азбука, 1996

ISBN 5-7684-0083-4

Часть первая

ВЕЛИКОНДАР – СТОЛИЦА КАРНАГРИИ

Глава первая

Мощенная квадратными плитами дорога, огибавшая площадь, называлась Белой, поскольку соединяла Царские ворота и Дворец императора Карнагрии. В эти ранние часы дорога в общем-то отвечала своему названию, благодаря трудам городских мотельщиков. Но первые навозные плюхи уже «украшили» ее, а к полудню прохожим придется очень внимательно глядеть под ноги, чтобы не соскрести потом с подошв что-нибудь липкое и вонючее.

Только рассвело, но торговля уже помаленьку началась, и мальчишки-зазывалы вопили во всю мочь отдохнувших за ночь глоток.

Но это на рынке. У домиков же, выстроившихся справа от Белой дороги, по утрам наступало затишье. То, чем здесь торговали, ночью пользовалось бóльшим спросом. И здешние зазывалы к утру притомились. Тем не менее трех воинов в красных доспехах и таких же красных плащах, воинов, гордо шествовавших по самой середине улицы, пытались остановить трижды на протяжении всего пятидесяти шагов. Щедрость и любвеобильность лучших солдат Карнагрии, Алых, равнялась их воинской доблести. Но воины только отшучивались. Они уже избавились от избытка семени и искали других развлечений.

И нашли.

На деревянной лесенке, ведущей к занавешенным красно-черной тканью дверям, на корточках, сидел самериец. Из-за плеча чужеземца торчала рукоять меча. Заманчиво!

Трое Алых, как по команде, замедлили шаг и переглянулись.

— Эй, брат, — громко сказал один солдат другому. — Что там делает эта узкоглазая обезьяна?

— Я думаю, обезьяна какает! — отозвался второй.

И испустил соответствующий звук.

— А почему она не сняла штаны? — поинтересовался первый.

— Потому что это самерийская обезьяна! — подчеркнуто серьезным тоном ответил второй. — У них там ходят голышом. Он привык.

— Да нет! — вмешался третий. — Он просто засмотрелся на ту ослицу. Знаешь, у самерийцев слабость к ослицам. Засмотрелся и забыл снять портки.

Трое остановились напротив лесенки.

Мишень их шуток, самериец, даже не шелохнулся. Его широкое, с темной, морщинистой кожей, лицо не выражало никаких чувств. Как будто он не понимал карнитского диалекта.

Алые, впрочем, отступить не собирались.

— А почему он не кланяется нам? — спросил третий. — Почему вонючая самерийская жаба не оказывает нижайшее почтение?

— Пожалуй, придется отрезать ему косу, — заявил второй. — Как думаете, братья, сгодится она для метлы моему рабу?

— Вряд ли, — ухмыльнулся первый. — Слишком грязная.

Несколько мальчишек-зазывал из соседних борделей уже приплясывали вокруг. Остановилось и

несколько покупателей, направлявшихся на рынок. Похоже, будет потеха!

— Может, он сдох? — выдвинул предположение первый солдат. — Гляньте, братья, даже не сморгнет!

В десяти шагах остановился городской стражник. Но и не подумал вмешаться. Будь это сок, фетс или эгерини — может, он и вступился бы. Хотя... Защищать чужеземца от любимцев императора? Ищите дурака!

— Я знаю, как проверить, сдох он или нет! — заявил второй.

Он порылся в поясном кармане и выудил медную монету.

— Вот, — показал он друзьям. — Медь! Любимый металл самерийцев!

— Почему? — спросил первый.

— Потому что лбы у них медные.

— Точно?

— Клянусь целкой его бабушки. Сейчас услышите!

И запустил медяком самерийцу в лоб.

Но его ждало разочарование. Чужеземец с необычайной ловкостью перехватил монету и метнул обратно. Медяк угодил точно между глаз Алого.

Вид у опешившего воина был такой, что один из мальчишек-зазывал хихикнул. Но — в кулак. Не дай Ашшур попасть под руку рассердившемуся Алому!

А воин действительно рассердился. И схватился за меч. Шутки кончились.

Самериец как ни в чем не бывало сидел на корточках.

В этом положении трудно было оценить его статью. Хотя по морщинам и серой от седины косе видно, что немолод.

Алый, держа руку на оголовье меча, подступил к лесенке.

— Поднимайся, макака! — потребовал он. — Поднимайся, и я выпущу дерьмо из твоих кишочек!

Самериец бесстрастно смотрел в пространство.

— Побрей ему башку, брат, — предложил первый солдат. — Срежь его грязный хвост, подаришь его золотарям!

Алый, которому рассадили лоб, вытянул из ножен меч.

— Верно, — сказал он. — Раз ты, обезьяна, не желаешь драться, я побрею тебе медную башку, а меч подарю какой-нибудь здешней девке. Ей он будет — в самый раз!

— Да, да, — поддерживали в толпе зевак. — Побрей обезьяну, Алый!

Солдат шагнул на лесенку... и вдруг, перевернувшись через голову, кубарем откатился назад.

Никто из зевак ничего не понял. Однако все увидели, что чужеземец уже на ногах и двумя руками, не по-здешнему, держит меч.

Алый не пострадал. Он успел уйти от молниеносного выпада, хотя и не лучшим образом. Оба гвардейца тут же выступили вперед, прикрывая товарища. Но самериец не спешил добить обидчика. Он медленно спустился по лесенке, низкорослый, широкоплечий, ставящий ноги носками наружу. Самериец был настолько не похож на обитателей Великондара, что зевакам он даже и не казался человеком.

Но Алые, по одному выпад, уже оценили его по высшему рангу. Теперь воины знали — перед ними — настоящий боец. А значит, развлечение будет на славу. Алые не сомневались в своей победе. Трое превосходных воинов — против одного. Какие могут быть сомнения?

Но шутить они перестали. Воин без нужды не оскорбляет воина.

Двое Алых разошлись в стороны, охватывая самерийца полукольцом. Но тот словно бы и не заметил, что его окружают. Чужеземец направлялся к тому, кто первым задел его. Двигался он молча, неторопливо, немолодой мужчина в простой одежде и сером дорожном плаще, наброшенном на плечи, с толстой косой, свернутой на затылке в тяжелый узел. Меч он держал — как дровосек держит топор. Но Алых эта непривычная манера обмануть не могла.

Двое закончили обход и оказались у самерийца за спиной. И тотчас все трое, без предупреждения, со слаженностью опытных бойцов, кинулись на противника.

Те, что оказались сзади, разом вонзили мечи в серую ткань плаща... и поразили только пыльную шерстяную тряпку.

Плащ слетел с плеч самерийца, а сам он подпрыгнул вверх, занеся меч над головой третьего. Тот вскинул собственный клинок... и самериец ударил его ногами в грудь. Сверху вниз, как бьет хищная птица.

Алый отлетел назад и опрокинулся навзничь. Тонкая парадная кираса прогнулась, но смягчила удар... только для упавшего это уже не имело значения. Прямой меч самерийца клоннул его под подбородок.

Двум Алым потребовалось мгновение, чтобы стряхнуть с клинков шерстяную тряпку. И еще мгновение — чтобы осознать: их товарищ мертв!

Самериец ждал. Острие его клинка покраснело, но лицо по-прежнему не выражало ни гнева, ни воодушевления.

Зато лица Алых исказила ярость. Они разом набросились на врага. Толпа отхлынула в стороны,

освобождая место. Кому хочется угодить под случайный удар?

Зрелище было потрясающее. Алые метались вокруг самерийца, словно языки пламени вокруг древесного ствола. Но чужеземец не дрогнул. Меч его с невероятной быстротой мелькал в воздухе, перелетал из одной руки в другую, отражал удары с такой легкостью, будто на затылке, под узлом косы, у самерийца прятался еще один глаз. Но Алых было двое, и никто из зрителей не сомневался: через минуту-другую пляска смерти закончится гибелью чужака. Потому-то все ахнули, когда один из Алых осел на мостовую, прижимая руку к вспоротому животу.

Самериец и гвардеец, оставшийся в живых, на мгновение остановились. Они изучали друг друга, выжидали, хотя знакомый запах крови, вывороченных внутренностей, собственного едкого пота возбуждал, подстегивал: сражайся, бей, убивай!

Левая рука самерийца висела плетью. Кровь пропитала рукав и капала с пальцев. Это была самая тяжелая из его ран. Противник чувствовал себя намного лучше, получив лишь пару царапин. Он мог бы предоставить самерийцу возможность атаковать, мог выжидать, тянуть время, пока противник истечет кровью... Но напал первым.

Длинный узкий меч вспыхнул на солнце — самериец подставил клинок, но Алый держал рукоять двумя руками, потому его оружие лишь проскрежетало по самерийской стали и со всего маха упало вниз. Могучий удар пришелся на ногу самерийца чуть ниже колена. Клинок прошел наискось, разрубил мышцы, кость, сухожилия и, зазвенев, выбил искры из дорожной плиты.

Толпа ахнула. И ахнула еще раз. Потому что самериец, которому меч Алого напрочь отсек но-

гу; — стоял. Стоял, хотя кровь из обрубка хлестала ручьем. А карнагриец, соперник его, ткнулся лицом в кровавую лужу.

Десять ударов сердца простоял чужеземец. И только тогда пал рядом с поверженным врагом. На широком темном лице навечно застыла счастливая улыбка.

Городской стражник, вспомнив о своих обязанностях, рысцой подбежал к Алому, перевернул его. Голова воина запрокинулась, и стражник увидел пузырящуюся кровь и разрубленную пополам трахею. Этот солдат уже отвоевал свое.

Вывхватив из петли на поясе бронзовую дудку, стражник загудел изо всех сил, призывая подмогу.

И, словно по его зову, из-за желтого здания Торгового Двора вылетел отряд всадников. Причем — все той же императорской гвардии.

Предводитель резко осадил коня. Через головы зевак он увидел лежащие на мостовой тела в красных доспехах. И жирные пятна крови вокруг.

Предводитель свистнул. Алые обнажили оружие. Толпа прянула в стороны, освобождая проход.

Прямо перед командиром оказался перепуганный стражник и четыре мертвых тела. Вернее, три мертвых и один — живой. Тот, кому самериец вспорол живот, еще цеплялся за жизнь.

— Кто? — страшным голосом произнес предводитель, нависая над стражником.

Тот дрожащей рукой показал на самерийца.

— Один?

— Один. — Зубы стражника лязгнули.

Предводитель резко выпрямился, повернулся к своим и сделал знак: мечи в ножны. Затем взглянул на солнце, определяя время, и нахмурился.

Раненный в живот замычал, привлекая его внимание.

Предводитель, мельком взглянув на него, кивнул одному из всадников. Тот спешился и точным ударом в горло добил несчастного.

— Трупы убраться! — отрывисто бросил командир городскому стражнику. — Тела убрать, кровь засыпать песком. Царь царей скоро проедет этой дорогой.

— Да, господин, — стражник поклонился. — Позволено спросить: куда их? Во Дворец?

— Трупы? Да. Наших — к казармам, этого — в Великон. Крокодилам.

И, хлестнув коня, умчался вперед. Отряд последовал за ним.

Спустя полчаса, когда царская кавалькада достигла рыночной площади, на Белой дороге уже не было ничего, что могло бы омрачить взор Царя царей Фаргала.

А еще через полчаса, когда император Карнагрии верхом на рыжей охотничьей кобыле, в сопровождении придворных и стражи, давно уже миновал городские ворота, из домика, на ступенях которого сидел самериец, вышел худой светловолосый юноша лет пятнадцати. И очень удивился, не обнаружив у входа широколицего воина в сером дорожном плаще.

Глава вторая

Звонкий «металлический» лай гончих все нарастал, пока, наконец, свора не выгнала зверя из леса на открытое место: длинное, уходящее к реке возделанное поле.

Жертва, великолепный бык* черной лесной антилопы, запрокинув белую бородатую морду, скакал на вид неуклюже, но быстро. Явно было, что поспевает к реке прежде собак.

Разодетые в шелка придворные нетерпеливо поглядывали на своего царя. Но тот, с непроницаемым лицом, взирал на уходящего быка.

Фаргал, владыка сильнейшей из Четырех Империй, взявший престол Карнагрии не по праву крови, а по праву меча, ждал. Он полагал, что и антилопе следует дать шанс на спасение. И только тогда, когда, по его мнению, у быка появилась надежда уйти, царь ударил лошадь острыми каблуками сапог. Рыжая айпегская кобыла кинулась в галоп.

Тотчас псари спустили борзых, и следом, с криками и улюлюканьем, помчались благородные охотники, отставая от дюжины белых, как горный снег, узкобоких борзых и от Фаргала. Айпегская, морем привезенная в Карнагрию из-за Ашских гор кобыла прытью не уступала борзым.

Бык не сразу заметил новых преследователей. Только когда между ним и бесшумно летящими борзыми осталось шагов двести.

Удивительно, но бык сумел прибавить еще — должно быть, близость спасительной реки придала ему силы. Он бежал теперь с той же скоростью, что и борзые. Однако ж медленнее Фаргала. Припав лицом к рыжей гриве лошади, царь поднял копье, готовясь к броску. Ветер трепал его длинные черные волосы. Ноздри хищно изогнутого носа расширились.

Задранный кверху хвост антилопы мотался из стороны в сторону. Царь скакал уже по следу быка,

* Самец.

по черным лункам, оставленным острыми копытами антилопы. Борзые, рассыпавшись веером, стелились над зеленью поля, отстав лишь на дюжину прыжков.

До берега Великона оставалось не больше четверти мили. Если бык успеет прыгнуть в воду (и не станет добычей крокодилов), он — спасен. Луков и арбалетов у охотников не было: не добыча важна — погоня!

Фаргал крепко стиснул коленями бока лошади и, откинувшись назад, занес для броска короткое охотничье копьё...

И вдруг рыжая гривастая шея резко нырнула вниз. Удар подбросил Фаргала вверх, царь почувствовал, что летит, а потом земля внезапно возникла совсем рядом, древко с хрустом переломилось, царь ударился плечом, дважды перекувырнулся через голову, слышал странный треск и лишь мигом позже ощутил острую боль в бедре. Оглушенный, плохо соображающий, Фаргал приподнялся и уставился на обломок копья, глубоко вонзившийся в его правую ногу повыше колена.

Белая стремительная борзая пронеслась мимо, не обратив внимания на упавшего человека. Из груди ее, вместе с дыханием, вырывался высокий стонущий звук.

С момента падения прошло лишь несколько мгновений.

Мир вокруг Фаргала перестал наконец вращаться, царь обернулся и увидел свою лошадь. Она уже поднялась на ноги и как ни в чем не бывало потрусила за собаками.

Фаргал взялся двумя руками за обломок копья и рывком выдернул его из раны. По опыту царь знал: сейчас это не так больно, как часом позже. Зажав рану ладонью, царь проводил взглядом охот-

ников. С визгом и криками, они пронеслись мимо, плюща копытами лошадей нежные побеги ячменя. Азарт погони и дух соперничества были для аристократов Карнагрии поважней, чем упавший с лошади император.

И только один из всадников развернул коня к Фаргалу.

Подскакав к сидящему на земле царю, всадник ловко соскочил наземь. У него было широкое смуглое, почти черное лицо с ярко-синими глазами: сочетание, безошибочно указывающее на уроженца Священных островов Сок.

— Во имя Ашшура! — воскликнул синеглазый. — Только такая нестигаемая шея, как у тебя, мой царь, способна выдержать подобный кувырок! Когда кобыла споткнулась, я подумал: придется Карнагрии подыскивать нового императора!

— И был недалеко от истины, Люг! — пробормотал Фаргал. — Перевяжи-ка мне ногу!

Две самые быстрые борзые настигли быка и одновременно попытались ухватить его за ляжки. Бык прыгнул в сторону — и третья борзая повисла у него на шее. Бык смахнул ее резким рывком головы и остановился, обратив к преследователям длинные прямые рога. До реки оставалось не больше ста шагов, но антилопе никогда уже не достичь спасительных вод.

Собаки окружили быка, лая, но не спеша нападать. Бык, хрипя, вертелся на месте. Время от времени он набрасывался на самую дерзкую, поэтому круг не сужался. Борзые сделали свое дело — остановили. Пусть теперь другие подставляют себя под удары острых рогов.

Сокт, опустившись на корточки рядом с царем, туго перевязал рану Фаргала, поверх штанов, собственным шелковым поясом.

— Ну скажи мне, Люг, с какой стати эта тварь споткнулась на ровном месте? — раздраженно произнес царь.

Сокт пожал плечами.

— Ты жив, — заметил он. — И кости твои — целы. По-моему, все обошлось, и не стоит зря ломать голову. Споткнулась и ладно! Тем более что кобыла не пострадала!

— Что ей сделается, айпегской бестии! — проворчал Фаргал успокаиваясь.

Тем временем охотники прикончили антилопу и вспомнили о своем императоре.

Подъехавшие первыми, спешившись, помогли усадить Фаргала на подведенного егерем запасного коня.

Нестройной толпой всадники двинулись в сторону Великондара. Они весело переговаривались. В конце концов, охота была удачной!

На берегу реки свора, рыча и огрызаясь, пожирала убитую антилопу. Для изысканной карнагрійской знати жесткое мясо быка было ничуть не съедобней дерева.

Примерно в миле от ячменного поля охотников ожидал отряд Царской стражи. Фаргала сняли с коня и уложили в крытые носилки. Спустя два часа кавалькада выехала на прямую, как стрела, Дорогу Шаркара, а еще через час впереди показались желтые стены Великондара, тысячелетней столицы Карнагрии. Выше стен поднимались причудливые крыши дворцов Верхнего города, и надо всем царил огромный многобашенный Императорский Дворец. Во всем Великондаре один лишь узкий стреловидный шпиль храма Ашшура соперничал с ним высотой.

Кавалькада въехала в город через восточные ворота.

Тем временем на краю ячменного поля царская свора покончила с убитым быком, и псарии увели отяжелевших от мяса собак.

Трое поселян-арендаторов вышли из своего тростникового домика, чтобы оплакать горькие плоды царской охоты. Но они тут же спрятались, потому что, едва поле опустело, из лесу выехал всадник. Хорошего роста и сложения, полностью вооруженный, он восседал на жеребце редкой в Карнагрии самерийской породы.

Звали всадника Карашшер.

Подъехав точно к тому месту, где с императором Карнагрии случилось досадное происшествие, Карашшер свесился с седла и подхватил с земли глиняную фигурку всадника. Кожаный ремешок оплетал ноги лошадки и завершался петлей на шее человечка. Всадник положил фигурку в суму, и не в седельную, а в ту, что была приторочена к его поясу из серебряных с насечкой пластин. Из сумы же Карашшер достал оgranенный прозрачный кристалл размером с куриное яйцо. Держа кристалл на уровне глаз, всадник уставился в сердцевину кристалла. Взгляд воина на некоторое время обессмыслился. Потом губы Карашшера зашевелились, а через несколько мгновений глаза воина обрели прежнюю остроту. Бережно упрятав кристалл, Карашшер повернул коня и рысью въехал в лес.

Но только через некоторое время после того, как всадник покинул поле, возделывавшие его рискнули выйти из хижины. Одиноким воин, а особенно его черный мохноногий жеребец вконец запугали и без того перепуганных поселян.

Войдя в город через восточные ворота, чаще называвшиеся Рыбными, царская кавалькада пересекла Нижний город кварталами кожевников и кузне-

цов. Вонь дубилен предпочли многолюдю и жадному любопытству квартала торговцев. Следовало сохранить в тайне ранение царя. По крайней мере до тех пор, пока он не поправится. К тому же путь через ремесленные кварталы был короче.

Ехали по восьмеро в ряд, окружив царские носилки так плотно, что только с плоских крыш можно было углядеть хоть что-то. Но в такую жару на крышах никого не было.

Дома ремесленных кварталов, сложенные из кирпичевого обожженного кирпича, окнами обращались к тенистым внутренним дворам. На улицу выходили лишённые окон голые стены, лишь изредка украшенные рисунком или родовым именем хозяина.

Почти все здания строились еще восемь веков назад, во времена Шаркара-Победителя.

Младший принц соседнего государства, Эгерина, Шаркар, удачливый завоеватель, воссел на престол Карнагрии обычным путем — силой. Заручившись поддержкой карнитских родов и помощью магов-жрецов Аша, Шаркар перешел реку Карн, естественную границу Карнагрии и Эгерина.

Поддержанный мятежными Владыками земель, принц почти беспрепятственно достиг Великондара. Город встретил его запертыми воротами, изрядно обветшавшими из-за нерадивости трех последних императоров.

Тараны Шаркара разбили ворота за два часа. Но треть войска принца полегла, пробиваясь сквозь закоулки Нижнего города к кварталам аристократии. Взяв Великондар, в отместку, завоеватель снес Нижний город до основания. И, спустя несколько лет, отстроил заново, аккуратно разделив на кварталы и определив ширину улиц в восемь и в двенадцать шагов взрослого мужчины.

Верхний город Шаркар сохранил в целости. Но чтобы пересчитать дворцы и особняки, не сменившие владельцев, хватило бы пальцев одной руки. Что же до храма Ашшура, то он избежал разграбления лишь благодаря чуду.

Пред храмом был установлен Божественный Жребий, огромное копьё на шесте. Говорят, копьё принадлежало самому Верховному богу Ашшуру. Если так, то ростом Верховный бог был отнюдь не под облака, а всего лишь в сорок — пятьдесят локтей.

Тот, на кого, поворачиваясь, указывало острие копьё, подлежал немедленной смерти.

Когда всадники Эгерина вместе с союзниками-карнитами ворвались на Судную площадь перед храмом, копьё, впервые после двухвековой неподвижности, повернулось. И указало на принца Шаркара.

Завоеватель, не раз бывавший в Великондаре, знал, что велит Жребий. И знал, что, выступив против Ашшура, потеряет не только союзников, но и голову. Но Шаркар был неглуп. Он оглянулся и увидел позади собственного мага, жреца Змеебога Аша.

Может, Жребий и впрямь указал на мага, поскольку тот, позабыв все свое чародейское искусство, безропотно позволил наколоть себя на Божественное копьё и скончался, даже не произнеся прощального проклятия.

Копьё же Шаркар приказал силой развернуть в сторону моря и закрепить. Чтобы отвести беду от своей новой столицы.

А на вратах Царского дворца высечь:

«Вот этот город!

Я его открыл!

Я повернул кровотокающий Жребий к востоку.

Бог спускается с горы
Не для того, чтоб проявить жестокость,
Но — Власть!»

Правда ли сие, или легенда, но правил Шаркар двадцать девять лет и умер в своей опочивальне, окруженный любящими детьми. Наследнику он оставил крепкое государство и лучшую в Четырех Империях армию. Всадников же эгерини, Шаркарову гвардию, чьими руками и было развернуто Божественное копьё, именовали с тех пор — Алыми. И традиция эта сохранилась. Вот почему доспехи воинов стражи, окружавшей носилки Фаргала, алели, как свежeproлитая кровь.

Миновав ремесленные кварталы, кавалькада достигла Верхнего города.

Некогда он был огражден стеной. Но стену сокрушили войны и время, и фундамент ее превратился в подобие террасы высотой в два человеческих роста. Прорезая руины стены, широкая дорога поднималась вверх, напрямик, через площадь Согласия к Судной, от которой начинался Императорский Дворец, из-за размеров своих называемый Дивным Городом.

Западной стороной Дивный Город переходил прямо в городскую стену. Настолько мощную и огромную, что ни одному из завоевателей не приходило в голову подступиться к Великондару со стороны заката. Впрочем, несмотря на крепость стен, за последние сто лет Дивный Город завоевывался одиннадцать раз. Но всегда — изнутри.

Без помех раненый царь был доставлен во Дворец, где лекарь немедленно обработал его рану и напоил успокаивающим снадобьем. После этого император уснул и спокойно проспал до утра следующего дня.

Глава третья

— Повесить!

Маленький алобородый законник* икнул, нюхнул с запястья щепоть толченой коры дерева биб, зажмурился.

Два стражника, подхватив одетого в лохмотья мужчину со скрученными за спиной руками, втащили его на один из помостов.

Раньше чем законник открыл затуманенные глаза, ноги осужденного уже сучили над выскобленными досками помоста.

— Следующего! — пробормотал законник.

Морщины на его лице разгладились.

Старшина ткнул пальцем, и стражники выдернули из кучки ожидавших приговора женщину. Средних лет, одетая по чину ремесленного сословия, держалась она вызывающе.

Собравшаяся вокруг небольшая толпа оживилась.

Законник прищурился. Как всегда бывало сразу после приема коры биб, глаза его застлала дымка.

— Говори! — велел он старшине.

— Избила соседку! — сообщил старшина. — Оскорбляла слух непотребными возгласами. Оскорбляла стражу.

— Каков характер оскорблений? — привычно поинтересовался законник. — Упоминались ли власти, боги — в недостойном или непристойном смысле?

— Нет, справедливый!

— Повреждены ли у пострадавшей, безвозвратно: рука, нога, ухо, глаз...

— Нет, справедливый! Только волосы и кожа!

— Сие не в счет...

* Законник — здесь: площадной судья.

Законник смолк, порылся в памяти, вмещавшей тысячелетний свод законов Карнагрии, выискивал соответствующий пункт. Приняв подобающий вид, изрек:

— Именем Императора Фаргала, справедливо-го, единственного, великолепного! Объявляется!

Выдать преступнице шесть плетей! Наложить на нее штраф: в пользу государя — шесть малых серебряных монет; в пользу суда — две малые...

— А не засунуть их тебе в... — завопила женщина.

Один из стражников с удовольствием треснул ее кулаком по спине, и вопль оборвался.

— ...серебряные монеты, — невозмутимо продолжал законник, — а также в пользу пострадавшей — одна малая серебряная монета!

Старшина! Следующего!

Зрение законника прояснилось, и очередного преступника он разглядел хорошо.

Молодой, можно сказать — мальчишка. Лет шестнадцати, не больше, а то и четырнадцати. Тощий, хотя широкий в кости. Из таких вырастают сильные мужи.

«Да только не будет мужа», — подумал законник, узнав — по жестокости, с которой обращалась с преступником стража, — перед ним — убийца.

У преступника было узкое, довольно красивое лицо с ястребиным носом и серыми наглыми глазами.

Взгляд законника задержался на спутанных белокурых волосах преступного юноши.

«Года три назад, на рынке, я дал бы за него хорошую цену, — подумал он. — И кожа такая нежная!»

— В чем его вина?

— Воровство! — рявкнул старшина. — Убийство стражника!

Законник, уже без всякой симпатии, оглядел юношу:

— Убил стражника? Каким образом? У него было оружие? Он — высшего сословия?

— Нет, — неохотно проговорил старшина. — У него не было оружия, он отнял меч у убитого!

Сбоку от законника кто-то одобрительно крикнул.

Тот недовольно повернул голову, но, увидев на крикнувшем золотой браслет Служителя Дворца, счел за лучшее промолчать.

Недовольство свое законник излил на старшину.

— Твой стражник спал? — ехидно спросил он. — Негодяй напал на него сзади?

— Нет, — еще более неохотно признал старшина. — Стражник угрожал преступнику мечом и... тот отнял меч и убил стражника. А стражник, верно, подумал, что, раз парень безоружен...

— Хватит! — отрезал законник. — Меня не интересует, что подумал твой дурак! Больше никто не пострадал?

— Нет. Преступника подбили сонной стрелой, сзади, пока он ел! — ответил старшина.

— Где это произошло?

— Что? Где мы его взяли? В «Желтом поросенке»! Он обедал!

— Нет! Где произошло убийство?

— В «Желтом поросенке»! Он украл...

— Где?! Он убил стражника и продолжал есть?

— Точно так, справедливый! Убил и продолжал есть! Причем еду он украл!

— Странно, — пробормотал законник. — Он что, ненормальный?

— Не думаю, справедливый!

— Впрочем, это не важно, совершенно не важно!

Он помолчал, соображая...

— Именем Фаргала, справедливого, единственного и великолепного! Объявляется!

За воровство — отрубить преступнику кисть правой руки! За убийство служителя закона — повесить!

Светловолосый юноша равнодушно глядел поверх головы судьи. Казалось, ему совершенно безразлично, что с ним сейчас произойдет.

«Точно, безумец!» — решил законник.

— Эй, бездельники! — зарычал старшина на замешкавшихся стражников.

Те подхватили убийцу, втащили на помост. Один из них ножом перерезал веревки. Трое других поволокли приговоренного к колоде.

Палач, приземистый широкоплечий, в длинной рубахе, поднял меч, докрутил над головой, развлекающая народ.

Тень, отбрасываемая на площадь громадой храма Ашшура, придвинулась к самому помосту.

«Через часок придется перебраться поближе к воротам», — подумал законник.

С другой стороны площади раздался слитный цокот сотен лошадиных подков.

Головы зевак мгновенно повернулись на звук.

Палач положил меч на колоду и тоже уставился на дальний конец площади. Он стоял на возвышении, а потому видел все куда лучше, чем столпившиеся у помоста.

Царь!

— Царь! Царь Фаргал! — загудела толпа.

Вот зрелище получше, чем какое-то повешение!

Грохот подков нарастал.

Первыми, вслед за парой трубачей в зеленых одеждах, ехала царская стража, копейщики в доспехах цвета свежей крови. Алые.

Гордые. Грозные. Лучшие воины Карнагрии.

За ними — высокая, изукрашенная самоцветами, горящая золотом императорская колесница. Шесть белых коней влекли ее. Царь Фаргал!

Царь предпочел бы ехать верхом. Но рана едва затянулась, и лекарь не советовал садиться в седло еще дня три.

Потому на календарное богослужение в храм Ашшура он ехал в императорской колеснице. Как, кстати, и требовала традиция.

Рядом с царем стоял — правая рука, советник, друг — Люг Смертный Бой из соктов.

За колесницей павлиньим хвостом — блестящая свита, аристократы. А за свитой — снова всадники в алой броне.

Толпа подалась назад, раздвинулась, избегая копыт и шипов на латах коней.

Осужденный, которого все еще крепко держали трое стражников, повернул голову.

Холодные глаза царя — цвет зимнего моря — встретились с серыми глазами осужденного.

— О великий Ашшур! — пробормотал мужчина с золотым браслетом, тот, что рассердил законника.

Ястребиный профиль юноши был — точь-в-точь — профиль Владыки Карнагрии.

Царь что-то сказал.

Раздвинув конем толпу, один из приближенных подъехал к законнику.

— В чем вина этого человека? — крикнул он с высоты седла.

— Воровство, убийство стражника! — просипел оробевший законник. — Царю угодно смягчить приговор?

Придворный молча повернул коня, вернулся к колеснице.

Голова в золотом, увенчанном короной шлеме едва заметно качнулась.

Придворный вновь подъехал к законнику.

Толпа ждала, затаив дыхание.

— Пусть свершится правосудие! — торжественно произнес всадник. — Так сказал Царь!

— Помилуй ты его — они орали бы так же! — заметил вождь соктов, повысив голос, чтобы перекрыть приветственные вопли народа. — А в мальчишке что-то есть!

— Справедливости! — сурово произнес царь и тронул плечо возникшего.

Колесница двинулась.

Но ни стражники, ни палач не приступили к делу, пока спины последних латников не скрылись за башней Городского Совета.

А тем временем человек с золотым браслетом на руке коснулся плеча законника.

— Справедливый! — негромко произнес он. — Нельзя ли немного повременить с этим? — Он указал на помост.

— Царь сказал: да свершится справедливость! — напыщенно отозвался законник.

— В отсутствие царя справедливость здесь — ты, — вкрадчиво заметил человек с браслетом. — Я — помощник Управителя Царского Гладиаторского Двора!

В глазах законника блеснуло понимание.

— Что ж, — важно сказал он. — Закон позволяет передавать преступников на Гладиаторский Двор! По воле царя! Сказано же: осужденный может быть отдан на галеры или использован иначе, чтоб смерть его послужила Карнагии!

— Остается один вопрос... — законник многозначительно взглянул на помощника Управителя. — Можешь ли ты, мой господин, выступать от имени царя?

— Не думаю, что это — вопрос, — отозвался его собеседник, коснувшись своего браслета, а потом, как бы невзначай, положив на колено законника золотую монету. — Но поторопись, справедливый! Если ему отрубят кисть — придется повесить беднягу! Калека мне ни к чему!

Замечание поспело вовремя: рука осужденного уже была прижата к почерневшей, иссеченной ударами колоде.

— Стой! Остановить! — закричал законник.

Палач опустил меч, удивленно оглянулся.

Стражники отпустили приговоренного, и он выпрямился. Лицо по-прежнему не выражало страха.

— Приведите его сюда! — приказал законник.

А когда это было сделано:

— Объявляю преступника царским рабом!

Толпа разочарованно вздохнула.

— Клеймить сейчас? — законник повернулся к помощнику Управителя.

— Да, сделай это! — кивнул тот.

— Палач! Царское клеймо!

Палач сходил к помосту и вернулся с молотком, склянкой и дощечкой шириной с ладонь, с одной стороны дощечки густо торчали иглы.

Палач приложил иглы к плечу осужденного, ударил молотком. Брызнула кровь. На худом лице юноши не дрогнул ни один мускул.

Тряпкой палач смахнул кровь, потом обмакнул доску в черную жидкость в склянке и прижал к окровавленному плечу.

Лицо приговоренного осталось неподвижным, но зрачки расширились и на узком высоком лбу выступило несколько капель пота.

Помощник Управителя удовлетворенно улыбнулся. Не зря он выложил за парнишку целый золотой!

Палач одел на запястье правой, той, что должна была быть отрублена, руки юноши стальное кольцо с цепью в два локтя длиной, запер замок, а ключ передал человеку с браслетом.

— Дать тебе стражников, господин? — спросил законник.

— Управлюсь! — сказал человек с браслетом, принимая второй конец цепи.

Законник не усомнился. Помощник Управителя был на голову выше и вдвое массивнее нового царского раба. И вооружен изрядных размеров мечом.

— Старшина, следующего! — провозгласил законник.

— Пойдем, парень! — сказал здоровяк, натягивая свой конец цепи. — Не горюй, тебе всяко лучше, чем ему!

И кивнул в сторону помоста, над которым раскачивался труп.

Юноша промолчал. Серые холодные глаза. Непроницаемое лицо, покрытое грязью и свежими ссадинами.

«То, что надо!» — еще раз похвалил себя помощник Управителя.

И они покинули площадь.

Император Карнагрии соскочил с колесницы, опершись на плечо Люга, и пешком проследовал на храмовое подворье. Жрец Ашшура, чье облачение было куда более пышным, чем одеяние царя, выступил ему навстречу. Алые, спешившись, оттеснили в стороны столпившийся у входа в храм народ. Жрец трижды поклонился: на северо-запад, запад и юго-запад. Там, в сотнях миль от Великондара, уходили в небо на десятки тысяч локтей неприступные горы

Ашшура. За ними лежала облачная страна богов. Жрец гордо выпрямился. Сейчас он от имени Великих приветствовал царя и не ему, а императору следовало склонить голову. Фаргал отвесил ритуальный поклон и, не дав жрецу разразиться речью, решительно направился в храм. Для него, Фаргала, боги делились на земных, таких, как Яго, Аш и кое-кто еще; и небесных, вроде Ашшура. Последние в дела людей практически не вмешивались, поэтому царь не считал нужным уделять им больше положенного законами Карнагрии.

Глава четвертая

Помощник Управителя Гладиаторского Двора и новый царский раб остановились у высоких бронзовых ворот, которые подпирали два стражника.

При виде человека с браслетом, один из них вяло салютовал и без спешки отодвинул засов.

В глазах новоиспеченного раба на миг вспыхнул интерес: не так часто встретишь ворота, которые запираются *снаружи*.

— Заходи! — помощник Управителя подтолкнул юношу в спину.

За воротами оказался просторный двор, вымощенный булыжником.

Пустой, если не считать раба, шаркающего метлой по камню, и мальчишки, драившего медный котел у сточной канавы.

Бронзовые ворота с хорошо смазанными петлями бесшумно сомкнулись позади. Помощник Управителя решительно зашагал к строению у дальней стены. Подойдя, он толчком распахнул окованную железом дверь и знаком приказал своему подопечному: *входи!*

Они оказались в небольшой светлой комнате с овальными окнами. Мужчина достал ключ из кармана на поясе и снял с юноши цепь.

— Меня зовут Хар-Руд! — сообщил он. — И ты можешь звать меня: Хар-Руд. Наедине. В иное время: господин Хар-Руд! Кстати, — он усмехнулся, — я до сих пор не знаю, умеешь ли ты говорить?

— Да.

— Хорошо. Может, у тебя и имя есть?

— Да, — сказал юноша гордо. — Кэр, мое имя!

— Кэр? — удивленно переспросил помощник Управителя. — А я думал, ты — эгерини?*

— Почему? — спросил юноша.

— Время твоих вопросов еще не настало! — строго произнес помощник Управителя. — Есть хочешь?

— Да. Очень!

«Нет, ему не больше пятнадцати!» — подумал Хар-Руд.

Он приоткрыл дверь, что вела внутрь дома.

— Мукэ! — рявкнул он. — Подай мне еды на двоих! И пива! Нет! Принеси-ка лучше два кувшина розового вина, того, что осталось с ночи! И не допусти Ашшур, чтоб вина стало меньше!

— Ясно, хозяин! — отозвались изнутри.

— Садись, Кэр! — помощник Управителя положил на плечо юноши ладонь и вынудил опуститься на скамью. — Это — Царский Гладиаторский Двор! Судьбу, которая тебя ожидает, многие сочли бы не завидной. Но не все!

* Эгерини — уроженец соседнего государства Эгерин. Точно так же, как фетс — уроженец Фетиса, а сок — житель Священных островов Сок. Более подробно см. приложение.

Серые глаза юноши, не мигая, смотрели на помощника Управителя. Угадать по ним, что творилось у парня внутри, было невозможно.

— Конечно, — продолжал Хар-Руд, — на Арене умирают чаще, чем на виноградниках! Но зато и к славе от нее поближе! Ты, Кэр, — добрый клинок! Я сразу понял! Болит? — он указал на вспухшее клеймо.

Кэр пренебрежительно передернул плечами.

— Знаю, что болит! — сказал Хар-Руд. — Помню! Он приподнял рукав тупики. На наружной стороне плеча помощника Управителя был вытатуирован Коронованный Лев Карнагрии.

Его молодой собеседник никак не прореагировал.

— Скажу больше, — доверительно произнес бывший гладиатор. — Сам царь Фаргал — ты видел его сегодня — когда-то сражался на Арене! Отсюда — к Кедровому Трону! Недурно, а?

И вновь лицо юноши осталось невозмутимым.

«Что за парень, — подумал Хар-Руд. — Никогда не видел подобного!»

— Царь мог бы тебя помиловать! — сказал помощник Управителя. — Но не помиловал! Поэтому я выкупил тебя! Грех, если такой, как ты, закончит путь, болтаясь на грязной веревке!

— Почему?

— Ты спрашиваешь? — воскликнул Хар-Руд.

В этот момент вошел слуга. С огромным подносом.

— Помоги ему! — приказал помощник Управителя.

И Кэр принялся переставлять на покрытый скатертью круглый стол блюда, тарелки, кувшины с вином...

— Потрапезничаем! — с чувством произнес Хар-Руд.

И слуге:

— Что лыбишься? Пошел вон!

Кэра не потребовалось приглашать дважды. И набросился на еду он с такой скоростью, что Хар-Руд расплылся в улыбке. Еще помощник Управителя заметил: юноша ест не руками, как это принято у простонародья Карнагрии, а пользуясь двумя ножами, как самериец или кушога.

Когда первый голод был утолен, Хар-Руд подлил Кэру вина и сказал:

— А теперь, парень, выкладывай, как ты угодил к законнику! С самого начала, парень!

— Наставник привез меня сюда! — сказал юноша, проглотив очередной кусок дымящегося жареного мяса и запив его вином из чаши.

— Наставник сказал: «Тот не жил, кто не видел Града Чудес!»

— Неглупая мысль!

Юноша пожал плечами:

— Говорят, был еще какой-то обет. Наставник привел меня в этот город, чтобы я исполнил его!

— Что ж за обет? — спросил Хар-Руд.

— Не знаю, — с полным безразличием ответил юноша. — Наставник сказал, что я должен быть в Великондаре в условленный день. А после, если будет угодно богам, мы вернемся домой.

— Что ж твой наставник не проследил за тобой? — спросил помощник Управителя.

— Его убили.

Сказано было так, словно речь шла о кувшине вина.

— Вот как? Похоже, тебя это не огорчает?

— Он умер достойно! — лицо юноши на миг потемнело: из-под маски выглянул человек. — Он умер сражаясь! — с ожесточением. — Чего ж еще?

— Еще, — сказал Хар-Руд, — можно победить! Ты бился вместе с ним?

— Нет! — губы Кэра сжались. — Меня не было там. Но я сражался бы, если б он мне позволил!

— То есть как — если бы позволил?

— Я еще не закончил учения. Наставник сказал: мы начнем мастерство боя, когда вернемся домой!

— Допустим, — кивнул Хар-Руд, мысленно откладывая на потом целый ворох вопросов. — А где же ты все-таки был?

— Одна девушка пригласила меня! — Кэр приложился к чаше и разом проглотил ее содержимое.

Он пил вино, как воду.

— Одна девушка... Наставник дал ей денег, а мне сказал: «Иди с ней и делай, что она велит!»

— И как? — заинтересовался Хар-Руд.

— О! — лицо юноши расплылось в улыбке. — Я бы не прочь снова найти эту девушку! Скажи, обязательно давать ей деньги, а то у меня — нет!

— Скажу тебе, парень, — в свою очередь улыбнулся Хар-Руд, — совсем не обязательно искать *ту* девушку! Покажи себя воином, и мигом найдутся другие.

«Покарай меня Ашшур, если я не прав! У него такое лицо, что девки будут раздвигать ножки, стоит ему пальцем поманить!»

— Так что же произошло с твоим наставником?

— Его убили воины в красных доспехах!

— Откуда ты знаешь?

— Мне рассказала женщина, что торговала лепешками. Она сказала: Наставник не поклонился им. Она сказала: надо было поклониться. Но мой Наставник, он никому не кланялся! Воин клана Мечей никому не кланяется!

Кэр опорожнил еще одну чашу и потянулся к кувшину.

— Их было трое, — сказал он. — Их было трое, и они бились с Наставником. И убили его, в конце

концов. Значит, — заключил он, — они были хорошие воины!

— Не сомневаюсь! — сказал Хар-Руд. — Скажи, а ты не хотел бы им... отомстить?

— Отомстить? За что? Они — хорошие воины. Наставник... Его смерть была хороша! Я и сам, да, не прочь так умереть!

— Допустим, — проговорил помощник Управителя.

За всем, что говорил этот юноша, чувствовалась серьезная школа. И Хар-Руд, чья выучка проходила на палубе пиратского корабля и в основном сводилась к пинкам и зуботычинам, ему позавидовал. Все, что знал и умел помощник Управителя, было вылущено им самим из сотен схваток и смертей, которые он видел в горах, на море и здесь, на Гладиаторском Дворе.

— Продолжай! — приказал он. — Что случилось дальше?

— Дальше? Я проголодался! И увидел место, где люди брали еду. Я пошел туда и тоже взял.

— У тебя не было денег? — догадался Хар-Руд.

— Конечно. Деньги были у Наставника. И пропали вместе с ним! Вместе с его телом! — поправился юноша. — Но неужели из-за нескольких кусочков металла я должен умирать от голода?

Хар-Руд был восхищен.

— Однако, — заметил он. — Здесь, в Великондаре, за воровство отрубают руку. Ты знал?

— Нет. Но, если бы и знал, все равно взял бы еду! Только не стал бы дожидаться, пока меня схватят!

Он поднял кувшин, потряс его: вина осталось немного.

— Человек, тот, что раздавал еду, подошел ко мне. Но я не стал с ним разговаривать! Потом при-

шел воин. Воин достал меч и сказал, что убьет меня. Хотя он мог видеть, что я еще не ношу меча!

— Здесь большинство не носит меча! — сказал Хар-Руд.

— Да, теперь я знаю. У нас без оружия ходят только женщины и пленники. И те, кто еще не обучен мастерству. Тот воин видел: у меня нет меча, и все равно заявил, что убьет меня. Я же сказал ему: я — сын вождя клана! А он оскорбил моего отца!

Кэр покачал головой.

— Разве такое достойно воина?

— Зато вполне достойно стражника! — усмехнулся Хар-Руд. — Что ты сделал потом?

— О! Он размахивал мечом прямо перед моим носом! Я отнял меч и воткнул ему в живот!

Кэр расхохотался.

— Знаешь, это было легче, чем заколоть свинью! И, схватив чашу, поднес ко рту.

Хар-Руд слышал, как громко булькает вино у него в горле.

«Насыщенный денек у парнишки! — подумал он. — Сначала он стал мужчиной, потом — убийцей. И едва не стал трупом. Вдобавок смотрел в глаза царя Карнагрии, а чуть позже заимел рабское клеймо на плечо!»

— Сколько тебе лет, Кэр? — спросил помощник Управителя.

— Говорят, мне было два, когда меня принесли в дом моего отца! — язык юноши заметно отяжелел. — И в этом году я встретил двенадцатую весну в его доме!

«Четырнадцать!» — довершил несложную операцию Хар-Руд.

То, что паренек оказался в доме отца только в два года, его не удивило. У дикарей, варваров, да и в самих Четырех Империях тысячи обычаев!

— Ты так и не сказал, как называют твою страну? — произнес Хар-Руд.

— Самери! — юноша выплеснул последние капли из кувшина и отправил себе в рот. — Какое хорошее у тебя вино, Хар-Руд! Дома я пил только пиво! Ох, устал! Ты не против, если я немного посплю?

И, не дожидаясь ответа, уронил голову на стол.

— Ты напился, малыш! — пробормотал помощник Управителя. — Жаль! Но иначе ты не выложил бы и десятой доли того, что наболтал! И сожри меня оборотень Аша, если ты, малыш, похож на самерийца!

С этими словами он перенес уснувшего Кэра в спальню, на собственную кровать.

— Надеюсь, ты не сочтешь мою постель слишком жесткой, сын вождя? — сказал он.

Задержнув балдахин, помощник Управителя вернулся обратно и, попивая вино, размышлял о превратностях судьбы.

Глава пятая

Прихрамывая, Фаргал, император Карнагрии, пересек Зал Приемов и, через услужливо распахнутую дверь, прошел в следующую комнату и опустился в красное, обитое бархатом кресло.

Один из придворных немедленно бросился снимать с царя сандалии, а второй поспешил за теплой водой.

Люг, который вошел следом, остановился рядом с царем. Ему немедленно пододвинули кресло.

— Одиннадцатый день нет дождя! — проворчал Фаргал, поворачиваясь к Люгу. — А этот старый попугай молит Ашшура о ясной погоде!

— Ты же знаешь, о царь, — так положено! — отозвался вождь соктов. — Да и какая разница? Последний раз Верховный бог проявил себя восемьсот лет назад!

— Засуха подорвет нашу торговлю! — сказал царь.

Придворный опустил разутые ноги Фаргала в ароматную воду, и вертикальная морщина на лбу царя разгладилась.

— Ты всегда можешь поправить дела, взяв в руки меч! — пошутил сокт.

— Как бы не так! — покачал головой Фаргал, но глаза его блеснули.

Война была неуголенной страстью нынешнего императора Карнагрии. Но слово «Справедливость», которое царь начертал на собственном гербе, помогало ему бороться с искушением прогуляться по землям соседей.

Царь задумчиво играл алмазным кулоном, оправой которого служила золотая вязь букв императорского титула.

— Никак не выходит из головы тот... преступник, — проговорил он. — Которого должны были повесить!

— Я помню о нем, мой царь! — кивнул Люг.

— Он, — продолжал царь, — показался мне... знакомым.

— Мне — тоже, мой царь! — отозвался сокт. — Эй, ты! Поддай-ка зеркало!

— Взгляни! — он протянул царю полированный серебряный диск.

Фаргал увидел в нем собственное лицо, жесткое лицо правителя-воина, над которым немало потрудились гримеры.

— Это — ответ! — сказал вождь соктов. — На то, почему лицо мальчишки-висельника показалось тебе знакомым!

— Великий Ашшур! — пробормотал Фаргал. —
А ты прав!

Люг усмехнулся:

— Нет ли у тебя сына, мой царь? Верней, не
было ли у тебя сына?

Лица придворных окаменели. Вопрос был воль-
ным даже для лучшего друга Царя царей. Ведь у
Фаргала до сих пор не было наследника!

Но им, придворным царя Карнагрии, положено
быть глухими и слепыми. Чтоб не лишиться глаз
и ушей.

— Так что же, мой царь?

Губы Фаргала сжались в бесцветную нить. Но...

Кулак царя врезался в плечо сокта с силой, до-
статочной, чтобы сбить с ног менее крепкого муж-
чину.

— Ты прав, старина! — воскликнул император
и рассмеялся. — Будь у меня сын, он не был бы
городским воришкой, убившим нерадивого стражни-
ка. Будь у меня сын...

— ...он грабил бы целые государства! — подхва-
тил Люг. — А уж убивал не сотнями, а тысячами,
мой царь! Как ты!

— Точно! — Фаргал хлопнул себя по колену
больной ноги и поморщился: — Тысяча демонов!
Где этот бездельник лекарь?

— Здесь, мой государь.

Царский врач, ожидавший, когда его призовут,
поспешно опустился на колени у ног царя, откинул
край одеяния Фаргала и принялся разматывать
бинты.

— Я не жалею о том, что преступник пове-
шен! — заявил Фаргал. — Справедливость превы-
ше всего!

И погрузился в молчание.

Лекарь копался в ране, что-то негромко бормоча.

Люг внимательно посмотрел на царя. И нарушил его раздумье.

— Знаешь, — проговорил он, — я тоже не могу забыть того мальчишку! Может, тебе поговорить с твоими магами? Или — с астрологом?

— Если тебя беспокоит, не мой ли это сын, то — нет! — отрезал Фаргал. — Мои маги единодушно утверждают, что детей у меня нет!

— Маги? — пробормотал Люг скептически. — Нам ли не знать, как они иногда ошибаются?

— Есть более надежное свидетельство! — сказал царь.

— Чье же?

— Мое!

— А все-таки с мальчишкой не так просто! — сказал сокт. — Клянусь Ашшуром, здесь замешана Судьба!

— С каких пор ты стал верить в Судьбу, Люг Смертный Бой? — бровь царя поползла вверх.

Сокт не ответил.

Император Карнагрии поднялся. Лекарь, еще не закончивший перевязку, попытался протестовать, но Фаргал не обратил на него внимания. Он шагнул к сидящему сокту, возвышаясь над ним, широкий, могучий, как крепостная башня. Ласково потрепал по плечу.

— Пока я — Владыка Карнагрии, — произнес он с нежностью. — Я — твоя Судьба, Люг Смертный Бой!

— Да, мой царь, — проговорил сокт, не поднимая головы. Лицо Люга оставалось нахмуренным.

Когда процессия возвращалась из храма во Дворец, две из пяти виселиц Судной площади были в деле. Но среди повешенных (у Люга было превосходное зрение) не было парнишки, о котором шла речь.

Фаргал, прихрамывая, вернулся на свое место и позволил лекарю закончить дело. А потом еще с четверть часа просидел молча, погруженный в собственные мысли.

Царю недавно исполнилось сорок восемь лет, но выглядел он тридцатилетним. И был так же силен, как в день, когда впервые сел на Кедровый Трон. Вот уже три года ни внешние, ни внутренние враги не осмеливались тревожить Фаргала. Воины его были лучшими в Империях, флот не уступал флоту соктов, а дружба последних делала Императора Карнагрии еще сильнее. Прислужники Змеебога, едва не погубившие Фаргала в первый год царствования и не раз угрожавшие его жизни в последующие десять лет, более не объявлялись в пределах Империи. Не было и серьезных мятежей. И это — в государстве, где бунт — фамильная черта почти всех благородных Владык. Время шло, и даже тысячелетний свод законов и традиций Карнагрии обрел, наконец, некое равновесие с деятельной натурой Фаргала. Царь больше не сокрушал устои, а народ, в свою очередь, прощал царю некоторые отступления от Древности.

Видимый порядок воцарился в Империи, и беззаконию приходилось ютиться в грязи и тьме, не смея выйти не только на улицы Верхнего города, но и на площади Нижнего. Фаргал любил свою страну и обращался с ней, как сильный мужчина обращается со своенравной женой.

Рана, полученная несколько дней назад на охоте, была его единственной раной за последние четыре года. И тревожно было царю, не доверявшему тишине. Грохот битвы устраивал Фаргала куда больше.

Два десятка слуг и придворных сдерживали дыхание, чтобы не потревожить высоких мыслей Императора. Только Люг, знаком подозвав к себе церемониймейстера, шепнул тому на ухо:

— Вели подавать обед в Большом Посольском Зале. И оповести приглашенных, чтоб были через час.

— Старший Советник Саконнин..... уже распорядился! — так же тихо ответил церемониймейстер.

— А-а...

И вождь соктов, поглаживая священный браслет с символом летящего сокола, украшавший его правую руку, принялся терпеливо ждать, пока Фаргал очнется от царственных дум.

Глава шестая

Кэр, проснувшись, не сразу понял, где находится.

Над собой он увидел цветную ткань полога, под головой обнаружил подушку, набитую пухом. Сын вождя клана Мечей спит на подушке!

Кэр повернулся, и боль обожгла руку. На правом плече воспаленным узором отпечатался Коронованный Лев Карнагрии.

Сон окончательно ушел, и в памяти Кэра возник вчерашний день. В мельчайших подробностях.

Юноша подавил волнение, успокоил сердце и, как его учили, шаг за шагом пересек прошлое. Он вел себя, как подобает. Если не считать последнего часа.

— Я вижу, ты проснулся! — раздался знакомый бас.

Юноша открыл глаза и холодно посмотрел на гладко выбритое лицо с синими глазами, расплюснутым носом и широким выступом подбородка.

Хар-Руд! Хозяин!

Усилием воли Кэр удержался от презрительной улыбки.

Хозяин!

Что может сделать свободного — рабом? Путь Смерти всегда открыт. Но нет, Кэр не будет торопить Освободительницу!

Хар-Руд отодвинулся, и юноша прыгнул на пол. Паркет под босыми ногами был неожиданно теплым.

Хозяин смотрел на него взглядом, каким сам юноша, дома, смотрел на любимого пса.

— Нужду справишь во дворе. И умоешься. Увидишь — где! — сказал помощник Управителя. — Да поторопись: нам есть чем заняться.

Кэр ничего не сказал. Он вышел наружу и огляделся.

Мощный двор, окруженный с трех сторон дворцовыми постройками. С четвертой — каменная стена в два человеческих роста высотой. В стене — ворота, через которые Кэра вчера ввели на Гладиаторский Двор. За ними — город.

Три здания смыкались углами, два — прорезаны арками. Но мало вероятно, что это был путь к свободе.

Во дворе Кэр увидел около десятка мужчин. Воины, судя по внешности. У каждого на руке — царское клеймо, а кожа буквально испещрена шрамами.

Нужник представлял собой широкую доску с дырками, переброшенную через канаву с бегущей водой. Десятью шагами выше канал расширялся, образуя что-то вроде маленького бассейна. Кэр помочился, сошел с доски и, подойдя к расширению, зачерпнул ладонью воду. Понюхал. Потом, скинув одежду, прыгнул в канаву. Было мелко, по пояс. А вода жгла холодом, словно в горном ручье. Кэр с наслаждением окунулся с головой.

— Эй, парень! Здесь не купальня для поросят! — раздалось сверху.

Кэр, не спеша, окунулся еще пару раз и выбрался на берег. Поднял хитон.

— Ты слышал, что я сказал, сопляк?

Мужчина ростом чуть повыше Кэра, коротконогий и короткорукий, смуглый, в упор глядел на юношу. Глаза у коротышки были — густой синева.

Кэр равнодушно посмотрел на мужчину и принялся растираться хитомом.

— Глухой, да? — короткие волосатые пальцы схватили его за плечо. Там, где багровело клеймо.

Кэр резким ударом сбросил руку...

И оказался на камнях. Голова его шла кругом, подбородок онемел.

Коротышка стоял над ним, наклонясь, расставив мускулистые ноги.

— Будь вежливым, щенок! — проговорил он. — Будь вежливым — и тебе сразу станет легче!

Голова Кэра перестала кружиться, и юноша приподнялся на локте. Коротконогий глядел на него сверху немигающими глазами. Как сова.

Кэр оперся на руку и пнул коротышку в пах.

Тот хекнул и согнулся пополам. Кэр вскочил на ноги.

Но, пока он размышлял, стоит ли ударить еще раз, синеглазый разогнулся... и юноша снова оказался на камнях. Носок деревянной сандалиии врезался ему в ребро.

— Устул! — по-бычьи заревел Хар-Руд с противоположного конца двора.

Коротышка с наслаждением пнул еще раз и отступил назад.

Вокруг собрались обитатели Гладиаторского Двора. Но никто не предложил Кэру руку, чтобы помочь встать.

Сын вождя поднялся и с трудом распрямился.

Хар-Руд бесцеремонно растолкал всех и оказался рядом с Кэром. Даже среди этих здоровенных парней помощник Управителя казался огромным.

— Этот парень — гордец! — прорычал он. — Но он прикончил стражника его же мечом! И смотрел в глаза Фаргала так же спокойно, как на топор палача!

— Красиво сказано! — сказал кто-то насмешливо.

— Можно попроще! — заявил Хар-Руд. — Если кто тронет парня до тех пор, пока я не скажу: можно! — пожалеет о том, что родился! Ясно, мясники? А ты, — он повернулся к Кэру. — Имей в виду: среди Потерявших Жизнь, ты — последний!

Кэр молчал.

— Я же сказал, гордец! — с удовольствием произнес Хар-Руд.

— Арена гордых не любит! — сказал кто-то. — А если какой-то вшивый...

— Так, Кушога! — холодно оборвал его помощник Управителя. — На Играх будешь стоять против своего дружка Боса!

— Несправедливо! — проворчал высокий длиннорукий гладиатор. — Это несправедливо, Хар-Руд!

— Ты, Бос, помалкивай! — отрезал помощник Управителя.

Но чувствовалось, что к высокому он относится не так, как к остальным.

— А ты, Кушога, за справедливостью можешь обращаться прямо к царю!

Раздался хохот.

— Пошли, Кэр! — помощник Управителя обнял юношу за плечи. Да так, что вырываться было бесполезно.

Кэр и не пытался. Похоже, Хар-Руд — вождь. А сыну вождя не зазорно подчиняться вождю. Или наставнику.

— Я голоден! — заявил он, едва переступил порог дома помощника Управителя.

— Потерпишь! — отрезал Хар-Руд. — Хочу посмотреть, на что ты способен с пустым брюхом!

Кэр не стал спорить. Обходиться без еды три-четыре дня в клане Мечей умеют пятилетние мальчишки.

Хитон Кэр все еще держал в руках. Он хотел одеться, но Хар-Руд не дал.

— Стань-ка прямо! — приказал он. — А теперь открой рот! Хм! Зубы у тебя, как у гиены!

Согнутым пальцем помощник Управителя постукал юношу по груди, потом несильно ткнул в живот, промышчал что-то одобрителное.

— Повернись! Эй, что это у тебя на спине?

Кожа между лопаток юноши была испещрена крохотными шрамами.

— Испытание, — ответил Кэр.

— Продолжай! — сердито приказал Хар-Руд. — Что же, каждое слово из тебя клещами вытягивать?

— Красные муравьи! — сказал юноша. — Их привязывают к решетке из тростника, по одному — каждой крестовине, конским волосом. А решетку — к спине.

— Жгучие красные муравьи? — переспросил Хар-Руд. — Это их следы?

— Ну да! — подтвердил Кэр. — Ты знаешь, что это за насекомые?

— Знаю! — Хар-Руд покачал головой. — Эта дрянь водится даже у меня на родине, в Эгерине!

— Ты — эгерини?

— Да! — не без гордости ответил помощник Управителя. — Как царь Фаргал! И я, признаться, думал — ты тоже из наших!

— Я? Почему? — удивился юноша.

— Похож. Хотя, конечно, такие светлые волосы, как у тебя, для урожденного эгерини — редкость.

— Оденься! Нет, хитон оставь, только повязку! И, погоди!

Он вынул коробочку с желтой мазью и наложил ее на воспаленное клеймо.

— Конечно, в сравнении со жгучими муравьями — это ничто, — заметил он. — Кстати, Устул тебе ничего не испортил?

— Да нет, — юноша потер бок. — Он ловко дерется!

— Подлая тварь! — заметил Хар-Руд.

Без осуждения. Как факт.

Они вышли наружу. Через одну из арок вошли в тоннель шагов сорока длиной. Пройдя его, снова оказались на солнце.

Перед Кэром лежал прямоугольный двор, не замощенный, а поросший густой травяной щеткой. Длинною двор достигал сотни локтей, а шириной — вполовину меньше. Десятка два мужчин упражнялись здесь в боевом искусстве. Некоторых Кэр уже видел утром: беловолосого Кушого, длиннорукого Боса, наблюдавшего за поединком двух воинов в десяти шагах от сына вождя. В руках Бос держал длинный бамбуковый шест, которым он время от времени поправлял сражавшихся. Воины орудовали деревянными мечами, а голову, туловище и грудь поединщиков защищали кожаные доспехи. Но били они в полную силу, и голые руки и ноги бойцов сплошь покрывали ссадины и кровоподтеки.

За первым двором, через проем между двумя врытыми в землю каменными столбами, виднелся второй, такой же. За вторым — третий.

У Кэра загорелись глаза, когда он увидел воинов, орудующих мечами и копьями, отрабатывающих силу и быстроту с помощью хитроумных механизмов. Ему вспомнилась уединенная долина в горах, где оттачивали мастерство воины клана Мечей. Кэр

лишь дважды удостоился чести побывать там. И только как зритель.

— Хватит паялиться!

Хар-Руд подтолкнул юношу к вертикальному столбу, основание которого было опущено в яму с черной жидкостью. Поперек столба были укреплены две жерди: одна — на высоте подбородка, вторая — на уровне колен.

Верхушку столба украшало небольшое колесо, через которое проходил длинный ремень, тянувшийся к еще одному столбу. Второй столб был без жердей, зато с деревянным устройством из нескольких колес — сбоку.

Мускулистый потный мужчина крутил рукоять, заставляя столб вращаться. Это вращение, через ремень, передавалось столбу с жердями, а тот, в свою очередь, приводил в движение двух парней, вынуждая их то пригибаться, то подпрыгивать, чтобы избежать удара жердей.

Мальчик лет шести время от времени поливал водой вращавшиеся колеса.

Хар-Руд дал знак одному из парней отойти, что тот сделал с явным облегчением.

— Давай-ка на его место! — приказал помощник Управителя Кэру.

«Так кто он — вождь или наставник?» — подумал юноша.

Выждав момент, Кэр шагнул к столбу.

Уклоняться от жердей было нетрудно. Простой ритм — простые движения.

Хар-Руд подошел к рабу, вращавшему механизм и, оттолкнув его в сторону, сам взялся за рукоять.

Скрип трущегося дерева стал на тон выше. Раздался сухой удар, вскрик. Парень, прыгавший вместе с Кэром, откатился в сторону, держась за ушибленную ногу.

Помощник Управителя раскручивал рукоять. Жерди с шипением рассекали воздух.

Кэр подпрыгивал, сжимаясь в воздухе в комок, чтобы верхняя жердь не разбила ему голову. На такой скорости даже гладкое дерево могло расколоть череп. Подпрыгивал, распрямлялся, ударяя ногами в землю, снова подскакивал. Голова — к коленям. Три удара сердца — прыжок. Три удара — прыжок.

Даже могучий Хар-Руд не мог раскручивать столб еще быстрее. Трущееся дерево пронзительно скрипело. Три удара — прыжок. Три удара — прыжок.

Кэр понял: надолго его не хватит. Но тут помощник Управителя придержал рукоять. Столб остановился. Остановился и Кэр, тяжело дыша.

Человек десять, привлеченных звуком вращавшегося с бешеной скоростью столба, столпились вокруг. Кто-то одобрительно свистнул.

— Крепко! — сказал тот, кого звали Кушога.

— Ну-ка, дайте пройти! — велел помощник Управителя. — Кэр! Ты не уснул? В сторону, ребята! В сторону!

Они пересекли двор и оказались у механизма, похожего на первый. С той разницей, что вместо жердей к столбу были прикреплены блестящие стальные лезвия.

Устройство бездействовало. Но, когда Кэр и Хар-Руд подошли к нему, человек двадцать воинов и учеников, заинтересованные, приблизились и остановились поодаль, наблюдая.

— Проверим, на что ты способен! — проворчал помощник Управителя. Он подтолкнул Кэра к столбу и взялся за рукоять.

— Эй! Дай ему отдышаться! — крикнул Кушога.

— Заткнись! К бою, парень!

И отточенная полоса металла двинулась к лицу юноши.

Кэр наклонился, подпрыгнул — и вторая полоса прошла в пяди от подошв его сандалий.

Ось раскручивалась, но далеко не так быстро, как на первом снаряде. Кэр никак не мог взять в толк, к чему это новое испытание..

— Он проворен, как сам Фаргал! — заметил Бос, останавливаясь рядом с пыхтящим Хар-Рудом. — И, клянусь Ашшуром, ему все равно: палка или меч!

— В самую точку! — отозвался помощник Управителя.

— Ставлю большой серебряный, что парень продержится полсотни кругов!

— Для меня он готов! — сказал Бос.

— Так считаешь? — Хар-Руд отпустил рукоять, тяжело дыша.

— Пергаменты и счета тебя доконают! — заметил Бос.

— Надеешься меня пережить? — усмехнулся Хар-Руд. — Эй, Кэр! Иди сюда!

Когда юноша подошел, помощник Управителя присел на корточки и потрогал его колени.

— Передохни пару минут! — сказал он.

— Я не устал!

— Да? Если я сказал: передохни, значит — отдыхай! — рявкнул помощник Управителя.

— Да, наставник! — вырвалось у Кэра.

— Что? Обращайся ко мне: господин Хар-Руд! — сердито сказал эгерини. — Отдыхай!

— Да, господин Хар-Руд.

Юноша сел на землю, вытянул ноги и опустил голову на колени.

Брови помощника Управителя поползли вверх.

— Бос, — приказал он. — Возьми пару деревянных мечей, сам подберешь, какие надо, и приступай. Да смотри поаккуратнее, — добавил он, понизив

голос, — не испорти парнишку, из него выйдет изрядный боец!

— Не слепой, вижу, — буркнул высокий гладиатор. — Что это он делает?

— По-видимому, отдыхает.

— Да ну? — восхитился Бос.

— Кэр!

— Да, господин Хар-Руд?

Юноша вмиг оказался на ногах.

— Этот человек, — помощник Управителя хлопал Боса по загорелому плечу, — займется тобой. И не смей ему перечить!

— А почему он, а не ты?

Бос расхохотался, а Хар-Руд нахмурился.

— С ним трудно, — сказал он. — Но дело того стоит.

Сказано было на диалекте эгерини.

Высокий гладиатор внимательно оглядел Кэра, а тот, в свою очередь, нового наставника.

Оба остались довольны.

— Пошли, бродяга! — длинная жилистая рука несильно хлопнула Кэра по затылку. — Если я для тебя плох, боюсь, тебе долго не сыскать учителя!

Глава седьмая

Царская лодка неторопливо двигалась вверх по Великону. Попутный ветер наполнял квадратный парус, на котором — золотом на красном — был выткан Коронованный Лев Карнагрии. Тень паруса косо пересекала верхнюю палубу, где в одной лишь набедренной повязке возлежал на шелковых подушках Царь царей Фаргал. Император Карнагрии бездумно смотрел, как поднимаются и опускаются два

ряда длинных весел в зеленую воду реки. Ветер, особенно сладостный в жаркий полдень, оведал медно-загорелую кожу царя точно так же, как и худые потные спины гребцов на нижней палубе.

Фаргал возвращался в столицу из Великонкада, города-порта, расположенного в устье Великона восьмьюдесятью милями ниже столицы Карнагрии. Причиной же посещения царем своего крупнейшего порта, помимо желания немного попутешествовать, стало возвращение в Карнагрию Кен-Гизара, посла Священных островов Сок.

И вот он, Кен-Гизар, возлежит здесь, рядом с царем, большой, тучный, темнокожий, бросает в рот желтые крупные виноградины и певучим завораживающим голосом высокорожденного сока повествует о том, что произошло в Империях за прошедшие полгода. Новости, собранные мореплавателями Священных островов, всегда самые свежие.

— ...кансу опять сожгли три южные области Фетиса. Не помогла даже новая линия крепостей, возведенная за прошедшие пять лет. Астрологи заранее предупредили императора о набеге, армия Фетиса два месяца держала границы, а все-таки кочевники ухитрились просочиться через заставы и, больше того, беспрепятственно ушли в свои степи со всей захваченной добычей!

Фаргал засмеялся.

— Коннице Хаттуса никогда не изловить верблюджатинов, с добычей или без! — сказал царь. — Они слишком ленивы и больше надеются на стены, чем на остроту копий. Кончится тем, что Хаттусу придется огородить стеной всю южную границу.

— Ты угадал, о царь!

Кен-Гизар взял новую кисть винограда.

— Именно это Хаттус собирается сделать. Только хватит ли у него средств?

— Хаттус — дурак! — пренебрежительно бросил царь Карнагрии. — Я приручил бы кансу меньше чем за год!

— Каким образом, царь?

Посланник соков с любопытством поглядел на Фаргала.

— Мой старший маг, Мескес, — фетс, — сказал царь. — Он говорит: в южных степях раз в три-четыре года пустыня делает шаг вперед. Засуха. И кансу нечем кормить свой стада и своих детей. Голод гонит их на север. А на севере — жирный ленивый сосед. Ашшур! Пусть Хаттус построит стену в сто локтей высотой — верблюжатники найдут в ней лазейку!

— Так что бы все-таки сделал ты, о царь? — напомнил Кен-Гизар.

— У кансу — добрая дюжина кланов! — произнес Фаргал. — И они — как эти! — царь показал на отмель, где грелись на солнце несколько черных великонских крокодилов. — Собираются вместе только, чтобы урвать кусок гнилого мяса. Да и то: чуть что — готовы загрызть соседа! Я купил бы верность нескольких племен, послав им столько подарков, сколько им никогда не увезти на своих верблюдах. И столько еды, что хватило бы на три года засухи. А взамен попросил приструнить соседей. Клянусь Ашшуром, через год я взял бы за глотку и тех и других!

— Дань варварам? — поморщился Кен-Гизар.

— Мой дед Тарто говорил: у мертвеца нет гордости. И еще он говорил: не задирай нос перед волком — он бьет снизу!

— Из твоего деда вышел бы неплохой правитель!

— Он и был правителем! Труппа ходила у него по струнке! И за все время, что я провел с ними, ни один не умер насильственной смертью! Иной раз не худо царям поучиться у старшины цирковых!

Кен-Гизар скрыл улыбку, наклонившись над блюдом с фруктами. Именно он подставил плечо, чтобы посадить Фаргала на Кедровый Трон. И он же обучил царя премудростям власти. Неплохо обучил, если царь теперь может цитировать своего деда, не боясь, что Дивный Город переменял хозяина, пока прежний — в отлучке.

Правда, Фаргал во всех отношениях был талантливым учеником.

Кен-Гизар окинул взглядом мощную фигуру царя, потом поглядел на собственный живот.

«Лет сорок назад я был сложен немногим хуже! — подумал он. — Но и сейчас мои женщины не променяют толстого Кен-Гизара на молодого атлета!» — утешил сокт сам себя и довольно усмехнулся.

— Цены на фетский шелк опять поднимутся! — заметил он.

— А я подниму цену на зерно! — заявил Фаргал. — И на медь!

— Кстати, о царь! О меди: старейшины Священных островов готовы обменять ее на наше олово в пропорции, предложенной твоим Советом!

— Меняйте! — разрешил царь. — Я одобряю все, о чем ты договоришься с моим Старшим Советником!

— Ты так доверишься Саконнину? — улыбнулся сокт.

— Я доверяю вам обоим! Какие еще новости?

— Император Самери Гергобар казнил шестерых Владык по обвинению в мятеже и сговоре с айпегами. Двое заговорщиков успели уйти в Эгерин и скрыться в горах Ашшура. Остальных раздавили наемники из горных кланов.

— Когда-нибудь они раздавят и самого Гергобара, эти последыши Аша! — проворчал Фаргал.

— Не думаю, — покачал головой сокт. — Горцы разобщены! Кстати, пока Гергобар разбирался с мятежниками, корабли кушога поднялись вверх по Ашу едва ли не до самого Кандиура. А островитяне Табе, с которыми, если ты помнишь, у императора заключен мир, разграбили восемь поселков на побережье и увезли несколько сотен рабов. Гергобар обратился к старейшинам Священных островов за помощью: ему нужно двенадцать больших кораблей.

— Пойдет мстить кушога?

— Нет, табе!

— Он может до смерти гоняться за табетскими тримаранами! — сказал Фаргал. — Шесть сотен островов!

— Я думаю, он удовольствуется десятой частью, — заметил сокт. — И не станет разбираться, кто именно совершил набег. Мы дадим ему хорошие корабли! И моряков, которые знают, какие именно из островов архипелага стоит выпотрошить! Третья часть добычи отойдет к нам!

— А я-то думаю, с чего это вы так благосклонны к Самери! — засмеялся Фаргал.

— Такова воля Великого Яго! — торжественно произнес сокт и погладил жреческий браслет с изображением атакующего сокола, украшавший его запястье.

Император Карнагрии, немного обеспокоенный тем, что сокты вдруг прониклись бедами Самери, отринул тревожные мысли. Там, где ссылались на волю Яго, не могло быть ущерба ему, Фаргалу. Разве он не изгнал из пределов Карнагрии прислужников Змеебога, исконного врага Великого Яго?

Но спроси царь об этом Кен-Гизара, тот объяснил бы ему: Мудрый Аш и Великий Яго — не чета

древним богиням Ирзай и Таймат, что, как гласит предание, могут существовать на земле только по-разному. Мудрость Аша проникает в будущее, а величие Яго — в настоящее. Но, увы, жрецы Змеебога не желают понимать очевидного и отдать власть над настоящим последователям Яго. Вот почему все жрецы Аша, будь то люди, маги или оборотни, подлежат уничтожению.

Правда, пожелай царь узнать мнение самих жрецов Аша — услышал бы прямо противоположное. Но Фаргал общался с последователями Змеебога только мечом. И потому не знал, что даже его собственное имя, Фаргал, — всего лишь одно из имен Мудрого Аша.

— Все ли благополучно в твоей Империи, о царь? — осведомился посланник соктов.

— Моя лошадь споткнулась на охоте! Айпегская кобыла, которую я купил в прошлом году! И, о Ашшур, это самое важное событие, если не считать Игр, которые начнутся через три дня!

Упомянув об Играх, царь скривился от отвращения.

— Кобыла в порядке? — поинтересовался Кен-Гизар.

— Здоровехонька! А вот я проткнул себе бедро обломком копыя!

Фаргал похлопал по розовому шраму на своей ноге.

Мимо проплыла баржа, доверху нагруженная зерном. Кормчий, забыв о рулевом весле, глазел на царский корабль.

— А что Андасан, о царь? — спросил сокт.

Фаргал поморщился: Андасан был колючкой у него в сандалиии. Бывший тысяцкий Черных, пешего войска Карнагрии, Андасан четыре года назад подержал союз южных Владык, вознамерившихся

свергнуть Фаргала и посадить на трон брата прежнего императора Йорганкеша.

Фаргал уничтожил всех. Кроме Андасана, успешного удрать в Фетис через горы Яго. Император Хаттус, не желавший портить отношения с могущественным соседом, схватил беглого мятежника и морем отправил в Карнагрию. Но Андасан подкупил моряков, высадился на севере Империи Фаргала и поднял против царя две прилегающие к Карну области. Фаргал потратил полгода, чтобы восстановить порядок... но Андасан опять ухитрился улизнуть. На этот раз — в Эгерин, где пытался снискать расположение императора Хар-Азгаура. Тщетно. Хар-Азгаур боялся Фаргала еще больше, чем Хаттус: ведь перебраться на противоположный берег Карна куда проще, чем перевалить через горы Яго. Андасан на сей раз оказался достаточно осторожен, чтобы не дать себя схватить. Поддержки он, разумеется, не получил и теперь разбойничал где-то на юге Эгерина. Это было куда безопасней, чем грабить вельмож Карнагрии. В Эгерине большинство Владык рассматривало землю соседа как потенциальную добычу, а самого соседа — как кровного врага. Сговариваясь то с одним, то с другим, Андасан сколотил собственное войско, нахapaл эгеринского золота и вполне мог доставить Фаргалу неприятности. Царь же Эгерина, хоть и слал южному соседу регулярные жалобы на бесчинства мятежного тысяцкого, но от военной помощи отказывался. Карнагрийскому льву дай только поставить лапу на левый берег Карна!

— Андасана видели в эгеринских предгорьях Ашшурова хребта, — ответил Фаргал. — Когда-нибудь он переберется на мою землю, и я сверну ему шею!

Царь хлопнул ладонью по ковру, на котором был выткан один из его предшественников-императоров. Восседаая на троне с двумя чашами в руках, импе-

ратор утвердил одну ногу на отрезанной голове менее удачливого соседа, а вторую — на золотой короне, ранее украшавшей эту голову. Две обнаженные девушки ласкали колени царя. Надо полагать, дочери покойного.

Царская лодка подошла к пригородам Великондара. Заросли тростника здесь были реже, чем ниже по течению. Глина и тростник — основной строительный материал тех, кто победней. Кроме того, из сердцевины белых стеблей делали лучшую в Четырех Империях бумагу.

Белая цапля опустилась на палубу царской лодки. Ее не тронули. Цапля считалась приносящей удачу. Или сулящей скорую встречу с потерянным родственником.

Охранники Фаргала поднялись и взяли наизготовку луки. Не в ожидании реальной опасности, а дабы все видели: Царская стража — начеку.

Впереди показалась городская стена.

Фаргал, царь Карнагрии, считал себя эгерини. Хотя одному Ашшуру было известно, кто он на самом деле и кому обязан появлением на свет.

Лет четырех от роду маленького бродяжку подобрал странствующий цирк. Так удача в первый раз улыбнулась Фаргалу. За ночь до этого умер от внезапной болезни маленький внук старшины цирковых и труппа осталась без актера. Завидев на обочине ребенка того же пола и возраста, как умерший внук, старшина принял его как дар Ашшура. Тем более что малыш, одетый в сущие лохмотья, был на удивление крепок и упитан. И не помнил ничего, кроме своего имени: Фаргал. Никогда не слышал старшина Тарто подобного имени в Эгерине. Но разве чудное имя более удивительно, чем четырехлетний нищий

с аккуратно подстриженными ногтями на руках и ногах?

Возблагодарив Ашшура, старшина принял мальчика, как внука, возвратившегося из Царства Мертвых.

Найденыш пришелся ко двору. Настоящий талант. Тарто окончательно уверился: рука Ашшура.

Мальчик рос как бамбук: к семи годам сходил за десятилетнего. А к восьми запросто крутил двойное сальто и вгонял одним броском пару кинжалов в глаза нарисованного кушого. Теперь на каждом представлении Тарто рассказывал историю найденыша, и находились простаки, что верили: мальчик — посланец самого Ашшура. Так силен и красив был маленький Фаргал — засмотришься и уронишь в кружку серебро вместо меди. Не раз уже подкатывались к Тарто с предложением купить найденыша. Не раз разочарованные отказом сулили взять силой. Но только однажды отвергнутый купец подослал воров. Зря. С десятком цирковых не совладает и разбойничья шайка. Четыре трупа привез на судейский двор Тарто, но справедливости не нашел: купец платил золотом. Хоть двое оставшихся в живых воров прямо указывали на него — откупился. Мягки законы Эгерина к богатым. Пусть радуется циркач, что в тюрьму не угодил. Трупы-то — нападавших.

В пятнадцать лет Фаргал выглядел, как мужчина. А в семнадцать покинул труппу и, удивив цирковых, нанялся в стражу храма Таймат, богини, издревле почитаемой в Эгерине. Однако ж сам Фаргал знал, почему он так поступил. А о том, что было с ним в святилище Таймат, не рассказывал никому. Впрочем, все знали: очень быстро был возвышен неофит от стражника до старшего жреца. И тогда (неслыханное дело!) покинул храм по знамению самой богини. И направился в Карнагрию.

Был разбойником, гладиатором, наемником, военачальником, и наконец благосклонная Судьба вместо смерти подарила ему Кедровый Трон Императора Карнагрии.

Глава восьмая

— Твоя опочивальня! — усмехнулся Хар-Руд и распахнул дверь.

Разочарование Кэра было столь явным, что помощник Управителя похлопал его по плечу.

— Ты думал, и дальше будешь спать на моей собственной постели? Ошибаешься! Если я и буду делить ее с кем-то, так с существом понежней тебя!

Сборщик тростника счел бы комнату роскошной. Но Кэру из клана Мечей она показалась тюрьмой. Узкая: два шага в ширину, шесть — в длину. Окно — горизонтальная щель в две ладони шириной, под самым потолком. Низкая лежанка с засаленным тюфяком и табурет — вся обстановка. Если не считать вмурованного в стену кольца с железной цепью.

— Да, — кивнул Хар-Руд, перехватив взгляд юноши. — Это сделано для таких, как ты! Но не беспокойся! С тех пор как Фаргал стал царем, а Гронир — Управителем Гладиаторского Двора, здесь редко пользуются этими штуками. А вот когда здесь, в этой комнатенке, обитал сам Фаргал, цепь не оставалась без дела. Однако ж получше, чем грязная яма на городской площади, куда сплавляют менее удачливых нарушителей закона!

— Фаргал жил здесь? — глаза Кэра обежали серые шершавые стены, испещренные надписями на разных языках и похабными рисунками. Причем

рисунков было куда больше, чем надписей. По понятным причинам.

— Кстати, ты умеешь писать?

Юноша покачал головой.

— Плохо. Но — научишься. А пока имей в виду: если здесь появится еще одна женская задница, твоя задница пострадает!

Кэр рассмеялся.

— Рисовать я тоже не умею! — сказал он. — Так что же о Фаргале, наставник?

— Он жил в этой самой каморке, малыш! — отвечал Хар-Руд. — Я приказал Ордашу перебраться в соседнюю, а эту освободить для тебя!

— Зачем?

— Мне кажется, — помощник Управителя пронзил юношу взглядом. — Тебя она воодушевит! И перестань напрашиваться на неприятности, парень!

— Я изучаю ваши правила! — попытался оправдаться Кэр.

Он уже сообразил, что Хар-Руд желает ему добра.

— Вот и хорошо!

Помощник Управителя повернулся, причем его широченная спина перекрыла комнатуху от стены до стены, и вышел.

Чуть погодя, Кэр толкнул дверь. Она подалась. Хар-Руд не задвинул наружный засов. Открытая дверь — знак доверия? Или новые правила Гладиаторского Двора?

Правила, правила! Открытая дверь лучше, чем стальная цепь. Но дурак тот, кто сажает на цепь воина. Человек не барс. Нет такой цепи, чтобы обезопасить хозяина от оскорбленного мужчины, умеющего убивать! В селениях клана Мечей тоже были рабы, пленники. Их презирали, но и жалели. Если воин из-за ранения или по иной причине не смог умереть в бою — это его беда! Рано или поздно

такого выкупят соплеменники. А тогда уж родичи выкупленного решат: умертвить его, подвергнуть испытанию или сделать вид, что не было никакого плена. Законы гор просты: можешь — сражайся, не можешь — покорись Судьбе, не роняя чести. Это законы, а не правила, как на равнинах. На равнинах же меч оказывался важнее того, кто его носит.

Так полагал Кэр. Когда между ним и всем остальным миром стоял человек с мечом. Наставник. Кэр был наивен. Так его воспитали. Будущему воину подобает прямизна меча, который он получит. Только старшие: вождь, старейшины, наставники — идут дальше и принимают мудрость из уст древнего бога Ашских гор. Был, впрочем, и иной путь. Сойти в мир с оружием в руке и узнать этот мир, как познает его воин. Многие из клана Мечей, да и из других кланов так и поступали. Но клан Кэра — первый из кланов. Потому в Самери каждый: воин, богач или простолюдин — спешил убраться с дороги, узнав орнамент клана Мечей на одежде Наставника.

Воин клана, спускаясь на равнины, несет с собой и законы клана. И только одно для него важно: что скажут о нем родичи. Что же до прочих людей: уважение к законам гор поможет им остаться в живых при встрече с настоящим бойцом.

Никто не осмеливался заговорить с подопечным воина клана Мечей в Самери. Никто не разговаривал с Кэром, когда они плыли к побережью на речном судне по реке Аш. А когда они сели на корабль, идущий в Великонкад, капитан его, самериец, живо втолковал матросам и пассажирам, что бывает, если станешь перечить воину клана Мечей.

Но вот Наставник и юноша сошли на берег Карнагрии, и все переменялось.

Оба переоделись в местную одежду, причем не самую лучшую. Бронзовый знак Аша, скреплявший косу наставника, сменила обычная заколка. Только сама коса, свернутая змеей на затылке, да меч за спиной говорили о том, что жилистый старик с широким бледным лицом — воин из горного клана Самери. Никто больше не кланялся угодливо, когда самерийцы заходили в харчевни и постоялые дворы. Но никто и не задира!л всерьез. Меч — везде меч. Достаточно было Наставнику посмотреть в глаза дерзкому — и тот отступал. Неприятностей не было. И Наставник по-прежнему стоял между Кэром и окружающим миром.

Пока они не прибыли в Великондар.

Пока Кэр не остался один.

Юноша проглотил комок, подступивший к горлу. Воину следует сдерживать свои чувства, когда он среди чужих. И Кэр изгнал боль души, как изгонял боль тела. Его приняли в новый клан. Но законы этого клана — другие. Кэру будет нетрудно принять их. Тем более что старшие клана, те, кто заставляет других замолчать, — ему по сердцу. И сам он пришел по нраву сильным Двора: Хар-Руду, Босу, Медведю. Конечно, они испытывали Кэра. И он, понимая, старался их не разочаровать. Хотя последнее испытание, то, которому подвергли самерийца прошлой ночью, показалось ему ненужным.

Странное испытание. Кэра словно хотели уни- зить, проверить, что в нем сильней: дух или гор- дость. Юноша помнил все вопросы, которые ему задавали: мудрые и глупые, прямые и совершенно непонятные. Кэр отвечал, когда знал ответ. И по- лагал, что следует отвечать. Но если терпение его испытывали всерьез, то испытание его ловкости и стойкости выглядело, как еще одна попытка оскор- бить его. Такую боль может перенести и трехлетний

малыш, а любая совершеннолетняя девушка клана с завязанными глазами проделает то, что делал Кэр этой ночью.

Тело Кэра не устало, устал его ум, тщетно пытавшийся совместить путь клана Мечей и требования Гладиаторского Двора.

Так или иначе, но Хар-Руд дал понять: теперь Кэр — полноправный член нового клана. Правда — младший. Это неприятно. Юноша видел: тут нет законов, защищающих слабого от произвола сильного. Кэр наблюдал, как обращаются с учениками. И отчасти понимал, почему испытывали в первую очередь его терпение. Однако самериец видел и то, что к нему относятся не так, как к другим ученикам.

«Власть Хар-Руда удерживает других! — думал юноша. — Жаль, что это касается только рук, а не языков!»

Любая из здешних шуток на родине Кэра обернулась бы для шутника смертельным поединком.

Ничего, скоро сын вождя сумеет постоять за себя не хуже, чем настоящий воин. А пока Кэр не будет обращать внимания на едкие слова.

Кэр еще не понял, что заработать уважение Потерявших Жизнь можно только собственными достоинствами. Если с ним обращались более уважительно, чем с другими учениками, то страх перед гневом Хар-Руда играл в этом не первую роль.

Кэр убил воина его собственным мечом. Не просто воина — стражника. Больше половины обитателей Двора были — из осужденных преступников. И относились к городской страже однозначно. Потому охраняли гладиаторов не городские, а дворцовые стражники.

Таким образом сын вождя сразу поднялся в глазах Потерявших Жизнь, а похвалы, на которые не скупился Бос (когда сам Кэр его не слышал), и, как

ни странно, замкнутость самого Кэра еще больше укрепили репутацию юноши. Прошло две недели, и никто больше не напоминал о том, что Арена не любит гордых. Потому, что Арена любит сильных.

Кэр не понимал, что грубые шутки, которыми приветствовали его сегодня утром, — дань уважения.

Он не знал, что все Потерявшие Жизнь прошли через это испытание. И никому из них оно не показалось пустяком. Когда Кэр, шатаясь, поднимался по лестнице, а обитатели Гладиаторского Двора глядели на него сверху и изощрялись в остроумии, сын вождя не знал, что лишь немногие из них смогли сами преодолеть после испытания шесть ступенек лестницы. И никто, кроме Боса и Медведя, не мог в такое утро твердо держаться на ногах. Но Бос — лучший воин Двора. Историю же Медведя знали все. А Кэру еще вчера ее рассказал сам помощник Управителя. В назидание.

Капитан галеры, который сам предложил раба Хар-Руду, сказал при этом:

— Я боюсь гребца, который после трех часов работы остается с сухой спиной!

— Бездельник? — спросил Хар-Руд.

— Что? Нет! Он управляется с веслом один! Он подойдет для Арены, если не побоишься взять такого медведя?

— Не побоюсь, — сказал помощник Управителя. — И дам за него двоих, у которых спина потеет слишком часто! Скажи, на твоей галере скамья — на четверых?

— На двоих!

— Жаль!

— И мне — жаль!

— Но ничего! И так неплохо!

— Верно! И так неплохо!

— Выпьем?

— Выпьем!

Они ударили кружками, капитан-карнагриец и эгерини из освобожденных гладиаторов. Сделка совершилась.

Кэр, видевший галерное весло, мог бы усомниться в правдивости этой истории. Если бы не видел Медведя. Теперь же юношу могло удивить только одно: как ухитрились посадить на галерную скамью такого исполина?

Так что Медведь был не в счет.

Кэр прошелся по комнатушке. То есть сделал пару шагов, оказавшись под окошком. Юноша подтянулся на руках и выглянул наружу. Окошко выходило на тренировочные площадки, но из-за толщины стен Кэр понял это лишь по звукам, доносившимся снизу. Зато юноше было хорошо видно величественное здание с желтой крышей, над опущенными книзу краями которой белели статуи воинов. То был дворец Царского Совета. Кэр, разумеется, этого не знал. Прекрасное зрение позволило юноше различить каждую деталь резьбы, покрывавшей обращенную к востоку стену дворца. Сцены побед, которых за тысячелетнюю историю Карнагрии было не меньше, чем поражений.

У Кэра онемели пальцы, и он спрыгнул на пол.

Грубые рисунки на стенах его каморки, в разных вариантах изображавшие одно и то же, показались Кэру чем-то вроде старой мотыги в сравнении с мечом воина. Неискушенному самерийцу трудно было по справедливости оценить фантазию прежних обитателей клетушки.

Кэр распахнул дверь и выглянул в коридор. Пуст, если не считать стражника, полирующего клочком кожи острие пики. До самерийца ему было

не больше дела, чем до тараканов, шныряющих по полу.

Кэр закрыл дверь и понял, что должен поспать. Лежанка была рядом.

Кэр с сомнением посмотрел на грязный матрац. Должно быть, так и кипит насекомыми? Впрочем, юноша так устал, что уснул бы и на овечьем помете.

Он стянул с себя хитон и тут только заметил лежащее на табурете льняное одеяло.

И на душе потеплело.

Через минуту Кэр спал.

Глава девятая

Царь царей Владыка Карнагрии Фаргал восседал на троне в Зале Приемов и откровенно скучал, разглядывая фрески на потолке.

— Властитель земли Райно благородный Владыка Шарам Сарнал! — возвестил герольд.

— Фаргал, Царь царей, Владыка владык, Император Карнагрии милостиво приглашает Владыку Шарам Сарнала из земли Райно предстать пред ним! — отозвался второй герольд.

Царь царей Фаргал вздохнул и откинулся на спинку обитого горностаевым мехом трона.

«Почему бы им не поговорить между собой? — подумал он о герольдах. — Вместо нас!»

Фаргалу никогда не нравился весь этот придворный театр. Ему не нравился и сам Владыка Шарам Сарнал, желчный старик, смертельно обиженный тем, что Фаргал не сделал его Советником.

«Зачем же ты явился?» — подумал царь, мрачно глядя на тщедушную фигуру Владыки.

Герольды закончили церемониальное жонглирование словами.

Владыка Шарам Сарнал важно прошествовал по зеленому ковру Тронного Зала мимо стражников в красных доспехах — к подножию царского трона.

Поклонившись, Сарнал коснулся бархата ступени рукой в белой перчатке и медленно распрямился. Медленно, потому что благородного Владыку мучили боли в пояснице.

— Что привело тебя сюда, мой друг? — спросил царь голосом, совершенно противоположным его чувствам.

И с удовольствием заметил, как дернулась щека Владыки от подобного вольного обращения. Милость иной раз жжет не хуже оскорбления.

Но Владыка земли Райно проглотил обиду.

— Прошу защиты, мой государь! — прохрипел он.

— Говори!

— Воины Владыки Ладара вторглись на мою землю и похитили стада имения Заралан! Прошу справедливости, мой царь!

— Не сомневайся! — заверил Царь царей. — Справедливость восторжествует!

«Опять вечные споры из-за десятка угнанных овец! — подумал он. — Ашшур! Если бы это были мои стада, я не стал бы тащиться в Великондар и вымаливать помощь! Бедная моя Карнагрия!»

Царь закрыл глаза и увидел темно-зеленые, поросшие прямыми корабельными соснами пологие холмы. И фруктовые сады, мили фруктовых садов там, где полноводная Агра делает пологую петлю, огибая землю Райно. Три года назад царь лично посетил и землю Райно, и землю Реми, подлежащую руке Ладара, не менее прекрасную. Посетил, чтобы убедиться: невинная девушка и слепой старик

с полным кошельком золотых монет могут без ущерба
дойти от берега Агры до берега Великона по Цар-
ской дороге. Потому что сила императора Фаргала
охраняет их!

В лесной тиши
Я — твой! И твой — в огне!
Твой — в гордости, в отчаянии и в славе!
Я — твой! Я жив!
И кровь кипит во мне!
Ликуй, любимая! Вот враг наш!
Обезглавлен!

О, я напыюсь
Тобой, любовь моя!
Неси мой стяг по водам и дорогам!
Ты, кровь мою
Впитавшая земля,
Карнагрия, — стократ щедрее бога!

Шарам Сарнал негромко кашлянул, и Фаргал
очнулся.

— Можешь возвращаться домой, Владыка Рай-
но! — сказал царь. — Я пошлю своего капитана, и
он восстановит порядок!

Это была милость. Шотар, капитан Дворцовой
стражи, властью своей превосходил тысячников.
Внутри Дивного Города только начальник Царской
стражи не подчинялся ему. Впрочем, начальник Цар-
ской стражи повиновался только царю. Сам Ашшур
не мог встать между императором и тем, кто жизнью
своей отвечал за жизнь владыки Карнагрии.

Итак, он отправит в Райно капитана Шотара.
Карнагрия не должна страдать из-за того, что Фар-
галу не по нраву Шарам Сарнал. И, посылая Шо-
тара, он, царь, показывает, как важна для него оби-
да, причиненная Райно. Это справедливо!

— Государь! — Шарам Сарнал смущенно посмотрел на возвышавшегося над ним Фаргала. — Если мне будет позволено еще некоторое время побыть под твоей защитой...

Фаргал насторожился, но потом вспомнил, что таков традиционный оборот речи, и успокоился.

— Да, — сказал он. — Старший Советник Саконнин укажет тебе твои покои!

И поднял руку, отпуская благородного Владыку.

Так император Карнагрии коснулся второй из нитей паутины. Второй, которую мог заметить. Но не заметил.

Глава десятая

Дорога полого опускалась вниз, между безмолвных вековых деревьев. Справа была сплошная тьма. Слева же, кое-где, между крон редко стоящих могучих деревьев просачивался лунный свет.

Два всадника рысью ехали по сухой лесной дороге.

Капюшон плаща первого был откинут на плечи. Светловолосую голову охватывала широкая серебристая диадема. Но металл, из которого шесть веков назад выковали эту чудесную вещь, был много дороже серебра. Еще древнее — вправленный в металл камень. Сердцевина его красным огнем горела над переносицей всадника. Как глаз зверя.

Глаза увенчанного диадемой всадника сами ничуть не уступали звериным. Не мигая, смотрел он вперед. И различал каждый камешек на дороге и каждый лист в темных кронах. С виду немолод был светловолосый всадник, но в седле держался уверенно и лицо его сохранило холодную красоту.

Оружия у первого всадника не было, того оружия, которое носят воины. Только короткий кинжал, что разрешен в Карнагрии любому свободному. Но и без меча всякий мог видеть, что перед ним — не простой человек.

Второй всадник не уступал первому ростом, но превосходил шириной плеч. Капюшон шерстяного плаща укрывал его голову, а из-под полы плаща выглядывали ножны двуручного меча.

Сытые сильные кони бежали весело. Видно было, что лишь недавно покинули стойла. А значит, ночь была для всадников предпочтительнее дня.

Деревья слева расступились, и открылась широкая водная гладь, черно-синяя в свете полной луны. Озеро Реми.

— Мой господин? — второй всадник придержал коня.

— Не здесь, Карашшер!

У человека, увенчанного старинной диадемой, был высокий свистящий голос, похожий на звук, что издает клинок, когда им ведут по точильному камню.

Всадники некоторое время ехали вдоль берега. Вид на озеро был изумительно красив. Полнолуние, безветрие, тишина. И водная чаша — как драгоценность в оправе древнего леса.

Дорога снова пошла вверх, свернула, и черное зеркало скрылось за деревьями.

И снова стучали копыта по сухой дороге, а ноздри людей втягивали теплый воздух, пропитанный запахом земли и старых листьев.

— Нас ожидают, — спустя некоторое время уронил первый всадник.

Второй откинул в сторону плащ и взялся за рукоять меча. Капюшон упал с его головы, тускло блеснула сталь шлема.

Всадники проехали еще шагов двести и увидели темные фигуры, маячившие впереди.

Первый всадник и не подумал придержать коня. Он не остановился и тогда, когда между ним и преградившими путь осталось лишь несколько десятков шагов.

Перегородившие дорогу тронули коней навстречу. Трое. Обнаженные мечи тускло блестели в темноте.

Карашшер ехал на два корпуса позади светловолосого.

По сторонам дороги раздался легкий шум, и из-под крон, из тени, отбрасываемой толстыми ветвями, выступили люди. Лучники.

Первый всадник продолжал ехать с прежней скоростью.

— Кто таков? — зычным голосом спросил один из преградивших ему дорогу.

Всадник в диадеме не ответил. И не остановился. Между ним и тремя осталось не больше двадцати шагов.

— Стой! — рявкнул тот же голос.

Лязгнули забрала шлемов, закрывая лица.

Карашшер напрягся, услышав, как скрипнули натягиваемые луки. Спину его защищала двойная кольчуга, но он чувствовал себя голым под прицелом двух дюжин стрелков.

Первый всадник поднял руки, показывая: безоружен!

Те, что двигались ему навстречу, опустили мечи...

Напрасно!

Змеящиеся красные молнии вырвались из поднятых ладоней и вонзились в дорогу, под ноги лошадям. Животные взвились на дыбы, захрапели и, охваченные безумным ужасом, ринулись прочь. При этом лишь один из всадников сумел удержаться в

седле. Остальные, со звоном, тяжело рухнули наземь и остались лежать, не подавая признаков жизни.

Карашшер ударил коня шпорами, и тот огромным прыжком поравнялся с лошадьёю человека в диадеме.

Дружно ударили тетивы луков.

Карашшер инстинктивно пригнулся, но ни одна стрела не задела его. Быстро оглянувшись, воин увидел, как валятся на землю пронзенные стрелами лучники. Они перебили друг друга!

Конь Карашшера переступил через лежащее на земле тело, зацепил его. Раздался негромкий стон. Всадник не взглянул вниз. Он пришпорил коня и догнал своего господина. Вскоре место, где на них пытались напасть, осталось далеко позади.

— Разбойники? — спросил Карашшер.

— Нет, — последовал ответ. — Воины здешнего Владыки. Там, — поднятая рука указала на запад, — в миле отсюда — замок! — последние слова маг произнес с особой интонацией, но его слуга был слишком взволнован, чтобы обратить на это внимание.

— Значит, это был дозор? — спросил он.

Маг не ответил. Карашшер понял: господина лучше не беспокоить. Если не хочешь присоединиться к тем, кто остался лежать на дороге.

Слева опять засверкала вода.

— Здесь! — раздался свистящий голос.

Человек в диадеме повернул коня и остановил его в нескольких шагах от берега.

На этом месте дорога проходила на два человеческих роста выше уровня воды.

Всадники спешили. Карашшер принял повод второго коня.

— Подождем! — сказал маг. — Еще не сошлось!

— Знак избранного? — указывая на небо, спросил Карашшер.

— Да! — подтвердил его господин и усмехнулся. — Очень скоро он сойдется со знаком Царя! Я упреждаю их соединение во славу Аша!

— А что бы ты делал, если б нынешняя ночь не была ночью Ирзай? — осторожно спросил Карашшер.

— Этого не может быть! — последовал ответ. — Мудрость Змея провидит пути звезд. И творит будущее на века вперед. След Аша извилист, но тому, кто следует путем Змея, нужно опасаться только одного!

— Да, мой господин?

— Не возомнить, что прямой путь — короче! Мудрость Змея хранит его жрецов!

— Благодарю, мой господин! — Карашшер наклонил голову.

«Тебя-то Аш сохранит, — подумал он. — А меня? Что продлевает мою жизнь: мудрость Змея или магия его жреца?»

К счастью для слуги, хозяин в этот момент не слышал его мыслей.

— Пора! — произнес маг через некоторое время, и Карашшер отступил в тень деревьев, потянув за собой лошадей.

Жрец Аша подошел к самому краю нависшего над водой берега. Из-под дерна посыпалась сухая земля, но маг, казалось, не беспокоился о том, что может сорваться вниз.

Он развел руки, потом соединил их горстью перед собой. Прямо из ночного воздуха в подставленные ладони посыпался белый, легкий, как пыльца, порошок.

Маг заговорил.

Камень на диадеме пульсировал, озаряя поверхность озера частыми багровыми вспышками.

Карашшер услышал голос мага, и тут же за его спиной захрапели кони, натянули поводья, пытаются

вырвать их из рук человека. Пришлось приложить немалую силу, чтобы удержать животных.

Маг умолк. Камень перестал пульсировать, но теперь вспыхнул холодным огнем порошок в ладонях. Зеленое сияние, более яркое, чем свет луны.

Маг дунул — и сверкающее облако взвилось вверх, выше его светловолосой головы, поплыло над озером.

Человек в диадеме шагнул назад и произнес единственное слово.

Облако сгустилось и начало медленно опускаться.

Карашшер увидел, как сияние коснулось воды и без единого звука погрузилось в озеро. Какое-то время еще пробивался к поверхности зеленый отсвет, но потом и он угас, растворенный в сиянии полной луны.

Карашшер ждал продолжения, но волшебство закончилось.

Маг повернулся и, пошатываясь, побрел к лошадям.

— Помогите! — негромко проговорил он, и Карашшер, согнувшись, подставил спину под ногу хозяина.

Ему пришлось упереться руками в землю, чтобы выдержать тяжесть мага, чей вес был в полтора раза больше, чем вес любого человека того же роста и сложения. Но конь, в седло которого опустился маг, был боевой кровей, из тех, что способны галопом нести всадника в полном вооружении.

Карашшер посмотрел на озеро: водное зеркало было гладким и неподвижным.

«Не удалось», — подумал он не без облегчения.

— Она не проснулась, мой господин?

— Что? — голос мага был совсем тихим. — Не сразу. Не сразу, Карашшер! Спавшая тысячу лет не пробуждается в одно мгновение! К твоему счастью! Или — горю! — раздался свистящий смешок. — Хочешь оказаться рядом с Ирзай, когда она проснется? Я мог бы дать тебе такую возможность! Ты хочешь?

Кто лучше Ирзаи может осчастливить мужчину? Разве что сестра ее, Таймат! — презрительная улыбка заиграла на губах жреца Аша. — Так ты хочешь?

— О нет! Нет, мой господин! — воскликнул Карашшер, содрогнувшись. — Я служу Змею!

— Насколько человек может служить Ему! — пробормотал маг.

Они выехали на лесную дорогу. Маг накинул на голову подбитый шелком шерстяной капюшон. Его знобило.

Начало светать.

Глава одиннадцатая

Разбудил Кэра Хар-Руд. Рядом с помощником Управителя стоял раб с плетеной корзинкой в руках.

— Вставай! — скомандовал эгерини. — Хватит щеки отлеживать!

По его знаку раб достал из корзинки горшок, полный мелко нарезанной козлятины с овощами и ячменной кашей. Следом появилась деревянная ложка и глиняная бутылка с кислым пивом.

Кэр набросился на еду с таким пылом, что через пару минут горшок опустел. Помощник Управителя наблюдал за юношей с нескрываемым удовольствием.

Кэр поскреб ложкой по стенкам горшка, собирая остатки, и поднял глаза на Хар-Руда. Во взгляде юноши ясно читалось: еще!

Помощник Управителя толкнул локтем замечтавшегося раба, и тот поспешно извлек из корзинки кусок пирога, завернутый в пальмовые листья.

Кэр оживился. И мгновенно расправился с пирогом. Он чуть было не съел и листья, но Хар-Руд отобрал их и бросил в корзинку.

— Ты прожорлив, как пожар! — сказал он с одобрением. — Но не будь козлом! Не надо есть траву — потерпи до ужина. Живо одевайся, и пойдем! Я тебе кое-что покажу!

— Просто я проголодался, — проговорил Кэр, завязывая ремешки сандалий.

Юноша сам удивлялся собственному аппетиту. Раньше он был куда сдержаннее.

Спустившись вниз, Кэр, вслед за Хар-Рудом, пересек крохотный дворик с водоемом и вошел в ворота, которые подпирал плечом воин в красных доспехах. Когда Кэр прошагал мимо, воин проводил его взглядом, но не шевельнулся.

Минут пять юноша и эгерини петляли по коридорам, а затем снова вышли на открытый воздух.

Перед Кэром лежал круглый двор с несколькими выходами. Один из них открывался в галерею, в конце которой юноша разглядел дневной свет. Еще один выход представлял собой запертые решетчатые ворота. Сквозь прутья можно было видеть тесно посаженные пальмы, а за пальмами — ряд больших ящиков. Ноздри сына вождя уловили тяжелый дух с гнилостным привкусом. Кэр знал этот запах. Хищники.

— Вперед, парень! — Хар-Руд подтолкнул юношу в сторону галереи.

Пройдя по переходу, стены которого изобиловали закрытыми дверьми, они опять оказались на солнце.

Кэр мысленно повторил весь пройденный путь и убедился, что запомнил каждый поворот. Пригодится, когда сыну вождя придет время попрощаться с Гладиаторским Двором!

Слова помощника Управителя, произнесенные совершенно не свойственным эгерини тоном, вернули Кэра в настоящее.

— Вот она, сынок, — Арена! — сказал Хар-Руд, и в голосе его было столько почтения, что Кэр с удивлением взглянул на помощника Управителя.

С его точки зрения, сооружение не отличалось ничем особенным. Тем более — для Великондара. Здоровенный круг, засыпанный смешанными с песком опилками, обнесенный бронзовой решеткой. Над ней — уходящие вверх ряды скамей.

Хар-Руд угадал его мысли.

— На этом месте не один век льется кровь таких, как мы, сынок! Отнесись к нему с уважением: скорее всего и твоя жизнь закончится здесь, на этом песке!

— Не думаю, — сказал самериец без всякого хвастовства. — Твоя ведь не кончилась!

— Я, — сказал Хар-Руд, — бился один против четверых, когда все мои ребята валялись вокруг, как зарезанные свиньи! И я победил! Толпа заставила освободить меня! Как когда-то — Фаргала!

«Толпа» было сказано с пренебрежением, но, сравнив себя с царем, эгерини засиял от гордости.

— Значит, если гладиатор оказывается хорошим бойцом, его могут освободить?

«Пусть считает, что я и не думаю о побеге!»

— Хорошим бойцом? — Хар-Руд хмыкнул. — С чего ты взял? Просто бо́льшая часть горлопанов ставила на мой цвет!

— Ставила?

— Ты в кости играешь?

— Нет. Но видел, как играют! Хотя не понимаю, какой в этом толк?

— А как насчет спора? Денежного спора?

Кэр пожал плечами:

— Если двое мужчин спорят, к чему примешивать деньги?

Хар-Руд выругался.

— Ты так говоришь, потому что ты — варвар!

— А что такое «варвар», наставник?

Хар-Руд снова выругался, но возразить было нечего.

— Короче, — заявил он, — имей в виду: в этом городе почти каждый мужчина бьется об заклад часто и с удовольствием! Если есть деньги! Деньги, парень, многое значат в Великондаре!

— Не больше жизни!

Так говорили в клане Мечей.

Помощник Управителя рассмеялся:

— Больше, сынок! Куда больше! Твоя, например, была куплена за золотой! Это хорошие деньги. Но еще дороже она будет стоять здесь, на Арене! Только ты — не продавец и не покупатель. А Арена... Арена, верно, куда больше, чем деньги! Ты не стой! Пройдись, пощупай ее! Думаю, очень скоро ты выйдешь сюда с мечом в руке, а эти скамьи, — он обвел рукой поднимающийся вверх амфитеатр, — будут трещать от множества людей! Да сам увидишь: до полнолуния осталось три дня!

— До полнолуния?

— Игры! Они начинаются в полнолуние! Не ночью, конечно! — Хар-Руд усмехнулся. — Через три часа после восхода! Иди, поброди здесь, я подожду!

Кэр вышел на середину. В сандалии сразу набился песок. Сын вождя копнул ногой и обнаружил под ним камень. Гранит. Он оглянулся.

Над аркой, через которую они вошли, располагался ряд крытых лож и балконов. В центре, в самой роскошной из лож возвышался трон из черного дерева.

— Наставник, — спросил Кэр, — для чего эти решетки? Чтобы никто из нас не убежал?

— Здесь не убегают! — ответил Хар-Руд. — Тех, кто убежал бы с Арены, мы узнаем еще на тре-

нировочной площадке! Решетки — чтобы отделить Арену от толпы.

— Толпа вооружена?

— Большинство — нет. В Великондаре лишь у немногих есть право носить оружие.

— Я заметил. Но послушай, а как же тогда человек сможет защититься от разбойника?

— Для того есть стража!

— Но разве стража может уследить за каждым?

— Сынок! Невелика беда, если разбойник убьет простолюдина! Главное — чтоб простолудин не захотел убить сборщика налогов, например! Им только дай оружие!

— Ты так думаешь?

Кэр был поражен.

— Я — нет! — Хар-Руд снова рассмеялся. — Но Императорам лучше знать!

— Но царь Фаргал, неужели он боится какого-нибудь ремесленника с ржавым мечом?

— Фаргал, может, и не боится. Но Фаргал — только царь! Здесь, во Дворце есть Зал Царей. Там они стоят, один за другим, как солдаты на плацу! Что для Империи — царь, когда ее законам тысячи лет!

— Ты много знаешь об этой стране! — с уважением произнес юноша.

— Да, много, — согласился Хар-Руд. — Но куда меньше, чем тот законник, что собирался тебя повесить! Хотя видишь: ты жив!

— Да, — подтвердил Кэр. — Потому что ты воин! Помощник Управителя покачал головой:

— Потому что — золото! Ты спрашивал о решетках? А потом спросил: вооружена ли толпа. Почему?

— Зачем воину нападать на безоружных? Хотя... — он запнулся. — ...тут ведь это — обычное дело?

— В самую точку! Да, многим из наших парней приятно было бы поковыряться мечами в жирных тушах ублюдков. Но — много чести! Решетки — это от зверей!

— Здесь что, охотятся?

— Охотятся. По-великондарски.

— Это как?

— Травят быков — волками, медведя — львами, львов — носорогом! А чаще всего всем этим зверьем — дичь, что на двух ногах да без перьев!

— Людей?

— Догадлив, сынок!

— Что ж, — рассудительно произнес Кэр. — Я тоже однажды леопарда убил. Рогатиной.

— А без рогатины?

— Шутишь?

— С чего взял?

— Ну, — юноша замялся, потом, вспомнив: — Нидир, из Беркутов, убил леопарда камнем! Но тот, правда, сильно его порвал!

— А я, — сказал Хар-Руд, — знаю человека, что голыми руками на этом самом месте прикончил взрослого льва! Правда, лев был горный, мелкий... Но из тебя, к примеру, вмиг выпустил бы внутренности!

— Кто же этот герой? — с уважением спросил Кэр. — Жив ли?

— Жив! Да ты его знаешь! — рассмеялся помощник Управителя. — Нынче он здесь правит! Царь Фаргал!

— И за сей подвиг его избрали царем? — уважение юноши к законам Карнагрии выросло втрое. Хар-Руд расхохотался. Еще громче.

— Что я сказал смешного? — смутился юноша.

— За сей подвиг, как ты выразился, пойманного разбойника-эгерини из вонючей тюремной ямы

перевели в келью, которую ныне занимаешь ты! Теперь понимаешь, сынок, насколько легче она досталась тебе?

— Все-таки он стал царем, — сказал Кэр. — Хотя... Мне он не понравился!

— Вот горе-то для Фаргала! Да, сынок, он стал царем. Но той кровью, что Фаргал пролил ради этого, можно наполнить небольшое озеро. Пойдем, парень! У тебя есть работа. И у меня — тоже. Хотя я бы с тобой поменялся!

— Да? — удивился юноша.

— А ты полагаешь, что проверять хозяйственные счета так весело?

— Хозяйственные счета? Что это?

— Вот видишь, сынок! Да, нам с тобой не махнуться. По крайней мере, пока ты не научишься считать!

Кэр фыркнул.

— Воин пишет острием меча! — изрек он.

— Дурак! Велю Босу гонять тебя, пока не упадешь! Глядишь, сил не останется, чтоб повторять чужие глупости!

— Это не глупости! — оскорбился Кэр. — Так говорят воины клана Мечей! Так говорит мой отец!

— А скажи, — хитро прищурился Хар-Руд, — твой клан платит дань императору Самери?

— Клан Мечей никому не платит! Хотя наши воины оказывают честь императору, сражаясь за него!

— Ага, — сказал помощник Управителя. — Я знавал кое-кого из самерийцев, не знаю уж, из твоего ли клана или нет, что «оказывают честь» царю Фаргалу, в рядах его наемников! Ладно, парень! Для своего возраста ты не так уж глуп! В пятнадцать лет я сам полагал, что довольно сильной и умелой руки, чтобы мир стал твоим!

— А разве — нет?

— В мире слишком много рук слабых и неумелых, чтобы твоя, сильная, значила слишком много. Иное дело, если к сильной руке — неслабая голова! Бос сделает твою руку умелой, это точно! А вот сумею ли я вложить что-нибудь в твои мозги раньше, чем их смешают с этим песком? — он кивнул в сторону Арены.

— Я понял тебя, наставник!

— Надеюсь! В чем-то и ты прав: сильная и умелая рука еще никому не вредила!

— Довольно! — сказал Бос, опуская шест. — Иди ополоснись и марш обедать!

Кэр взглянул на положение солнца.

— Еще не время! — сказал он.

— Придержи язык, ты, сопляк! — гаркнул Бос.

Но, вспомнив, что у него не совсем обычный ученик, снизошел до объяснения:

— Этой ночью — полнолуние! А завтра — Игры! Потому обед и ужин — на два часа раньше. И после обеда — никаких занятий! Чтоб не портить удовольствие: как-никак кое для кого это последние обед и ужин!

Бос засмеялся.

— Зато, — продолжал он, — к следующему ужину сюда набегит столько сучек, что на каждого придется по три! Это Гронир, Управитель, завел такой порядок! Раньше нанимали девок, а этот хоть и из Алых, а заткнет за пояс любого торгаша: сам берет грошки с карнагррийских бабенок! Да с разбором, не каждую к нашему брату пустит! А мы — не в обиде! — он похлопал Кэра по спине. — Эти богатые шлюшки по своей части — круче любой уличной девки!

— А как же их мужчины? — спросил Кэр.

— Мужчины? — фыркнул Бос. — Разве это мужчины? Ха! Ублюдки! А сам ты, парень, как насчет этого дела?

— Думаю, да, — сказал Кэр. — Я один раз попробовал, мне понравилось. Но не было возможности повторить — сразу попал к вам, а тут, у вас, женщин нет!

— Не у вас, а у нас! Ты теперь хоть и сопляк, а все же — из нас, Потерявших Жизнь!

— Я — сын вождя клана! — гордо возразил юноша.

— А я — дочь царя Эгерина! Иди мойся! Я не намерен из-за твоей болтовни упускать лучшие куски!

Длинный стол пересекал из конца в конец темноватое помещение столовой. По обе стороны от стола — грубо сколоченные скамьи.

Гладиаторы по очереди подходили к раздаточному окну, получали по миске с мясной похлебкой и по круглой ржаной лепешке. Очередность строгая: первыми — лучшие бойцы, последними — ученики. Раньше, когда еды было в обрез, последним доставалась лишь вода, с горсткой овощей и следами жира. Но со времени Гронира и Хар-Руда пищи стало вдоволь. Эгерини не экономил на мелочах, ему хватало того, что он зарабатывал на ставках.

За стол тоже садились по рангу: старшие — ближе к дверям. Где светлее. Споры были редки: все решалось не здесь — на Арене. Конфликты возникали только между учениками, но до крика или, тем более, до драки не доходило никогда. Боялись вмешательства старших.

Кэр занимал одно из последних мест. Ему было наплевать: смешно спорить из-за лучшего места у свиного корыта! Так полагал юноша. Дальше, чем самериец, сидел лишь один человек, уроженец Вели-

кондара, непонятно как попавший на Гладиаторский Двор. Этот — до первого выхода на Арену. Хар-Руд никому не позволял ходить в учениках больше полугода. Не выучился — расплатишься жизнью. Потому-то среди старых бойцов большинство — из бывших солдат: военнопленных, разбойников, наемников, согрешивших против Кодекса и проданных в рабство собственными соратниками.

Слева от Кэра сидел ученик совершенно другого типа. Захваченный соктами пират с архипелага Табе. Этот — зверь. Месяца не пройдет, как Хар-Руд выпустит его на Арену. И поскольку на Двор он попал уже опытным бойцом, то скорее всего вернется живым. Новичков не принято выпускать в одиночку, а когда сражались отрядами, добивать проигравших не обязательно.

Да, табит был крепок. Но на Кэра смотрел с почтением: скажи тот слово — и бывший пират тут же поменяется с ним местами.

Но сын вождя молчал. Он уже наметил себе место: рядом с Босом! Он займет это место... и сбежит! Потому что тогда Гладиаторский Двор больше ничего не сможет ему дать.

Дальше в будущее Кэр не заглядывал. Хотя то, что Хар-Руд поселил его в бывшей келье Фаргала, казалось юноше важным знаком.

После обеда, на котором одни были молчаливее обычного, а другие, наоборот, болтливы, как женщины на рынке, все Потерявшие Жизнь, толпой, вывалили на площадь перед воротами. Там должно было произойти самое важное: объявление тех, кто завтра выйдет на Арену.

Спустя некоторое время из своего дома вышел Хар-Руд. Вышел, взглянул на часового на башне. Тот покачал головой. Помощник Управителя прошелся взад-вперед. В руке он держал свиток перга-

мента, на который многие бросали алчные взгляды. Хар-Руд был спокоен. На лице его застыла рассеянная улыбка.

Внезапно часовой на башне засвистел.

Помощник Управляющего тотчас преобразился.

— Разбер-рись, демоны! — рявкнул он во всю мочь.

Гладиаторы мигом выстроились в шеренгу, все сто двадцать шесть человек, не считая учеников, пристроившихся позади.

Ворота распахнулись, и во двор на крупном кауrom жеребце, неторопливо, важно, въехал Управитель Гладиаторского Двора Гронир.

Сам Управитель никогда не был гладиатором, но принадлежал к тем, кого обитатели Двора почитали более других: Алым.

В битве, сражаясь бок о бок с самим Фаргалом, Гронир потерял правую руку. Но — выжил. Фаргал тогда еще не был царем. Но первым полководцем Карнагрии — был. И, три года спустя, сев на Кедровый Трон, Фаргал одарил соратника Гронира си-некурой — Гладиаторским Двором. Почет, деньги, власть, все, что ценил в жизни сотник Гронир, дал ему царь. Лишь об одном мог сожалеть Алый: сам Фаргал никогда не появлялся на Играх.

Левой, уцелевшей рукой Управитель принял от Хар-Руда свиток, кое-как развернул, прочел и кивнул, одобряя. Он никогда не оспаривал выбора своего помощника, но соблюдал порядок.

Хар-Руд принял свиток обратно, откашлялся:

— Первая пара: Кушога — Бос!

Названные сделали шаг вперед.

По линии выстроившихся гладиаторов пробежал ропот.

— Что? — рыкнул Хар-Руд. — Кто-то недоволен? Ропот тотчас прекратился.

— Вторая пара: Шершень — Медведь!

На сей раз возмущенных не было.

— Третья пара: Гаргалон — Крючник!

Цвета! Черные: Вепрь, Устул, Ордаш, Селезень, Мортяк, Вышка, Жеребец! Старший — Бос!

Гладиаторы опять загудели: по традиции лидером Черных должен стать победитель первой пары. Пусть Бос много сильнее, но Хар-Руд поступил несправедливо, «предопределив» исход схватки. Негоже лишать Кушого «улыбки Судьбы».

Глаза эгерини налились кровью: он обещал наказать Кушого за длинный язык — и накажет! И ему наплевать, что думают по этому поводу Потерявшие Жизнь!

Тяжелый недобрый взгляд помощника Управителя прошелся по шеренге, останавливаясь на каждом недовольном лице. И когда Хар-Руд закончил «осмотр», на площади вновь воцарилась тишина.

— Зеленые... — негромко произнес помощник Управителя и выдержал паузу:

— Стикс, Бурелом, Волк, Морской, Крокодил, Бандаш, Хиу-Хи, Бортник! Старший... — еще одна пауза... — сами знаете, кто!

Вздых разом вырвался из сотни мощных грудей. Половина неназванных вздохнула с облегчением. Вторая половина — наоборот. Абсурдно, но очень многие гладиаторы настолько были увлечены Ареной, что предложи им свободу — остались бы на Гладиаторском Дворе. Кстати, бывало, что и предлагали. И — отказывались!

— Гуляй, парни! — бросил помощник Управителя. — Кэр! Иди сюда!

Юноша подошел. Снизу вверх спокойно посмотрел на Гронира.

Широкое, слегка оплывшее, недовольное лицо Управителя казалось сонным.

- Тот новый раб? — спросил он.
- Да, мой господин! — последовал ответ.
- Дерзок!

Хар-Руд усмехнулся:

- Не без того!

Ясно было: Кэра в обиду он не даст. Но его защиты и не потребуется. Гронир остался доволен.

- Если он будет так же дерзок на Арене...
- Будет! — уверенно сказал Хар-Руд.
- Тем лучше для него! — маленькие глазки буравили сына вождя. — Сколько отдал?

- Полный золотой, мой господин!

«Господин» было формальностью. Хар-Руд и Гронир были давними приятелями. Их сблизила общая страсть: Игра!

- Полный золотой? Не многовато за такого задохлика?

— Пусть это будет мой золотой! — живо предложил Хар-Руд. — Я... — он потянулся к всаднику, Гронир наклонился, — ...поставить в третью пару, сразу! — уловил Кэр обрывок фразы. — Сторицей...

Гронир распрямился.

— Вот как? — он с сомнением еще раз оглядел юношу. — Нет! Впишешь в общий расход, скажем... на золотарей! — он усмехнулся, став похожим на огромную жабу.

- Пошли, что ли, к тебе? — и тяжело сполз на землю.

Хар-Руд помог: годы, проведенные в покое, сделали Управителя тучным.

— Отведи жеребца в конюшни! — приказал он самерийцу.

- А где они? — спросил юноша.

— Там, за воротами, — Хар-Руд махнул рукой. — Увидишь!

И оба, Управитель Гладиаторского Двора и его помощник, неторопливо двинулись к дому Хар-Руда.

Кэр поймал повод, погладил бархатную подвижную шкуру коня и повел его к воротам. Стража без звука пропустила его. Сын вождя оказался снаружи. Справа он увидел царские конюшни с золочеными головами лошадей, выглядывающими из стены над широким въездом. Слева — высокий дом из серого камня. Впереди — совершенно пустая в это жаркое время дня улица.

Кэр снова оглядел жеребца. Некрупная голова, длинная холка, гибкая шея, короткая широкая спина, ступает мягко, грациозно, но чувствуется — горяч. Прекрасный конь! Если сын вождя сейчас прыгнет в седло — через полчаса будет у западных ворот. И — прощай Великондар!

Целую минуту юноша боролся с искушением. Но — справился. Сначала он должен научиться всему, что знают эти люди. Если погибнет, что ж — он погибнет, сражаясь, как погиб его Наставник!

Юноша погладил коня по шее, повел к конюшням.

Он не видел Хар-Руда, который наблюдал за ним со стеной башни. Когда Кэр повернул направо, эгерини показал оставшемуся внизу Грониру оттопыренный средний палец: выиграл!

Так сын вождя прошел еще одно испытание.

Глава двенадцатая

— Государы! Посол императора Эгерина Скаэр Станар просит аудиенции Царя царей!

Старший Советник Саконнин слегка поклонился и тут же выпрямился, ожидая указаний.

— Станар?

Фаргал улыбнулся, что с ним в Зале Приемов случалось нечасто.

— Император Эгерина рискнул прислать к нам этого волка?

— Благородный Скаэр Станар представил все необходимые грамоты!

Ни один мускул не дрогнул на лице Старшего Советника, хотя он назвал «благородным» человека, не знавшего имени собственного отца. Саконнин, чей род врос в историю Карнагрии на тысячелетнюю глубину, казалось, ощутил во рту горький вкус желчи. Но тронутое благородными морщинами лицо осталось бесстрастным. Оно напоминало слепок из серой глины, как лица каменных императоров из Зала Царей. Напоминало не только холодной неподвижностью, но и чертами. В жилах Саконнина, пусть и разбавленная веками, текла царская кровь.

— Помню его! — произнес царь. — Кажется, — улыбка Фаргала стала шире, — он даже не чистокровный эгерини?

— Посол императора Эгерина — наполовину кушога! — подтвердил Старший Советник.

«И тебе это прекрасно известно!» — добавил он мысленно.

— Было бы занятно, пошли его Хар-Азгаур не ко мне, а в Самери! — пошутил царь.

Старший Советник счел возможным слегка улыбнуться.

— Нынешний император Эгерина не расположен к войнам! — сказал он.

— Увы! — притворно вздохнул Фаргал. — Даже в такое подходящее время, как сейчас: после мятежа, набега табитов и позорного рейда соплеменников благородного Станара — только миролюбие Хар-Азгаура бережет южную границу Самери!

Или, — царь лукаво взглянул на Советника, — не только миролюбие? — и тут же махнул рукой: — Не придавай значения! Я просто фантазирую, мой благородный Саконнин! Передай послу: я жду его!

— Позволю себе заметить, государь, — осторожно возразил Старший Советник, — такое решение может быть не вполне верным! Разумней было бы предложить послу подождать. Так достойней для Карнагрии, государь!

— Понимаю, — кивнул Фаргал. — Но тем не менее вели ему явиться прямо сейчас. Достоинство Карнагрии я беру на себя!

— Слушаю, государь! — Старший Советник поклонился, но, вместо того чтобы самолично выйти к послу, подозвал одного из стражников и отдал соответствующий приказ.

«Выкрутился!» — одобрительно подумал Фаргал.

Посол императора Эгерина вошел в зал стремительным шагом воина, далеко опередив свою свиту. И остановился, когда витой жезл церемониймейстера преградил ему путь.

Скаэр Станар был высок и худ. Но кость имел широкою, унаследованную от отца-кушого, одарившего дочь Эгерина столь энергичным отпрыском. А вот черты лица, цвет волос и большой рот с красными губами посол явно унаследовал от матери.

— Посол величайшего императора Эгерина Владыки обильных и многочисленных земель величайшего Хар-Азгаура благородный властитель земель Стурр и Казелин Скаэр Станар! — возгласил герольд-эгерини.

— Властитель Карнагрии, Император, Владыка Владык, Царь царей превосходный в могуществе государь Фаргал милостиво склоняет слух к Скаэру.

Станару, устам брата его Хар-Азгаура! — откликнулся карнагрийский герольд.

— О Фаргал! Царь царей! Восседающий на Кедровом Троне! — звучно провозгласил герольд гостя. — Милостивый! Самодержавный...

— Ты не находишь этот диалог непоэтичным? — негромко спросил царь у Саконнина.

Лицо Советника было неподвижно, как голубой нефрит, коим было облицовано подножие трона.

— Нет, не находишь?

— Государь, этим словам — двенадцать веков! — прошептал Саконнин.

— Именно поэтому я и нахожу их непоэтичными, — заметил Фаргал. — Самые лучшие слова за двенадцать веков станут безумно скучны, если их повторять по двадцать раз ежедневно! А эти, к тому ж, — не самые лучшие!

— Если мы отступим от церемонии, это будет оскорбительно для императора Эгерина! — напомнил царедворец.

Фаргал холодно улыбнулся.

— Император Эгерина не посмеет оскорбиться! — заявил он вполголоса. — Ты не хуже меня знаешь: Эгерин нынче — шакал у ног Льва Карнагрии! Но... — другим тоном, — Станар мне по сердцу! Так что дослушаем, потерпим!

Советник поджал губы. Он знал: Фаргал его поддразнивает. Советнику было больно от того, что на Кедровом Троне — человек неблагородной крови. Человек, которому безразлична древняя возвышенная мощь Церемониала. Но еще Саконнин знал — Фаргал прав. Нынешний Эгерин — ничто рядом с Империей Фаргала. И именно потому, что одной правит государь с железной рукой и твердым сердцем, а второй — Хар-Азгаур, в ком кровь сорока трех династий. Молодая кровь Фаргала питает

поистине Имперский дух. А благороднейший из благородных, император Эгерина — изнеженный болтун, любитель сладкоголосых певцов-мальчиков и изысканных кушаний. Потому для государя Карнагрии Хар-Азгаур намного ниже, чем сын пирата Скаэр Станар. Станар, что Владыкой Казелина стал, приставив меч к горлу ее прежнего хозяина, благородного эгеринского аристократа. Под страхом смерти тот усыновил Станара и передал ему титул. А землю Стурр теперешний посол Эгерина захватил, ворвавшись со своими наемниками на землю соседа. А самого соседа сын пирата вздернул на подъемном мосту замка Стурр. Якобы потому, что тот отказался от поединка с благородным Скаэром Станаром.

«Хвала Ашшуру, — подумал Саконнин, — Фаргал за подобное с любого из своих вассалов живьем содрал бы шкуру! Да приказал бы, как сказано в Законах, год возить набитое соломой чучело по главным дорогам страны. Чтоб неповадно было!»

А император Эгерина выразил благородному Скаэру Сиверилу порицание! Надо же! Порицание! Хотя, конечно, у императора Хар-Азгаура нет ни Алых, ни преданных наемников! А все-таки хоть слаб Хар-Азгаур, но не дурак! Убрал хищного Владыку из страны. И умно убрал: послом к Фаргалу, чей кулак выбьет зубы из любой пасти. Любопытно, что Станар поехал. А мог бы отказаться. И пожирать земли одного благородного Владыки за другим, подбираясь к трону Самого. «А почему поехал? — подозрительно подумал Саконнин. — Ради почета? Или решил прицениться к трону Карнагрии — не велика ли корона Фаргалу? Не придется ли она впору полукровке-кушога? Может, Станар думает, что Фаргал посадит его на эгеринский трон?» — Саконнин усмехнулся. Мысленно. Может, раньше

у Станара и были какие-то шансы, теперь же — никаких! Царь царей Фаргал позаботится! Как бы он ни был расположен к послу Эгерина, а лису Хар-Азгаура предпочтет волку Станару!

Церемониальный обмен приветствиями закончился. Посол пересек Зал Приемов, остановился у подножия трона.

По лицу его Фаргал догадался: неприятности. Но — незначительные.

— Говори! — приказал царь.

— Мой император выражает протест по поводу повышения приграничных сборов... — монотонным голосом произнес посол.

— Дальше!

— Благородный Владыка Лерии просит покарать Андасана, подданного Карнагрии, который...

— Покараю! Как только он снова окажется на земле Карнагрии! Или император Хар-Азгаур изменил свое волеизъявление и позволит мне охотиться за преступниками на его земле?

Вопрос был риторическим. Фаргал и Скаэр обменялись понимающими взглядами.

— Дальше!

«Они оба относятся к императорской власти, как к женщине, которую надо уложить в постель, — подумал Саконнин. — Это их объединяет! Но моей Карнагрии повезло — ей достался честный муж!»

— Благородный Невраст Накат просит соизволения на брак с подданной императора Фаргала, наследницей земель Фар!

— Согласен. Если земли благородного Наката отойдут под эгиду Карнагрии!

— Но...

— Дальше!

Посол улыбнулся.

До сих пор он с абсолютной точностью мог предугадать ответы Фаргала, но следующий вопрос...

— Вождь одного из горных кланов Хардаларул обратился к своему государю, императору Самери с просьбой о содействии! А император Самери, в свою очередь, обратился к моему государю! Сын вождя Хардаларула вместе с сопровождающим направлялись в Великондар. И не дали о себе знать в положенное время!

— Хардаларул? — переспросил Фаргал. — Ничего не слышал о нем! Почему два императора занимаются делом какого-то сына вождя?

— Клан, возглавляемый им, очень уважаем в Самери. Особенно в нынешнее трудное время! Когда вождь Хардаларул просит, — на лице посла появилась двусмысленная улыбка, — ему трудно отказать!

— Чем же сопровождает просьбу этот вождь? — раздраженно поинтересовался Фаргал. — Посулами или угрозами?

— Ничем. Только — просьба о содействии!

«Он явно знает что-то еще, — подумал Саконнин. — Но не скажет, сын змеи и шакала!»

— Саконнин, — негромко спросил Фаргал. — Какие у нас дела с Самери? Текущие дела?

— Никаких, мой государь! Но среди наших наемников — немало самерийцев! Кайр, начальник тысячи, ты должен помнить его, государь.

— Я знаю его. Поговори с ним. Я хочу знать, что за человек — вождь Хардаларул! Впрочем, нет! Не нужно! Узнай, нет ли среди прибывших в столицу сына вождя клана из Самери?

Фаргал повернулся к послу.

— Прошу передать императору Эгерина, — сказал он громко, — что я ничем не могу содействовать!

— Может быть, — осторожно предположил посол, — вождю Хардаларулу имеет смысл прямо обратиться к Царю царей?

— Может быть!

И оба снова обменялись понимающими взглядами.

— Дальше!

— Посол императора Эгерина благородный Скаэр Станар приглашает Царя царей Фаргала отобедать у него! И, — посол ухмыльнулся, — обещает, что царю Карнагрии не будет скучно! Посол будет также рад принять прославленного вождя и Друга царя Люга! А также всех, кого император считает своими друзьями!

«Браво, Скаэр Станар! — Саконнин мысленно хлопнул в ладоши. — Пригласи он одного царя, наверняка получил бы отказ! Или — нет? Фаргал любопытен».

— Благодарю, — сдержанно произнес царь.

Обдумав предложение, он кивнул:

— Мы придем. Но не сегодня и не завтра. Прими ответное приглашение на третий день полнолуния, после окончания Игр. Не хочу лишать тебя зрелища.

— Милость императора Карнагрии мне дороже любого зрелища! — ответил Станар и поклонился: — Благодарю тебя, царь!

И спиной, пятясь, отступил к выходу. Только за дверьми Станар надел на голову золоченый шлем, который держал в руке, и, очень довольный собой, отправился в предоставленные ему покои.

Посол Эгерина покинул Зал Приемов, не дожидаясь разрешения царя, но Фаргал не стал придавать этому значения. Он симпатизировал Станару. Ведь и сам взошел на самый верх лишь благодаря собственной храбрости.

Когда, много лет назад, повинуясь высшей воле, Фаргал переправился через реку Карн и оказался в своей нынешней Империи, никто не стелил ковров ему под ноги. Наоборот, Фаргал тут же оказался в тюрьме приграничного города Нурты, столицы земли Карн-Апаласар. Да не просто так, а по личному распоряжению Владыки земли Аракдени, троюродного брата императора Аккарафа. Недобрый советчик напелтал Аракдени арестовать молодого эгерини. Недобрый к самому Аракдени. Фаргал сбежал из тюрьмы, проник в замок Владыки и отправил Аракдени в страну мертвых. Свершив же сей «подвиг», юноша ушел в горы, сколотил шайку из дюжины отпетых негодяев и несколько лет держал в страхе всех Владык земель на правом берегу Карна.

Став царем, Фаргал с наслаждением вспоминал о былой разбойничьей свободе. Но его собственные рассказы не шли в сравнение с балладами, которые слагали о царе-разбойнике певцы, черпавшие из источника его жизни.

Однако ж в самой жизни все было менее поэтично. Кончилось тем, что рассвирепевший Аккараф послал против Фаргала целую армию. И, через два года отчаянной борьбы, Фаргал был захвачен живым. Не мечом и силой, а золотом и предательством.

Но переменчивая Судьба вместо смерти подарила Фаргалу Кедровый Трон.

— Каков, а? — улыбнулся Владыка Карнагрии, поворачиваясь к Саконнину.

И, став серьезным:

— Прикажи начальнику стражи Совета, нет, лучше прямо Шотару: пусть установят полное наблюдение за благородным посланцем Эгерина. Не знаю, удастся ли мне его приручить?

Глава тринадцатая

Два всадника выехали на поросший клевером пригорок с одинокой старой сосной справа от тропы. Отсюда, сверху, открывался вид на излучину Великона и желтую полосу дороги, широкой петлей огибающую затопляемую в период дождей низину. Примерно в шестидесяти милях на северо-восток располагался Великондар. Если б воздух был прозрачней, всадники увидели бы стены столицы Карнагрии: местность до самого побережья океана уходила вниз огромным живым ковром умело возделанных земель.

— Дальше поедешь сам! — произнес один из всадников, несмотря на жаркое солнце, по глаза закутавшийся в плащ.

— Я предпочел бы сопровождать тебя, господин! — проворчал второй всадник.

Этот не прятал лица, и человек, которому прежде был знаком Карашшер, без труда узнал бы воина.

— Поедешь один! — тихим присвистывающим голосом приказал маг. — Даже здесь я чувствую своих врагов там, в Великондаре! Значит, и они чувствуют меня! Здесь слаба власть Мудрого Аша, и даже мне не по силам укрыть себя. Пока не поднимется мощь Ирзай.

Нельзя сказать, что слова мага успокоили его слугу. Наоборот, то, что жрец снизошел до объяснений, говорило о ждущей впереди опасности. Интересно, что за дело предстоит ему в Великондаре?

— А меня они не почуют? — подозрительно спросил воин.

— Ты — ничто! — отвечал маг. — На тебе нет знака нашего бога! — И после паузы: — Только мой знак на тебе, Карашшер! И не забывай об этом!

— Забудешь! — буркнул воин. — Ладно! Полдень уж! Хоть поем напоследок под твоей защитой!

И, не дожидаясь разрешения, повернул коня в тень сосны.

— Поешь, — согласился маг. — Пока я буду говорить о том, что тебя ждет!

— И отобьешь мне весь аппетит! — проворчал Карашшер.

Но — очень тихо. Слух у мага — превосходный, а настроения его известны только Мудрому Змею Ашу. Зато Карашшер отлично знал, как умеет наказывать равнодушный к чужим страданиям чародей.

С обедом воин не спешил. Сначала он расседлал и стреножил жеребца (он проделал бы это и с конем мага, но тот отрицательно качнул головой). Потом так же не спеша расстегнул переметные сумы и вынул пищу и вино.

Когда-то, лет сто назад, Карашшер не стал бы тянуть время. Если впереди ждала опасность — он предпочитал узнать о ней немедленно. И немедленно выйти ей навстречу. Победить или умереть. Теперь же, вместо неизбежной для такого, как он, смерти в бою, перед Карашшером простиралась Вечность. И воин стал куда бережливее относиться к собственной жизни. Карашшер стал скуп на проявления храбрости. Хотя и знал, что теперь никакая рана не сделает его калекой.

Маг, усевшись на снятое с жеребца седло, наблюдал за своим слугой. Он читал мысли воина, как собственноручно написанную книгу. И знал, что Карашшер — лучшее из орудий, созданных магом за века его службы Мудрому Ашу. Иллюзия же некоторой свободы, оставленная воину, лишь укрепляла повиновение.

— Суть такова, — маг откинул капюшон и явил миру бледное лицо в обрамлении светлых, волнами спадающих волос. — Ты должен убить пророчицу Венчальной рощи по имени Метлик! И сделать это

в первую стражу после полуночи через три ночи от ближайшей!

Карашшер поперхнулся.

— Убить пророчицу? Да меня же будет искать вся стража Великондара и вдобавок к ней тысячи оскорбленных карнагрийцев! Ты уверен, господин, что я могу сделать такое и остаться в живых?

— Уверен!

Луч солнца, пробившийся сквозь хвою, упал на камень, вправленный в диадему мага, и камень потемнел, словно закрылся глаз.

— Первое, — продолжал жрец Аша. — В Венчальной роще не одна, а пятьдесят девять пророчиц. Второе: каждую из них охраняет вооруженный страж. Правда, — тонкие губы мага изобразили что-то похожее на улыбку. — Охраняет от оружия иного рода, чем сталь. Но этого достаточно, чтобы я запретил тебе убить ее собственноручно!

— Один стражник? — Карашшер пренебрежительно хмыкнул.

— Пятьдесят девять стражников! — напомнил маг. — Если возникнет хоть один подозрительный звук. Правда, именно в указанное мною время пророчица покинет святилище. Но я не хочу рисковать понапрасну. Убийство должно совершиться незаметно. И не привлечь внимания. Поэтому убивать будут другие. Ты только договоришься с ними и заплатишь!

— В Великондаре сейчас трудно найти хорошего наемного убийцу! — возразил Карашшер. — Император Фаргал крепко взял за яйца «ночную армию»! Не удивлюсь, если потребуется не один месяц, чтобы отыскать в столице подходящего человека!

— Да, — сказал маг, и тень скользнула по его лицу. — Фаргал — великий государь!

И замолк, погрузившись в собственные мысли.
— Если ты так его ценишь, — Карашшер, крайне заинтересованный, рискнул нарушить тишину, — то зачем же тогда мы...

— Молчи!

Окрик и холодный взгляд мага заставили Карашшера вздрогнуть

— Ничтожные прислужники Яго сбили его с пути! — произнес жрец, успокаиваясь.

— Если этот бог Яго так ничтожен, — руки Карашшера еще дрожали от пережитого удара магической силы, но желание докопаться до движущих помыслов мага было сильнее, — почему Аш не разделся с ним? Почему вы, жрецы Мудрого, отступаете перед соктами?

— Яго велик! — строго сказал маг. — Не менее велик, чем сам Аш! Некогда он и Мудрый были единым целым. Пока жадность двух богинь не разорвала Единое пополам. Яго велик — ничтожны жрецы-сокты. Я мог бы испепелить многих из них прямо сейчас. Но я — не сокт. Я живу будущим, а не сиюминутным. Яго велик, и сейчас его время. Но придет время Аша! И преданные будут вознаграждены сполна, а предавшие наказаны. В особенности, отступники Самери, если не успеют одуматься под гнетом уже павшего на них наказания!

— Похоже, под гнетом наказания самерийцы еще больше сближаются с соктами! — заметил Карашшер, снова принимаясь за еду.

— Мудрый не спешит! — сказал маг. — Мы испытываем их. Аш желает научить своих детей, а не уничтожить!

— Слишком сложно для моего ума! — проговорил Карашшер и глотнул из бурдючка с вином. — Однако я вижу, что сокты потеснили нас далеко на север!

— Их время! — ответил маг. — Их сила. Но она уйдет. И уйдет скоро, теперь, когда я разбудил Ирзаи. Уж не думаешь ли ты, что я нарушил покой древней богини, чтобы сокрушить человека?

— Сокты, — возразил Карашшер, — изгнали наших еще пятнадцать лет назад. Сокты и Фаргал, которого ты так ценишь. Ты — единственный в Карнагрии жрец Мудрого, не осмеливаешься подойти к Великондару ближе чем на полсотни миль!

Маг спокойно принял дерзость слуги. Он понимал: воин хочет, чтобы хозяин развеял его страхи.

— Я не один! — холодно заявил он. — Мои создания обитают совсем рядом с Фаргалом. И у меня всегда было довольно возможностей, чтобы отнять его жизнь.

— Тогда почему он жив? — удивился воин.

— Потому что некем было его заменить! — отрезал жрец.

— А теперь?

Карашшер чувствовал, что подбирается к чему-то важному.

— Очень скоро, — сказал маг, и глаза его вспыхнули. — Очень скоро я отторгну негодное дитя!

— Какое дитя? — спросил Карашшер.

Жрец взглянул на воина, и огонь в его серых глазах угас.

— Забудь! — приказал он и стер из памяти слуги свою последнюю фразу.

— Ты поедешь в Великондар! — произнес жрец, возвращаясь к прежней теме. — И найдешь в южном предместье постоялый двор «Тихая Радость»!

— Знаю его! — обрадованно воскликнул Карашшер. — Был там лет пятнадцать назад! Чудное местечко, где глаза хозяина видят только деньги, а уши слышат лишь шкворчание мяса на вертеле!

Ни нюхачей Совета, ни проворных рук, обшаривающих чужие сумы!

— Так было, — сказал маг. — Но многое изменилось в Великондаре, как ты знаешь. Многое изменилось и в «Тихой Радости»! Теперь там другой хозяин. Его зовут Мормад. Соглядатаи Совета прижали его на прежнем месте, и купленная стража больше не могла его защищать. Мормад сменил логово, и теперь в «Тихой Радости» лучше не звенеть золотом и не оставлять на виду сумы с ценным содержимым. Чтобы они не исчезли вместе с законным хозяином. Мормад, Карашшер, это тот, кто тебе нужен. Ты найдешь его, — (перед мысленным взором воина возникло лицо того, о ком шла речь), — и поручишь ему убить пророчицу. Мормад умен. Ты сумеешь с ним управиться. Поел?

— Да, — ответил воин и начал укладывать остатки провизии.

— Тогда отправляйся. После того как дело будет закончено, останешься в «Тихой Радости» и будешь наблюдать!

— За кем?

— Увидишь! Живи там, пока не получишь моего знака. Тогда немедленно уезжай из столицы. Через три дня после этого я буду ждать тебя в условленном месте!

Маг легко поднялся, подозвал коня, и через минуту Карашшер остался в одиночестве.

Воин забросил седло на спину жеребца, затянул подпругу. При этом Карашшер чувствовал себя куда спокойней, чем получасом раньше. Он даже принялся насвистывать. Дело с убийством пророчицы как бы отошло на второй план. А на первый вышло то, что он должен был увидеть, оставаясь в Великондаре.

Жрец Аша умело управлял своими орудиями.

Глава четырнадцатая

— Игры всегда начинаем мы! — сказал Хар-Руд.

Они с Кэром стояли в первом ряду, у самого выхода на Арену, где кончалась решетка.

— Бос! — закричал глашатай. — Два меча!

Высокий гладиатор выбежал на залитый солнцем белый песок и вскинул клинки над головой.

Тысячи людей разразились ревом.

По-бычьи замычали трубы.

— Против — Кушога! — воскликнул глашатай. — Копье, щит!

Соперника Боса приветствовали с меньшим энтузиазмом.

Снова захрипели трубы. Зрители оживились. Между рядами забегали какие-то люди.

— Неужели найдется дурак, что поставит против Боса? — поинтересовались за спиной Кэра.

— Дурак всегда найдется! — отозвался другой голос. — Особенно, когда за медь можно получить серебро!

Противники стояли рядом на Арене, мирно беседовали. Глашатай явно не торопился объявлять начало схватки.

Кэр слышал, как засмеялся Кушога.

Наконец ударил барабан. Гладиаторы разошлись. Кушога опустил шлем, закрывая лицо. На нем была кольчуга почти до колен и сверкающие полированные поножи. В правой руке, до локтя защищенной железной перчаткой, — ростовое копье с длинным наконечником. В левой — маленький круглый щит с шишом.

Бос был обнажен до пояса, на голове — круглый открытый шлем. В руках — легкие изогнутые мечи.

Обуты и тот и другой в короткие сапоги из мягкой кожи, обшитые железными бляшками.

Снова ударил барабан, и противники двинулись навстречу друг другу.

Кушога первым нанес удар. Его копьё метнулось к незащищенному лицу Боса. Тот лениво отмахнулся. Клинок меча звякнул о треугольный наконечник копья.

Кушога снова выбросил руку с копьём. Его соперник легко отвел острие, взмахнул мечом. Кушога отпрянул.

Некоторое время оба ходили по кругу, приглядываясь, выжидая. Толпа возмущенно загудела: зрителям нужна кровь!

— И что тянет? — пробурчал кто-то за спиной Кэра.

Кушога сделал третий выпад. Бос отклонился в сторону, изогнутый меч снизу полоснул по древку и перерубил его пополам. А второй меч каким-то образом зацепил подбородочный ремень, и шлем Кушога, звеня, покатился по Арене.

Зрители взвыли. Кушога вскинул обрубок копья, но меч в правой руке Боса упал слева. Кушога успел принять его на щит, шагнул вперед... и второй меч обрушился на его незащищенную голову. Кушога рухнул на песок.

Бос повернулся к зрительским рядам.

— Чего он ждет? — спросил Кэр.

— Если ублюдки не подарят поверженному жизнь, победитель должен его добить! — напряженно проговорил Хар-Руд.

— Разве он жив? — удивился Кэр.

Он отлично видел, как меч Боса разрубил голову Кушога.

— Жив!

Толпа безмолвствовала. Но молчание было густым, как смола.

Бос медленно повернулся к лежащему, перехватил меч и резким движением воткнул его в грудь Кушога.

Толпа вскрикнула так, словно в каждого зрителя всадили меч.

Клинок пробил кольчугу как раз напротив сердца побежденного. Бос резко выдернул окровавленный меч и поднял над головой. Зрители разразились радостными воплями.

— Я знал, что он сумеет вытащить дружка! — проворчал Хар-Руд.

Кэр, не понимая, посмотрел на помощника Управителя.

Четверо Потерявших Жизнь, из тех, что не участвовали в Играх, стремглав ринулись на Арину, подхватили тело Кушога и бегом понесли к выходу. Из разрубленной головы гладиатора капала кровь, оставляя алый пунктир на белом песке.

Четверка пронеслась мимо сына вождя. Он услышал их тяжелое дыхание. Остальные гладиаторы поспешно расступались, давая дорогу.

— Куда его? — спросил Кэр.

— К лекарю! — ответил Хар-Руд и отвернулся, потому что к нему подошел Бос.

Лицо гладиатора было бледно, несмотря на загар.

— Молодец! — помощник Управителя осторожно похлопал Боса по обнаженному плечу. — Ты сделал больше, чем мог!

Гладиатор неуверенно улыбнулся и пошел прочь.

— Наставник!

Кэр коснулся мускулистой руки Хар-Руда.

— Ты сказал: к лекарю! Разве Кушога жив?

— Бос срезал ему кусок скальпа и продырявил бок! — сказал помощник Управителя. — Ты что, не видел, как он повернул меч, когда пробивал кольчугу?

Гладиатор по прозвищу Бей-Брат подошел к ним.

— Порядок! — сообщил он.

— Главное, — сказал Хар-Руд. — Вовремя остановить кровь! Ублюдки любят кровь! Когда они видят много крови, их тупые головы окончательно перестают соображать! Бос сделал все, как надо!

— Спасибо тебе и Грониру! — сказал Бей-Брат, все еще стоящий рядом.

— Раньше побежденных прижигали железом, чтобы узнать, мертвы ли они по-настоящему! — пояснил он Кэру.

— Ублюдкам нужна кровь! — отмахнулся Хар-Руд. — Побольше крови — и они довольны. Бос словчил, но кто это увидел, а? А если и увидел, пусть докажет!

— А что теперь будет с Кушога? — спросил Кэр.

— По закону он — труп! — сказал Хар-Руд. — Может убираться хоть в преисподнюю! А может сменить кличку и снова выйти на Арену месяца через четыре! Не такой он крутой боец, чтобы кто-то запомнил его лицо! Вот этого, — он ткнул в подошедшего к решетке Боса, — запомнят! Ну, ты доволен?

— А ты? — спросил гладиатор.

— Я-то знал, что ты вывернешься!

— Еще бы! — Бос ухмыльнулся. — Он должен мне целую мерку серебра! Как же я мог его прикончить?

Рабы заменили окровавленный песок на Арене свежим.

Глашатай объявил следующую пару.

— Бос — мастер! — сказал Хар-Руд, когда длиннорукий гладиатор отошел. — Сам Фаргал не сделал бы лучше! Учись у него, парень!

— А ты, — спросил Кэр. — Ты — сумел бы?

— Я? Пять лет назад я был сильнее Боса! Но и тогда подобное было мне не по зубам! Запомни: убить всегда легче, чем оставить в живых!

Вторая пара медленно сближалась.

Оба — мощные, широкоплечие. Но Медведь — воистину великан. Огромная двойная секира в его руках казалась легкой, как тростинка. Рыжая густая борода выбивалась из-под рогатого шлема. Шершень был вооружен длинным, окованным железом, двухжальным копьем. Один наконечник — прямой, широкий, второй — отходящий в сторону остро отточенный серп.

Медведь взмахнул секирой, и стальная цепь в локоть длиной, шедшая от рукояти лабриса к запястью левой руки гладиатора, загремела, как десяток кандалышков.

Шершень ударил копьем. Пока — только угрожающая. Медведь хакнул, выбросил секиру вперед и вдруг завертел ею над головой, заставив противника отшатнуться.

Шершень попятился, а Медведь надвинулся на него. Огромный лабрис с шумом разрезал воздух. Шершень отступил почти до самой решетки. Казалось, сейчас он упрется спиной и — конец. Но, когда осталось всего несколько шагов до края Арены, Шершень с удивительным для такой громадины проворством прыгнул вперед, пригнул голову (секира просвистела, едва не срубив маковку шлема) и ткнул острием, больше похожим на короткий меч, чем на навершие копья, прямо в грудь противника.

Возможности уклониться или отбить удар лабрисом у Медведя не было. Потому он попросту вмазал по навершию огромным кулачищем в железной рукавице. И удар был так силен, что отклонил в сторону даже тяжелое копье. Оно, прободив нагрудник, лишь слегка задело левый бок гладиатора.

Шершень метнулся в сторону, уходя от летящего топора. Теперь они поменялись местами, и у Шершня снова появилась возможность отступать через всю Арену. Он сделал вид, что собирается следовать прежней тактике, но когда Медведь, рыча, надвинулся, Шершень бросил копьё вперед, попытавшись при обратном его движении подрезать Медведю жилы на ногах серповидным лезвием. Не вышло.

Кэр жадно следил за поединком. И вдруг поймал себя на мысли, что заранее знает, кто победит в этой схватке.

Вдруг Шершень воткнул копьё в песок, перепрыгнул через древко и обратным, окованным бронзой концом оружия парировал руку Медведя, сжимающую секиру. Тот потерял равновесие, отшатнулся назад, попытался цепью поймать копьё. Шершень упал на колено, выдернул наконечник из песка, крутнул копьё над головой. И серповидный наконечник воткнулся в ногу Медведя.

Шершень рванул копьё на себя. Но его противник, выпустив повисшую на цепи секиру, успел схватить древко копья и выдернуть наконечник из раны раньше, чем лезвие разорвало мышцу.

Шершень, даже не пытаясь вырвать свое оружие из руки Медведя, отпустил копьё, откатился в сторону и...

Двойная секира, к длине рукояти которой прибавилась длина цепи, взвилась в воздух и догнала его.

Изогнутое лезвие разрубило наплечник и на глубину локтя погрузилось в человеческое тело. Добивать Шершня не было нужды.

Медведь, не обращая никакого внимания на вопли зрителей, повернулся и, зажав ладонью рану на бедре, похромал в сторону ворот.

— А я-то надеялся, Медведь возглавит нашу партию! — разочарованно проговорил Стикс, гладиатор из западных карнигов.

Помощник Управителя посмотрел на Кэра.

— Иди-ка поищи Боса! — велел он. — Пусть сам подберет старшего для партии Зеленых!

Юноша рассчитывал посмотреть третью схватку, но спорить с Хар-Рудом не стоило.

Разочарованный, он отправился в помещение для раненых. Кэр рассчитывал найти Боса рядом с Кушогам.

Но Боса там не было. Маленький лекарь накладывал повязку на раненую ногу Медведя. Бедро гладиатора было толще, чем туловище лекаря.

— Бос? — спросил юноша.

— Поищи у вольер! — пробасил Медведь. — Я видел, он отправился туда!

И верно, самериец нашел его там, в полном одиночестве, если не считать десятка хищных зверей в клетках. Гладиатор развлекался метанием ножа в деревянную стенку вольеры с грязным рассерженным львом.

Каждый раз, когда нож звонко ударял в дощатую перегородку, хищник злобно рычал. И норовил ухватить Боса лапой, когда тот извлекал из дерева нож.

Гладиатор рычал в ответ. Очень похоже.

Кэр обратил внимание на то, что все отметины, оставленные ножом, можно накрыть ладонью.

— Хар-Руд просил тебя подобрать старшего для партии Зеленых! — сказал юноша.

— Что? — удивился гладиатор. — Неужели Медведь не завалил Шершня?

— Он его убил, — сказал Кэр. — Но сам ранен.

— Сильно? — тяжелый клинок звонко ударил в сухое дерево. — Сильно ранен?

— Шершень проткнул ему бедро. И что-то с левым боком! Можешь спросить у лекаря.

— Ушел сам? — Бос выдернул нож, ловко увернувшись от широкой лапы с выпущенными когтями.

— Сам!

— Тогда будет драться! — уверенно заявил эгерини.

«Бум!» — нож глубоко вошел в доску.

— Готов спорить на шесть монет!

Кэр пожал плечами:

— У меня нет денег!

— Могу занять!

— Не надо!

Бос выдернул нож, сунул его в чехол, похлопал юношу по плечу:

— Ладно! Пойдем взглянем, как Гаргалон метелит Крючника!

Они поспели к самому окончанию схватки.

Победил, вопреки прогнозу, Крючник. Гаргалона с разрубленной грудью унесли с Арены. Рабы быстро засыпали кровь свежим песком.

Появился, прихрамывая, Медведь.

Хар-Руд с сомнением посмотрел на него.

— Даже и не думай! — предостерег гладиатор.

Бос подмигнул Кэру.

— А твоя нога? — спросил помощник Управителя.

— Пустое! На ладонь вошло, не боле! Что ж мне теперь и вина не пить?

— Твое дело, — уступил Хар-Руд. — Иди. Одевайся.

По традиции первыми на Арену выходили Черные. Их вел Бос, сменивший один из мечей на треугольный, окованный медью щит. За Босом, парами,

сокты — Вепрь и Устул, широкие, низкорослые, вооруженные кривыми мечами. Потом — Ордаш, Селезень, черный как ночь Мортяк с железной булавой, Вышка — с топором на цепи, вроде того, каким сражался Медведь, только полегче. Жеребец, прозванный так за гриву черных волос и крупные выступающие зубы, замыкал группу.

Зеленые. Появление Медведя толпа приветствовала одобрительными свистками. Мало кто ожидал еще раз увидеть его на Арене в эти Игры. Ставки на Зеленых тут же подпрыгнули. Медведь сменил секиру на копьё, называемое карнитским: тяжелое, с таким длинным и широким наконечником, что впору клинку меча. Стальной шлем с орлиными крыльями и личиной, имитирующей морду медведя, закрывал голову и короткую толстую шею.

По традиции Зеленых считали «карнами», вооружали копьями и длинными щитами, какие до сих пор использовала имперская пехота, называвшаяся, кстати, Черной. Но гладиаторы, Зеленые и Черные, уже без малого пять веков набирались из выходцев самых разных народов и племен. Только оружие и оставалось неизменным.

Грохнул барабан. Оба отряда построились друг против друга. Новый сигнал — и бойцы схватились. Зеленым дольше удавалось сохранять строй, и поначалу перевес был на их стороне: четверо Черных получили легкие ранения, Селезень был насквозь продырявлен копьём Бортника. Впрочем, Бос тут же сравнял счет: Бортник рухнул с разрубленным шлемом, едва успев высвободить оружие. И Бос, и Медведь пока старались держаться позади, прикрывая того из бойцов, кому в данный момент грозила наибольшая опасность. Босу такая пассивность давалась легче, чем Медведю. Потому, когда строй Зеленых наконец распался, могучий гладиатор рва-

нулся вперед и врубился в самую гущу. Своим тяжеленным копьем он орудовал с потрясающей легкостью, используя не только для колющих, но и для рубящих ударов — как секиру.

За какие-нибудь пять минут он ухитрился вывести из строя троих Черных: Вепря, упавшего с раздробленным коленом, Жеребца, оглушенного ударом древка, и Ордаша: сбив с ног, Медведь прижал к его горлу острие копья и вынудил сдаться.

Из Зеленых же один Бурелом, получив раны в обе руки, вышел из боя.

Медведь, Волк, Морской, Крокодил, Бандаш и Хиу-Хи оказались вшестером против Устула, Вышки и Боса. Правда, к ним присоединился и Жеребец, успевший оправиться после удара Медведя.

Медведь теснил Вышку, Устул схватился с Волком, а Морской, Крокодил и Бандаш взяли в оборот Боса. Но тот не зря считался лучшим из Потерявших Жизнь. Вихрем он метался по Арене, ускользая от ударов копий. И трем его противникам никак не удавалось окружить длиннорукого мечника. Будь у них сети вместо щитов, Босу пришлось бы тяжелей. Но копье и щит, чьи преимущества несомненны, когда воины стоят плечом к плечу, не слишком удобны, если приходится гоняться за подвижным противником. Да еще то и дело натываясь на собственных товарищей. И боевой пыл Зеленых, подогреваемый численным преимуществом, поугас.

Бос именно этого и добивался. Выждав, когда спадет боевой азарт, он абсолютно точно угадал момент и перешел в атаку.

Прыжок — и он очутился между Морским и Бандашом. Край его щита ударил в подбородок Морского, а Бандаш упал, облившись кровью: перехватив рукоять меча, обратным движением Бос перерезал ему глотку.

Крокодил храбро бросился вперед, но противник, присев, обрубил наконечник его копья. И коснулся лезвием незащищенного горла. Гладиатор, в двух шагах от которого лежал Бандаш, чья глотка была перерезана до позвоночника, поспешно уронил щит. Сдаюсь!

Бос бросил взгляд на Жеребца: Хиу-Хи нападал, но Черный оборонялся вполне успешно. И Вышка держался неплохо. Медведь был сильнее, но рана на ноге начала сказываться (даже нечеловеческая выносливость Медведя имела границы), и Черному удавалось уклоняться от сокрушительных ударов и даже изрядно помять доспехи противника.

В этот момент Устул, улучив момент, проткнул плечо Волка и тут же обрушил свой кривой меч на голову раненого. Шлем Волка развалился пополам, и клинок Устула раскроил Зеленому череп.

Устул, почти такой же выносливый, как предводитель Зеленых, не стал переводить дух. Он быстро огляделся и решил, что делать. Крадучись, подобрался сзади к Медведю, полностью занятому Вышкой, и, присев, быстрым взмахом меча подсек Медведю ноги.

Удар был подлый, но не запрещенный правилами.

Фактически, последний удар в этой схватке. Медведь рухнул на песок, а Хиу-Хи, оставшись в одиночестве, тут же бросил щит.

Черные победили.

Пока Бос, Устул, Вышка и Жеребец принимали почести, раненых и убитых унесли с Арены. Раненых тотчас передали в руки трем лучшим врачам Великондара. Жизнь гладиатора, хотя и называлась потерянной, ценилась высоко: далеко не каждого можно научить мастерству Арены. А попробуй кто из императоров запретить Игры? И дня ему не усидеть после этого на Кедровом Троне!

Четверо победителей вразброд двинулись к выходу.

Мимо Кэра.

Юноша, с восторгом следивший за схваткой, больше всего восхищался Медведем. Именно Медведь проявил настоящее мужество. Сын вождя справедливо считал: не будь великан ранен, итог схватки мог быть иным. Удар же Устула, искалечивший гладиатора, юноша счел недостойным воина. А когда сын вождя клана Мечей полагает что-то недостойным, он не станет это скрывать. Он не оскорбился, когда кулак Устула швырнул его наземь — то было честно. Но действовать сзади в схватке, где существуют правила? Нет!

Кэр еще слишком мало прожил на Гладиаторском Дворе и, вообще, в Великондаре, чтобы научиться держать язык за зубами.

Он решительно преградил дорогу Устулу.

— Ты не воин! Ты — гиена! — процедил он.

Сокт, вполне довольный собой, был погружен в собственные мысли и даже не расслышал сказанного.

— В чем дело, паренек? — снисходительно бросил он, замедлив шаг.

— Гиена, — медленно, сквозь зубы выговорил Кэр, — нападает сзади! Потому что боится клыков!

Сокт понял не сразу, что имеется в виду. Хотя намек был прозрачен, как фетское стекло. А когда понял, глаза его налились кровью. Сокт сжал кулаки... но, в отличие от юноши, всегда помнил, где и когда можно сводить счеты.

«Много чести для сопляка, — подумал он, — если я, Устул, победитель, расквашу ему физиономию».

И сокт разжал кулаки. Сегодня он — первый. Удар, который Устул полагал доблестным, решил исход схватки!

— Ты, шакаленок! — рявкнул он. — Заткни пасть и прочь с моей дороги!

Оттолкнув Кэра, он зашагал дальше.

— Вернись, трусливый ублюдок!

Слова сами вырвались из горла юноши. Он буквально трясся от ненависти.

Устул стремительно повернулся:

— Что?! Ублюдок?!

И ринулся на Кэра.

Ордаш, в этот момент оказавшийся рядом, хотел встать между ними, но не успел. Зато Кэр успел выдернуть из ножен Ордаша меч. Так быстро, что гладиатор не успел помешать.

— Ты, должно быть, глух! — сказал он, держа меч в локте от отшатнувшегося сокта. — Трусливый ублюдок! Вот что я сказал!

— Эй, эй! Полегче! — воскликнул Ордаш, отступая на шаг.

Ему показалось: парень сошел с ума.

Устул отпрыгнул назад и выхватил меч.

— Вот сейчас ты сдохнешь! — пообещал он, ослабившись.

— Стоять!!!

Кэр даже не подозревал, что у человека может быть голос такой силы. От рева Хар-Руда у него заложило уши. Он даже присел от неожиданности. Весь гнев вылетел из него в один миг. Такое же ощущение было и у сокта.

— Псы! — помощник Управителя свирепо оглядел одного и второго. — Потерявший Жизнь убивает только на Арене! Только на Арене, вы, шакалья дрсня!

— Он, — пробормотал Устул. — Ему на Арену... Ученик...

— Да? — с холодной яростью спросил Хар-Руд.

Потом, обернувшись к Кэру, выхватил у него меч и швырнул Ордашу:

— Держи, дурак!

— А ты, — он холодно оглядел Кэра. — Получишь свою возможность! Через два дня! Послезавтра! Я объявляю вас третьей парой!

— Ха! — Устул свирепо осклабился. — Ты сдохнешь, сопляк! Как я тебе обещал! Поживи! Два дня! И зашагал прочь.

— Ну? — буркнул помощник Управителя. — Ты доволен?

— Да! — совершенно спокойно ответил юноша. — Да, наставник! Через два дня я его убью!

Кэр и на миг не усомнился, что сделает это. Второй раз в жизни он держал в руке боевой меч. В первый, когда он убил стражника. Сын вождя попросту не понял, что произошло, не прочувствовал. Зато, изготоясь к схватке с Устулом, он исполнился холодной уверенности. Ничего подобного юноша не испытывал, ни охотясь с рогатиной в горах Самери, ни тренируясь с деревянным мечом. Стальной клинок был предназначен для убийства. Братъ жизнь — за жизнь своего хозяина. И хотя там, в Самери, Кэр так и не получил собственного меча, все, чему учили сына вождя, было подготовкой к этому мигу, мигу, когда воину Кэру вручат смертоносный тотем клана.

— Очень хорошо! — сказал Хар-Руд. — Ты его убьешь! А теперь пойдем обратно!

— Куда?

— К Арене.

— Но ведь все ушли! — удивился юноша.

— Далеко не все! Ты увидишь!

Помощник Управителя двинулся по коридору, свернул в одну из дверей, и через минуту они снова оказались у выхода на Арену. Но выход был закрыт, а у соседней с ним арки маячил стражник.

Хар-Руд молча поднял руку с золотым браслетом. Стражник убрал копье.

Еще один переход, и они оказались на открытом воздухе: между решеткой и зрительскими рядами.

Один из шести солдат, что прохаживались здесь, поспешил к ним. Хар-Руд вторично продемонстрировал браслет.

Они находились на выложенной мозаичными плитами полосе шириной в шесть-семь шагов. Арена была пуста. Кэр повернулся к скамьям.

— Чего они ждут? — спросил он, оглядывая возбужденные лица.

— Увидишь!

Кэр увидел.

Два стражника выволокли на Арену голого связанного человека. Один из них, мечом, перерубил веревки и толкнул пленника в спину. Тот упал на песок.

Стражники, бегом, покинули Арену.

— Слушайте! — закричал глашатай. — Вот Крол! Крол, прозванный Кровососом! Разбойник, пойманный воинами справедливого царя Фаргала! Крол-Кровосос, убивший шестерых солдат — и множество мирных поселян! Крол, злобный и коварный убийца.

Человек с трудом, неловко, поднялся на ноги. На его изможденном лице застыла гримаса отчаяния.

— Трудно поверить, что такой доходяга убил шестерых, вроде этих волков! — Кэр кивнул в сторону расхаживающих туда-сюда стражников. — Может, отравил?

— Ну этот не убьет и шакала! — отозвался Хар-Руд. — Ты взгляни, какой он худой и сутулый! А загар? Черен до пояса и от колен! Клянусь Ашшуром, у него на руках вот такие мозоли от мотыги! Разбойник? Как же! Бедолага-арендатор, проданный за долги!

— Зачем же болтать? — спросил сын вождя.

— Что разбойник? Подумай сам: какой интерес ублюдкам глядеть, как подохнет бедолага-землепащец, задолжавший казне? Да такие сплошь валяются на улицах Великондара! И дохнут, заметь, совершенно бесплатно, к радости собак и крыс! Иное дело, если разбойник!

— Но ему же придется драться! А смелости в нем не больше, чем у сурка!

— Вот драться от него никто не требует! — жестко сказал эгерини. — Смотри, сынок, смотри! Это поможет тебе получше узнать Великондар и прекрасную Карнагрию!

Тем временем к большим железным воротам с противоположной стороны подтащили клетки, в которых метались желтые тени.

Ворота распахнулись, клетки вытолкнули на Арену, сбив запоры. Большие ворота поспешно затворили.

Из клеток, нервно порывая, выбрались два льва.

Верней, лев и львица. Были они худые и какие-то облезлые: шкура висела, как пустые меха, все ребра — напоказ.

— У них неважный вид! — заметил юноша.

Голый человек увидел зверей и жалобно закричал.

— У тебя тоже будет неважный вид, поддержи тебя голодным денька три-четыре! — сказал Хар-Руд.

Львица, обогнав льва, припала к земле и, дергая толстым хвостом, стала подбираться к жертве.

«Разбойник», закрыв лицо руками, тихо скулил.

Но лев, который далеко не первый раз оказывался на Арене, отлично знал, что это не та добыча, что убегает.

В два огромных прыжка он оказался рядом с человеком и сшиб его на песок.

— Говорили мне, — сказал Хар-Руд, — что если лев схватит свою жертву, а та не сопротивляется, то схваченный даже не чувствует боли!

— Как знать, — пробормотал Кэр. — Нам с тобой на это надеяться нечего!

Лев поддел человека когтями и ухватил за шею. Слышно было, как хрустнули позвонки. Голова человека почти целиком скрылась в пасти хищника. Лев зарычал, протащил жертву шага четыре, а потом, перехватив, понес, как пес — крысу. Ноги и руки убитого волочились по песку.

— Всяко лучше, чем котел или колесо! — пробурчал Хар-Руд. — Да ты не на Арену смотри! Звери, они звери и есть! Ты на ублюдков полюбуйся!

Лев ударом лапы вспорол живот добычи и до глаз погрузил морду в дымящиеся внутренности.

Львица топталась поодаль и рычала.

Кэр наблюдал: экстатически оскаленные рты, выкаченные глаза, трясущиеся руки...

Львица осторожно подобралась к ногам трупа и принялась за еду. Лев сердито зарычал, но отгонять не стал.

Вдвоем они быстро покончили с телом несчастного.

Появились служители с факелами и длинными пестами.

Зверей, отяжелевших, с круглыми животами, лениво отмахивающихся, загнали в клетки и заперли.

— Как зрелище? — спросил Хар-Руд.

— Не понимаю, что они в нем находят! — ответил юноша. — Кошки едят всегда одинаково. Я видел это сотни раз: мой отец держит ручных леопардов!

— Смелый человек!

— Они — отличная защита, если найти правильный подход!

— Возможно. А знаешь... — эгерини помедлил, глядя на Арену, где, в который раз, засыпали

свежим песком кровавые пятна. — Я ведь был в Самери!

— Да? — с полным равнодушием произнес Кэр.

— И видел довольно ваших... Никогда бы не подумал, что ты — оттуда!

— Я — из горного клана! — надменно произнес Кэр. — Увальни с равнин — просто навоз для полей!

— Я видел и горцев!

— Тогда что тебя удивляет... наставник?

— Твое лицо! — рывкнул помощник Управителя так громко, что кое-кто из зрителей обернулся. — Ты так же похож на самерийца, как я — на землепашца-агра, которого только что сожрали!

— Ну и что? — Кэр пожал плечами. — Какое это имеет значение, если сам вождь клана Мечей принял меня в свой дом?

— Так тебя не интересует, кто твои настоящие родители?

— Мой отец — вождь Хардаларул! — отрезал юноша.

В его серых глазах запрыгали искры гнева.

— Ладно, — сделал шаг назад помощник Управителя. — Я, в конце концов, тоже не знаю, кому обязан рождением! Моя приемная мать — палуба корабля, а отец — плетка капитана! Так что тебе повезло больше, сынок!

— Да, — сказал Кэр. — Мне повезло! А если бы твои слова слышал мой отец, твоя кровь уже смочила бы этот камень!

Юноша топнул ногой.

— Или — его кровь! — Хар-Руд прищурился. — Не зарывайся! Или мы поссоримся!

Кэр молчал. И смотрел в сторону, когда глаза эгерини буравили его щеку.

— Ты говорил, здесь травят медведя? — произнес он примирительно после минутного молчания.

«Да, — подумал Хар-Руд с удовольствием. — Мальчик умнеет на глазах!»

— Завтра! Сегодня только то, что ты уже видел!

— Может, пойдем?

— Пожалуй. Как тебе ублюдки?

— Такие же паршивые, как ваши бедные львы! Бос что-то говорил о пиршестве?

Хар-Руд фыркнул:

— Он назвал это пиршеством? Ха! Будет безобразная попойка, парень! И половина здешней аристократии примет в ней участие! Лучшая половина! У тебя есть серьезный шанс трахнуть благородную даму, пахнущую драгоценными аретскими духами. Или — двух! Или — трех, как собираюсь сделать я сам! Игры — такой большой праздник, сынок, что каждая увешанная самоцветами блядь мужского или женского пола охотно развяжет кошелек, чтобы какой-нибудь верзила с разрубленной рожей повалял ее по ковру!

— Кошелек? — удивился Кэр. — Это...

— Именно кошелек! В нем хранят деньги, если ты еще не знаешь!

— Мы храним деньги в поясе!

— Ну, пояс они распускают куда охотней! Тебе понравится, сынок! Такие, как ты, должны любить баб и хорошую драку! Иначе не стоило вытаскивать тебя из петли! Как думаешь, почему я это сделал?

— Потому, что я похож на тебя?

— Ну нет! Я как раз предпочитаю деньги! Иначе сегодня не Медведь, а Хар-Руд-Пополамправлял бы Зелеными! А твой приятель Устул, — (юноша поморщился), — валялся бы с дыркой в брюхе!

— Что же, — спросил Кэр с интересом. — Если человек — настоящий воин, он должен любить подражаться и поразвлекаться с женщинами?

— Я так сказал? — удивился Хар-Руд. — Ты путаешь воина и Потерявшего Жизнь! Я, например, хороший воин, а трижды думаю, прежде чем схватиться за меч! А царь Фаргал, к примеру, совершенно равнодушен к женщинам!

— Он предпочитает мужчин? — заинтересовался Кэр.

— Ты не одинок в этом предположении! — ухмыльнулся Хар-Руд. — Но — не прав! Фаргал, я полагаю, предпочитает власть! Вот то, что слаще женщин, драк, да всего на свете!

— Потому ты стал помощником Управителя?

— Пошли! — с досадой проговорил Хар-Руд. — У тебя — неплохие мозги, но поставлены как-то набекрень! Я же сказал, что люблю деньги! Но от хорошей бабы тоже никогда не отказываюсь!

Эгерини рассмеялся.

На Арену тем временем выбросили еще одного несчастного. Такого же убогого, как и первый.

— Вот когда-то здесь стоял Фаргал!..

Мечтательная дымка заволокла глаза Хар-Руда.

— Здесь, на Арене? Ты говорил: он задушил льва?

— Угу. И рычал при этом так жутко, что львица смылась в клетку и сидела там, смиренная, как овечка!

— Я бы посмотрел на такое! — задумчиво сказал юноша. — Но от этого, — кивок в сторону человека на Арене, — подобного ждать не приходится!

— Это точно! — в первый раз за последние полчаса согласился с ним помощник Управителя.

И они ушли.

Хотя еще долго доносилось до них утробное рычание хищников, смешанное с диким рычанием толпы на трибунах. До тех пор, пока Кэр и Хар-Руд не оказались в другом крыле Дворца.

Глава пятнадцатая

— Какая изящная вещь! — произнес Люг, разглядывая бокал. — Эгеринская работа времен Шорской династии, я полагаю. Не менее шести веков. А вот эта треугольная отметина — от наконечника карнагийской стрелы! — сокт постучал по серебряному основанию. — Как приятно пить из военной добычи, что шесть веков назад отобрал потомок эгеринского принца у бедного эгеринского солдата!

— Это мой собственный бокал! — проворчал Фаргал. — Вы, обитатели Священных островов, столь хорошо разбираетесь в искусстве, что меня так и подмывает передать тебе или Кен-Гизару ключи от царских кладовых!

— В искусстве?

Люг поставил бокал на шелк скатерти, чтобы подцепить ножом ломтик копченого угря.

— Нет, мой царь! Не в искусстве — в добыче! Мы, сокты, с детства учимся понимать, за что на имперских рынках дают настоящие деньги. Наши земли малы и бедны в сравнении с великолепием Империй. А Яго неугодно, чтобы мы покинули Священные острова и отхватили кусок пожирней. Поэтому нам только и остается, что стричь тех, кто стрижет вас!

— Меня никто не стрижет! — отрезал Фаргал.

Сокт усмехнулся.

— Так не бывает! — сказал он. — Даже лев достанется гиенам, когда сдохнет!

Он осушил бокал и повертел его в пальцах.

— Послушай! Подари мне его!

— Забирай! — равнодушно отозвался Фаргал. — Почему бы тебе не взглянуть на Игры?

— Желаешь поговорить с послом Эгерина наедине?

— Я желаю немного подумать! Я устал от твоей иронии, Люг!

— Потерпишь, мой царь! Игры? Нет, я люблю другой сорт потасовок! Кстати, не хочешь ли поразмяться? Я был у тебя в оружейной; там не найти меча, на котором не лежал бы слой пыли в палец толщиной!

— Свой меч я ношу с собой! Ты нервничаешь, Люг? Из-за эгеринского посла?

— Нет, мой царь! Из-за этого, — сокт коснулся браслета с символом Яго на своем запястье. — Со вчерашнего вечера он жжет мою кожу!

Фаргал нахмурился и уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но тут появился слуга.

— Благородный Скаэр Станар! — доложил он с поклоном.

— Благородный потрошитель чужих сундуков! — прокомментировал Люг.

— Зови! — велел царь.

Посол Эгерина вошел, поклонился, обежав комнату цепким взглядом. Будто прицениваясь.

— Войди! — пригласил Фаргал.

— Царь позволит мне занять место? — почтительным голосом осведомился Станар.

— Без церемоний! — сказал Фаргал. — Сейчас мой друг Люг попросит подарить ему твою золотую цепь! У него сегодня слабость к эгеринским драгоценностям.

— Почему — нет?

Станар с готовностью взялся за украшение.

— Когда царь говорит: дай ему, — усмехнулся сокт, — он подразумевает: дай мне! По этому признаку всегда узнаешь императора... или менялу. И тот и другой сметают в свои подвалы все, до чего удастся дотянуться!

— Но царь Карнагрии — не таков! — Станар бросил внимательный взгляд на Фаргала.

— Просто более ленив! — махнул рукой сокт. — Я предложил ему...

— Довольно! — воскликнул Фаргал с напускным гневом. — Станар! Как ты желал бы развлечься?

— Я? — посол подумал немного. — Говорят, ты держишь во дворце лучшего поэта и певца Карнагрии!

Фаргал удивленно поднял бровь.

— Он имеет в виду Сурнаш-Гина! — пояснил Люг. — Позови, кстати! Давно хочу отрезать ему уши!

— Только уши?

— У него единственный недостаток, мой царь! Он очень не любит тебя! Но ведь и Йорганкеша, твоего предшественника, он тоже не любил! Да за что вас любить, государи Карнагрии?

Сокт рассмеялся и опрокинул в себя еще одну порцию вина.

— Зови Сурнаш-Гина, мой царь! Станару он понравится — у эгерини хороший слух!

— Он немного безумен, мой поэт! — сказал послу Фаргал.

— А я? — снова перебил сокт. — Будь я в своем уме, пил бы сейчас вино у себя дома и не думал, почему уже третий дегустатор царских яств умер за этот год!

— Так серьезно? — спросил Станар.

— Не очень, — ответил Фаргал. — У меня еще есть маги! Я плачу им достаточно, чтобы не беспокоиться о ядах и порче!

— Я точно ненормальный! — заявил Люг. — Будь я нормален, пил бы сейчас хорошее вино и трижды в день развлекался бы с самыми славными девушками и самыми красивыми мальчиками на своем островке! И не размышлял о погрязшей в мерзости Карнагрии!

— По-моему, у меня тоже неплохое вино! — заметил царь.

— По-твоему! Ладно, — согласился сокт. — Пусть придет твой поэт! Но если к его скверному характеру прибавится и скверное искусство, я отрежу ему не только уши!

Фаргал потянулся к бронзовому гонгу.

— Позови Сурнаш-Гина! — приказал он явившемуся прислужнику.

Первый придворный поэт и певец Карнагрии, переживший уже двух императоров, несмотря на репутацию безумца (или — благодаря ей!), был доставлен парой стражников.

— Я не желаю развлекать тебя, узурпатор! — закричал он еще с порога. — Я буду плясать на твоих похоронах! Услышь меня, Ашшур! Я повеселюсь! О, как я повеселюсь, когда твой труп бросят собакам!

— Меня уже пытались скормить львам! — сказал Фаргал, обращаясь к Станару. — Став царем, я, конечно, уже недостойн подобной чести! Всего лишь собаки, да, Сурнаш?

— А лучше — крысы! — свирепо заявил сумасшедший певец.

— Что за дивный голос! — воскликнул сокт в притворном восхищении. — Ашшур! Будь у меня такой голос, такой дивный голос, на что мне меч? Лучшие мужчины падали бы к моим ногам!

Поэт злобно уставился на Люга.

Сокт картинно похлопал в ладоши.

— А как он красив! — с еще большим восхищением воскликнул он, оборачиваясь к Фаргалу. — Эти локоны! Эти пухлые губы!

По правде сказать, губы растрескались, а «локоны» представляли собой свалившуюся копну давно не мытых волос. Но Сурнаш-Гин так ненавидел и

боялся сока, что принял все за чистую монету. Стоило тому сделать вид, что он влюблен в певца и жаждет разделить с ним ложе, Сурнаш-Гин приходил в ужас. Вот и сейчас он попятился, всерьез опасаясь, что царский любимчик от намеков перейдет к делу. Поэт, вообще, был не из тех, кто делит ложе с мужчинами, от мысли о том, что он, благородный карнит, будет изнасилован черным островитянином, бедняга покрывался липким холодным потом.

Развлечение Люга продолжалось не первый год, и Сурнаш-Гин, верно, был бы поражен, узнав, что чистоплотному и очень разборчивому соку мысль о близости с ним внушает не меньшее отвращение.

— Вот он! — сказал Фаргал Станару. — Голос у него, верно, хорош! Но поэт из него... Держу при себе только из жалости! Куда он пойдет? Попрошайничать на рынке?

— Я? Я? — Сурнаш-Гин захлебывался от возмущения. — Ты... Ты...

— Эй! — крикнул Фаргал прислужнику. — Поддай ему лютню! Спорю на золотой, он не способен слепить и двух строк!

Сокт подмигнул изумленному Станару.

Поэт заскрипел зубами. Но лютню взял.

— Играть для тебя не буду! — прорычал он. — Не дожدهшься! Но твой золотой — заберу!

— Дай мне стул! — крикнул он топтавшемуся позади стражнику.

Усевшись, поэт перевернул лютню струнами вниз, положил на колено. Тонкие пальцы его забарабанили по инструменту. Ритм был быстрый, тревожный, будоражащий.

Поэт вскинул на Фаргала черные глаза. В них была ничем не прикрытая ненависть.

— Тишина не имеет имен!
Темнота не имеет границ!
То глядит Расчленитель Времен
Из слепых запрокинутых лиц.
А над выжженной плешью холма
Расползается липкий туман,
И стекает багровая тьма
Из оскаленных ртов обезьян!

Я бреду под зашедший вой,
Зарываясь коленями в грязь.
И визжит над моей головой
Красный коршун по имени «Страсть».
Я иду, но не слышу шагов.
А по сердцу, водой, холодок.
А сиреневый плащ облаков
Равнодушно плывет на восток.

«Торопись! Торопись! Торопись!»
Это булькает воздух в груди.
И взирает рассеянно вниз
Нашептавший во сне: «Уходи!»

А дороги, пусты и черны,
Не спеша расползаются прочь.
И белесый огрызок луны
Возвещает грядущую ночь.

Никогда никого не прощать!
Не щадить укрывающий дом!
На устах пламенеет печать,
А вверху, между камнем и льдом,
Бог уснул. Он уснул. Не глядит.
Спит, безумные очи закрыв.
И не видит, как в алой груди
Свежей падали роется гриф.

Ветер косо толкает в плечо.
Он относит удушливый чад.

Где у пламени черный зрачок —
Там пути обрываются в Ад.
Я один. Ты один. И гоним
В никуда: оглянись — и падешь!
И летят надо мною, как дым,
Облака, уносящие дождь.

Там живут мои вещие сны.
Там пылает божественный взор.
Там стоят на плечах Тишины
Обнаженные головы гор.
Там вокруг только небо и лед.
Только небо и облачный бег.
Там кончается птичий полет.
И качается звездный Ковчег.
Там уходят во Тьму навсегда.
Задыхаясь, в грязи и поту.
И сбегает по склону вода,
Та, в которую я упаду!

Сурнаш-Гин оборвал песню и долго кашлял, задыхаясь и отхаркивая мокроту на великолепный ковер.

Царь откинул крышку шкатулки, что стояла у его ложа, вынул золотой собственной чеканки и бросил певцу.

— Я проиграл! — признал он, подмигнув Станару.

Сурнаш-Гин подобрал золото, оглядел, попробовал на зуб.

— Царь фальшивый, а золото настоящее, карнитское! — заявил он.

— Прочь! — добродушно сказал Фаргал.

Стражники схватили певца и выволокли его из царских покоев.

— Будь мы поласковей! — произнес Люг. — И он бы окончательно свихнулся!

— Поэт — не летописец! — улыбнулся Фаргал. — Нельзя смотреть ему в рот. Кстати, я не держу летописцев! С Сурнаш-Гином говорят боги, а боги не любят довольных, по себе знаю! Нет, пусть он меня ненавидит, но зато не станет забивать мои уши патокой, как прочие! Ты знаешь, Станар, я тоже пишу стихи!

— Мне понравился твой поэт! — вежливо произнес посол.

— Еще бы! — сказал Люг и зевнул. — Я пока помолился Ашшуру, чтобы он послал нам что-нибудь веселое! — сообщил сокт.

— Веселое?

— Да! Что-нибудь захватывающее! Вроде мятежа или войны, а, царь? Что стоит, например, Эгерину объявить тебе войну? Мы все неплохо повеселились бы!

— Я должен заботиться о своих подданных! — серьезно ответил Фаргал. — Для них война — несчастье!

— В первую очередь, царь, ты должен заботиться о престоле! — заявил Люг. — Решая все эти вопросы допустимости брака, — взгляд в сторону Станара, — все эти денежные и земельные дрязги, ты сохнешь, как виноградник без дождя! А твои войска забыли, как выглядит их император! Вот от этого, точно, жди беды!

— Чушь! — отмахнулся Фаргал.

Хотя в глубине души понимал, что сокт прав.

Озабоченный Станар переводил с одного на другого взгляд блестящих глаз.

— Может, завоевать Священные острова? — предложил, усмехнувшись, царь.

— Неплохая идея! Мне она понравится! Хотя бы потому, что тебе придется обзавестись достойным флотом. На твоих лоханях и до Фетиса не доплыть!

— Нет, как насчет Эгерина? — сокт повернулся к послу. — Не желает ли Эгеринский Дракон по-воевать с Карнагрийским Львом?

— Ты присоединяешься к вопросу, государь? — повернулся к царю Станар.

— Пошли его к демонам! Люг! Сходи-ка за фехтовальными мечами! А то и впрямь в моих суставах заведется плесень!

— Скажи! Ты боишься, что я поссорю тебя с Эгерином и тебе придется присоединить к своей короне еще одну Империю!

Станар нахмурился, а потом, не выдержав, расхохотался.

— Сам пойдешь в оружейную? — спросил Фаргал. — Или послать?

— Сам! Твои придворные жополизы разбираются в оружии, как я — в румянах. На вкус!

— Не вздумай с ним спорить! — сказал царь, когда сокт вышел. — Когда вождь пьян, ему ничего не стоит полезть в драку!

— Я не боюсь! — ответил сын кушога. — Даже Люга, что «Бьет насмерть!». Трезвого или пьяного. Но за Люгом, как я понимаю, стоишь ты, государь! А с тобой я ссориться не хочу!

— Он осторожен, как фетский шакал! — сказал Люг, когда ближе к полуночи он и царь остались вдвоем.

— Тем опасней! — ответил Фаргал. — Таких надо держать поближе, на коротком поводке! Зря Хар-Азгаур отослал его от себя!

— Он послал Станара поближе к тебе! — усмехнулся сокт. — Твой поводок — крепче!

Когда вождь Люг, прозванный Смертным Боем за сокрушительные удары, которые наносил в битве,

покинул Священные острова Сок и появился в Великондаре, ему исполнилось двадцать пять лет. На архипелаге у Люга оставались три жены и восемь детей. Вождь не думал о них: свои позаботятся о своих. Вождь шел навстречу новой судьбе, ибо удостоился Посвящения в жрецы Великого Яго.

Большую часть жизни благородный сокт проводит на раскачивающейся палубе военного корабля. Флотилии Священных островов бороздят океан вдоль побережий Четырех Империй, не зная равных в быстроте и беспощадности к врагам, будь то бело-волосые пираты кушога или мечущие дротики варвары с архипелага Табе. Три из древних Империй: Эгерин, Фетис и даже могучая Карнагрия уже несколько веков безропотно платят им морскую дань. Четвертая Империя, Самери, лишь недавно присоединила свою долю к остальным. Причиной ее упорства было то, что в Самери до самого последнего времени все еще оставались сильны приверженцы Змеебога Аша, Мудрого Аша. Острова же Сок, Острова Великого Яго, для самерийцев были не Священными, а Проклятыми. Но, по мере того как умахалась сила Аша, слабела ненависть самерийцев к соктам. И наконец четвертая Империя примкнула к трем остальным. Тем более что кушога, неуязвимые с суши, отделенные от Самери цепью скалистых гор, собирали дань куда большую и куда более кровавую.

Люг жег селения кушога, плавал и дальше, к берегам диких племен Дан. Ходил и на юг, за Фетис, мимо земель Кансу, пожирателей человеческого мяса, к южным пределам мира. Как-то полный месяц плыли его корабли вдоль пустынных побережий Джехи, страны демонов. Видели и самих демонов, но не поддались страху. Известно ведь: огненные демоны боятся моря. Однако через месяц пришлось Люгу повернуть обратно, так и не достигнув Земли Мерт-

вых. На кораблях кончалась вода и появилась опасность, что отважные сокты окажутся в стране Мертвых самым обычным путем.

Таков был вождь Люг, воин опытный и бесстрашный, искушенный и благочестивый, когда прибыл, по велению Яго, в столицу Карнагрии. Прибыл не как посланник Островов, а как простой воин. Такова была воля Яго. И свела Судьба Люга с могучим Фаргалом, не императором еще, а простым сотником наемников на службе у царя Аккарафа, предшественника Йорганкеша, свергнутого Фаргалом. Здесь, в Карнагрии, несколько лет спустя получил Люг в дополнение к прежнему прозвищу еще одно — Друг царя. И сохранил его на протяжении всех шестнадцати лет правления Фаргала. самого долгого правления за летописный срок, если не считать Шаркара-Победителя.

Глава шестнадцатая

Ночью к царю пришел Сон. Сон, который следовал за Фаргалом вот уже двадцать с лишним лет. Лики Сна менялись, но одно всегда оставалось неизменным: Фаргал карабкался вверх по скале.

Царь понимал, что спит. Хотя бы потому, что он лез вверх, не зная, что ему нужно там, наверху. Хотя бы потому, что запах жареной козлятины, поднимающийся снизу, отдавал пряностями карнагрийской, а не эгеринской кухни. Хотя бы потому, что его спутники-цирковые, расположившиеся вокруг потрескивающего пламени, словно и не заметили, что мальчик-акробат ни с того ни с сего вдруг встал и полез наверх, вместо того чтобы взять кусок жареного мяса, протянутый ему старшиной Тарто.

Сон был зна́ком. Таким же зна́ком, как реальное желание бросить все и вскарабкаться по каменной стене, когда-то овладевшее отроком-Фаргалом.

Руки царя легко отыскивали трещины и подтягивали вверх тело там, где не было опоры для пальцев ног. Фаргал лез вверх. Долго, бесконечно долго, а край гребня, казавшегося таким близким, почему-то становился все дальше и дальше. И Фаргалу не показалось странным, когда стена перед ним вдруг стала опрокидываться на него.

Фаргал вцепился в сухие пучки травы, повис, не удивляясь и тому, что тонкие, режущие кожу стебельки выдерживают его вес.

Бездна была внизу, твердь — наверху. Гибельное нарушение законов Ашшура. И только он, Фаргал, мог спасти мир от гибели. Но не знал — как.

Фаргал помнил тот, первый, раз.

Тогда он просто разжал руки и полетел вниз. Отроку повезло: он упал не на камни внизу, а на свернутый шатер. До сих пор Фаргал помнил ужасную боль в голове и хруст ломающихся костей. Только спустя три дня, выйдя из забытья, мальчик узнал: хрустели не его кости, а деревянный шест, на котором была подвешена над землей свернутая ткань.

Три дня видений, притягательных и тошнотворных. Три ночи странствий в мирах безумия. Трое суток между жизнью и смертью.

Фаргалу рассказывали, что он даже не бредил: просто лежал неподвижно, глядя вверх широко открытыми, ничего не видящими глазами. Колдун, которого пригласил Тарто, не закончив и первого заклинания, поспешно собрал свои амулеты и сбежал, не дав никаких объяснений. Только безусловное повиновение старшине, запретившему трогать Фаргала, удержало цирковых от того, чтобы унести

полуживое тело подальше от лагеря. Или перенести сам лагерь подальше от Зла, так напугавшего колдуна-лекаря.

Трижды взошла луна, пока душа юного Фаргала странствовала по грани мира живых. К исходу же третьей ночи, когда душа Фаргала истончилась до последнего предела, он впервые увидел Ее.

Свора демонов, слизывающая жизненную силу Фаргала, как псы лижут кровь незащитной жертвы, растаяла, словно их и не было никогда. Глаза Фаргала ослепли, но он мог чувствовать прикосновение к своей груди. Ожог наслаждения. Неизгладимый след. Тавро, которым пастырь метит агнца. Невидимый знак власти, коим боги помечают избранных.

Весь дрожа, Фаргал силился открыть глаза, но когда непомерным усилием воли он сумел сделать это, то увидел лишь желтую ткань шатра, просвеченную утренним солнцем.

Фаргал вернулся в мир людей.

Лишь через несколько лет вновь встретил ту, оставившую на его груди невидимую печать.

И с тех пор никогда не забывал о величайшей, чье имя на языке смертных: Таймат.

Сон всегда оставался неизменным. Словно выполняя обряд, царь карабкался вверх, повисал и, разжав руки, падал в бездну, соединяя два мира своим крохотным человеческим телом.

Вот и сейчас Фаргал просто разжал руки и полетел вниз. Сердце его прыгнуло к горлу в ожидании боли... Но боли не было. На сей раз Повелитель снов избавил его: Фаргал проснулся.

Но не там, где уснул.

Царь лежал на плоской каменной плите посреди невероятных размеров пещеры. Совершенно пустой

и освещенной так ярко, словно наверху сияло солнце. Только не было солнца под уходящим на тысячи локтей вверх сводом.

Фаргал попытался встать, но тело его будто прилипло к камню. Все, что удалось: закрыть и открыть глаза. Камень был твердым и теплым. Почему-то в голову Фаргала пришла мысль о жертвоприношении. Но где тот бог, которому он предназначен? И как его могли украсть из тщательно охраняемого дворца? Как чужое колдовство осталось не замеченным его магами?

Руки царя были раскинуты по сторонам. Между ступнями — около двух локтей. Фаргал не мог двигаться, но мог шевелить пальцами. Почему-то это успокоило царя. Нет, не это: он вспомнил Сон. Сон, так внезапно оборвавшийся. Или — это лишь продолжение Сна?

Фаргал прошептал тайное имя и послал вдогонку ушедшим словам мысленный зов.

И Она пришла.

Возникла из воздуха прямо над ним. Будто высеченные из розового мрамора ступни плавали на высоте локтя над коленями лежащего царя.

Сказать, что Таймат — красива, значило оскорбить ее. Она была Богиней! От одного взгляда на ее тень у людей перехватывало дыхание. Один взгляд на нее саму — и никакая женщина больше не покажется желанной.

Богиня!

Она взирала на царя сверху, и все посторонние чувства его растворились, как мед — в горячем вине.

Царь-воин, никогда не знавший близости с женщиной и никогда не желавший ни одной женщины, знал, почему он — таков. Если смертный удостоен внимания Богини, у него не будет наследников. Разве что сама Богиня пожелает этого. Но Фаргал не

мечтал о подобном. Ему довольно было, что Таймат — перед ним.

— Здравствуй!

Глас Ее был под стать облику. Фаргал нежился в звуке, не понимая смысла сказанного. Минута понадобилась ему, чтобы понять: Богиня приветствует его!

— Здравствуй и Ты, Госпожа! — проговорил он, и собственная речь показалась омерзительной, как хрюканье вепря.

— Ты не забыл Меня, царь? Ты не забыл?

— Да, я не забыл Тебя! — пробормотал Фаргал, понимая, что имеет в виду Таймат, и передернувшись от кощунственного звука собственного голоса.

Целую вечность освещенный нежностью лик Богини склонялся к Ее любимцу. Потом чудесные уста открылись и песнь Таймат наполнила все вокруг:

— Тебе грозит опасность, царь!

Но не твоя вина!

Твоя Карнагрия, мой царь,

Великая страна!

И древностью своих корней,

Проросших сквозь века,

Твоя Карнагрия, о царь,

Темна и глубока!

И кровью трон ее залит,

Ты знаешь сам, о царь,

Как белизну дворцовых плит

Чернит пожарниц гарь!

Не медли, царь, седлай коня,

Сзывай свои полки!

И для нее, и для меня —

Вся мощь твоей руки!

И для нее, и для меня

Сзывай полки, о царь!

Твой враг главу свою поднял!

Не медли, царь!

Ударь!

— Я сделаю... Все, что Ты скажешь... — прохрипел Фаргал, чьи глаза не отрывались от ослепительного лица Богини, а тело корчилося от невыносимой тоски.

О! Теперь он знал, почему держит его Камень!

— Я сделаю... Только скажи...

— Ты все узнаешь, царь. В свой срок.
Когда придет пора,
В полночный час, когда глубок
Сон смертных, ты с одра
Восстанешь, царь! Тогда скачи
Туда, где вязов кров,
К Венчальной роще. Там, в ночи,
Найдет тебя Мой зов.
И там узнаешь ты, о царь,
Что суждено узнать!
Да будет верен твой удар
И пламеносна рать!

— Но, — в смятении воскликнул Фаргал. — Ты...
Я не смогу... жить!

Рука Богини простерлась над ним:

— Чиста забвения вода.
Тонка золотая нить.
Луч солнца ранит грани льда,
Но смертный должен жить
В страданье, чтоб острее впитать
Миг счастья, мой Фаргал!
Живи, не уставая ждать,
Живи, чтоб час настал!
Будь тверд: когда придет твой Рок,
Рази Моя стрела!
Рази так верно, как клинок,
Что я тебе дала!
А я пожар в твоей груди
Смирю (в который раз!),

Чтоб он не сжег тебя в пути.
Живи, Фаргал!
Для нас!

Дождь пролился из сияющей руки на распростертое тело царя, и угли, в которые превратилось его сердце, остыли. А потом сияние померкло, стены огромного зала канули в небытие, и Фаргал уснул...

Чтобы проснуться в собственной опочивальне, с сердцем, колотящим в грудную клетку с неистовостью молотобойца. Фаргал помнил свой сон. Он помнил о Венчальной роще, но знал: та ночь еще не наступила. К тому же было уже далеко за полночь. И не было дела, которым можно было бы утишить горечь невосполнимого. Фаргал с нежностью погладил ножны меча, с которым никогда не расставался. Но дар не мог заменить ему Дарящей.

В опочивальне царила тишина. Спал Дивный Город, спали придворные, спал огромный сторожевой пес у дверей царских покоев. Но Фаргалу в эту ночь уснуть не удалось.

Глава семнадцатая

Многое и впрямь изменилось в Великондаре с тех пор, как Карашшер побывал здесь в последний раз. Во-первых, одни из четырех главных ворот столицы были раскрыты, хотя солнце уже полностью исчезло за горизонтом. Во-вторых, стража у ворот взыскала с воина лишь положенные с конного сборы, даже не попытавшись сорвать дополнительную мзду. В-третьих — столица Карнагрии стала чище. Исчезла бьющая в ноздри вонь нечистот и гниющего мусора, столь привычная в ремесленных кварталах.

Исчезла, похоже, и привычка великондарцев сбрасывать ненужное в придорожные канавы. И в самих канавах теперь струилась вода, а не роились неисчислимые тучи мух.

Во всем, что окружало сейчас слугу мага, чувствовалась рука государственной власти. Об этом говорили взгляды горожан, без малейшего страха разглядывающих вооруженного всадника. Об этом говорили горящие светильники, установленные на стенах домов через каждые сорок-пятьдесят шагов, и свежие листы Приказов, наклеенные рядом с бронзовыми полушариями, над которыми поднималось коптящее пламя сгорающего «земляного масла». И, самое главное, тройки городских стражей, уверенно шествующие по широким улицам столицы. Карашшер лишний раз похвалил себя за предусмотрительность: в одном из городков, неподалеку от Великондара, воин купил у менялы за пару серебряных значок с изображением скачущего лучника. Теперь его запыленная одежда и вооружение, которое, по законам Карнагрии, разрешено было только благородным, воинам Императора и Владык земель да еще городской страже, не привлекали ненужного внимания. Внимательные глаза стражников (куда подевалось сонное, безучастное ко всему, кроме блеска серебра, выражение — оплывшие от пива рожи, которые Карашшер наблюдал в прежние времена?). Быстрый поворот головы, острый взгляд, полный готовности к действию, оценка: лицо, меч, бляха наемника — все в порядке! — и тройка проходит мимо Карашшера.

Воин только покачивал головой, удивляясь, пока ехал через ремесленные кварталы к Южной окраине. Вокруг, несмотря на поздний час, никто не спешил затворяться в четырех стенах. Вовсю торговали разносчики (Карашшер купил завернутый в лепеш-

ку, политый соусом горячий кусок баранины и съел с большим удовольствием), опекуны ночных искусниц то и дело окликали всадника, но без наглости, с почтением. Трудились метельщики. Подростки играли на мостовой в какую-то неизвестную Карашшеру игру. Всадники и носильщики паланкинов огибали их, иногда одаряя беззлобными ругательствами. Трое Алых, переглянувшись, тоже объехали мальчишек, а вот перед слугой мага сомкнулись, окинув воина вызывающими взглядами. Но мнимый наемник вежливо уступил дорогу. Он не боялся хваленной карнагрійской гвардии. Все их тайные приемы Карашшер вызнал еще полвека назад. Но к чему привлекать внимание бессмысленной дракой?

Когда слуга мага достиг границы квартала гончаров, самого южного из ремесленных, то в конце широкой улицы обнаружил полдюжины вооруженных мужчин. Причем явно не принадлежавших к городской страже. Карашшер на всякий случай приготовился к схватке, но те не обратили на него никакого внимания. Только выехав за пределы ремесленного квартала, воин понял, почему цех нанял этих сторожей в дополнение к городской страже.

За маленькой заставой лежала Южная окраина, и воин тут же признал прежний, пятнадцатилетней давности Великондар. Грязь, тьма и страх. Здесь не было ни стражников с копьями, ни метельщиков с лопатами-коробками для сбора навоза. Здесь не было уличного освещения, и, конечно, здесь не было праздных гуляк с кошельками на поясе. Серые тени крались вдоль стен, а у редких фонарей, обозначающих притон или бордель, толпились подозрительные оборванцы с ножами за пазухой. Карашшер, неплохо видевший в темноте, тут же обнаружил, что стал мишенью для десятков глаз. Поэтому слуга мага ехал точно посередине улицы и правая рука его

покоилась на рукояти внушительного меча. Ехал медленно, как бы предупреждая: если найдется слабоумный, пренебрегший недвусмысленным намеком, воин не пожалеет времени, чтобы остановиться и переубедить дерзкого. Лишний труп в подобном месте если и привлечет чье-то внимание, то лишь с целью покопаться в карманах покойника или стащить сапоги, если таковые на нем окажутся.

Слабоумных не нашлось, и Карашшер без помех достиг «Тихой Радости». Привязав своего огромного жеребца особой веревкой (наложенное заклятье не позволит чужому перерезать ее или развязать), воин поймал за вихор мальчишку-раба и, сунув медяк, велел накормить и напоить коня. Затем расседлал жеребца, взвалил на плечи сбрую и переметные сумы (все вместе тянуло на половину его веса вместе с доспехами) и, обходя кучи навоза и человеческого дерьма, направился к двери. Ее нетрудно было найти по свету, пробивавшемуся сквозь прорезанное восьмиугольное (символ Ашшура) отверстие: маяк тем, кто вышел во двор по нужде и потерял дорогу к выпивке.

Ногой толкнув дверь, Карашшер вошел внутрь и с шумом свалил свою ношу рядом с одним из столиков.

Да, «Тихая Радость» основательно изменилась!

— Вина! — потребовал Карашшер у нового хозяина, низколобого детины, смерившего гостя подозрительным взглядом.

Пока хозяин (или слуга хозяина) цедил вино в деревянную кружку, Карашшер повернулся и обвел взглядом харчевню. С десяток крепко сколоченных столов и таких же табуретов, помнивших лучшие времена. Обветшавшие стены, низкий черный от копоти потолок. В дальней стене — пара дверей, ведущих, вероятно, к комнатам для ночлега. Только

печь для стряпни и здоровенный открытый очаг, на огне которого поджаривалось мясо, выглядели по-лучше, чем прочая обстановка.

Взгляд Карашшера прошелся по лицам сидящих за столами (двоих, валявшихся на полу, он разглядывать не стал), вызвав у некоторых ответный, далеко не ласковый взгляд. Но никто здесь, даже отдаленно, не был похож на главаря, чью физиономию показал Карашшеру маг.

На стол Карашшера со стуком опустилась кружка. Принесший ее не собирался уходить, всем своим видом заявляя, что желает получить деньги сразу.

Карашшер опустил на табурет, понюхал содержимое кружки и отодвинул ее.

— Я ищу Мормада, — произнес он, не глядя на хозяина постоянного двора.

— Не знаю такого! — буркнул тот. — С тебя два медяка, парены!

И тут же железные клещи сомкнулись на его горле, а ноги утратили опору. Рука Карашшера, поднявшегося с быстротой, неожиданной для столь плотно сложенного человека, сдавила шею хозяина и подняла его вверх.

— Значит, не знаешь? — негромко произнес Карашшер.

Левой рукой воин сгреб ворот грязной туники и поднял ее владельца еще на пол-локтя вверх.

— Значит, не знаешь? — процедил он, глядя снизу на побагровевшее лицо. — Вот этим, — воин поводит перед глазами перепуганного великондарца острием кинжала, — я отрежу тебе нос! Чтобы ты не задирали его перед уважаемыми людьми! Если господин говорит, что ищет Мормада, ты должен подтянуть портки и со всех ног бежать за Мормадом! Ты понял? Или мне сделать ожерелье из твоих гнилых зубов?

— Да... Да... — просипел хозяин.

Карашшер разжал пальцы, и его жертва рухнула на пол и, отшатнувшись к стене, принялась растирать шею дрожащей рукой.

— Эй ты! Обезьянья задница! — раздалось за спиной у Карашшера. — Ты...

Воин развернулся с невероятной быстротой, и кинжал, который он все еще держал в руке, приник к горлу говорившего.

— Ты пошутил, да? — совсем тихо произнес воин. И почти шепотом: — Так улыбнись! Улыбнись, или я сам нарисую на тебе улыбку!

Тот, к кому он обращался, плешивый здоровяк с висячими желтыми усами, побелел и с трудом изобразил улыбку. Так, должно быть, улыбаются ожившие покойники.

За пояс плешивого был заткнут нож, но можно было побиться об заклад: сейчас бандит не помышляет о сопротивлении.

— Молодец! — похвалил Карашшер, и кончик его кинжала оторвался от грязной кожи под подбородком бандита, оставив на ней красную метку.

Плешивый шумно выдохнул, и рука его привычно потянулась к рукояти ножа. Однако Карашшер и на этот раз оказался быстрее: его кинжал уже перерезал пояс бандита. Нож со стуком упал на загаженный пол. Взгляд плешивого остановился на чем-то за спиной воина. Карашшер с полуповоротом шагнул влево и обнаружил длинного тощего парня, подкрадывающегося к нему сзади. Еще парочка бандитов тоже готовилась взять воина в оборот. Карашшер сделал еще шаг, так, чтобы плешивый оказался на пути своих приятелей.

— Ты хотел что-то сказать! — бросил ему воин. — Говори!

— Что нужно наемнику царя от Мормада?

Это подал голос громила, чья физиономия напоминала морду голодного пса.

— Наемнику?

Карашшер издал холодный смешок.

— Разве я похож на наемника?

Плешивый хихикнул и незаметно подался в сторону, освобождая дорогу другим.

— Хочу сделать ему подарок! — заявил слуга мага.

Он сделал вид, что не замечает маневров банды.

Демонстрируя беспечность, Карашшер вложил в ножны кинжал, а левой рукой достал из-за пазухи туго набитый мешочек.

— Золото! — сообщил он. — Как думаешь, за чем я принес его сюда?

— Хотелось бы знать, что там и вправду золото! — пробормотал похожий на пса, пока остальные старались подобраться к воину сбоку.

— Дурак! — спокойно сказал Карашшер.

И в этот момент тощий бандит метнул в него нож.

Несомненно это было сигналом к общей атаке, но Карашшер был готов. Брошенный нож оказался у него в руке и через миг, сверкнув, полетел обратно. Тощий, хрипя, согнулся пополам: костяная рукоять торчала у него из брюха.

— Стоять! — скомандовал Карашшер.

И нападавшие подались назад: меч в руке воина был подлинней, чем ножи.

— Пусть один из вас, недоумки, сбегает к Мормаду! — велел Карашшер, повысив голос, чтобы перекрыть возникший в харчевне шум. — И скажет, что пришел человек! С делом!

— Нам не нравится то, что ты делаешь! — бесстрашно заявил человек с песьим лицом. — И ты нам не нравишься!

— В таком случае, — спокойно ответил воин, — к Мормаду сбегает кто-то другой, а ты станешь трупом! Не знаю, как я тебе, а ты мне сразу станешь нравиться больше! Раз...

— Я схожу! — крикнул плешивый, стараясь не глядеть ни на Карашшера, ни на своего приятеля. — Я схожу, Гарпун! Или он впрямь прикончит всех нас, — (брошенный вскользь взгляд на раненного Карашшером, стонущего на полу, в крови и блевотине). — Клянусь, он не похож на нюхача!

— А на кого похож? — спросил бандит с песьим лицом.

— На твою смерть! — холодно бросил Карашшер. И плешивому: — Шевелись!

— Нет нужды!

Дверь, ведущая внутрь дома, растворилась, и оттуда вышел среднего роста мужчина в кожаной куртке, надетой поверх кольчуги, и недлинным мечом на поясе.

Следом за мужчиной вышли еще трое, каждый — на полголовы выше жожака.

— Ты — Мормад! — сказал вошедшему Карашшер.

— Да, — согласился мужчина.

Он сделал знак, чтобы гостя оставили в покое.

— Ты что-то говорил о золоте, уважаемый?

Слуга мага прищурился. Сила и наглость. Он шагнул вперед, готовясь немедленно доказать, кто здесь — первый, когда заметил, что ухо Мормада украшено серьгой. Серьгой из простой бронзы, в точности такой, какая была у самого Карашшера. Только сейчас, из предосторожности, серьга эта, украшенная символом Мудрого Аша, покоилась во внутреннем кармане куртки воина.

— Хорасш акшарот! — негромко произнес Карашшер начальную фразу тайного приветствия.

— Что? — удивленно переспросил Мормад.

Он явно никогда не слышал языка последователей Мудрого.

Карашшер нахмурился.

— Откуда это у тебя? — спросил он, указывая на бронзовую серьгу.

— Это? — главарь головорезов слегка опешил, но быстро опомнился.

— Назовись! — рявкнул он, берясь за эфес.

Его телохранители мгновенно обнажили оружие.

Два бойца смерили друг друга холодными взглядами... И решили, что схватку можно на время отложить.

— Лови! — мешочек с десятком золотых полетел в сторону Мормада.

Тот ловко поймал его, высыпал на ладонь содержимое, попробовал на зуб один из желтых кружков и кивнул:

— Годится! За что?

— Ты меня выслушаешь! — последовал ответ.

— Щедро, — лаконично отозвался вожак банды и шевельнул пальцами.

Тотчас мечи исчезли в ножнах, два головореза подхватили раненого и поволокли внутрь дома, один из бандитов смахнул грязь с ближайшего стола, а слуга, на горле которого отпечатались пальцы Карашшера, водрузил на стол кувшин и две кружки. И не из дерева или олова, а из настоящего серебра.

Мормад дал гостю возможность первым опуститься на табурет. Таким образом он выразил почтение человеку, заплатившему стоимость шести крепких рабов за право быть выслушанным.

Карашшер пригубил вино. О, это действительно было вино, а не прокисшее пойло, предложенное ему раньше. Слуга мага пил, одновременно изучая своего собеседника.

Тот терпеливо ждал, пока гость начнет говорить. Вина он пить не стал, только сделал пару глотков, чтобы показать: не отравлено.

— В двух милях от Великондара, — начал Карашшер, — если считать от Волчьих ворот — священная роща, называемая Венчальной. Знаешь, где это?

Мормад кивнул: знаю.

— Там, — продолжал слуга мага, — святилище древних богов. И обитель, в которой пятьдесят девять пророчиц!

По дороге в столицу Карашшер успел кое-что узнать о Венчальной роще.

— Пятьдесят восемь! — сказал Мормад.

Карашшер удивленно взглянул на него.

— Пятьдесят восемь пророчиц! Одна умерла прошлым утром, и ее место пока свободно.

— Ее имя? — быстро спросил Карашшер.

— Слиф!

— Ты осведомлен! — похвалил воин. — Но мне нужна жизнь другой девушки. Ее зовут Метлик! Что скажешь?

Мормад потер крепкий, с ямкой посередине, подбородок.

— Все имеет цену, — произнес он, — пророчица Венчальной рощи обойдется недешево!

Мормад тоже пристально разглядывал своего покупателя.

Обветренное лицо с широкими скулами, вертикальные складки у рта, широкий рот с тонкими бесцветными губами, холодные глаза, наполовину прикрытые тяжелыми веками, словно их обладатель дремлет. Но это впечатление — простая уловка. Мормад мог убедиться: гость не более сонлив, чем тигр, увидевший добычу.

— Назови цену, которую ты считаешь достаточной!

Взгляд из-под густых насупленных бровей пронзил Мормада.

Но не смутил жоака «ночной армии». Он и сам мог зыркнуть не хуже.

— Сорок пять золотых, — подумав, предложил он. — Задаток, — он усмехнулся одними губами, — не входит!

Карашшер видел: Мормад ждет, что воин будет торговаться. И готов скинуть по меньшей мере треть. Сорок пять золотых (пятьдесят пять, если прибавить полученное ранее) — громадная сумма.

«Погоди же! — воин ответил усмешкой на усмешку. — Сейчас я возьму тебя целиком!»

— Плачу шестьдесят! — сказал он.

Мормад ничем не выказал удивления, и Карашшер оценил его самообладание.

— Получишь девушку в целостности в удобное тебе время! — сказал Мормад с не подлежащей сомнению уверенностью.

— Мне не нужна девушка! — уточнил Карашшер. — Мне нужна только ее жизнь!

— Ты платишь! — пожал плечами Мормад.

— Кроме того, — произнес слуга мага, — дело должно быть совершено в ночь, следующую за ближайшей. Не раньше полуночи и не позднее начала следующей стражи. В это время пророчица покинет обитель. В сопровождении охранника.

— Она умрет! — бесстрастно ответил Мормад.

— Далее, — продолжал Карашшер. — Убить ее надо так, чтобы узнавшие о смерти пророчицы пожелали сохранить это в тайне.

— Думаю, что смогу сделать и это! Что еще?

— Пусть языки твоих людей останутся на привязи!

— Не сомневайся! Это все?

— Откуда у тебя эта серьга?

Мормад засмеялся.

— Знал, что ты спросишь еще раз! Не буду врать, что она досталась мне по наследству от родных! Но, имей в виду, ответ стоит отдельной платы!

— Сколько? — спросил воин.

Если хозяин не одобрит траты, то Карашшер рассчитается из собственных средств.

Мормад размышлял. Жадным он не был, хотя от денег никогда не отказывался.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но платой будет не золото. Я отвечу тебе, ты ответишь мне! Так?

— Посмотрим! — уклонился Карашшер.

— Я рискну! — вожак бандитов продемонстрировал два ряда мелких острых зубов. — Эту серьгу я вынул из уха моего дружка. Он был колдун. Стражники Фаргала добрались до его шкуры, но я вытащил его из кашкана. Правда, он умер. Но умер так, как хотел сам, но не как хотели бы царские маги. А перед тем, как отдать концы, мой дружок приказал мне взять и носить эту побрякушку. Раньше на ее месте была золотая, как ты понимаешь. Но, последняя просьба колдуна...

— Да, — сказал Карашшер. — Это серьезно!

— Ты — первый, кому она приглянулась! — заметил Мормад.

— Она обойдется тебе недешево, если ее заметит тот, кому она *не приглянется*! Лучше бы тебе ее спрятать до времени!

— Пустое! — махнул рукой Мормад. — Чужие обычно не успевают меня разглядеть! Кстати, колдун был из Самери, как и ты!

— С чего ты взял, что я — из Самери? — насторожился воин.

— Твое лицо, — ответил Мормад. — А главное, твой конь! В отдельности я, может быть, и не догадался бы. Я ответил. Теперь мой вопрос: кому ты служишь?

— С чего ты взял, что у меня есть господин?
— Ты слишком щедр. Сразу видно, что раздаешь не свои деньги.

— Лучше бы тебе не спрашивать!
— Такой молодец, как ты, должно быть, служит самому царю Самери?

— Полагаешь, я шпион?
— Мне плевать! Моя голова стоит дороже, чем голова любого шпиона, здесь, в Великондаре! И все-таки?

— Нет, — покачал головой воин. — Я не служу царю!

— Ладно! Еще одна попытка! — Мормад прищурился, в точности, как его собеседник. И вдруг ударил ладонью по столу:

— Ну конечно! Он маг! Верно?
— Лучше бы тебе не кричать об этом! — с угрозой произнес Карашшер.

— Ты прав. Я должен был догадаться, — вполголоса проговорил Мормад. — Когда я упомянул колдуна, ты сделал вот так! — он слегка дернул уголок рта. — Значит, ты служишь магу?

— Что это меняет?
— Ничего, если золото — настоящее!
— У тебя будет время проверить! — ответил Карашшер и положил на стол еще один мешочек, больше первого. — Здесь те самые шестьдесят золотых! И еще пять, чтобы мое пребывание здесь не ввело тебя в убытки. Ты ведь хозяин этого места, верно?

Мормад развязал мешочек и извлек оттуда пять монет. Протянув их воину, он сказал:

— Лишнее. Ты — мой гость! Я польщен, что ты доверяешь мне!

— Теперь мы лучше знаем друг друга! — отозвался Карашшер.

— Ну конечно! Упаси меня Ашшур обманывать мага! Сделаю для тебя все, что в моих силах!

— Все, что я сказал! — строго поправил Карашшер.

— Не сомневайся! — Мормад протянул руку, и воин хлопнул по мозолистой ладони в знак того, что сделка заключена.

— Ты устал с дороги, — совершенно другим, мягким тоном проговорил Мормад. — Тебе готовят горячую ванну и хорошую еду. И заботливую девушку!

— Пусть сначала позаботятся о моем коне!

— Непременно! — отозвался Мормад. — Только ты сам его отвяжешь! — и засмеялся.

— В тебе настоящая закваска, уважаемый! Здесь тебя примут по-царски! Не смотри на это, — он обвел рукой убогую харчевню. — Это — как старая кольчуга, что защищает сердце воина. Я вырос в роскоши и привык к ней. Ты получишь все самое лучшее!

— Моя старая кольчуга сработана на совесть! — заметил Карашшер. — Арбалетный болт не прошибет ее и с десяти шагов!

— У меня ты — в безопасности! — заверил Мормад, поняв намек. — Кто доверяет мне — тот не прогадает!

«А ведь он говорит правду!» — удивленно подумал воин.

Глава восемнадцатая

В ночь, когда царь Фаргал видел вещий сон, а воин Карашшер купил службу хозяина «Тихой Радости», ученик Гладиаторского Двора Кэр напился.

Огромный зал, где несколько сотен человек собрались, чтобы отпраздновать Игры, располагался почти в четверти мили от Гладиаторского Двора. Во время Игр это крыло Дворца, от Палаты Церемоний до Нефритового Коридора, отдавалось городской знати и иным, обладающим властью. Но правил здесь в эти дни не царь, как водилось раньше, а поставленный царем Управитель Гладиаторского Двора, а в данный момент и Управитель Игр — Гронир. То было одно из новшеств Фаргала. Сам император, познакомившийся с Играми изнутри, с Арены, не желал теперь иметь к ним хоть какое-то отношение.

Попасть на праздник стоило недешево. Но желающих всегда было намного больше, чем вместил бы даже громадный Зал Празднования. Поэтому каждый житель Великондара, оказавшийся здесь, получил разрешение лично от Гронира.

Зал сиял. Факелов, свечей, масла в светильниках не жалели. Широкие столы ломились от еды и вина. Все самое лучшее! Разве Игры не посвящены Ашшуру и Императору? Правда, Император отсутствовал. Да и на присутствие Ашшура тоже никто не рассчитывал: явись Верховный бог в пиршественный зал — вряд ли это вызвало бы восторг. Зато все три высших священника Ашшура были тут как тут.

Здесь были и все гладиаторы, способные держаться на ногах. Им отвели отдельный угол, но не прошло и часа, как мускулистые тела и грубые лица Потерявших Жизнь были окружены шелками и алебастровой белизной благородных карнагриек.

Их разодетые в драгоценные ткани мужья искали утешения в кушаньях или в прелестях дворцовых рабынь. Но многие были не прочь разделить ложе и с Потерявшим Жизнь.

Около полусотни дворцовых стражников подпирали облицованные мрамором колонны и без зависти

смотрели на пирующих. Через три часа, когда придет смена, они тоже получают свое.

Три группы музыкантов в разных концах зала соревновались в своем искусстве. Вернее, в том, кто играет громче остальных. Несколько гибких, как ивовые прутья, желтокожих девушек из Фетиса выделяли акробатические номера прямо на уставленных яствами столах. А захмелевшие гости пытались поймать кувыркающихся малышей. Но пальцы скользили по блестящей от масла коже, да и сами акробатки были куда проворней пьяных карнитов. Попозже они, конечно, дадут себя поймать, но не сейчас, когда веселье только начинается.

По мере того как вино из чаш переливалось в просторные глотки бойцов и в нежные горлышки нарумяненных женщин и мужчин, звуки, издаваемые дюжиной музыкантов, все больше тонули в визге и хохоте празднующих.

Кэр напился. Поэтому забыл, что он в чужой стране. Все казалось почти родным. Даже шум вокруг напоминал о Празднике Первой Воды там, в далекой Самери. Правда, в его клане жены вождей не плясали на пиршественных столах, тряся бедрами и подбрасывая шелка взмахами украшенных золотыми браслетами ног. Но на то и Дивный Город! Понятие порока здесь было вовсе не таким, как в суровых горах. Здесь, на празднике — не редкость, если с одной стороны доблестного гладиатора обнимает выложенный аристократ, а с другой — увешанная самоцветами жена благородного карнита.

Вино было превосходным. Ни одного кувшина моложе тридцати лет. Кэр поглощал чашу за чашей, и окружающий мир становился все веселее и ярче. Хотя разглядеть лица обнимавших его женщин становилось все труднее.

А женщины, с самого начала завладевшие вниманием юноши, были отнюдь не последними в высшем обществе Великондара.

Вардали и Ирдик Шерá, жена и дочь одного из Советников царя Фаргала, благородного Гагарана Шерá. Он вполне мог бы стать третьим поклонником самерийца, но, к собственному огорчению, заболел именно в день начала Игр.

Вардали, среднего роста, зеленоглазая изящная женщина, с ослепительно белой кожей, полной грудью и алыми мягкими губами, была типичной карниткой благородного происхождения. Кровь шести первых родов Великондара смешалась в ее жилах.

Ирдик представляла собой точную копию матери. Только на двадцать лет моложе, и волосы — по светлее. Но после второго кувшина Кэр уже не мог отличить одну от другой. Да какая разница, если обе красотки ему по нраву? Да все вокруг — прекрасно! Даже Устул не такой уж плохой парень!

Вардали — слева, Ирдик — справа, оглаживали сына вождя. А он, как умел, пытался отвечать им тем же и норовил пойти дальше по пути, показанному юноше молоденькой проституткой в день его появления в Великондаре. Но дамы деликатно останавливали его. Даже самые разнузданные не заваливают подруг прямо здесь, в Зале Празднования. Во дворце множество более удобных уголков.

— Нет, нет, хватит, мой хороший!

Вардали отобрала у Кэра кувшин с вином. Мальчик пьянел куда быстрее, чем она ожидала.

— Но я хочу! — возмутился сын вождя. — Кто ты...

— Ладно, ладно, погоди!

Женщина развязала шнур, стягивающий лиф, и вынула кожаный мешочек. Красная горошинка вы-

нала из мешочка на ее узкую ладонь. Вардали смахнула горошину в чашу Кэра, плеснула вина.

Юноша не обращал внимания на манипуляции карнитки. Он был полностью поглощен зрелищем белых мягких грудей с алыми накрашенными сосками.

Он потянулся было к ним, но Вардали шлепнула по руке:

— На! Пей! — она сунула ему в руки чашу.

Сын вождя принял, не глядя, выпил залпом и запустил пальцы под переливчатый шелк платья Вардали. Он наклонился вперед, потянул к себе женщину. Ее облик раскачивался, расплывался. Бриллиантовое ожерелье на гибкой шее казалось рассыпавшимся в тумане созвездием. Камни вспыхивали и гасли, скамья качалась, как будто он плыл на корабле, а гул голосов превратился в шум волн. Даже ноздрей его коснулся йодистый запах моря.

— К-куда плывем? — пробормотал он заплетающимся языком.

Звук прибоя накатывался и угасал. Острые ногти Вардали покалывали его спину, как холодные соленые брызги...

Лекарство из горного Фетиса подействовало мгновенно.

Туман в голове Кэра рассеялся, как от порыва ветра. Монотонный шум снова распался на отдельные голоса и звуки. Юноша обнаружил, что упирается головой в мягкий женский живот.

Кэр выпрямился так резко, что ударил плечом сидящую с другой стороны Ирдик.

Девушка вскрикнула. Не от боли — от неожиданности.

Кэр смутился. Ирдик улыбнулась ему.

— Прости, — пробормотал юноша.

Он не мог отвести глаз от ее прелестного лица.

Под пристальным взглядом самерийца улыбка Ирдик стала еще более обворожительной. Длинные черные изогнутые ресницы вздрагивали, словно крылья бабочек. Девушка встряхнула головкой, и серьги из прозрачных отполированных пластин голубого кварца мелодично зазвенели.

Нежная мягкая рука легла на шею Кэра. Он повернулся: Вардали Шерá тоже улыбалась. Платье ее так и осталось развязанным до самого пояса. Каштановые волосы, в которые были вплетены жемчужные нити, падали на обнаженные плечи. Ирдик была очень похожа на мать, но черты Вардали были немного крупнее: брови, губы, подбородок, тонкий, с горбинкой, нос... Словно художник нарисовал маслом то, что в младшей из Шера изобразил акварелью.

Вардали слегка потянулась, чтобы приподнявшийся край одежды обнажил белое бедро. Потом опустила ладонь на ногу и, невзначай, сдвинула край платья еще выше. Кожа под платьем была гладкой, блестящей от благовонного масла.

Ручка Ирдик опустилась на запястье Кэра. Движением, очень похожим на жест матери, девушка приподняла край туники. Ее бедро было уже и смуглее: девушка меньше оберегала кожу от солнечных лучей.

— Ты больше не хочешь есть? — спросила Ирдик.

Кэр покачал головой.

— Тогда, может быть, перейдем в другое место? — прозвучал за спиной юноши бархатный голос Вардали Шера.

Кэр окинул взглядом ярко освещенный зал. Он увидел опустевшие, залитые вином столы, разбросанные остатки пищи, опрокинутые чаши. Увидел приникшие друг к другу тела мужчин и женщин. Заметил он и то, что в зале осталось меньше половины пирующих.

За соседним столом раздался взрыв смеха. Массивный мужчина поднялся, перевернув скамью. Одна из сидевших на скамье женщин повалилась на спину и осталась лежать на полу, болтая в воздухе голыми ногами в золотых сандалиях. Вторая успела ухватить мужчину за одежду. Ткань затрещала, и эта женщина тоже опрокинулась навзничь, сжимая в руке остатки мужского набедренника.

Мужчина (это был Ордаш) расхохотался, перешагнул через поваленную скамью и легко поставил на ноги обеих подруг. Они обвинили его, как лианы — молодую секвойю, одна, хихикая, размахивала разорванным набедренником.

Сверкая незагорелыми ягодицами, обремененный повисшими на нем карнагрийками, гладиатор двинулся к выходу из зала.

— Я не против, — сказал Кэр, глядя в обведенные фиолетовым и черным блестящие глаза Вардали Шера. — Не против, если ты знаешь, куда идти!

— Она знает! — раздался нежный голосок Ирдик. — Мапочка знает здесь каждый... уголок! — и рассыпалась серебряным смехом.

Вардали, наклонясь, перегнувшись через Кэра, нежно дернула дочь за ушко. А распрямляясь, не забыла окатить юношу волной благоухающих мягких волос.

— Идем же!

Благородная карнитка потянула юношу за руку, заставив подняться. А когда Кэр встал, выпустила его руку и пошла впереди, покачивая обтянутыми перламутровым шелком бедрами. Мимоходом она сняла со стены факел.

Выбранный ею коридор был темен и пуст. Но женщина действительно неплохо знала эту часть дворца. Она шла впереди грациозной походкой тан-

цовщицы, давая возможность Кэру поллюбоваться всеми изгибами своей стройной фигуры. Точно рассчитанный ход. Но она недооценила свою дочь.

Ирдик, которая шла рядом с юношей, обнимая его гибкой ручкой, потянулась к уху Кэра и прошептала:

— Давай потеряемся?

Юноша взглянул на нее, потом на шедшую впереди Вардали, подумал и кивнул.

Коридор был длинный, извилистый, изобилующий укромными уголками. Впереди, на высоте человеческого роста, была вырублена ниша в три шага глубиной. Не два, а пять человек могли бы укрыться в ее тени без всякого труда.

Кэр остановился как раз под нишей.

— А что дальше? — спросил он.

— Мы не заблудимся! — девушка лукаво улыбнулась. — Имей в виду: я знаю все, что знает моя мать, только... лучше!

— Тогда полезай! — Кэр указал на нишу.

— О! Я не смогу, так высоко!

Сын вождя присел, обхватил, сдвинув серебряные кольца, тонкие лодыжки Ирдик и одним быстрым движением вскинул ее над головой. Девушка даже не успела испугаться. Она тихо вскрикнула... но уже стояла над Кэром в каменной нише.

— Какой ты сильный! — прошептала она восхищенно.

— Пустяки! — отозвался польщенный юноша.

Он не стал говорить о том, что мальчиков в горных кланах специально обучают такому трюку. На родине ему не раз приходилось проделывать подобное. И с ношей потяжелее, чем хрупкая карнагрійская девушка.

Ухватившись за выступ в стене, Кэр вскарабкался в нишу.

Но, едва он встал рядом с Ирдик, камень вокруг них пришел в движение. Огромная плита, в которой была прорезана ниша, начала поворачиваться.

Кэр мгновенно спрыгнул вниз: сработал рефлекс. И услышал над собой иснуганный крик Ирдик. Проклятье! Он забыл о ней!

— Прыгай! Быстрей! — закричал он.

Но девушка оцепенела от страха, отступила в глубину ниши. Кэр не мог дотянуться до ее ног, чтобы силой сдернуть вниз. А плита с негромким скрипом продолжала поворачиваться.

Сын вождя, подпрыгнув, зацепился за движущийся край, подтянулся, нырнул в сужающуюся щель... И Ирдик, испуганно схватившая его за руки, отняла последние оставшиеся мгновения. Щель сузилась настолько, что Кэр не смог бы протолкнуть в нее даже девушку.

Полоска слабого света становилась все тоньше, пока не исчезла совсем.

— О боги! — прошептала в ужасе Ирдик.

Плита продолжала двигаться, и какое-то время сын вождя надеялся: сделав полный оборот, она станет на прежнее место. Напрасно! Движение прекратилось. Их окружала непроглядная тьма.

Кэр осторожно отстранил от себя девушку, ощупал стены ниши. Сплошной камень! Тогда юноша приблизился к краю. За ним была пустота.

Услышав вскрик дочери, Вардали оглянулась.

Ну так и есть! Маленькая паршивка увела мальчика!

Вардали Шера не рассердилась. Наоборот: почувствовала гордость за предприимчивую малышку.

— Эй! — на всякий случай крикнула она в пустоту коридора.

Никто не отзывался.

Вардали рассмеялась: мальчишка такой славный, можно надеяться, что маленькая Ирдик останется довольна!

Что же до нее самой, то Вардали Шера не останется без достойного мужчины! За три года она выучила все укромные места в этом крыле дворца. В одном из них наверняка окажется компания, подходящая для нее. И никто, будь то мужчина или женщина, не огорчится появлению Вардали Шера, искусной во всех видах любви!

«Удачи тебе, моя крошка!» — подумала женщина.

И отправилась на поиски новых развлечений.

Глава девятнадцатая

Кэр стукнул кулаком по камню. Нет! Здесь нужен молот, если он хочет, чтобы услышали из коридора. Когда плита поворачивалась, сын вождя вполне мог оценить ее толщину.

Ирдик прижалась к нему, и юноша притянул ее, теплую, беззащитную...

И не успел опомниться, как оказался на каменном полу ниши, а гладкое горячее тело карнагрийки прижималось к его собственному телу так плотно, что не было места и для лезвия ножа.

Сладкие влажные губы накрыли рот юноши, ногти вонзились в кожу. Страсть девушки передавалась Кэру с удвоенной силой. Он закричал зубами, стиснул ее так, что хрустнули позвонки. И овладел ею с яростью, ошеломившей его самого даже больше, чем Ирдик.

Стоны, вскрики, все звуки, рожденные страстью, гасли в окружавшей их темноте.

Близость длилась целую вечность. Но даже вечность когда-нибудь кончается.

— Ты прокусил мне губу! — пожаловалась девушка.

Кэр рассмеялся. Смехом Мужчины!

Ирдик таяла от его близости. Она была поражена и восхищена.

Ирдик недавно исполнилось пятнадцать. Четыре года прошло с тех пор, как она стала женщиной. Но она не знала ни одного мужчины, сравнимого с этим высоким худым юношей-самерийцем.

«Даже если мы умрем здесь, в этой темноте, — подумала девушка, — я не пожалею!»

А вот сын вождя был далек от того, чтобы готовиться к смерти. Хотя потрясен едва ли не больше Ирдик. Его первый опыт — ничтожная тень рядом с этой леопардовой пляской!

Кэр провел ладонью по бедру девушки и ощутил, что желание опять готово вспыхнуть в нем.

Но — нет! Сначала он должен найти выход!

Кэр не сомневался, что не окончит жизнь здесь, в этой каменной дыре.

Он облизнул пересохшие губы.

«Вот, — подумал он. — Я уже хочу пить! И малютка тоже хочет пить, а ей терпеть труднее, чем мне!»

Эта мысль наполнила сына вождя гордостью и состраданием.

«Надо выбираться!»

Улегшись на камень у края ниши, Кэр свесил голову вниз. Рука не нащупала опоры. Тьма совершенно непроглядна. Ашшур! Здесь может быть два локтя, а может, и тысяча. Собрав остатки слюны, Кэр плюнул вниз, но ничего не услышал.

«Можно спустить на руках Ирдик, а если ее роста не хватит, втянуть обратно!»

— Ирдик! — позвал он.

Девушка тут же оказалась рядом, прижалась прохладной, еще влажной грудью. Серьги нежно зазвенели.

О! Это мысль!

Кэр нащупал одну из хрустальных подвесок, переломил тонкий листик пальцами.

— Что ты делаешь? — воскликнула удивленная девушка.

Но Кэр уже уронил вниз легкую пластинку. И услышал тонкий звон разбившегося хрусталя.

Вскочив на ноги, сын вождя вознес благодарность богу гор.

И прыгнул вниз.

Высота оказалась чуть больше, чем он ожидал: пять-шесть локтей.

— Кэр! Кэр! — раздался наверху испуганный голос.

Услышав звук его прыжка, Ирдик на ощупь пыталась найти сына вождя.

— Кэр... — Она оступилась, вскрикнула и полетела вниз.

Самериец успел подхватить ее раньше, чем девушка расшиблась о камень.

Ирдик обвила его руками, зарылась лицом в светлые, жесткие, пахнущие пылью и вином волосы.

— У меня сердце оборвалось! — прошептала она.

— Не бойся! — ласково произнес юноша и поставил ее на ноги.

Они оказались в нешироком коридоре. Кэр ощупал кладку: плиты подогнаны с идеальной точностью. Пожелай он взобраться обратно в нишу — вряд ли получилось бы.

Сын вождя повернул налево. Он всегда поворачивал налево, когда не знал, куда идти. Правая рука ощупывала пространство впереди. Левая крепко

сжимала ладошку Ирдик. Коридор постепенно понижался. Воздух же был холодным, свежим, без признаков затхлости. Это обнадеживало. Кэр ничего не знал о сложных вентиляционных ходах, пронизывающих царский дворец.

Не прошли они и тысячи шагов, как впереди блеснул свет.

Остановившись, сын вождя привлек к себе девушку, поцеловал, шепнул в маленькое ушко:

— Вот видишь! Все хорошо!

Ирдик, дрожа от холода, прижалась к его твердой груди.

Так они простояли несколько минут, потом сын вождя ласково отстранил от себя карнагрийку:

— Пойдем!

До источника света оказалось куда ближе, чем полагал юноша. А сам свет был не знаком выхода, а исходил от округлой массы, вещи или камня, громоздившейся посреди коридора. Неприятный свет. Зеленый. Мертвенный.

Ирдик крепче вцепилась в руку Кэра.

Масса была неподвижна, но сын вождя чувствовал: это не просто светящийся камень.

Всю поверхность предмета покрывали небольшие, аккуратно очерченные темным шестиугольники.

Кэр не испытывал страха. Но из осторожности решил, что они обойдут странное образование как можно ближе к стене.

Ирдик била дрожь.

Когда до светящейся массы осталось лишь несколько шагов, она зашевелилась.

Ирдик вскрикнула, дернулась назад. Кэр отступил. Не столько из осторожности, сколько подавшись желанию девушки.

Светящееся тело медленно разворачивалось.

Волосы на затылке юноши встали дыбом.

Зеленое тело выпрямилось. Фигура напоминала человеческую, с очень короткими ногами и широкой сутулой спиной. Затылок существа, круглый и гладкий, уходил в короткую шею.

Если бы в руках Кэра сейчас оказался меч, он, не медля, обрушил бы его на эту уродливую голову.

Но у юноши не было меча. Не было вообще никакого оружия.

Существо повернулось.

Ирдик издала странный звук: тонкий, чуть слышимый писк. Ногти ее впились в ладонь...

Существо было ужасно!

Плоская удавья голова, широкая пасть с сотней острейших зубов, крохотные дырочки ноздрей, черные пятна глаз там, где у человека виски...

Толстые верхние конечности — в полтора раза длинней рук Кэра — заканчивались шестью изогнутыми когтями.

И все равно сын вождя не ощущал страха. Хотя умом понимал: справиться с чудовищем ему не удастся.

Юноша вспомнил об Ирдики и понял, что ему есть за что драться! Тварь доберется до девушки не раньше, чем он будет мертв! А если Кэру ценой собственной жизни удастся искалечить чудовище — не доберется никогда!

Мышцы Кэра напряглись, рот оскалился: сын клана Мечей — не добыча!

— Беги! — бросил он, не оборачиваясь и отпуская руку Ирдики.

Тварь раскрыла пасть.

Кэр ждал, когда раздастся стук сандалий убегающей девушки. Но не дождался. Вместо этого сын вождя ощутил, как девушка вложила ему в руку что-то твердое и гладкое. Кэр сжал пальцы: рукоять ножа!

Крохотный изогнутый кинжальчик с лезвием не длиннее указательного пальца. Короче когтей чудовища. Но все-таки оружие! У Кэра появилась надежда.

В этот миг отношение его к Ирдик переменялось: она перестала быть только женщиной для любви, теперь она была — другом. Больше, чем другом. Сам Кэр вряд ли способен был расстаться с единственным оружием перед лицом явной опасности.

Выставив вперед руку с ножом, сын вождя ожидал.

Может, чудовище окажется неповоротливым? Или решит, что люди — неподходящая добыча?

Тварь оказалась быстрой, как молния. Кэр взмахнул ножом — острое изогнутое лезвие распороло светящуюся шкуру не глубже, чем на толщину пальца. И когтистые лапы сомкнулись вокруг его шеи раньше, чем Кэр успел отскочить...

Сын вождя остался жив. Искривленные когти едва укололи кожу на горле.

Чудовище издало странный звук и отскочило еще быстрее, чем набросилось. Чудовищная пасть хлопнулась. Так ведет себя пес, ненароком зацепивший скорпиона.

Кэр посмотрел на короткий темный след, оставленный ножом на боку чудовища. Невозможно, чтобы эта царапина могла остановить монстра!

Юноша не спускал глаз с твари. Он еще чувствовал кожей прикосновение острых когтей. И зловонный запах из клыкастой пасти.

Кэр шагнул назад. Сердце его оглушительно стучало в груди. Пальцы, сжимавшие рукоять ножа, побелели.

С чудовищем что-то происходило.

Кэр услышал странный треск-скрежет, будто десяток черепашек сталкивались и терлись панцирями.

Чудовище изменялось.

Широкая выступающая вперед морда стягивалась, верхние конечности сокращались, страшные когти исчезали в удлиняющихся пальцах.

Прошло не больше минуты, и перед ними вместо ужасной твари стоял довольно красивый мужчина с гладкой круглой головой. Но кожа на этой голове, равно как и на всем теле, была по-прежнему разделена на светящиеся шестиугольники. А на правой стороне груди пульсировал светом символ Змея-бога.

У Кэра начисто пропало желание сопротивляться. Перед ним был слуга Мудрого Аша. Юноша достаточно слышал о них, чтобы надеяться на успех. Его крохотный нож — против перевоплощающегося колдуна?

Но Кэр лелеял надежду, что жрец-оборотень не тронет сына клана Мечей. Старшие не раз поговаривали о том, что прежде, когда Змей был сильнее, его символ красовался на тотеме клана. Сейчас его больше не чеканили на мечах воинов. Но горы Аша оставались горами Аша, и старейшины рода не забывали Мудрого. Не потому ли чудовищное существо пощадило Кэра?

Оборотень сделал короткий жест: следуйте за мной!

И двинулся вперед, не оглядываясь.

Ирдик уперлась: она не хотела идти!

— Он мог убить меня, — напомнил Кэр, — но не убил! Не бойся! — Кэр ласково погладил девушку по щеке. — Даже если он ведет нас в свое логово, что мы можем сделать?

— Поклянись! — дрожащим голосом потребовала Ирдик. — Поклянись, что убьешь меня собственной рукой! У тебя мой нож. Я не хочу умереть в лапах подобной твари! Она пожрет мою душу!

— Я клянусь покровителями своей души! — произнес Кэр. — А теперь идем!

Светящаяся спина маячила уже в полусотне шагов. Пока они говорили, зеленое пятно и вовсе скрылось за поворотом.

Им пришлось поспешить, чтобы не потерять оборотня в лабиринте.

Служитель Аша шел быстро, уверенно, без колебаний выбирал нужный ход, ни на миг не останавливался на развилках. Теперь Кэр мог сполна оценить сложную систему коридоров: здесь можно было блуждать неделю, месяц, но так и не найти выхода.

Внезапно оборотень остановился.

Они находились в прямом отрезке коридора, без боковых ходов, без всяких признаков, способных объяснить, почему слуга Змеебога выбрал это место. Прямоугольный тоннель, освещенный зеленоватым светом, исходящим от кожи оборотня, тонул во тьме двадцатью шагами впереди.

Оборотень коснулся рукой кладки.

Раздался скрип, и часть стены сдвинулась, открыв проход чуть пошире, чем плечи Кэра. Юноше показалось, оттуда брезжит слабый свет.

Оборотень указал рукой: тебе сюда!

Кэр насторожился. Конечно, ему не справиться с оборотнем, но он должен выполнить клятву.

Юноша покачал головой.

Проход начал закрываться, и оборотень снова тронул рукой тайный рычаг. А затем отошел в сторону на несколько шагов.

Кэр заглянул в отверстие... и узнал коридор, по которому шли они с матерью Ирдик, самое начало его.

Сын вождя мигом вытолкнул девушку наружу, проскользнул сам... и плита встала на место, едва не раздавив Кэра.

Оборотень остался с той стороны.

Молодые люди, не раздумывая, со всех ног бросились прочь. Через минуту они выскочили из коридора и остановились, переводя дух.

Зал Празднования опустел. Лишь несколько человек, слишком пьяных, чтобы куда-то идти, остались за столами. Один поднял голову, тупо посмотрел на парочку в разорванной одежде, в пыли, с ошалелыми глазами.

— Здоров! — пробормотал пьяный и уронил голову в винную лужу.

Ирдик уткнулась лицом в грудь Кэра и зарыдала.

Глава двадцатая

— Фейерверк — единственное на празднике Игр, что не вызывает у меня отвращения!

Фаргал глядел на ночное небо, расцвеченное магическим пламенем.

Царь и его друг, посол Священных островов Кен-Гизар, стояли на просторном балконе, над которым загорались, смешивались и гасли фонтаны магических огней. Отсветы их играли на лице Фаргала, на его обнаженной груди, которую пересекала проложенная шелком перевязь меча. Макушка Кен-Гизара, полагавшего себя высоким, едва достигала драгоценной заколки, скреплявшей густые черные волосы царя ниже затылка. Фаргал смотрел на фейерверк, а Кен-Гизар смотрел на Фаргала, в который раз восхищаясь его мощными, перевитыми жилами мускулами и великолепным сложением, вызывавшим ощущение не тяжелой силы, а, наоборот, непостижимой легкости. Казалось, из широченных

плеч царя-воина выметнутся крылья, и он, так похожий на огромную хищную птицу, взмлет в черное небо и окунется в водопады волшебного огня.

Фаргалу было без малого пятьдесят, но выглядел он не старше тридцати. И вряд ли нашелся бы в Карнагрии боец, способный одолеть царя в поединке. Даже сам Кен-Гизар, лет тридцать назад непревзойденный фехтовальщик, в свои лучшие годы не продержался бы против Фаргала и минуты. Теперь же, когда послу Священных островов перевалило за шестьдесят, а его большое грузное тело уставало даже от получаса обязательных утренних упражнений, сокту оставалось только с легкой завистью любоваться повелителем Карнагрии. Пусть и Кен-Гизар выглядел лет на двадцать моложе своих лет, пусть ум его был много искушенней, чем у царя, пусть даже сам Яго отметил Кен-Гизара своим вниманием, но никогда уже сокт не ощутит упругой молодой силы в мышцах и той особой легкости, когда по утрам избыток жизни заставляет спрыгнуть с лошади навстречу новому дню. Разве что Яго пожелает вновь даровать ему юность!

Мысль об этом утешила Кен-Гизара, и он вспомнил о том, ради чего пришел к царю. Но действовать следовало осторожно. Склонный к решительным действиям император Карнагрии требовал особого подхода.

— У меня для тебя подарок, царь. Пойдем.

Они покинули балкон и вернулись в теплый свет Малого зала Развлечений.

Тихая струнная музыка, которую так любил Фаргал, наполняла пахнущий цветами воздух. Музыка приходила издалека по хитроумным звуковым ходам, придуманным искусниками прежних императоров. Изобретение, необычайно приятное для нынешнего Владыки, не любившего, когда поблизости на-

ходится много людей: будь то музыканты или же шестеро постельничих, по традиции положенных императору Карнагрии.

Кен-Гизар развязал сумку и вынул из нее длинный сверток. Освободив завернутый предмет от холста, он сам еще раз полюбовался тонкостью старинной работы и только после этого, вернувшись на балкон, протянул подарок царю.

Это был кинжал.

Фаргал принял оружие и поднес его поближе к горящему факелу. Отсветы огня тускло блеснули на старой темной бронзе, покрывавшей ножны, и вспыхнули, ожив, на самоцветах рукояти.

Царь медленно вытянул кинжал из ножен. Клинок был немного длиннее ладони, с двойным изгибом волной и острым, загнутым вбок жалом. Царь коснулся большим пальцем лезвия, и оно легко разрезало кожу. Капелька крови окрасила клинок, казавшийся розоватым в свете факела. Поверхность металла напоминала покрытый лаком срез старого дерева. Приглядевшись, Фаргал заметил на одной из сторон нанесенный легкими синими линиями рисунок: изготовившийся к броску змей с широкой трехглазой головой. Клеймо Аша! Хвост змея оплетал начало клинка, становясь выпуклым и образуя гарду. Выпущенный раздвоенный язычок плясал на изогнутом острие.

Фаргал вопросительно взглянул на сокта.

— Из даров Самери, — пояснил посланник Священных островов. — Чары с него сняты, но и без чар он хорош, не правда ли?

— Хорош, — согласился царь, убирая клинок в ножны, на которых тоже был вычеканен знак Аша.

— Причудливы пути Судьбы! — задумчиво произнес Кен-Гизар. — Наш вечный соперник приносит нам в дар самое себя! «Как дар врага, пропитан

ядом Жизни хлыст!» — так, кажется, у твоего Сур-
наш-Гина?

Фаргал покачал головой:

— Как дар врага, отравлен Жизни Хлыст!
А Смерти путь всегда прямой и уже,
Чем тропка бегства. Позже, обнаружив,
Что ты — всего лишь сбитый ветром лист, —
Перевернешься к собственной спине,
Чтоб посмотреть в затылочную ямку
Без зеркала...

— ...А путь у Смерти прям, как
Крюк молнии. Намек о том, что не
Счастливейшим — Ашшурова земля,
Там, за хребтом, а всадникам азартным, —

подхватил сокт. —

Ведь только ощутив под сердцем жар, ты
Способен встать над ростром корабля
И в крохотную щелку кулака
Разглядывать летящую химеру
До той поры, покуда запах серы
Не отзовется пламенем в висках
И содроганьем собственной спины,
Проросшей серебристо-черным мехом.
И кажется ненужностью, помехой
Зов той, чей плач — не более чем эхо.
И дым забвенья кажется родным...

— Но женщина с ребенком на руках, —

продолжил Фаргал, —

Легко ступая смутлыми ногами,
Идет через удушливое пламя
По зыбкой ряби красного песка
К изъеденной заклетьями стене,

Едва заметно шевелит губами —
И камень исчезает: перед ней
Распахнутый и освещенный вход.
Поторопись! Сейчас она войдет,
И дверь закроется!..

Загнанная вглубь боль шевельнулась под сердцем Фаргала, но он привычным усилием затворил врата памяти.

— Мне показалось, или ты и впрямь назвал Аша — врагом? — спросил царь.

— Не врагом, и не Аша! — отозвался Кен-Гизар. — Я имел в виду Самери. Но подумай, о царь, разве враг иной раз не важнее друга?

— Не для меня! — отрезал Фаргал.

«Слова не воина и не государя, — подумал сокт, бросив на царя теплый взгляд. — Слова человека!»

— Я заметил: в столице на улицах вдвое больше стражников, чем обычно! — сказал он. — Игры?

— Нет! Я внял предупреждению Люга! Вождь сказал: поблизости зашевелилось Зло! Тебе же сие ведомо!

— Да. Но с этим Злом вряд ли справятся стражники! — покачал головой Кен-Гизар.

«Он, как зверь, чувствует опасность!» — подумал сокт.

— А кто справится? — Царь повернулся к посланнику, и его голова показалась Кен-Гизару охваченной пламенем на фоне горящего позади факела.

— Пока не знаю, — отозвался Кен-Гизар. — На границах Карнагрии по-прежнему спокойно, насколько мне известно?

— Спокойствие нельзя назвать полным! — возразил Фаргал.

— Райно?

— Да. Мой капитан отправится туда сразу же по окончании Игр! И только Ашшуру ведомо, каким будет следующий год!* Не хочешь подняться наверх и спросить у Него?

— Не выйдет! — улыбаясь царской шутке, ответил сокт. — Даже магу не под силу взойти на Великие хребты гор Ашшура и поглядеть на Небесную страну! Ключи, из коих питается мощь волшебства, иссякают вместе с воздухом раньше, чем дерзкий одолеет и треть пути!

— Так, может, и нет ее, Небесной страны? — предположил Фаргал.

— Может, и нет, — отозвался посланник соктов. — Но поскольку существует страна Мертвых там, за пустынями Юга, то почему бы не быть и Небесной стране там, за Великой Стеной Ашшуровых гор? Во всяком случае мне хотелось бы полагать, что она — есть!

— А чему учит Яго?

— Яго? Нашего бога интересуют только зримые вещи. С тех пор, как он сам стал незримым. Помнишь, как сказано: Единый был сыном Ашшура. Но, распавшись, потерял себя и перестал быть тем, что есть. Вот почему Ашшуру нет дела ни до Империй, ни до всей земли, что носит его имя. Может, это и к лучшему!

— Насколько же это — истина? — спросил Фаргал.

— Так говорят мифы!

«А большего тебе, мой царственный друг, увы, знать не положено!» — подумал сокт.

* Завершение года в Карнагрии совпадает со сбором третьего урожая, который и отмечается трехдневными Иг-рами.

— Тайное всегда сопутствует явному! — сказал он вслух. — Как великолепию залов твоего дворца — тайные ходы лабиринта за их стенами. Но ты ведь не будешь замуровывать их, верно?

— Нет, — покачал головой Фаргал. — Хотя стоило бы это сделать!

Он рассеянно повертел в руках кинжал.

— Я скучаю! — пожаловался царь. — Я всегда скучаю в дни Игр! А когда я скучаю, мне кажется, что лучше быть капитаном на горной заставе или, еще лучше, разбойником, за которым охотится капитан, чем императором Карнагрии!

— Как знать, — осторожно произнес Кен-Гизар, — не предпочтешь ли ты иную судьбу по другой причине!

Фаргал перевел взгляд с кинжала на лицо сокта.

— Недавно, — сказал Кен-Гизар, — я говорил с твоим Верховным магом, Мескесом. О будущем.

— И что же?

— Твой Верховный маг весьма озабочен будущим. В основном своим собственным будущим. Но тревоги Верховного мага всегда оборачиваются осложнениями для Верховного Владыки! Особенно когда есть основания для тревог! Боюсь, государь, твоей скуке уже пришел конец!

— Надеюсь, что так! — откликнулся Фаргал. — Не люблю чувствовать себя ненужным!

— Царь, — рука сокта коснулась бронзового плеча Фаргала, — твоя тень там, в магическом мире, раздвоилась!

— Что это значит? — Глаза царя сузились.

— Это значит, — как можно более мягким, успокаивающим голосом пояснил посланник, — что злое чародейство проникло в корень твоей судьбы! Некто очень сильный охотится за твоей душой, о царь!

— Моей душой?

Лоб Фаргала на несколько мгновений прорезали вертикальные морщины, но потом чело царя разгладилось, а челюсти сжались. Ладонь царя накрыла руку Кен-Гизара.

— Моя душа, — еще мягче, чем сок, произнес Фаргал, — крепко привязана к телу. А до моего тела не так-то просто добраться ни чарам, ни железу! Спасибо, друг мой! Я буду осторожен, насколько смогу!

«Вот именно, — подумал посланник, — насколько сможешь! А ведь если с тобой что-то случится, это будет горем и для моей, и для твоей страны!»

Кен-Гизар даже в мыслях не смел признаться, что жизнь его опустеет, потеряй он Фаргала!

Пламя фейерверка угасло, и только тогда стало заметно, что небо над Великондаром посветлело. Близилося утро.

Глава двадцать первая

— Бос! Подойди ко мне! — позвал Хар-Руд.

Длиннорукий гладиатор сделал Кэру знак, и тот опустил деревянный меч.

— Вышка! Поди сюда! — крикнул Бос. И, показав подошедшему на самерийца: — Поработай с ним!

Вышка кивнул, встал в позицию.

Бос подошел к своему начальнику.

— Как дела у малыша? — спросил Хар-Руд.

— Неплохо. Но если ты хочешь знать мое мнение о его шансах на Арене — они невелики! Тем более — против Устула. Парнишка неопытен, а сок хитер, как демон! Он даже меня мог бы подловить!

— Не думаю, что он будет слишком изощряться с каким-то учеником!

— Вот разве что! Парень ведь и меча настоящего в руках еще не держал!

— Разве?

— Ну, если не считать клинка Ордаша! — Бос усмехнулся. — Ты мог бы просто вздрючить всех троих!

— Мог бы. Но насчет меча ты не прав! Чем, по-твоему, он прикончил стражника? Пальцем?

Бос промолчал. Но всем своим видом выражал неодобрение.

— Я знаю, что делаю! — резко сказал Хар-Руд. — Надо подобрать ему кличку! Что-нибудь крутое!

Некоторое время оба наблюдали, как молодой самериец и Вышка обмениваются ударами. Доспехи Вышки звенели чаще, чем шлем и нагрудник Кэра.

— Быстрый, — сказал Бос. — Молния?

— Молния — чересчур!

— Он бьет с места, как кобра.

— Кобра...

Хар-Руд подвигал челюстями, будто пробовал слово на вкус.

— Нет, не кобра — змея! Змея!

— Что-то есть, — согласился Бос. — Хотя лицом-то он скорее на птицу похож...

— Решено! — подытожил Хар-Руд. — А клиночек я для него припас! Эй, раб!

Слуга, стоявший позади со свертком в руках, приблизился.

— Разверни! — велел Хар-Руд, и Босу: — Попробуй!

Гладиатор вынул из ножен узкий меч.

Длинною оружие было около двух локтей, а шириной — от трех до двух пальцев: к острию клинок

слегка сужался. Гарда плоская, формой имитирующая бабочку.

Бос попробовал баланс, проверил гибкость и сделал три быстрых выпада в разные стороны.

— Коротковат. Для меня, — сказал он, поглаживая полированный металл. — Но пареньку — в самый раз!

— Значит, одобряешь?

— Да. Если малыш успеет овладеть этим кра-
савцем за два дня, я не поставлю на Устула!

Хар-Руд самодовольно улыбнулся.

— Но на парнишку я тоже не поставлю! — разочаровал его Бос.

— Твое дело — подготовить его! — проворчал Хар-Руд. — Забирай меч и приступайте! Я велю освободить для вас всю полосу живых мишеней!

Бос кивнул и, встряхивая клинком, пошел к своему подопечному.

Мать и дочь Шера возвращались домой. Утро давно миновало, и сквозь шелковые шторы паланкина просвечивало белое дневное солнце.

Обе, откинувшись на мягкие подушки, потягивали из тростинок охлажденный сок. Рабыня, сидевшая напротив, ленись, редко взмахивала опахалом из укороченных павлиньих перьев.

Ветерок шевелил пшеничного цвета волосы Ирдик и каштановые локоны Вардали, оведал их обнаженные груди, утомленные лица.

— Хорошо повеселилась, девочка? — спросила Вардали Шера слегка охрипшим голосом.

Дочь не ответила.

Вардали приоткрыла зеленый глаз. Сквозь застывшее на ее лице выражение сытости пропустил интерес.

Бурно проведенная ночь не оставила следов на ее теле. Если не считать пары синяков и глубокого довольства.

А вот Ирдик выглядела не блестяще. Лицо ее осунулось, мягкие шелковистые волосы посерели от пыли, спутались, под глаза легли синие тени.

Вардали взяла руку дочери, нежную ручку урожденной Шера, с тонкими пальчиками и узкой мягкой ладошкой. Сейчас гладкую кожу ее покрывали ссадины, ухоженные ногти — обломаны, пурпурный лак местами сошел. Немало понадобится времени и стараний опытных рабов, пока эта ручка обретет прежнюю красоту.

— Очень ты пылкая! — с легкой укоризной произнесла Вардали.

Ирдик сердито вырвала руку.

Вардали потянулась к сосуду с соком, немного отпила:

— Ты должна больше заботиться о себе! — заявила она убежденно. И, подумав, добавила: — И обо мне! Этот мальчик...

Ирдик дернулась так резко, что ее собственный сосуд с соком упал на ковер. Хорошо, серебряный — не разбился.

Вардали отшатнулась от неожиданности.

Изумрудные глаза Ирдик пылали яростью:

— Не смей называть его мальчиком!

— Ну хорошо, хорошо, успокойся! — примирительно проговорила женщина.

Ее опарашил порыв дочери, непонятная ярость. Что же между ними произошло?

Ирдик вдруг всхлипнула, содрогнулась и уткнула лицо в ладони. Плечи ее тряслись.

Мать обняла девушку, стала нежно поглаживать по спине. Волосы Ирдик, колеблемые взмахами опахала, щекотали руку Вардали Шера. Она ничего не

понимала, но с привычной мягкой уверенностью заговаривала рыдания дочери:

— Успокойся. Не плачь. Ну ладно. Все пройдет, моя дорогая...

Неожиданно Ирдик выпрямилась, повернула к матери зареванное лицо:

— Мы должны забрать его оттуда! — воскликнула она. — Ты поняла?

— Но он — царский гладиатор! — увещающе проговорила Вардали. — Как мы можем забрать из дворца царского гладиатора, доченька? А потом, ты уверена, что он сам захочет покинуть Двор? Уж поверь мне, я ведь знаю неплохо этих мужчин, — им всем по нраву такая жизнь!

— Но они умирают! — всхлипнула Ирдик.

— Ну конечно! — согласилась Вардали. — Именно это и делает их жизнь такой... пряной!

— Но они убивают друг друга!

— Раньше тебе это нравилось! — напомнила Вардали.

— Я не хочу, чтобы убили... его! — Девушка с трудом сдержала рыдания.

— Но он еще ученик! Не скоро...

— Ты должна мне помочь! — упрямо заявила девушка. — Пусть отец заберет Кэра оттуда! Он — советник царя! Не может быть, чтоб он не смог получить жизнь какого-то ученика гладиатора!

— Послушай, — мягко возразила Вардали. — Ты же знаешь, нынешний царь строг в отношении законов!

— Ничего я не знаю! И знать не хочу!

Лицо Ирдик выразило абсолютную непреклонность.

«Вся в меня! — с удовольствием подумала ее мать. — Немного не хватает гибкости, но придет со временем. Я хочу! И все!»

Вардали откинулась на подушки, очень довольная собой; красивая, молодая еще женщина, у которой есть все: мужчины, деньги, власть и дочь, что со временем станет ее продолжением. А когда жизнь Вардали минует время страстей, Ирдик наполнит ее смыслом. Она представила, как год за годом передает взрослеющей дочери свой немалый опыт, и зажмурилась от предвкушения.

Женщина забыла о собственной юности. Забыла, что светские интриги и похотливые игрища вовсе не были ее мечтой. Вардали Шера была достойна большего, чем власть над собственным мужем и его слугами. И она была способна получить большее. Вардали просто не повезло.

— Ему понравится у нас больше, чем среди этих мужланов-гладиаторов! — убежденно заявила Ирдик.

«А сам он разве не мужлан?» — подумала ее мать, но вслух не произнесла. Мысль о том, чтобы взять юношу в дом Шера, не приходила ей в голову. А ведь очевидно: если Гагаран купит его...

— Я поговорю с твоим отцом! — пообещала она. — Конечно, царь может и не согласиться. Но, кроме царя, есть немало людей, что пойдут навстречу. Если с ними умело обойтись!

«Неплохая идея! Как это остро: иметь в доме бывшего гладиатора, пусть совсем юного мальчика! Такого милого мальчика! Малютка забыла, что это я, а не она выбрала его вчера».

— Поговорю. Попробую его убедить! — произнесла Вардали более уверенно.

«Конечно, я его уломаю! Хорош будет Гагаран, если вздумает мне перечить!»

— Мамочка!

Ирдик обвила ее руками.

— Но ты должна обещать мне, что будешь больше заботиться о себе! — наставительно про-

изнесла женщина. — Твое тело — лучшее, что у тебя есть!

«Кроме меня, моя глупышка», — добавила она про себя.

Ирдик часто-часто закивала головкой.

Паланкин, плавно покачиваясь, двигался по раскаленной мостовой, восемь мускулистых рабов, цокая деревянными сандалиями, несли его ровной рысцой мимо мраморных фасадов и колоннад Верхнего города.

Минут двадцать спустя носильщики свернули в арку, и благословенная тень парковых деревьев легла на их разгоряченные тела. Радуюсь окончанию пути, носильщики побежали быстрее. Вскоре поднятый по белым ступеням парадной лестницы паланкин опустился на жилковатый батийский мрамор. Белая ручка Вардали откинула шелковую занавеску.

— В Карнагрии его называют — «скорпион»! — сказал Бос. — Твой враг не должен знать, куда он ужалит!

Он сделал прямой выпад, потом — два прыжка вперед, укол и застыл. Конец клинка дрожал, как змеиный язык.

— Ты играй, играй им, когда прыгаешь! — крикнул Бос. — Тогда твой толчок уйдет в его силу, а ноги упадут мягко, как волосы девственницы! На! Делай!

Кэр подхватил оружие, выбросил в сторону левую руку с тремя вытянутыми пальцами и прыгнул. У него получилось легче и дальше, чем у Боса.

— Уловил! — с удовольствием сказал его наставник. — А теперь пробуй так!

И показал шестом: укол вперед, поворот с широким режущим взмахом, снова укол, второй пово-

рот, левая рука на запястье правой, падение на колено, пережат через плечо, на ноги, снова — укол, поворот, уход, укол, наклон, падение на спину, кувырок, прыжок вперед, двойной укол!

Кэр повторил с изумительной точностью. Тело слушалось идеально.

Бос сиял от удовольствия.

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке! — воскликнул гладиатор.

— Да, — серьезно подтвердил Кэр. — Когда в клане рождается мальчик, ему дают потрогать рукоять отцовского меча раньше, чем материнскую грудь. Правда, потом отнимают, до самого посвящения. Наставник говорил: тот, кому вручают меч, должен быть готов принять его! А меч должен радоваться, оказавшись в руке посвященного!

— Он радуется! — заверил Бос. — А теперь слушай меня! «Скорпион» — благородный клинок. Им не лупят, как булавой, и не ставят поперек чужого железа! Он — только для поражения. «Скорпион» не звенит в бою, он — поет! Если ты сражаешься против нескольких противников — бери кинжал, чтобы ловить чужие клинки. Но в парных схватках — только уход! Тебе это по силам! Ты должен порхать, как бабочка! — Он щелкнул ногтем по гарде меча. — Атаковать с любого места, с любого положения, обходить защиту так, чтобы жало клинка — видишь, как оно гнется? — плясало, точно язык пламени!

Нет таких доспехов, что защищают с головы до ног. Всегда найдется щель для острия иглы. «Скорпион» — это острие иглы! Он сам отыщет уязвимое место, если ты сроднишься с ним. Дай мечу волю, слушай, как он поет!

Клинок в руке Боса превратился в сверкающую на солнце вуаль.

— Вот так! На! Делай!

Он бросил меч Кэру.

И «скорпион» запел в руке самерийца.

— Ты хоть понимаешь, о чем просишь? — сердито восклицал благородный Гагаран Шера, бегая вокруг своей жены.

Вардали, сложив белые руки под грудь, смотрела на мужа спокойно, терпеливо. Так смотрит опытный объездчик на брыкающуюся молодую лошадку.

Взгляд Гагарана зацепил полные груди жены. А поскольку сам он продолжал двигаться, голова его, с завитыми локонами, повернулась на четверть оборота. А потом — обратно. Выглядело забавно, и Вардали улыбнулась.

— Не надо преуменьшать свои возможности, мой дорогой! — промурлыкала она. — У тебя достаточно власти, мой Гагаран, чтобы сделать и не такое!

Шера слегка надулся от гордости. И повторил, уже менее возбужденно:

— Но, моя прелесть, он — царский гладиатор!

— Прежде всего он — очень милый красивый мальчик, который приглянулся нашей маленькой Ирдик!

— Красивый? — В глазах Гагарана мелькнул интерес.

«Ах ты, старый козел!» — подумала Вардали.

— Да, красивый! Но будь он даже уродлив, как... козел, ты все равно обязан это сделать! Да как тебе не совестно! — повысила она голос. — Отказывать малютке в такой мелочи?

— Очень трудно... — пробормотал Советник, сдаваясь.

— Притом, — продолжала Вардали, — он еще не гладиатор, только ученик, ни разу не был на Арене!

Об этом ей сообщил красавчик Ордаш, с которым карнитка провела неплохую ночь. Но стоит ли углубляться в детали?

— Ученик? — обрадовался Шера. — Что ж, это облегчает дело. Я попробую. Для Ирдик и для тебя, моя сладкая!

Глаза Гагарана замаслились. Он ловко ухватил жену за полные ягодицы и притянул к себе.

«Гляди-ка, делает вид, будто на что-то способен после прошлой ночи!» — подумала Вардали.

У нее хватало наушников среди домашней челяди.

А впрочем, можно попытаться. Дело того стоит.

— Ты — мой герой! — проворковала женщина, сбрасывая с плеч платье. — Ты мой Шера!

— Живая дорожка!

Бос указал на полосу шириной шага четыре, посыпанную песком. В конце ее возвышался щит в человеческий рост, с тремя грубо намалеванными красными пятнами размером с медную монету.

— Ты, — сказал гладиатор, — должен по моей команде как можно быстрее поразить то, что посередине!

Бос отошел в сторону и оперся на деревянную решетку.

— Пошел!

Сын вождя сорвался с места...

И Бос нажал на рычаг.

Деревянная доска в локоть высотой выпрыгнула из песка прямо под ноги Кэра. Зацепившись, юноша полетел лицом в песок, но успел собраться в воздухе, перевернулся через голову, еще раз, вскочил — мишень всего в двух шагах — и выбросил руку с мечом.

Клинок пробил мишень насквозь. Но на ладонь в стороне от нужного места.

Кэр виновато посмотрел на Боса. Но тот был доволен.

— Повторить! — приказал он.

Барьер ушел вниз.

Сын вождя снова начал движение. На этот раз он был начеку, легко перемахнул через преграду и вонзил меч точно в центр пятна.

Третья попытка.

— Верхний! — крикнул Бос.

Сын вождя в три прыжка достиг мишени...

И в шаге от нее из песка выпрыгнул деревянный шест, заслонив нужное место. Инстинктивно перевернув меч в ладони, Кэр косым режущим движением отсек верх шеста и с тем же обратным хватом с полуповорота пробил мишень у самого края верхнего красного пятна.

Бос не знал: хвалить ему парня или ругать.

— Если б это был меч, ты сломал бы клинок! — проворчал он.

— Но это не меч! — справедливо возразил Кэр.

— Повтори последнее движение!

— Какое?

— Переверни его в руке!

— А, это!

Юноша качнул мечом, эфес скользнул по тыльной стороне его ладони, и большой палец лег под головку рукояти.

— Сам сообразил или увидел?

Кэр рассмеялся.

— Наставник! Да ты раз двести заставлял меня делать так шестом!

— Так, да не так! А сделано хорошо. — Он нахмурился. — Преграды больше не рубить! Это «скорпион», а не двуручный «единорог»!

— Я в состоянии отличить дерево от железа! — заверил юноша. — Скажи, кто придумал эти устройства? — Он указал на дорожку.

— Кто придумал, известно одному Ашшуру. Когда-то тут тренировались Алые. Потом им соорудили кое-что получше и эту отдали нам, Потерявшим Жизнь.

— Я не прочь взглянуть на «кое-что получше».

— Для этого надо стать одним из Алых. Нам с тобой — заказано!

— Почему, наставник?

— Гвардию набирают только из чистокровных карнитов. Даже сам Фаргал не имеет права интересоваться тайнами их мастерства! Но ему — без надобности!

Бос засмеялся.

— Алые — серьезные воины! — со знанием дела согласился Кэр.

— Ты-то откуда знаешь? — Гладиатор бросил на подопечного острый взгляд.

— Они убили моего наставника, — объяснил юноша. — А мой наставник — из лучших бойцов клана Мечей. Это серьезно!

— Глядя на тебя — могу представить! — отозвался Бос.

— Правда, Алых было трое! — прибавил Кэр.

— Чтобы уложить меня, потребовалось бы не меньше двоих! — не без гордости сказал Бос. — А может, и двоих не хватило бы. Ладно, парень! Ты видел только пару ее трюков. — Он указал на «живую» дорожку. — А их здесь — восемнадцать. Так что... — Он набрал в грудь воздух: — Верхний! Делай!

— А! Благородный советник Шера! — проворчал Гронир, слегка шевельнувшись на ложе. — Чем обязан твоей милости?

Гагаран, неодобрительно приподняв бровь, окинул взглядом комнату. И поразился богатству

убранства. Никакого вкуса (впрочем, чего ожидать от плебея?), но сколько здесь дорогих, очень дорогих вещей!

Гагаран поднял позолоченную статуэтку храмовой танцовщицы... Какую позолоченную? Чистое золото, если судить по весу! А камешки, которыми выложен пояс фигурки, ее серьги, ожерелья... Все — чистейшей воды!

Шера вздохнул: недешево обойдется ему подкуп такого человека, как управляющий Гронир.

Гронир почерпнул пальцами единственной руки сладкую массу из чаши, ловко скатал пальцами шар и запихнул в рот.

— Так. Слушаю тебя... — пробормотал невнятно.

По подбородку Управителя потекла липкая сладкая слюна.

«Что же это я стою перед ним?» — спохватился Гагаран и поспешно прилег на свободное ложе.

Он ожидал, что хозяин предложит угощение или вино, но жирная жаба понятия не имела о том, как себя вести.

Гронир дожевал, присосался к бокалу с вином. Бокал изумительной красоты, фетский, весь словно составленный из прозрачных искрящихся драгоценных камней.

Гронир допил до дна, поставил, отрыгнул.

Гагаран не мог оторвать глаз от бокала. Такое чудо! А рядом — оплывшая рожа бывшего Алого.

«Свинья больше понимает в табитском жемчуге, чем эта жаба — в чудесах, которые награбил!» — не без зависти подумал Советник.

— Мне нужен один человек. Раб! — уточнил он.

— За чем же дело стало? — равнодушно отозвался Гронир и снова рыгнул.

— Этот человек — в твоём ведении! — заявил Шера.

— Ну и что с того?

— Он — ученик на Гладиаторском Дворе, — начиная сердиться, произнес Гагаран. — Имя его — Кэр, если не ошибаюсь.

— Что он натворил? — осведомился Управитель, слегка заинтересованный. — Имей в виду: мои гладиаторы подвластны лично царю! А судьей над ними он поставил меня!

— Он не совершал преступлений, — сказал Советник. — Я хочу его купить!

— Невозможно купить царского раба! — немедленно отреагировал Гронир и отрыгнул в третий раз.

«Поменьше бы тебе жрать, жирная жаба, да побольше думать о том, что жрешь!» — с отвращением подумал Гагаран.

— Тогда — выкупить!

— Невозможно выкупить царского раба! — заявил Гронир и крикнул от удовольствия.

— Выходит, ничто не может освободить гладиатора? — с подвохом спросил Гагаран.

— Народ. Народ может его освободить! — сказал Гронир.

Сказал, как сплюнул.

— Но, — стараясь держать себя в руках, продолжал Советник, — за хорошие деньги можно купить для царя еще лучшего гладиатора. Даже двух!

— Все царские гладиаторы — лучшие! — Гронир смерил собеседника взглядом, прищурился. — А что ты называешь хорошими деньгами?

— Скажем... Десять золотых!

Шера удвоил сумму, которую собирался назвать.

— Что ж... — Управитель слепил еще один комок и отправил в рот. — Дешать шолотых — хорошие деньги...

Советник подумал: сейчас согласится. И пожалел, что не сказал «пять».

— Хорошие деньги... Для тебя! — и прижмурился от удовольствия. — Но не для царя Фаргала! «Ах ты мерзкий безрукий вонючий сын подзаборной шлюхи!» — рассвирепел Шера.

Но лицом остался спокоен.

— А что же хорошие деньги для царя? — спросил будто невзначай.

«Жаль, что мы — одни! Не то подловил бы тебя на оскорблении личности Императора!»

— Для царя?.. — выдержал паузу, передразнивая Гагарана. — Ну, скажем... Сто золотых!

— Сто золотых?

У Советника дух перехватило от подобной наглости.

— Или благородный Шера полагает, что сто золотых — много?

— Да! То есть — нет!

Спохватившись, Гагаран сообразил, что речь идет совсем не о рабе. Теперь советник уже радовался, что беседа — без свидетелей.

— Но сто золотых — очень большие деньги!

— А кто спорит? — удивился Гронир. — Да. Большие.

Ум Гагарана бешено работал. Сто золотых. Целое состояние! С ума сойти! Но, с другой стороны: что такое для Шера — сто золотых? Тем дороже будет подарок, который он преподнесет своей Ирдик!

Гронир видел: аристократишка почти готов. И точно определил миг, когда губы Гагарана шевельнулись, чтобы сказать...

— Сто золотых — значительная сумма! — произнес он, прежде чем Советник успел вымолвить слово. — По-царски значительная сумма. За раба. Но... — упреждая реплику Гагарана. — Есть еще одна небольшая деталь, благородный господин Советник! Совсем небольшая деталь. Но очень важная!

«Ни медяка не прибавлю, ты, вонючка!» — с ожесточением подумал Гагаран.

— Какая же, Управитель Гронир?

— Закон, мой благородный господин Шера! — Гронир совершил выпачканными в розовой массе пальцами неопределенный жест. — Закон! Хотя, если вдуматься...

«То почему бы еще не подразнить эту расфуфыренную немочь?»

И тут Гагаран Шера со всей определенностью понял: не продаст. Жирная жаба! Не продаст! Ни за сто золотых, ни за тысячу! Только потому, что паршивый мальчишка действительно нужен советнику Шера!

Окаменев лицом, благородный Гагаран встал и вышел из комнаты. Молча. С достоинством. Как подобает отпрыску древнейшего рода Карнагрии.

И услышал за спиной громкое чавканье.

«Ничего, — подумал он, выходя из особняка Управителя и ставя ногу на колено охранника, чтобы сесть в седло. — Ничего! Обратимся к благородному Саконнину!»

Глава двадцать вторая

— Третья пара! — закричал глашатай. — Устул! Хвостатое копые! Щит!

Коренастый сокт выбежал на арену, потрясая оружием, к наконечнику которого был привязан длинный пучок выкрашенного в красный конского волоса.

Голову Устула покрывал глухой шлем, грудь защищала кираса с выступающим нагрудником. В левой руке — треугольный щит с вырезом наверху.

На коротких кривых ногах набедренники и наголенники из вороненой стали.

— Вчера добрый час глазел, как трудится наш паренек, — сказал Бос, обращаясь к Хар-Руду. — Все продумал!

— Вот хитрая тварь! — пробормотал эгерини.

— Эй-эй! — Бос ухмыльнулся. — Помощник Управителя не должен быть пристрастен? Сколько ты поставил на победу Змеи?

— Пошел ты! — Хар-Руд выглядел не на шутку озабоченным.

— Он сделает сокта! — подбодрил его Бос. — Будь уверен! В этом бесенке сидит настоящий боец!

— Надеюсь! — пробурчал Хар-Руд.

И на всякий случай сложил из пальцев левой руки отводящий знак.

— Змея! Меч! — закричал глашатай.

В среде зрителей, молчанием встретивших новое имя, возникло шумное оживление при появлении юноши.

— Удивлюсь, если кто поставит на него! — сказал Бос. — Ты озолотишься, Хар-Руд!

— Слушай, заткнись! — свирепо прорычал эгерини. — Ты посоветовал ему этот наряд потаскухи?

— Он выбрал сам! Но я не стал возражать!

— Сожри вас демоны!

На Кэре не было ничего, кроме черной юбки до колен и сапог. Даже шлема не было: только черная шелковая лента, удерживающая светлые волосы сына вожда.

Он остановился шагах в десяти от Устула, спокойно оглядел закованного в железо сокта.

Ударил барабан.

— Знаешь, как готовят жаркое из болотной лягушки? — Под шлемом голос Устула звучал глухо, как из бочки. — Я сдеру с тебя шкуру, а потом

нарежу на куски! Выпотрошу тебя и заставлю собирать собственные кишки, разбросанные по песку! Я надену твою голову вот сюда! — Сокт махнул копьем. — И буду держать на солнце, пока не завоняет! Ты понял меня, шакалье дерьмо?

— Это все? — спросил сын вождя, на которого угрозы Устула произвели не слишком большое впечатление.

— Гиена тявкает, — сообщил он, — когда трусит. Я прикончу тебя одним ударом, Устул!

Сокт разразился потоком грязных ругательств. Его прервал второй удар барабана.

Противники разошлись. Сокт, наклонясь вперед, ждал сигнала. Кэр выглядел совершенно беспечным.

Снова грохнул барабан. Устул бросился вперед раньше, чем угас гром удара. Его копье прошло в половине ладони от загорелой груди самерийца. Тот, даже не успев выхватить меч, еле уклонился от широкого наконечника.

— Если кто сделал на него ставку, — заметил Бос, — сейчас волосы на жопе рвет от огорчения!

— Угу, — пробормотал помощник Управителя.

Бос с удивлением обнаружил, что его стрела не достигла цели: Хар-Руд успокоился.

Сокт тем временем развернулся с потрясающей скоростью. Тяжесть доспехов смущала его не больше, чем буйвола — собственная шкура. Выбросив в сторону копье, он хлестнул «хвостом» по лицу Кэра, закрыв ему обзор. И тут же обрушил на сына вождя удар тяжелого щита.

Юношу отбросило назад. Он упал и покатился по песку.

Зрители взвыли.

Мало кто успел заметить, что Кэр принял удар щита на ладони. Зато все видели, как он, перевер-

нувшись через голову, добрых десять шагов катился по Арене.

Устул налетел на упавшего. Лишь какой-то миг отделял Кэра от гибели. Тяжелое копьё трижды вспахало песок, а потом каким-то чудом юноша ухитрился вскочить на ноги.

Сокт по инерции пробежал еще пару шагов и затормозил, вздымая песок окованными железом сапогами.

Кэр стоял, слегка покачивая головой. Казалось, он оглушен. Меч самерийца по-прежнему оставался в ножнах.

— Беги! — ревели ему сверху.

— Меч! Меч! — орали другие.

— Дерись, засранец! Дерись! — вопили третьи.

Мало кто теперь сомневался: новичок выставлен на убой.

Устул ринулся в атаку. Кэр отклонился в сторону, но опытный противник его обманул: ударил сбоку острым краем наконечника.

Худое тело юноши взлетело в воздух, подброшенное ударом.

Вопли толпы достигли апогея.

Кэр упал на четвереньки.

Устул ударил над самой землей. Самериец подпрыгнул вверх, как кошка. Второй удар — и наконечник воткнулся в песок. Кэр снова был на ногах.

— Он играет с ним, — пробормотал Бос. — Но опасно играть!

Древко копья перевернулось в руке сокта и упало на незащищенную голову самерийца. Тот опять ухитрился избежать удара.

Толпа выла, как свора демонов. Сокт гонял противника по Арене. Но до сих пор на облепленном песком теле самерийца не было крови. Даже боковой

удар Устула, подбросивший юношу над Ареной, не оставил на его коже алого следа.

Устул ударил, целя в ступню противника. Кэр отдернул ногу, широкий наконечник вонзился в песок... и сок, поддев пригоршню его, смешанного с опилками, швырнул в лицо сына вождя.

Мигом позже сок нанес боковой удар. Красная полоса пересекла живот юноши. Зрители завопили. Невозможно было определить издали, насколько серьезна рана. По крайней мере Кэр остался на ногах.

Устул захохотал. Низкий голос его грохотал под железным шлемом, как камень в катящейся бочке.

Сын вождя, отбежав назад, плюнул на руку и попытался протереть глаз, в который попал песок.

Сок метнул копье. Кэр не ожидал броска и едва не поплатился жизнью. В последний момент он успел отскочить. По левому его плечу заструилась кровь.

Смерть отставала от самерийца на волосок девушки.

Рыча, сок мчался на него.

— Меч! Меч! — вопила толпа.

Зрителям казалось, будь в руках юноши клинок, он мог бы сейчас уравнять счет.

— Хватай копье! — горланили другие.

Сок налетел на Кэра. Выставленный вперед щит, закованное в железо тело, мощное, быстрое. Устул ринулся вперед, как только копье оказалось в воздухе. И ненадолго отстал. Попытайся Кэр поднять тяжелое оружие, сок смел бы его, как носорог — шакала.

Сын вождя уступил дорогу.

Устул на бегу подхватил копье, пробежал еще шагов десять и резко развернулся. Стальной наконечник с шумом рассек воздух. Попытайся Кэр в этот момент напасть на сока — наконечник перерубил бы ему ребра.

Но сын вождя стоял там, где стоял. И вынимал из ножен меч.

— Ну наконец-то! — сказал кто-то за спиной Боса. Ордаш.

— Смотри, парень! Сейчас — будет! — не сводя глаз с арены, сквозь зубы процедил Бос.

— Будет? Что? — спросил Ордаш.

— Я почему знаю? Но будет!

Сокт разъяренным быком ринулся в атаку.

Теперь в руках у Кэра был меч. Но разве тоненькая полоска стали может остановить железного буйвола? Это было ясно всем, кто сидел и стоял над Ареной: и тем, кто подпрыгивал от возбуждения на деревянных скамьях, и тем, кто удобно расположился в креслах лож. Совершенно очевидно.

Кэр опять отступил.

Сокт промахнулся, выплюнул оскорбление и снова атаковал.

— Вынослив, как верблюд! — с уважением произнес Бос.

Хар-Руд забеспокоился. Он никак не мог определить, насколько серьезно ранен его подопечный. Он уже не был убежден, что Змея успеет ужалить раньше, чем Устул размажет его по Арене. Сокт мастерски выбрал оружие. И так владел копьем, что и впрямь, какие шансы могут быть у юнца, лишь два месяца пробывшего на Гладиаторском Дворе? Вдруг помощник Управителя поторопился?

Губы Хар-Руда еле заметно шевелились.

«Молится, что ли?» — удивился Бос.

Сокт устремился в очередную атаку. Он не выказывал и намека на усталость.

Царапина на животе Кэра почти не кровоточила. А вот из раны на плече сползала вниз по руке алая полоса.

Сокт пробежал десяток шагов и остановился. Он заметил, что Кэр не пытается ударить его сзади. Хотя со спины Устул был более уязвим.

«Дурак? — подумал сокт. — Или перетрусил, когда дело дошло до настоящей драки?»

— Почему он не подрежет Устулу поджилки? — спросил Ордаш. — Пару раз вполне мог достать!

— Вспомни, из-за чего они сцепились! — ответил Бос.

— Псих! — пробормотал Ордаш.

— Нет! Воин! Не ссы! Парень свое возьмет! — уверенно сказал Бос.

Все-таки сокт устал. Со стороны не сразу заметишь, но — устал. Паршивец ловок. Каждый раз проходит так близко, что хочется отшвырнуть щит и схватить сопляка за горло!

Но — осторожность! Он помнит, как мальчишка пробивает доски своим «скорпионом». Только доспехи — покрепче досок!

— Ха! Тебе — конец! — закричал Устул и устремился вперед.

Между ними было шагов двенадцать. И на сей раз Кэр не стал дожидаться противника. Держа меч в согнутой руке, он сильно оттолкнулся левой ногой, прыгнул навстречу сокту.

Луженые глотки толпы выплеснули новую порцию воплей: шакал атакует быка!

Сокт бежал на Кэра. Самериец летел навстречу сокту.

Левой, потом — правой и снова — левой. Три прыжка. Кэр рассчитал совершенно точно. Масса железа, надвигающаяся все быстрее. Оплывшие очертания шлема, черный щит, а впереди — сверкающий наконечник в четыре ладони шириной. Красный

«хвост» размазан по древку напором встречного воздуха. Жало направлено точно в центр груди Кэра.

— Бум! Бум! Бум! — Ноги сокта в тяжелых сапогах — по присыпанным песком плитам Арены.

Кэр слышал хриплое шумное дыхание под черным железом.

Блестящий наконечник сопровождает каждое движение сына вождя. И сталь — все ближе. Точно в центр груди. Даже когда прыжок поднимает Кэра над Ареной.

Третий! Наконечник — в локте от сердца Кэра.

Сын вождя развернулся в прыжке, в воздухе, боком к сокту. «Скорпион» — в выброшенной вперед руке. Широкий острый лист наконечника скользнул по груди Кэра — еще один кровавый след — и вытянутая вперед рука, вибрирующее острие меча...

Есть!

Узкий клинок проскользнул в треугольный вырез щита и без всякого сопротивления вошел в горло Устула на два пальца ниже подбородочного ремня. «Скорпион» ужалил!

Удар был настолько силен, что меч пробил тыльник шлема и на целый локоть выпрыгнул наружу.

Ноги Кэра уперлись в песок. С пронзительным криком он рванул меч к себе, вырвал его из тела врага.

Тугая струя крови ударила самерийцу прямо в лицо: в нос, в глаза, в кричащий рот.

Кэр поперхнулся, глотнул горько-соленую густую жидкость, отпрыгнул назад.

Устул рухнул на песок.

Жар проглоченной крови привел сына вождя в неистовство. Огонь вспыхнул внутри. Рев наполнил его грудь, голова запылала, в ней что-то росло, рас-

ширялось, давя изнутри с такой силой, что уши готовы были лопнуть, а глаза лезли из орбит. Кэр раскрыл рот, и как будто пламя вырвалось из его глотки. Но то было не пламя — звериный, леденящий душу визг! Боевой клич клана Мечей!

Не осознавая, что делает, Кэр ухватил левой рукой султан шлема поверженного врага, приподнял закованное в железо тело над окровавленным песком и одним взмахом отсек голову убитого.

Отсек и, размахивая ею над головой, терзая уши карнагрийцев леденящим душу визгом, станцевал на Арене варварский танец с мечом в одной руке и отрубленной головой — в другой.

Первый же вопль самерийца заставил заткнуться самых распаленных зрителей. Женщины закрыли уши руками, мужчины побледнели. Те, кто только что вскочил с места, рухнули обратно.

Вопль оборвался. Сын вождя взмахнул обагренным мечом, с лицом, алым от покрывшей его крови, с черным шлемом в руке, из которого стекала на песок, пятная его красным...

Повисла напряженная тишина. Жуткая, гнетущая...

И новый вопль, еще более ужасный! Кое-кто закричал от ужаса, но большинство безмолвствовало, глядя, как носится по Арене тощий дикарь-убийца в маске из свежей крови.

Ужас сковал толпу.

Но не всех.

Несколько мужчин со значками наемников наблюдали сцену с нескрываемым интересом.

— Клянусь богом гор! — пробормотал один из них, чей рот был изуродован ударом меча, а серые глаза, вечно сощуренные, тонули в черных глазницах. — Клянусь богом гор! Он не похож на семе-

рийца! Но он — нашей крови! Ашшур! Да он моей собственной крови!

— Удивил! — отозвался второй, которому вопли гладиатора доставляли, похоже, немалую радость. — Кто еще, кроме сына клана Мечей, способен на такой удар?

— Тогда какого демона он приплясывает на этой чертовой Арене? — спросил третий.

— А вот я сейчас пойду и узнаю! — заявил воин с изуродованным ртом.

Гладиатор тем временем закончил свой безумный танец. И сразу как-то ссутулился, обмяк, сник и, не обращая внимания на приветственные крики оправившейся от шока толпы, побрел к выходу, отрубленную голову в шлеме он по-прежнему держал в руке. И только у самой решетки вспомнил о ней, уронил на песок...

— Пойду и узнаю! — сказал воин и поднялся.

Талию его обнимал серебряный пояс с золотым царским гербом — знак начальника тысячи.

Кэр стоял, наклонясь, а смуглый тонконогий раб лил на его загорелую спину теплую воду. Другой слуга проворно работал губкой, посыпанной мыльным порошком.

Вода, стекая, впитывалась в песок, унося в него пот и кровь Арены. Светлые кудри юноши потемнели от влаги.

Кайр (так звали начальника тысячи) остановился поодаль, приглядываясь. Юноша распрямился. Теперь он стоял к наемнику спиной, и раб тер ему живот.

Зоркие глаза Кайра быстро обнаружили на загорелой спине следы Испытания. На собственной спине начальника тысячи был точно такой же квадрат из шрамов, оставленных муравьиными жвалами.

Только след Кайра был «подпорчен» рубцом из тех, что оставляет сеча.

Кэр ощутил взгляд наемника и обернулся.

Он был в дурном настроении. Конечно, Устул убит. Но иначе и быть не могло. А вот то, что произошло потом, казалось сыну вождя унижительной слабостью. Унижительной и непонятной. К сожалению или к счастью, Кэр многого не знал ни о клане Мечей, ни о себе самом.

Сын вождя увидел человека среднего роста, широкогрудого, с сильными руками. Лицо незнакомца пересекал рубец. От этого казалось, что правая часть лица сдернута книзу. Чуть позже Кэр обратил внимание на серебряный широкий пояс с Коронованным Львом Карнагрии на пряжке (юноша не знал, что это значит) и бляху на груди с изображением скачущего лучника — значок наемника. Широкогрудый воин был облачен в просторные шелковые шаровары и алую куртку поверх кольчуги. А шлем на его голове, хоть без забрала и личины, был настоящий, боевой, а не из золоченой жести.

Человек разглядывал Кэра, словно раба, которого собирался купить. И что-то в чертах его изуродованного лица показалось юноше знакомым. Может, поэтому он спросил с нарочитой грубостью:

— Что надо?

Раб с кувшином вздрогнул от звука его голоса, а раб с мочалкой прекратил работу. Оба уставились на воина и, углядев на том знак тысячника, на всякий случай отошли подальше.

Не будь Кэр расстроен, он не стал бы приветствовать воина так неуважительно.

Кайр не обиделся. Он взирал на юношу, прямого, напряженного, холодно глядящего в глаза старшего, с удовольствием. Теперь, когда Кайр признал в юноше собрата по клану, он воспринял гру-

бость как знак бесстрашия. Ведь Кайр, военачальник Фаргала, мог запросто зарубить безоружного гладиатора. Царь простил бы его: подумаешь, начальник тысячи прикончил какого-то безумного Потерявшего Жизнь? Мало их убивают на Арене? Довольно только внести в казну двойную стоимость — и дело улажено.

Кэр этого не знал. А знал бы — повел бы себя еще более вызывающе.

Кайр улыбнулся. Выглядело это жутко. И сделал правой рукой тайный знак клана.

Глаза Кэра широко раскрылись от удивления. Он не ожидал, что наемник окажется сородичем. Теперь он понял, о чем напомнили ему черты лица Кайра. Оно было типичным лицом самерийского горца.

Кайр повторил знак, и юноша опомнился. Левая рука его сжалась в кулак, разжалась, снова сжалась. Средний и указательный палец указали на грудь Кайра: «ты — наш!» означал жест, «назовись!»

Глава двадцать третья

— Привет, Алып! — прорычал Кайр, хлопнув Гронира по жирной спине.

— Привет, красавчик! — расплывшись в улыбке, прохрипел в ответ Гронир.

— Ты раздобыл, как три свиньи! — заявил самериец с добродушной насмешкой.

— А! — Управитель махнул единственной рукой. — Люблю пожрать, старик! Давай, давай, клади свою задницу! — и толкнул тысячника на ложе. — Занимай место! У меня нынче винцо! Ты такого сроду не пил!

— Догадываюсь, — проворчал Кайр, озираясь. — Да ты стал жить, как благородный! Небось даже срешь теперь золотом?

— Что нет, то нет! — усмехнулся бывший Алый. — Не золотом, но толчок у меня — серебряный! Желаеть взглянуть?

— Успео! Ей-ей, Алый, пора тебя ограбить!

— А! Бери, что хочешь! — Гронир отмахнулся. — Шакалы вы все! Забыли меня! Ты пей вино, Косогубый, пей. Ну как? То-то! Забыли меня, говорю! И ты, чую, не просто так пришел проведать старого волчару? А, Косогубый?

— Ну, — смущенно признал Кайр. — Но я... Давно к тебе собирался, Алый! Да вот повода не было, понимаешь...

— Ври больше! Да пей ты, старик! Вина у меня море! Девоч в нем купаю! Так что за дело?

— Парнишка у тебя во Дворе, из наших. Герой вчерашний!

— Змея, что ли?

— Он. Родич мой. Отдай, а, Алый?

— Дался он всем! — пробурчал Управитель. — Вот ты бы пришел два дня назад. «Отдай!» Теперь-то, когда о нем весь город болтает! А до царя дойдет?

— Дойдет — все на меня вали. Алый! Он из моего клана! Кровник! Считай, брат родной! Не мог я раньше прийти, только сегодня на Арене и увидел. Алый! Я денег дам на откуп! Правда... — замявшись, — сейчас поиздержался. Но десяток золотых наскребу!

— Мне твои золотые на хрен посыпать! — отмахнулся Гронир.

Нахмурился.

— Ладно. Попробую.

— На! — Кайр протянул мешочек. — Здесь — семь. Остальные...

— На хрен, я сказал! Хотя... Давай. Хар-Руду отдам. Змея — его находка. Да ты пей, пей, старик! Сказал — улажу, так и будет! Получишь своего брата!

Гронир схватил нож и забарабанил ручкой по мраморному столу.

Тотчас появился раб.

— Плясуний сюда! — распорядился Управитель. — И музыку! Да бегом — шкуру спущу!

Обернулся к самерийцу:

— Повеселю тебя на полный клинок! А ты уж ребятам расскажи. Дескать, хоть и стал Алый на лягуху похож, да забывать не стоит. Я вас всех — как детей...

По обрюзгшему лицу Управителя потекли слезы.

— Как детей! Так ребятам и скажи! Ежели выпить на халяву или там девку поиметь — сразу ко мне!

— Да ты уже нажрался, старый пердун! — благодушно сказал самериец.

— Кто? Я? — возмутился Гронир. И осыпал гостя отборной, изощренной бранью.

Оба пыхтели от удовольствия.

Кэр окинул взглядом зал, но не обнаружил ни Ирдик, ни Вардали. Хотя женщин — полным полно. Едва он и Бос вошли, тут же оказались в окружении возбужденных аристократок. И на сей раз признанный победитель, неизменный вожак Черных перестал быть персоной номер один.

Бой, который провел самериец, безумный, невероятный, ни с чем не сравнимый бой с потрясающим финалом, вознес сына вождя на мутный гребень славы. Сладострастницы Великондара потянулись к нему, как железные опилки — к магниту. «Змея! Змея!» — пробежало по залу. А пару дней назад кто обращал на юношу внимание?

Кроме Вардали и Ирдик Шера.

Теперь же восхищались все, и все готовы были любить. Кэр дал им *зрелище*! При воспоминании о его вопле кое-кто и теперь вздрагивал. Нечто нечеловеческое! Потому добрых два десятка карнагриек уже тянули к юноше нежные хищные пальчики. А жадность, горящая в подкрашенных глазах, обещала даже больше, чем они могли дать.

Кэр был ошеломлен этим натиском. Обилием губ, глаз, грудей всей этой шелковистой ухоженной плоти, распираемой жаром необузданных страстей.

Туго бы ему пришлось, если б не Бос, привыкший к подобному и умело оттеснивший поклонниц от Кэра.

Гладиатор держался вежливо. С уст его сыпались комплименты, ласковые словечки, почти всех он называл по именам... но руки у него были — из железа.

— Ну, ну, милые! — приговаривал Бос, бесцеремонно расталкивая женщин. — Дайте же нам немного перекусить и выпить! Клянусь Ашшуром, красавица, мы никуда не сбежим! Гаэн, крошка, отпусти его! Ласковая моя, посторонись немного... Хар-Руд! Эй, Хар-Руд! — воскликнул он, заметив помощника Управителя. — На помощь! Ибо падем мы без славы от мук голода в десяти шагах от яств!

Эгерини внял призыву и ринулся сквозь толпу гостей, как буйвол — через болото. К тому моменту, когда он подоспел на помощь, вокруг Боса и Кэра столпилось уже больше дюжины возбужденных красавиц. Могучий эгерини встал впереди, Бос прикрыл Кэра с тыла, и они двинули к ближайшему столу. Большая часть распаленных поклонниц оказалась позади, но они продолжали осыпая Кэра комплиментами и откровенными намеками.

— Как кошки, право слово! — ворчал Бос в затылок самерийцу.

Они пробились к столу (там потеснились, давая место еще двоим), уселись на скамьи. Бос протянул длинную руку и вмиг наполнил два серебряных блюда: для себя и сына вождя. И три кубка: себе, Кэру и Хар-Руду.

Помощник Управителя возвышался позади юноши, подобно гранитному утесу.

— Как трубят рога Славы? — спросил он.

— Мне нравится! — Кэру пришлось кричать, чтобы быть услышанным.

— Ты ешь, парень! — сказал Бос.

И юноша накинута на еду.

Его опекун следил за тем, чтобы блюдо самерийца не пустело.

— Давай, давай! — поощрял он. — Иначе эти красотки набьют кучу синяков о твои кости.

Кэр, который всегда ел много, тут превзошел самого себя. Груда костей и отрывков около него достигла внушительных размеров, а он все никак не мог насытиться. Будто внутри бушевал огонь.

Но любой пожар когда-нибудь гаснет.

— Хар-Руд, — спросил юноша, поворачиваясь, — ты, часом, не знаешь ту девушку, что была со мной в прошлый раз?

— Ирдик Шера? Не ищи, ее здесь нет! Насколько мне известно, Гронир не допустил семейку Шера к празднику.

— Что-что? — Бос едва не подавился куском фаршированного фазана. — Алый не допустил к празднику *Шера*? Вот новость! Он не спятил?

— Понятия не имею! Хочешь, спроси сам — Гронир здесь.

И Кэру:

— Тебе приглянулась девчушка, сынок? Милашка, верно? Не переживай! Здесь есть и получше. И

любая с удовольствием составит тебе компанию! Например, вот эта?

Правой рукой он крепко стиснул девушку в платье из почти прозрачного шелка. Та как раз пыталась проскочить у эгерини под мышкой, подбираясь к Кэру.

Красотка пискнула. Скорее от удовольствия, чем от боли.

— Да, ты прав, — согласился юноша, скрыв разочарование. И наколот на нож очередной кусок сочного барашка. — Какая разница?

Гронир и Хар-Руд стояли в тени мраморной арки.

В десяти шагах от них топтались пара стражников, третий держал повод Гронирова коня.

— Так что я обещал отпустить парня, — сказал Управитель. — Косогубый мой старый товарищ, не мог я ему отказать! Понимаю, что сначала должен был поговорить с тобой, но...

— Оставь! — Эгерини поднял руку. — Ты слишком много сделал для меня, Гронир! Признаюсь, у меня были планы на парнишку. Больше того, я к нему привязался, — Хар-Руд хмыкнул. — Да и Босу он по душе! Потому-то мы оба понимаем: ему не место во Дворе! Среди Потерявших Жизнь он — как сокол в стае коршунов! Твой Кайр — командир из наемников?

— Тысяцкий. Кстати, он передал это тебе, — Гронир вложил в руку своего помощника кошель. — Десять золотых!

— Добро!

Хар-Руд опустил кошель в карман.

— В конце концов ты вытащил Змею из петли, — заявил Гронир. — И должен получить хоть что-то!

— Кто спорит! — согласился эгерини. — А документы оформим так: парень добровольно поступил

на Гладиаторский Двор. Если найдутся свидетели, что два месяца назад его собирались повесить, — твой Кайр с ними поговорит!

— Не сомневайся! — горячо заверил Гронир.

— Добровольно пришел — добровольно уходит! Через два дня. Пусть напоследок насладится праздником!

— Я скажу Косогубому, чтобы забрал его послезавтра вечером, — сказал Управитель. — Я — твой должник, Хар-Руд!

— Пустое!

Гронир кликнул стражников, с трудом взобрался в седло.

— погоди! — сказал эгерини, когда Управитель собрался ехать.

— Ну? — насторожился Гронир.

— Твое!

Хар-Руд протянул ему кошель размером с голову младенца.

— Это еще что? — удивился Управитель и, взвесив кошель, с еще большим изумлением: — Никак — золото?

— Точно! — согласился Хар-Руд. — Твоя доля от схватки Змеи: триста восемьдесят шесть золотых!

Он повернулся и зашагал прочь, провожаемый ухающим смехом Гронира.

— Да, — сказал Хар-Руд, спустя два дня оглядывая Кэра. — Наша еда не идет тебе впрок — такой же тощий! А впрочем...

Он вдруг сообразил, что два месяца назад самец был на голову ниже его, а теперь уступает самое большее полладони. «Что же, в этом возрасте парни быстро растут! — подумал он. — Понятно, почему он так и остался худым!»

Кэр чувствовал: Хар-Руд собирается сказать что-то важное.

— За тебя внесли выкуп! — произнес помощник Управителя. — Собственно, это не очень законно, но — тебя не касается. Я принял деньги. Ты свободен.

Хар-Руд помолчал немного, потом сказал:

— Мне жаль расставаться с тобой, сынок! Но тебе здесь больше нечего делать. Считай, тебе повезло!

— Да, — кивнул Кэр. — Здесь — нечего. И мне действительно повезло! Спасибо тебе и Босу! Мы ведь еще увидимся, верно?

— А почему — нет? Постой, я хочу сделать тебе подарок!

Он взял со стола меч в ножнах и протянул юноше:

— Это — «скорпион». Такой же, как тот, что послужил тебе на Арене. Но — лучшейковки! Он — твой!

Кэр принял оружие, пристегнул к поясу.

— Ничего лучше ты подарить не мог! Спасибо, наставник!

— Может, ты хочешь знать, кто тебя выкупил? — спросил Хар-Руд.

— А какая разница? — пожал плечами сын вождя. — Ты же согласился!

— По-моему, разница есть, — сказал эгерини. — Это Кайр, начальник тысячи из наемников! Ты знаешь его?

— Да. Мой родич.

— Я кое-что слышал о Кайре-Косогубом, — медленно произнес Хар-Руд. — Думаю, он сумеет сделать из тебя не только бойца, но и воина! Такого, как Фаргал!

— Посмотрим, — скромно ответил Кэр.

Слова Хар-Руда доставили ему удовольствие.

Полная луна глядела прямо в окно, озаряя комнату серебристым холодным светом. Отполирован-

ные подошвами сандалий булыжники Гладиаторского Двора тускло блестели. Черные длинные тени стражников-часовых двигались по ним мерно и неторопливо. Было очень тихо. Потому, когда за стенами Двора с просторной и прямой улицы, ведущей к воротам, подъехали четверо всадников, топот их коней был отчетливо слышен в доме помощника Управителя Хар-Руда.

— Думаю, это за тобой! — сказал он юноше.

И они вышли на залитую лунным светом площадь. Железные ворота медленно растворились.

Глава двадцать четвертая

Множество тоннелей и ходов, сотворенных и естественных, пронизывали холмистую землю владений Райно и Реми внутри сорокамильной излучины Агры. В обильные влагой годы река, разливаясь, превращала весь юг земель Райно и Реми в одно огромное озеро с многочисленными заросшими со сняком островами. Но наводнение никогда не длилось дольше нескольких недель. Воды уходили вниз. По многочисленным подземным руслам они перетекали в озеро Реми, лежащее восьмьюстами локтей ниже и двенадцатью милями севернее восточного изгиба Агры. Мало кто из людей знал об этом. И уж совсем немногие знали о еще одном озере, подземном, куда и стекала вода, прежде чем избыток ее через божественной силой рожденную щель перетекал в озеро Реми.

Немногие знали об этом. Но жрец, увенчанный Диадемой Власти, позволяющей погружаться в сны Мудрого бога и черпать из них силу, знал. И потому здесь, в глубинах земли Реми, основал свою тайную

крепость. Единственный оплот последователей Аша в Карнагрии.

Это была дерзость. Лишь сотня миль отделяла укрытие от гор Яго, и любой маг Мудрого терял здесь большую часть своей силы. Если у него не было короны Власти. Зато ни один жрец Яго не стал бы вынюхивать врага в такой близости от своих гор. А если бы и стал — все равно был обречен на неудачу. Слишком велик сгусток сил, сплетавшихся под этой землей. Ныне же вмешательством жреца Аша мощь этих сил еще более возросла. И впитывая эту мощь древних богов, маг обрел способность не только провидеть будущее, направляя его по необходимым путям властью Мудрого бога, но и воссоздавать прошлое. Вернее, наделять плотью то, что, изгнанное с земли, вынуждено было скитаться в бессильном посмертии, питаясь отзвуками человеческих страстей.

Склонив лицо к сложенным ладоням, в которых плескался зеленоватый свет, жрец Аша творил.

Властью своей он перенесся за сотню с лишним миль, и там из жизни, впитавшейся в сухую почву вместе с пролитой на нее свежей кровью, из жизни, выходящей над покинутыми телами, маг пытался воссоздать прошлое. Чтобы изменить будущее того, кому он когда-то отдал все свои надежды, будущее царя Фаргала.

Маг солгал своему слуге, сказав, что в любое время может отнять жизнь государя Карнагрии. Там, в Великондаре, жрец не посмел бы тронуть и волос на голове царя. Ухом своего создания, оборотня, ухом, прижатым к стене царской опочивальни, жрец часами слушал дыхание императора. Но Фаргал был для него недоступен. Здесь или в южных пустынях Фаргал не мог стать жертвой мага. Такая смерть царя стала бы собственным концом чародея. Но жрец Аша

не зря внимал снам своего бога. Он умел ждать. Ждать в спокойной уверенности бессмертного: час придет. Нужно лишь заронить семя и ждать, когда сила корней разорвет камень. Даже сейчас, когда выпестованное им орудие обрело нужную силу, жрец Аша не терзался нетерпением. Нечто лучшее, чем просто убийство, должно свершиться! Нечто намного лучшее! Так будет сохранена и часть силы, вложенной в Фаргала, и принята под сень Аша лучшая из Четырех Империй. Более того, он, жрец Мудрого, намного раньше назначенного завершит круговорот. Время спящего Аша сменится временем Аша бодрствующего! И свершится сие, быть может, через каких-нибудь двадцать-тридцать дней. Когда же из всех магических сил лишь подвластные Мудрому воцарятся на Земле Ашшура, кто сможет противиться воле увенчанного Диадемой?

Несколько десятков дней... Но ожидание по-прежнему никак не отражалось на мыслях мага. Только холодная сосредоточенность позволит ему связать последние узлы ловчей сети. Прощай, Фаргал, прощай, отрекшийся от собственного имени!

Глава двадцать пятая

Когда ночь достигла середины, Фаргал поднялся со своего просторного ложа.

Не прибегая к помощи слуг, царь оделся, натянул легкую кольчугу из серебра, кованного мастерами Великондара три века тому назад, опоясался мечом, чей клинок обладал силой, превосходящей человеческую, покрыл голову черным гребенчатым шлемом без знаков царской власти. Личина шлема закрыла его лицо до подбородка. Перебросив через руку чер-

ный бархатный плащ, Фаргал тихо свистнул. Герой, его пес из породы боевых собак, до этого лишь следивший за хозяином коричневыми выпуклыми глазами, вскочил и застучал хвостом.

Царь коснулся рукой львиной головы на стене, и панель отъехала в сторону, открывая зев тайного хода.

Сняв с держателя пропитанный маслом горящий факел, придерживая рукой длинные ножны, царь шагнул в темноту. Пес поспешил следом. Не успели они пройти и десятка шагов, как панель пришла в движение и встала на прежнее место. Царская опочивальня опустела.

Тайный ход вел на служебный двор. Оттуда было рукой подать до дворцовых конюшен.

Черный жеребец Фаргала негромко заржал, приветствуя хозяина.

Конюх-сторож, поспешивший на звук, был остановлен рычащим Героем. Царский пес, оскалив клыки, стоял посреди прохода. Холкой он достигал груди человека.

Сторож схватился за дубинку, но из стойла выглянул Фаргал. Шлем он снял, когда подходил к жеребцу, и конюх узнал царя.

Низко поклонившись, парень попятился.

Герой, расставив передние лапы, наклонив тяжелую башку, проводил его подозрительным взглядом.

Фаргал сам оседлал жеребца и вывел его из конюшни.

Луна зашла. Теперь только свет звезд боролся с темнотой. Лязгая подковами, черный конь с черным всадником единой огромной тенью пронеслись через город к западным воротам. Стража, узнав пса и коня государя, поспешила отворить, и царственный всадник выехал на большую дорогу. Здесь он ослабил поводья, и черный жеребец пошел галопом. Бархат-

ный плащ Фаргала, раздуваемый ветром, реял над крупом коня. Серебряная восьмиконечная звезда на медальоне шлема тледа в звездном свете, как живой глаз дракона.

Через полторы мили Фаргал свернул с дороги на узкую тропу, уводящую вверх, к пологим холмам Боери. Жеребец сбавил, и пес вырвался вперед. Валкий скок Героя был не так красив, как бег лошади, но пес не раз загонял оленя для своего хозяина.

Тропа уходила все выше и выше, между виноградниками, между колючими кустами, чьи ягоды еще месяц назад расклевали птицы, выше, пока не исчезла в древней буковой роще, называемой Венчальной.

Царь взял поводья, и жеребец пошел шагом. Спустя некоторое время конь остановился. Царь не препятствовал этому.

Сидя в седле, он ждал, молчаливый и неподвижный.

Герой прошелся кругом, вороша мордой старую листву, задрал ногу у ствола. Потом вернулся и лег неподалеку. Жеребец фыркнул на него, ударил копытом. Фаргал погладил его по шее, и вороной, успокоившись, снова застыл.

Прошло время.

Герой вскочил на ноги, зарычал.

— Царь! Эй, царь! — раздался снизу писклявый голос.

Фаргал повернул голову, взглянул.

Из-под вороха листвы выбралось нечто. Оно больше походило на божка, вырезанного из корня дерева каким-нибудь деревенским умельцем, чем на живое существо.

В горле Героя клокотало яростное рычание. Но он не смел напасть без команды хозяина.

Длинный меч Фаргала с шелестом выскользнул из ножен.

— Назовись! — повелительно произнес царь.

— Я посланец! Тот, кого ты ждешь! — пропищало существо. — Спрячь свой меч!

Листва под существом зашуршала, когда оно переступило узловатыми лапами.

— Ты ведь ждешь посланца, царь?

— Ну и что? — проворчал Фаргал.

Тем не менее убрал меч в ножны.

— Моя хозяйка являлась тебе во сне! — напомнило существо. — Понимаю, ты рад бы увидеть ее, но она не станет просто так расхаживать по земле!

— Я равнодушен к женщинам! — сказал царь.

Раздался странный звук: словно одна сухая ветка терлась о другую. Не сразу царь сообразил: существо смеется.

Существо хихикало довольно долго. Герой рывкнул, и странный смех оборвался.

— Она — не женщина, царь! — проскрипело существо. — Ты знаешь, она — много больше! Верь мне, царь!

Стряхнув с себя остатки листвы, оно заковыляло к Фаргалу. Ростом существо не уступало Герою. И чуть заметно светилось. Как болотная гнилушка.

Герой снова зарычал. Жеребец всхрапнул и попытлся.

— На место, тварь! — рывкнул Фаргал, и меч снова оказался у него в руке. — Герой, молчать!

— Не бойся меня, царь! — проскрипело существо. — Я не причиню тебе вреда!

— Боюсь? — Фаргал презрительно расхохотался. — Я боюсь? Что же до вреда, то сей меч рубит демонов так же легко, как человеков! Так гласят начертанные на нем руны!

— Я прочел их! — сообщило существо. — И я тоже тебя не боюсь! Я создан, чтобы говорить с тобой!

Тем не менее остановилось шагах в семи.

— Послушай меня, царь! Давняя древняя сила разбужена на земле Карнагрии! Ирзаи имя ее, Ирзаи, Владычица озера Кхорал, вы называете его — озеро Реми.

— Реми? Да, я знаю это озеро! — Царь нахмурился. — Оно неподалеку от земли Рейно. Что дальше?

— Твой ум быстр, царь! — одобрительно проскрипело существо. — Ты верно связал одно с другим! Ирзаи проснулась и жаждет! И души смертных, все больше и больше, обращаются к ней. Потому душа слуги твоего, Ладара, больше не горит верностью тебе!

— А когда она ею горела? — возразил царь.

Но тут же спохватился:

— Я слушаю тебя, посланец!

— Власть Ирзаи — на полет стрелы великого Ахи от озера Кхорал.

— Это сколько миль?

— Дважды восемнадцать, царь!

— Изрядный кусок! И ты полагаешь, она отберет у меня, государя Карнагрии, мои лучшие земли?

— Ирзаи сильна! И власть ее несравнима с властью человеческой! Ни один мужчина не устоит перед ней! Некогда тысячи тысяч повиновались Ирзаи с радостной готовностью! Уступи, царь! Так будет лучше!

— Так чей ты посланец? — грозно спросил Фаргал. — Той ли, для кого я живу?

— Не она, — скрипнуло существо. — Не она, я просто по-дружески предупреждаю тебя, царь!

— Избавь меня Ашшур от друзей, дающих такие советы!

— Я повинуюсь силам, вернувшим меня в мир, — проскрипело существо, — но не обязан любить их. Я

говорю: Ирзаи, владычица Кхорала, всадница на Золотом Леопарде, сестра Таймат! Она проснулась!

Пес, уловивший, что хозяин его гневается, снова зарычал.

— Тихо, Герой! — бросил Фаргал.

Существо торчало из земли, как сухой куст, обросший святающим мхом.

— Я, — произнес царь, — собирался послать в Заралан сотню Алых и три сотни Черной пехоты. Под началом Шотара! Спасибо, что предупредил меня, посланец! Теперь я поеду сам. И возьму в пять раз больше людей, раз сладкоголосый Ладар наконец показал свои зубы! Ирзаи мой совет: сидеть в озере. Иначе мои лучники напикуют ее стрелами, как дикую свинью, а придворные маги поджарят, как жаркое из той же свиньи!

Раздался скрежещущий смех.

— Рад, что ты оценил мою шутку! — без тени веселья произнес Фаргал.

— О да! Оценил! Император Карнагрии не уступит и пяди своей земли, пока жив!

— Именно так! — заявил Фаргал. — Молчать, Герой! Чего же тебе еще надо, гнилой пенек?

— Не оскорбляй меня, царь! Ты ведь не знаешь, кто я, там, под этой личиной! А я вежлив с тобой, царь!

— Ты прав, — согласился Фаргал. — А теперь — прощай!

— Нет, постой! Дослушай меня, царь! Иначе — пожалеешь!

Рука Фаргала снова легла на рукоять меча.

— Говори! — процедил он. — И помни, что твоя жизнь сейчас тоньше шелковой нити!

— Много тоньше! — прокрипело существо. — Но не твой меч оборвет ее! Ирзаи, повелительница Кхорала, и Великолепная Таймат некогда были

женами одного... бога! Женами и соперницами, царь! То было тысячи лет назад, до прихода вас, людей, и тех, кто был перед вами. И они разорвали его надвое! Разорвали пополам своего мужа! Тысячи лет назад, царь! Но ревность может пережить даже бога!

— Я слышал это предание, — проворчал Фаргал. — Что дальше?

— Ирзаи разбужена, царь! Сила ее — огромна. Но делай, как решил, царь! Езжай и сразись...

— Рад, что ты меня поддержал! — произнес Фаргал с сарказмом.

У него чесались руки проверить на посланце свой меч.

— ...но возьми с собой не двадцать, а пятьдесят сотен воинов! И еще ту тысячу наемников, которой командует Кайр-Косогубый!

— Шесть тысяч? — воскликнул Фаргал. — Целое войско?

— Да! — подтвердил посланец. — Надеюсь, этого окажется достаточно, раз ты сам собираешься возглавить его. Моя госпожа поможет тебе.

— Это все?

— Да!

Царь тронул коня:

— Прощай, посланец!

Некая сила словно гнала царя прочь.

— Эй! — воскликнуло существо. — Я провожу тебя до дороги! Здесь, в лесу...

Но Фаргал уже пустил жеребца вскачь и скрылся между вековыми деревьями Венчальной рощи.

Однако, оглянувшись через некоторое время, царь увидел, как существо, проворное, будто огромный паук, поспешает следом. И лишь когда серебряные копыта вороного зазвенели на плитах большой дороги, существо пропало.

— Ничтожный! — прошипел маг. — Ты осмелился предупредить его!

— Ты не заклиал меня быть преданным!

Существо, уже лишенное плоти, ответило презрением на презрение. Когда-то оно обладало не меньшей властью, но тысячи лет безвременья стерли все, кроме ненависти.

Пока взбешенный жрец Аша творил заклинание, вызванный им еще раз успел уязвить мага, прежде чем погрузиться в пучину небытия.

«Разве я первое твое зеркало ненависти, отец мой?»

«Отец, отец...» — застучали молоты гнева в сознании мага.

— Сгинь! — воскликнул он, так и не успев очистить себя от бешенства. И тем сохранив еще одного врага.

«Не врага, — поправил он сам себя. — Разве то враг? Скоро я доберусь до истинных твоих врагов, Мудрый Аш!»

На следующее утро жрицы, пришедшие в Венчальную рошу для приношения плодов, обнаружат неподалеку от жертвенного бука два мертвых тела: юную девушку и мужчину-воина, чей меч оставался в ножнах — тот меч, который из стали. Лица покойников будут черными и распухшими. Будто неосторожные любовники избрали ложем гнездо ядовитой змеи. По решению Старших пророчиц смерть их будет сокрыта от мира, дабы не позорить Обитель. Никто понимающий не осмотрит мертвые тела. И не сочтет, что следы укусов слишком велики для змеиных зубов.

Без помех Фаргал вернулся в Великондар. Через час он уже сбросил с себя пропылившиеся одежды и лег в постель. Именно тогда Фаргал подумал, что

не спросил: кто и зачем разбудил владычицу Кхорала Ирзаи.

Царь надеялся, что во сне сможет узнать то, чего не узнал наяву. Но снились ему лишь бесконечные отряды марширующих солдат. Тысячи и тысячи воинов, растянувшиеся в пыльном облаке, поднятом множеством сандалий. Он, Фаргал, ехал верхом вдоль бесчисленного войска, мимо знамен и штандартов, мимо колышущегося леса копий. Ехал под ритмичный звон металла и мерный гул шагающих ног. А впереди и позади, от горизонта до горизонта, тянулась серая выпуклая равнина неведомой царю земли. И войско ползло по ней, как блестящая чешуйчатая змея. Тоже — от горизонта до горизонта.

Кэр ехал рядом с тысячником, глядя прямо перед собой. В серебряном сиянии полной луны Великондар, безлюдный, молчаливый, казался покинутой обителью богов. Огромные колонны, украшенные фигурами фасады зданий дворцов, широкие лестницы, по ступеням которых спускались их лошади, осторожно ставя ноги на шероховатый камень. Просторные улицы, чей покой нарушало цоканье копыт. Дворцы и храмы, храмы и дворцы, древность и Вечность.

Но сын вождя взирал на погруженный во тьму город без благоговения. Что эти дворцы рядом с холодными синими пиками его родных гор? То же, что сами карнагрийцы — рядом с воинами клана Мечей. Как крыши, что выкрашены золотой краской поверх прогнивших стропил. Как тысячи законов и законников — чтобы скрыть отсутствие Закона внутри.

«Только женщины и хороши здесь! — думал Кэр. — Но женщины — не мужчины. У них другая твердость!»

— О чем ты думаешь, Змея? — спросил Кайр.

— Не называй меня так! — холодно сказал сын вождя. — Ты знаешь мое имя!

— Но Змея — сильное прозвище для нашего рода! — возразил Кайр, которого высокомерное поведение сына вождя нисколько не рассердило: только прирожденный воин и повелитель указывает тому, кто полчаса назад выкупил его из рабства.

«Сын мало похож на отца лицом! — подумал тысяцкий. — Но духом — истинный Хардаларул!»

— Да, — согласился Кэр. — И прозвище мне подходит! Но ты — из моего клана!

— Понимаю, — согласился Кайр.

Они говорили на диалекте горцев Самери, весьма отдаленно похожем на карнагрийский. Но разговор их был доступен и трем наемникам, сопровождавшим Кайра, хотя только один из них был горцем, из клана Горы Ветров. И все трое подумали: не пройдет и года, как юный воин станет десятником. Если останется жив.

Они ошибались. Кайр-Косогубый⁹ определил для своего родича особое место: рядом с собой.

Это тешило тщеславие Кайра (сын вождя клана будет выполнять поручения воина-следопыта — таков был племенной ранг Кайра), и, что важнее, у тысяцкого появлялась возможность наставить юношу в боевом искусстве. Взяв Кэра на службу, тысяцкий отлично понимал: за плечами юноши — племенная выучка и два месяца на Гладиаторском Дворе. И все. Как боец он хорош, но воину полагается не только скакать на лошади и колоть копьем. Те времена давно минули. Воин должен уметь держаться в пешем и конном строю, мгновенно различать и исполнять сигналы, атаковать и защищаться на любой местности, разбираться в самой местности и во множестве батальных приемов. Если воин хочет

когда-нибудь стать командиром. Алые Карнагрии многому научили варваров, век за веком отбрасывая беспорядочные тысячи грабителей от границ Империи.

Единственное, чему не научились у них наемники, — это безрассудному повиновению и упорству. Но, в конце концов, они были именно наемниками. Заменой повиновения и упорства им служила необузданная отвага и жажда добычи.

Двенадцать лет прожил в Карнагрии горец из Самери Кайр-следопыт. А до этого шесть лет сражался на равнинах: сначала — за императора Самери, потом после года, проведенного в трущобах Вертална, — за повелителя Эгерина. Но только оказавшись под началом сотника Фаргала, понял, что нашел свое место на Земле Ашшура.

В тот год, последний перед своим стремительным возвышением, Фаргал приехал в Эгерин начальником отряда, сопровождавшего посла императора Аккарафа. Там он встретил Кайра — и увез с собой. Законы наемников просты: в мирное время можешь уйти, когда вздумается. Но не рассчитывай, что получишь остаток жалованья. Кайр плюнул на несколько серебряных монет, причитавшихся ему от отца Хар-Азгаура, и уплыл вместе с Фаргалом, очарованный запахом исходящей от сотника силы. И не пожалел.

Спустя год Кайр сам стал сотником. И учился у Фаргала искусству военачальника. Он преуспел. И теперь собирался поделиться всем, что умеет. Но не было сына у тысяцкого Кайра. Поэтому в ответ на его молитву Аш (истинный горец никогда не отступает от веры предков) подарил воину Кэра. Когда дни Кайра иссякнут, воин клана Мечей Кэр, сын Хардаларула, станет продолжением тысяцкого.

Черный всадник, увидев едущих навстречу воинов, отступил в тень арки и погладил шею своего коня: стой спокойнo!

Пятеро воинов не спеша проехали мимо, не заметив ни всадника, ни огромного пса, присевшего сбоку. Миновали, как две стрелы, посланные лучниками друг в друга, расходятся в воздухе, неся каждая свою судьбу.

Это было за час до того, как царь, вернувшись во дворец, увидел свой непонятный сон. Сон Фаргал запомнил, а встретившихся всадников — нет. Память человека не всегда выделяет главное.

Глава двадцать шестая

Я ошибся, должно быть. Но был
по-особому прав!
За стеной крепостной не увидишь бегущего
полем.
Из-под панциря башни не чувствуешь запаха
трав...
Вязкий скрежет железа... Должно быть, мне
рано на волю!

Ветер вскинул песок — я поймал его жадно
распяленным ртом!
Поперхнулся, закашлялся, вытянул нежные
руки
И упал, А земля, завернувшись винтом,
Мне воткнулась в затылок. И тотчас какие-то
звуки
Заплясали, запрыгали сотнями мелких
зверьков.
Закричали испуганно, вспыхнули заячьим
пухом...
А потом было утро. И было светло и легко.

Только жарко немного, а в горле щекотно и
сухо.

И еще... А потом...

Я не помню, что было потом!

Но когда я очнулся, распятый на каменных
плитах,

То невидимый Некто, с зеленым кленовым
листом

На груди, прошептал мне:

— Мужайся! Так надо.

Ты выиграл битву!

Сурнаш-Гин.

Баллада об изгнании Шаркара

Царская библиотека была куда меньше размерами, чем Тронный зал или зал Совета. Но когда Фаргал желал говорить с теми, кому действительно доверял, места в ней хватало. И для подобных советов царь Карнагрии предпочитал именно библиотеку.

Сейчас в ней собрались четверо: сам Фаргал, посланник Кен-Гизар, Люг и Старший Советник Трона Саконнин.

Библиотека, где запахи пергаментных свитков и фолиантов преобладали над ароматами дворцового сада, казалась хороша и тем, что, охраняемая древними чарами, была защищена от посторонних ушей.

Фаргал начал говорить, удобно расположившись на покрытом шкурой горного льва ложе, а закончил — меряя комнату быстрыми шагами.

Он поведал о своем посещении Венчальной рощи, опустив, почему ему вдруг взбрело в голову среди ночи в одиночку отправиться туда.

Поэтому первый вопрос Кен-Гизара:

— Тебе была весть, о царь?

— Да, — неохотно признал Владыка Карнагрии. — Моя... Мой давний покровитель указал мне.

— Вот как?

Посланник соктов был явно не прочь узнать что-нибудь еще, но, видя такое явное нежелание царя говорить на эту тему, лишь констатировал:

— Весьма, весьма запутанное дело!

— Здесь пахнет колдовством! Колдовством древним и злым! — заявил Люг. — Вот вопрос, мой царь: кто разбудил эту самую Ирзаи?

— Ты не должен был ехать один, мой государь! — мягко упрекнул Саконнин.

— Я жив, — пожал плечами Фаргал, — хотя и не задал многих вопросов, которые следовало задать. А возьми я кого-нибудь с собой, встреча могла бы не состояться.

— Ирзаи! — задумчиво проговорил Кен-Гизар. — Разумеется, Ирзаи. Если полагать, что тебе сказали правду, у сей богини нет и не может быть претензий лично к тебе, царь!

— Почему?

— Для той, кто спит тысячу лет, люди — не больше чем муравьи. Что тебе за дело до отдельного муравья?

— Ирзаи связана с Ашем! — сказал Люг.

— С Ашем — да, — согласился посланник соктов. — Но совсем не обязательно — с его жрецами!

— Клинок им в пасть! — воскликнул Фаргал. — Я чую здесь скверную магию!

— И я — тоже! — поддержал Кен-Гизар.

— И я! — промолвил Люг. — Какое трогательное единодушие!

— Но, — заметил Саконнин. — Шарам Сарнал утверждает: никакого колдовства на тех, кто разграбил Заралан и Сиунол! Они вели себя как обыкновенные разбойники!

— Всадники Реми, которые ведут себя как обыкновенные разбойники, это явное колдовство! — возразил Люг.

— Клянусь Ашшуром! Сарнал и на десять миль не приближался к нападавшим! — воскликнул Фаргал. — Едва запахло кровью, он прискакал сюда! Откуда Сарналу знать, как ведут себя обычные разбойники, если я три года назад очистил его владения от банд?

— Разве воины Райно не сражались вместе с твоими Алыми, царь? — спросил Саконнин. — Разве они плохо сражаются?

— Он прав, мой царь! — согласился с Советником Люг. — Сам старый заяц, конечно, и на двадцать полетов стрелы не приблизился к Заралану, но говорит наверняка со слов своих людей!

— Хорошо, что ты напомнил мне, — сказал Фаргал. — Я и забыл, что земле Рейно ничего не стоит выставить двадцать сотен воинов! Почему бы тогда Сарналу не навести порядок самому? Только ли из трусости явился он сюда?

— Я поясню, государь, — вставил Саконнин. — Шарам Сарнал решил заручиться твоей поддержкой. Райно — сильная вотчина. Но Реми — не слабее! Если они схватятся — будет война. А насколько я знаю тебя, царь, ты пойдешь и покараешь обоих!

— Демоны Джехи! — воскликнул Фаргал. — Ты прав! Поэтому старик выглядел вполне довольным, когда я пообещал ему Шотара и несколько сотен моих бойцов.

— Еще бы! — усмехнулся Люг. — Тронь Ладар твоих солдат, и жизнь его можно считать завершившейся!

— Его жизнь и так можно считать завершившейся! — отчеканил царь.

— Ирзаи! — напомнил Кен-Гизар. — Как я не люблю, когда предания превращаются в жизнь.

— Существо, которое говорило с тобой, — произнес Люг. — Я читал описания подобных. Только их полагают вымершими.

— Дело не в том, живое оно или вызвано из небытия! — возразил посол соктов. — Кем оно послано? И можно ли ему доверять?

— Еще одно! — это сказал Саконнин. — Государь! Есть ли связь между событиями в Реми и Ремийским замком?

— Ремийским замком? — переспросил Фаргал.

— Так ты не слышал, государь, о Ремийском замке?

— Если ты имеешь в виду крепость Реми, я в ней бывал. И не раз. Сильная крепость. И взять ее будет нелегко! Но не думаю, что ремийцы настолько преданы своему владыке, что все как один поддержат его против меня, своего императора!

— Нет!

Советник потер ладонью лоб.

— Ремийский замок, в самом Реми его называют Древним или Злым замком, — это не крепость Реми. Хотя он располагается внутри крепости. Я слышал: замок стоит не первый десяток веков и в подземельях его гнездятся демоны!

Фаргал похлопал ладонью по своему мечу.

— Рубили мы и демонов!

— Может быть, тебе стоит задуматься над этим, государь? В хрониках моих предков... Когда-то Реми была вотчиной моего рода, хотя Ладар не приходится мне родственником, но...

— Саконнин! — произнес Фаргал. — Давай мы чуть позже обсудим твое родословное древо!

— В хрониках моего рода Ремийский замок называют — Клык Кхорала! — напрямик сказал Саконнин.

— Хотелось бы мне повидать твоего посланца! — мечтательно произнес Люг. — Я сумел бы его разговорить! Значит, Клык Кхорала, благородный Саконнин? Клык Кхорала и Владычица Кхорала, несравненная Ирзай! Звучит заманчиво!

— Есть еще кое-что, — напомнил Кен-Гизар. — Почему он особо упомянул о тысяче Кайра-Косогубого?

— За честность Кайра я отвечаю мечом! — решительно заявил Люг, и Фаргал кивнул, поддерживая друга.

— И тем не менее я бы посоветовал взять лишнюю тысячу Алых! — покачал головой посол сожтов. — Тем более что наемникам до них далеко!

— Смотря в каком деле! — возразил Фаргал. — Кайр-Косогубый — лучший из тысячников-наемников! И чтит Кодекс! Скорее Черные изменят мне, чем тысяча Кайра!

— Удачный пример! — Кен-Гизар улыбнулся. — Давно ли Андасан поднял на тебя Черных?

— Но поддержали его немногие! — вступился Саконнин за честь карнагрийских солдат.

— Так! — произнес царь. — Я решил! В поход выступит тысяча Алых, сорок сотен пехоты и тысяча Кайра. Этого довольно, чтобы взять крепость Реми! Или разгромить войска земель Реми и Райно, вместе взятые! А посланнику я склонен доверять именно потому, что он предложил увеличить численность войска. Более того, точно указал его количество!

— Тогда почему бы тебе не взять с собой не шесть, а десять тысяч? — спросил Люг.

— Потому что я не хочу уводить слишком много воинов из Великондара!

— Мудро! — пробормотал Кен-Гизар. — У лучника всегда в запасе несколько стрел!

— Саконнин! — обратился царь к Старшему Советнику. — Я хочу, чтобы через три дня войска были готовы к выступлению! И пошлите гонцов к владыке земли Мерóв: пусть строят для нас осадные орудия — мы захватим их по пути в Реми!

— Будет выполнено, государы!

— Предупреди, что если войска не будут готовы через три дня — тысячники станут десятниками! Это относится только к Черным, как ты понимаешь!

— Да, государы!

— Царь! — вдруг подал голос Кен-Гизар. — А что, если Ладар лоялен?

В библиотеке стало так тихо, что снизу, из дворцовых садов, стали слышны голоса работавших там людей.

Фаргал задумался. Потом покачал головой.

— Саконнин! Иди отдай распоряжения! И возвращайся немедленно!

Советник вышел.

— Царь, — Кен-Гизар хитро улыбнулся, — почему здесь нет никого из твоих магов?

— Потому что я доверяю вам больше, чем им!

— Кто доверяет магам? — пробормотал Люг соктскую пословицу, и все трое рассмеялись.

— Но это не значит, что я не возьму их с собой!

— А меня? — спросил посланник. — Меня ты возьмешь с собой?

— Нет! — отрезал царь. — Ты слишком стар!

И ухмыльнулся, показывая, что шутит.

— В самом деле, Кен-Гизар! Я хочу, чтобы ты остался и поддержал моего Саконнина!

— Это вполне мог бы сделать кто-нибудь из карнагрийцев! — возразил сокт. — У тебя есть Совет...

— ...и он встанет на дыбы, когда услышит, что ты обошел всех ради сокта! — усмехнулся Люг.

— Зачем же об этом кричать? — усмехнулся Фаргал. — Я оставлю за себя Саконнина. И только он будет знать, что Кен-Гизар — его соправитель! Я предпочитаю держать моих Советников подальше от власти! — Царь засмеялся. — Для их же пользы. Чтобы ничьим головам не торчать над городскими воротами, когда я вернусь.

Вошел Саконнин.

— Распорядитель Церемоний спрашивает: будет ли государь вкушать пищу в Большой Трапезной? Или в ином месте?

— Мы обедаем здесь! Нет, погоди, Советник! Скажи, как бы ты поступил на моем месте?

— В отношении обеда?

— В отношении Райно и Реми!

— Я — не государь Карнагрии, — с осторожностью царедворца, пережившего двух царей, отвечал тот.

— Я приказываю тебе!

Фаргалу был ясен ход мыслей Советника.

— Я послал бы гонца к Ладару. И потребовал явиться в столицу!

— Без объяснений?

— По ничтожному поводу. Или — напрямик, для разбирательства по жалобе Сарнала. Но — очень благожелательно! Ведь заяви я, что хочу покарать владыку Реми, — и мне придется год выковыривать его из крепости!

— Я управлюсь быстрее! — заметил Фаргал.

— Вне всякого сомнения, государь! — Саконнин сделал непроницаемое лицо. — Мне можно продолжать?

— Да!

— Выманив Ладара из его земель, я послал бы туда тысячу всадников с приказом самого Ладара, он охотно напишет его сам или с помощью нашего

палача. А уж тогда, если Ладар невиновен, покарал бы Сарнала за клевету! А Райно передал бы более надежному, например — ему. — Саконнин указал на Люга. — Реми же — наследникам Ладара!

Оба сокта расхохотались.

— Мне довольно моего островка! — вставил Люг.

— Ты сказал: если Ладар невиновен? Я не ослышался? — произнес Фаргал.

— Нет, мой государь! Раз он невиновен, казнить его нельзя. Думаю, его постигнет смерть от кишечных колик. Если он виновен, его ждет публичная казнь! Если — нет, он умрет от естественных причин. Земли его унаследует один из племянников, потому что дочери Ладара — не замужем. А любой из племянников охотно отдаст половину владений тому, кто преподнесет ему диадему владения Реми.

— Вот! — воскликнул Кен-Гизар. — Блестящий урок имперской политики!

Саконнин оскорбленно поджал губы.

— Ладара нельзя отпускать! — заявил он. — Ладар наверняка затаит обиду. Поверь, государь, новый благодарный Владыка намного лучше, чем старый и обиженный!

— А если я все-таки захочу выпустить Ладара, буде он невиновен? — поинтересовался Фаргал.

— Возьми заложника! — посоветовал карнит. — Лучше всего — среднюю дочь. Говорят, отец привязан к ней больше, чем к двум другим. И еще говорят: она очень красива, хотя и молода. Ее охотно возьмет замуж кто-нибудь из действительно преданных тебе людей!

— Например — я! — сказал Люг и засмеялся. — Если она действительно хороша!

— Ты неплохо осведомлен! — похвалил Фаргал. — Мы пошлем гонца к Ладару, как ты сказал. Но... — Он сделал паузу... — Не будем ждать, пока

благородный Владыка Ладар явится во дворец! Мы поедем ему навстречу. Что скажешь, Саконнин?

— Если Ладар будет предупрежден, он сможет выставить около двух тысяч всадников и столько же пехоты. И еще тысячи три — ополчения!

— Семь — против шести! — заметил Кен-Гизар.

— Сотни две Алых разгонят тысячу всадников! И еще полсотни — остальной сброд! — отмахнулся Фаргал.

— Половина разбежится сама, когда пройдет слух, что идет сам царь Фаргал! — вставил Саконнин.

— С ремийцами мы управимся! И крепость возьмем, если потребуется! — проговорил Люг. — Чародейство и Древние Силы, если они действительно проснулись, — вот главная проблема.

— Вот теперь, — сказал царь, — пришло время послать за Верховным магом! И еще, Саконнин... вели подавать обед!

Глава двадцать седьмая

Улочка, по которой в час четвертой стражи, заступающей сразу после заката, пробирались тысяцкий Кайр и его юный родич, только выигрывала от близости темноты. Кэр, которому эта сторона Великондара была внове, с интересом изучал помойку, где скапливались человеческие отбросы столицы Карнагрии. Сумерки не были ему помехой. Как всякий уроженец Ашских гор, сын вождя неплохо видел в темноте.

Жизнь в трущобах Великондара пробуждалась от спячки именно в это время. Но крысы еще не расплозились по своим ночным делам, и юноша имел возможность пронаблюдать обитателей трущоб во

всем разнообразии: от беглых рабов и спившихся проституток до местной «аристократии» — поигрывающих ножами вожаков мелких банд и их молоденьких раскрашенных подружек, которыми они менялись чаще, чем мылись.

Кэр, у пояса которого висел «скорпион», естественно, не испытывал страха, какой должен испытывать всякий чужак, очутившийся здесь. Законники Великондара никогда не посылали стражу в это забытое Ашшуром место. Пусть преступники убивают преступников! Лишь бы не тянули руки за пределы помойки. Но руки эти все равно тянулись к сытым и законопослушным гражданам столицы. И тогда топор палача отсекал их. Если успевал. Раз или два в год, после особенно дерзкой выходки, стражники Совета шерстили южную окраину до самых вонючих подвалов. Тогда тюремная яма наполнялась доверху, кровь заливала плахи, а трупососы неделю работали не покладая рук.

Но проходил месяц-другой, и убыль восполнялась. Как всегда, самые крупные крысы успевали ускользнуть.

Кэр озирает черные, грозившие рухнуть стены, вдыхал смрад отбросов с тем интересом, с каким ребенок разглядывает выброшенную на берег полуразложившуюся тушу огромного кита. Но при этом сын вождя не забывал запоминать дорогу.

Кайр с не меньшим интересом наблюдал за юншей. И пока оставался доволен. Высокомерная брезгливость — вот то, что испытывает воин, глядя на изнанку великолепной Карнагрии. Такие вот трущобы, сгорбленные, полуголодные крестьяне, возделывающие здешнюю тучную землю, — гниль в сердцевине яблока. Кэр должен помнить об этом, когда смотрит на вызолоченные крыши дворцов или грозные ряды имперской конницы. Такова жизнь в

Четырех Империях: будь то Самери, Фетис или Карнагрия. Войско движется впереди, а позади в шлейфе пыли волы тащат повозки с провиантом.

Теперь Кайр, воспользовавшись поводом, который представил ему сам Кэр, водил юношу по южной окраине, месту, куда стекала слизь из дубильных чанов столицы.

Когда совсем стемнело, тысяцкий решил, что можно закончить первую часть урока. Прямо перед ними возвышалось трехэтажное, довольно крепкое по местным меркам здание с обширным двором. Из глубины его густо пахло навозом. Можно было предположить, что перед ними — постоянный двор. Поглядев на мятую бронзовую табличку, скудно освещенную фонарем, заправленным жиром, Кайр убедился в этом окончательно. «Тихая радость» — было намалевано на табличке.

Кайр усмехнулся.

— Зайдем, — предложил он, — пропустим по кружке и потолкуем. Вот именно то местечко, о котором ты просил!

Кэр, естественно, не стал спорить, и через минуту они оказались внутри, в просторном душном помещении с закопченным потолком и сомнительными обитателями.

Кайр подбоченился и обвел взглядом харчевню, потом оборотился к юноше и громко заявил:

— Вот! Самая грязная и паршивая харчевня во всем Великондаре! Или я не прав? — и, развернувшись, устремил взгляд на хозяина, здоровенную кучу мяса с крохотными подлыми глазками.

Сейчас на самерийце не было серебряного пояса тысячника. А одет он был сущим оборванцем. Даже рукоять меча обмотана старой коричневой кожей, заставлявшей предположить, что внутри деревянных ножен не меч, а кусок ржавого железа. Кэр в

сравнении с Кайром выглядел настоящим щеголем, хотя тот потрудился и над обликом юноши.

— Если ты выглядишь слишком хорошо для подобного места, — приговаривал он, разбрызгивая дорожную грязь по зеленой тунике Кэра, заправленной в купленные только что за половинку медной монеты рваные штаны, — это может повлечь слишком много неприятностей! А когда ты скромн и внушаешь уважение, — он похлопал по ножнам меча, — то их будет меньше. Не то чтобы их не было совсем, но — меньше! Поверь мне, Кэр! Я провел в трущобах почти год. Правда, не здесь, а в Этерине! Но грязь — везде грязь!

Кэр не сразу привык к затрапезному виду тысяцкого: тот выглядел форменным бродягой. Или, что вернее, — форменным бандитом.

Только одного не смог, да и не захотел бы изменить Кайр-Косогубый: своей физиономии.

Потому, взглянув на гостя, хозяин харчевни увидел достаточно, чтобы позабыть о своем кинжале в локоть длиной, болтавшемся на поясе, и подобострастно кивать в ответ на любую реплику гостя.

— Одно хорошо, — продолжал Кайр, — когда у тебя остается только несколько медных монет... — еще один многозначительный взгляд на хозяина харчевни, — ...здесь можно выпить и пожрать! Если скишшу мочу и верблюжье дерьмо можно считать жратвой и выпивкой!

Кислая улыбка хозяина сменилась злобной гримасой.

— Не нравится — пошел вон! — пробурчал толстяк. Но — совсем тихо.

Взяв деревянные кружки и скользкие от жира блюда с жареными на сале черными сухарями, самерийцы отправились в самый дальний угол.

Кэр пошел было к свободному столу, но Кайр остановил соплеменника и двинул к другому, где

трое бродяг, переругиваясь, играли в кости. Рядом, на грязной соломе, брошенной прямо на земляной пол, спал четвертый.

Кайр походя пнул его в бок. Бродяга подскочил, глянул ошалело и убрался подальше.

Косогубый подошел к занятому столу, поставил на него кружку с вином.

— Мне и моему другу надо поговорить наедине! — сказал он веско.

— А не... — начал один из бродяг, поднимая голову.

И осекся, только раз взглянув на изуродованное лицо воина.

Троица мигом забрала свое барахло, и тысяцкий опустился на заскрипевший табурет.

Кэр понюхал содержимое миски, поморщился, отодвинул.

— Ну так вот, — начал он.

— Не торопись! — поднял руку Кайр. — Мы еще не заработали право на уединение!

Трое с длинными ножами направлялись к ним.

— Мы здесь не любим чужаков! — процедил один из них, усатый, с маленькой головкой, неуместной на широких плечах и бочкообразном туловище.

— А где же ты видишь чужаков? — спросил Кайр с напускным удивлением.

— Перед собой! — рывкнул усатый.

И нож мгновенно оказался у него в руке. Он держал его жалом вниз, прижимая к предплечью. По всему было видно: пользоваться этим инструментом усатый умел.

Два его приятеля проделали то же со своими железками.

— Не люблю убивать! — громко сказал Кайр, обращаясь к сыну вождя. — Я имею в виду — бесплатно! А ты, мой молодой друг?

Кэр вдруг сообразил: тысяцкий развлекается, решил получить полное удовольствие от прогулки. Если уж юноша потребовал привести его в «совершенно чужое место, где их наверняка не знают и не подслушают», Кайр решил подобрать такое, где ему будет не скучно. Или тысяцкий еще раз испытывает своего подопечного?

— Моего друга зовут Змея! — с ухмылкой сообщил Кайр усатому. — Он — из бывших гладиаторов, не слыхал?

Но трое парней были не из тех, кого пускают на Игры.

— Ты сказал, у тебя есть несколько медяков! — прошипел усатый. — И еще я вижу меч, который можно загнать какому-нибудь ослу за пару грошей! Потому что такому ленивому уроду, как ты, довольно будет и простой палки, чтобы шарить в выгребных ямах!

Кайр приложил ладонь к уху, удивленно приподнял бровь.

— Давай! — напирал усатый, делая шаг вперед. — Выкладывай медь и железо на стол! Или я отрежу уши тебе и твоему сопливному другу!

— Ты слышал? — обращаясь к Кэру, спросил Кайр, еще выше поднимая бровь. — Ты слышал, мой друг, как визжит эта дворняжка?

— Тебе что, прищемили яйца, когда вытаскивали из нужника? — осведомился он, поднимая взгляд на усатого.

Тот злобно запыхтел и попытался сверху ударить Кайра ножом. Но тысяцкий, опередив, отбросил напавшего сильным толчком ладони.

— Убей его, Змея! — сказал он. — Это будет вроде благодеяния!

Кэр понял: родич уступает ему главное развлечение. И не стал ждать, пока воин передумает.

Оп!

Стремительное длинное тело выбросилось из-за стола. Меч, подаренный Хар-Рудом, выпрыгнул из ножен и продырявил грудь усатого раньше, чем тот успел открыть рот.

Кэр выдернул клинок и тут же оказался между двумя приятелями усатого. Один из них рот открыть успел. Именно туда Кэр нанес второй удар. Третий парень довольно ловко попытался пырнуть его кинжалом в почку. Самериец пропустил удар мимо себя и с разворота врезал рукоятью меча в висок нападавшего. Раздался хруст.

Кайр посмотрел на человека с бронзовой серьгой в ухе. Того, что сидел за столом в противоположном углу харчевни. Посмотрел и еле заметно пожал плечами. Человек в ответ чуть заметно качнул головой.

Волки поприветствовали друг друга.

— Ах ты вонючий... — завопил хозяин харчевни, когда бандит с проломленной головой повалился прямо в очаг.

Человек с серьгой постучал кружкой по столу, привлекая внимание.

Хозяин харчевни обернулся на стук... и сник.

Давно уже в этой воровской норе не было так тихо.

— Вина мне! И тем господам! — негромко, но отчетливо произнес человек с серьгой. И Кайру, с улыбкой, от которой в харчевне скисло бы молоко, если б здесь держали молоко:

— Неудачное лето! Люди стали такими беспокойными! Должно быть — жара!

Хозяин харчевни поставил на стол самерийцев кувшин с вином, покосился на Кэра, все еще державшего окровавленный меч наготове. Трудно было поверить, что мальчишка прикончил троих бандитов быстрее, чем закипает масло на сковороде.

— Садись, мой друг! — сказал молодому воину Кайр. А потом, обращаясь к человеку с серьгой:

— Извини, господин, не могу ответить тебе тем же — обнищал!

Кивок на поднесенный кувшин.

— А я — при деньгах! — сказал человек с серьгой. — И, может статься, для умелого человека у меня найдется не только вино, но и неплохая работа!

— Может статься! — вежливо ответил Кайр.

Кэр тщательно обтер клинок и вложил его в ножны.

Понемногу харчевню наполнил обычный гул голосов.

— Вот теперь, — сказал Кайр, отхлебнув нового вина, — мы можем без помех поговорить!

— Кайр! — понизив голос, глядя прямо в серые глаза тысяцкого, проговорил сын вождя. — Я видел оборотня! Оборотня из слуг Мудрого, с головой огромной змеи, который вдруг превратился в человека!

— И где же ты его видел? — сделав очередной глоток, рассеянно спросил Кайр.

— Во дворце! В тайном коридоре за стеной!

— Где?! — воскликнул воин и закашлялся, поперхнувшись вином. Брызги полетели в лицо Кэру, но он, увлеченный, даже не потрудился вытереть их.

— Мы шли по тайному коридору и...

— Ну-ка, брат, по порядку! — перебил его тысяцкий. — Кто — мы? Давай с самого начала!

— С начала? — Кэр ненадолго задумался. — Сначала я поставил Ирдик в нишу на стене. Потом плита повернулась...

— Кто — Ирдик? — снова перебил Кайр.

— Девушка. Плита повернулась и...

Человек, в одиночестве сидевший за одним из угловых столов и безучастно прихлебывавший вино, пока Кэр расправлялся с тремя бандитами, встрепе-

нул, услышав слово «оборотень». А когда с губ юноши сорвалось имя Аша, человек метнул в его сторону быстрый взгляд, но тотчас снова уткнулся в кружку. Хотя с этого момента не упустил ни единого слова самерийцев.

Чем дальше продвигался в своем повествовании Кэр, тем мрачнее становился тысяцкий. Когда же сын вождя закончил говорить, Кайр помолчал, а потом, вздохнув, произнес:

— Думал я, последнюю тварь прикончили восемь лет назад!

— Так ты уже видел таких? — удивился Кэр.

Старший самериец покачал головой.

— И да, и нет! — ответил он. — Твари вроде той, что ты описал, несколько раз пытались добраться до нашего царя. Однажды это произошло при мне! — Кайр криво усмехнулся. — След на моем боку я тебе как-нибудь покажу! Если бы не мечи царя и его сока, твари сожрали бы всех. Их было больше полусотни! Правда, что-то не припомню, чтобы они превращались в людей!

— Ну, — сказал юноша, — не то чтобы это был человек вроде тебя или меня...

— Неважно! Конечно, я, как и ты, слышал об оборотнях Аша! Слышал от наших старших! Не знаю... Этот тебя не тронул, может, и впрямь из-за того, что ты из клана Мечей? Хотя меня и еще троих горцев они пытались задрать! А Кеха из клана Шести Пиков насмерть загрызли. Это в другой раз, когда меня не было поблизости! — пояснил он, будто оправдываясь. — Только вот особой ловкости я у них не заметил. А твой, говоришь, был быстрый, как язык хамелеона?

— Да, — почему-то шепотом ответил Кэр. — Он был быстрее меня! Намного быстрее!

— Нет, — покачал головой тысяцкий. — Те-то — так себе! Просто их было много. Этот, значит, — один? И обретается в тайных ходах дворца? Да... В этом лабиринте его найдешь, пожалуй! Это ж за каждой третьей стеной!

— Выходит, о потайных ходах ты тоже знаешь? — воскликнул Кэр.

Юноша вспомнил, как в ту ночь, вернувшись, простучал все стены своей кельи и успокоился только, когда убедился: сплошной камень, без червотчины.

— Знаю! — подтвердил тысяцкий. — Знак Аша, говоришь?

— Прямо на груди! Как же так, Кайр? Ведь Аш — бог наших гор? Почему же его слуга здесь, в Великондаре? И почему его слуги едва не убили тебя?

— Мало ли что — слуги? — пробормотал тысяцкий.

Он был не силен в магических и религиозных материях. Воин есть воин.

— Мало ли что — слуги. Разные слуги бывают. И у Аша тоже. Твой-то тебя не тронул! А все-таки доложить надо! — решил он. — Прямо Фаргалу! Завтра же и доложу!

— Нож отскочил от него, как от самшитовой доски! — возбужденно проговорил сын вождя. — Я уже чувствовал его когти на своем горле!

— Дерево тоже рубят! — пробормотал Кайр. — Вот почему ты увел меня подальше от дворца... — Тысяцкий одобрительно кивнул. — Вряд ли оборотень притаится в такой грязной дыре! И кто подумает, что тысяцкий Кайр будет пить вино в паршивом притоне? А уж тайных ходов за стенами здесь наверняка нет!

Он окинул взглядом ветхие стены.

— Впрочем, ушей и здесь хватает. Ладно! Уймись! — Он накрыл ладонью руку юноши. — Ты только что прикончил троих и даже не запыхался. А тут от одной мысли уже вспотел!

— Если б ты его видел, Кайр!

— Я — видел! — веско сказал тысяцкий. — Не этого. Но другие, будь уверен, выглядели не лучше! Я хочу, чтоб ты усвоил: их можно убивать! И мы будем их убивать! Так что не дрейфь, сын Хардаларула! Мы их сделаем!

Карашшер, выслушавший весь разговор, мог бы многое объяснить своим землякам. И то, чем оборотень отличается от обычных чудищ, вызванных силой мага, и то, по чьей воле бродит он по лабиринтам Дивного города. Он мог бы даже назвать прежнее имя оборотня, потому что видел, как жрец Аша сотворил его из человека. Многие и сам Карашшер узнал из подслушанного разговора. Единственное, чего он не мог понять: почему оборотень пощадил мальчишку?

Кайр-Косогубый не успел доложить царю. Вернувшись во дворец, он тут же узнал, что его тысяча выступает в поход. Вместе с царем Фаргалом. Последующие два дня у Кайра не было времени даже для сна, не говоря уж о тайных беседах. К тому же тысяцкий рассудил здраво: раз Фаргал уезжает из Великондара, разговор можно смело отложить.

Часть вторая

КЛЫК КХОРАЛА

Пой, мой меч,
Мы веселились сполна!
Пой, мой меч,
О том, что слаще вина!
Пой, мой меч,
О том, что по сердцу нам!
Пой, мой меч,
Когда тебя я отдам
Той, мой меч,
Кто всех щедрей и нежней!
Той, мой меч,
Кто жарче лучших коней!
Той, мой меч,
Кто нас подвигнет на бой!
Пой, мой меч!
Хвалу земле моей пой!

Песня Фаргала

Глава первая

Первыми ехали конные стрелки в зеленых хитонах и круглых шапочках, обшитых полосками бронзы. То, что именно они возглавляли колонну, говорило: войско идет по своей земле. За стрелками — наемники Кайра, в разномастной одежде и доспехах, всех оттенков кожи и всех народов: от айпегов до кансу. Дерзкие, свирепые, отважные. Кайр-Косогубый — впереди, в окружении избранных командиров. Кэр, в новенькой кольчуге и шлеме с черным султаном, — по правую руку тысяцкого. Кайр, сдвинув на затылок шлем, улыбнулся царю изуродованным ртом и отдал салют.

Фаргал шевельнулся в седле, и его конь нервно переступил ногами.

А мимо уже двигались пешие, налегке, без копий и щитов, с одними мечами. Их оружие, скорости ради, везли на повозках. Черные двигались быстрым шагом, стараясь не отстать от наемников... и не попасть под копыта тех, кто следовал за ними. Потому что начальник тысячи Алых Дарзал не придержит коня только потому, что у какого-то пехотинца устали ноги.

Алые замыкали колонну. Тоже знак того, что войско — на своей земле. Первые поравнялись с Фаргалом, и копыта над красными шлемами качнулись. Будто ветер пробежал над тростником.

— Фар-гал! Фар-гал! — проревели мощные глотки. И ревом прокатилось дальше, над лесом копий, над алыми пышными султанами:

— Фар-гал! Фар-гал!

Глаза императора Карнагрии увлажнились. Выхватив меч, он громовым голосом выкрикнул боевой клич. И только несколько минут спустя сообразил: зря! Воины государства Карнагрии идут, может быть, пролить кровь карнагрийцев.

— Мятежников! — точно угадав настроение царя, произнес Люг, остановившийся позади Фаргала. — Или ты забыл, как взошел на трон?

— Нет! — отрезал царь.

А мимо уже катились, грохоча огромными деревянными колесами, десятки повозок с припасами, с оснащением для стенобитных машин, с запасным оружием. Обоз велик, но был бы много больше, если б царь шел войной на чужую землю.

Повозки крепкие, лошади — сильные, а запас в дороге не помеха. Так рассуждал Саконнин. Среди прочих выделялась просторная крытая повозка царских магов. В узком окне мелькнуло сухое личико Мескеса.

Фаргал повернул жеребца и погнал его галопом в голову колонны. Он желал ехать впереди.

Городские ворота закрылись, и стражники проводили пыльный хвост колонны долгими взглядами. Шесть тысяч воинов — большая сила. Но царь не оставил город беззащитным. В столице по-прежнему довольно солдат, чтобы отразить любое нападение. Карнагрия — могучая держава. Слава императору Фаргалу!

В первый же день войско покрыло около двадцати миль. И разбило лагерь во владениях благородного Брега.

Владыка лично явился приветствовать своего царя, позаботился о провианте, предлагал обеспечить и ночлегом. Царь отказался — он полагал, что воины в сухое время могут спать и под открытым небом. Он сам только ради традиции ночует в шатре. Лучше лежать на охапке сена и видеть над головой звездное небо.

Владыка не очень настаивал. Ночевка солдат в селении, как правило, недешево обходится жителям. А уж у наемников такие рожи...

Владыка откланялся и уехал.

Утром войско снялось и без происшествий покрыло еще двадцать миль.

Два человека занимали большую часть мыслей Кэра. Первым был Фаргал, второй — Ирдик. Нет, по справедливости девушку следовало поставить на первое место.

Сын вождя нашел Ирдик Шера за день до выступления, и они смогли провести вместе только одну ночь. Чудесную ночь. И вынуждены были расстаться незадолго до восхода. Кэра ждал Кайр, а Кайра — множество дел, которые были скорее хозяйственными, чем военными.

Чтобы поднять по тревоге сотню воинов клана Мечей, требовалось меньше минуты. Чтобы подготовить родичей Кэра к переходу в несколько сотен миль, требовался час. Чтобы вывести в многодневный поход десять сотен разноплеменных вояк Кайра, мало и недели. Тысяцкий был прекрасным военачальником и сотниками поставил толковых воинов. Но только на то, чтобы собрать тысячу в казармах, потребовались целые сутки.

Кэр, которого родич постоянно держал рядом с собой, был удручен поведением солдат Кайра.

Раньше он практически не сталкивался с основной массой этих молодцов, теперь же с прискорбием убедился: потребности плоти ставятся ими куда выше, чем воинский дух. Кодекс держал наемников в повиновении, как стальные удила — норовистого коня. Кодекс и страх перед начальниками. Когда Кайр впадал в бешенство, даже у матерых десятиков потели ладони. Кэр ни разу не видел, чтобы тысяцкий применил силу, но другие, похоже, — видели. Так что к положенному времени тысяча оказалась в готовности. Недосчитались только трех человек. Люди были главной проблемой Кайра. Провиантом и снаряжением занимались представители царского Совета, а кони и военная амуниция у каждого воина были в полном порядке. Это — закон.

Многие задавались мыслью, почему начальник таскает с собой молокососа, но, разумеется, держали свои мысли при себе. Те же, кто знал Кэра, приближенные тысячника, его младшие командиры, обращались к юноше подчеркнуто дружелюбно. Не то чтобы он успел заслужить их уважение, скорее, не дал повода относиться к себе иначе.

Сын вождя не постеснялся спросить Кайра, зачем Фаргалу эта свора алчных гиен?

Тысяцкий усмехнулся:

— Они не так уж плохи, если уметь с ними управляться. Самерийские гиены способны затравить буйвола, когда голодны.

Впоследствии Кэр убедился: так оно и есть.

Если бы не Ирдик, сын вождя считал бы себя счастливым. Но разлука с девушкой портила радость от похода. Ирдик приворожила его не хуже настоящего мага. Кэр чувствовал ее, как флейтист чувствует флейту. Оставаясь с ней, он забывал, что существует что-то еще. Только жестокая школа клана Мечей позволила его совладать с собой и покинуть Вели-

кондар, едва пригубив из чаши Любви. Предстоящие две недели (столько, как сообщили войскам, продлится поход) казались бесконечностью. И то, что сама Ирдик не проронила ни единой слезинки, когда они расставались, было для него уроком. В Ирдик Шёра Кэр чувствовал крепость, не уступающую его собственной. Ирдик была похожа на свою мать. Сложись жизнь Вардали иначе, о ней слагали бы песни. Ирдик знала, что ее слезы будут неприятны любимому, — и слез не было. И девушка не пришла провожать Кэра. Так они договорились.

С седла своего каурого подаренного Кайром жеребца сын вождя озпрал землю Карнагрии. Ряды финиковых пальм и абрикосов, росшие у дороги, ухоженные сады и поля, на которых медленно двигались упряжки волов. Пришедшая из Эгерина пшеница понемногу вытесняла традиционную зерновую культуру Карнагрии — ячмень. Пшеница требовала лучшей почвы, и потому запах навоза забивал благоухание цветущих фруктовых деревьев. Выращивались в Карнагрии и бобовые, чечевица, горох (эти входили в обязательную дневную норму солдата), лен и конопля, репа и рапс. И еще обширные травяные луга, на которых пасли скот. Конечно, горец Кэр мало разбирался в сельском хозяйстве. Но ухоженность земли и величина плодов произвели на него впечатление. Весь первый день юноша разглядывал сады, поля, пальмовые рощи. На второй день картина ему наскучила. Тем более что дорога, по которой они ехали, была пустынна. Как объяснил Кайр, вестники царя двигались впереди и именем императора требовали освободить путь.

Войску предстояло пройти более ста миль, что при теперешней скорости должно было занять дней пять. При желании даже пехота могла достичь Райно в три

дня. Но, во-первых, Фаргал не желал выматывать отвыкшее от переходов войско, а во-вторых, считал, что зрелище марширующих солдат благотворно сказывается на состоянии умов его подданных.

На Кэра император Карнагрии произвел мощное впечатление. Казалось бы, сын вождя должен был испытывать неприязнь к царю: после событий на Судной площади. Но этого не было. Наоборот, юноша ощущал странную тягу к великому человеку.

Теперь, зная его историю, Кэр постоянно размышлял о Владыке Карнагрии. И, что таить, не раз сравнивал себя с ним. Пожалуй, с поправкой на время, сейчас у Кэра было даже некоторое преимущество. Он не безродный бродяга, а сын вождя Хардаларула из клана Мечей. И уже сейчас Кэр — воин, а не бродячий циркач. Будет угодно Судьбе, и он, Кэр, через несколько лет будет взирать на бесконечные шеренги марширующих копейщиков и неторопливо рыскающих всадников: свое войско!

Однако занять место Фаргала юноша не помышлял. Во-первых, он принес присягу верности царю как всякий наемник, во-вторых, сын вождя прекрасно понимал, что сейчас именно Фаргал — на своем месте, а он, Кэр, — на своем. При взгляде на спокойно-уверенное горбоносое, как у самого юноши, лицо императора сын вождя ощущал странное тепло в груди. словно глядел на отца своего, Хардаларула. Но при этом Кэр был совсем не прочь скрестить с Фаргалом клинки. Царь считался лучшим фехтовальщиком, нет, лучшим бойцом в Империи. Изрядное искушение для юноши, чей «скорпион» в тренировочном поединке доставал своим жалом даже такого мастера, как Кайр.

Вечерами, когда войско становилось лагерем, сын вождя отъезжал подальше от стоянки и до первых звезд изнурял себя упражнениями. Вернее, пытался

изнурить. Тело слушалось безупречно, и серебрящийся в сумраке клинок, казалось, подогревал сына вождя собственным огнем. Кэр возвращался взмокший, страшно голодный, но способный бодрствовать хоть целую ночь. Правда, стоило ему, завернувшись в одеяло, улечься на охапку соломы неподалеку от шатра Кайра, как звуки ночи и голоса людей сливались в одно, и Кэра окутывало дыхание Повелителя снов.

Так прошло три дня.

За три дня войско Фаргала преодолело чуть больше семидесяти миль. Как и рассчитывал царь, вокруг было спокойно. Владыки трех земель, которые пересекла армия, обеспечивали солдат всем необходимым. И ничего сверхъестественного не наблюдалось, пока не наступила третья ночь похода.

Глава вторая

Треск лопнувшей ткани разбудил Фаргала. Рука нащупала меч раньше, чем царь открыл глаза. Еще миг — и Фаргал уже стоял на ногах, глядя, как сквозь разрыв в стене шатра протискивается чудовищная чешуйчатая тварь. Царь замер в готовности. Красноватый свет лампы озарял обнаженное человеческое тело с напрягшимися мускулами и тускло блестящую чешую на широкой спине твари.

Существо влезло в шатер, и теперь Фаргал видел его целиком. Больше всего тварь походила на огромную черепаху без головы. Ростом — по плечо Фаргалу, а шириной с бортовой щит колесницы. Шесть коротких толстых лап вспахивали ковер кривыми когтями.

Фаргал ждал нападения. Но тварь медлила, бес-
толково топталась на месте. Фаргал попытался отыс-
кать уязвимые места бестии, но с тем же успехом
он мог искать их у гранитного валуна. Глаза, уши,
пасть... Если они и есть, то где-нибудь под чешуй-
чатым панцирем. Снаружи — ничего похожего на
голову.

В голове Фаргала мелькнула мысль о стражнике
снаружи. Быть не может, чтоб треск разрываемого
полотна остался не услышанным!

Тварь все еще кромсала когтями фетский ковер.
Непосредственной опасности не было, и Владыка
Карнагрии позволил себе немного расслабиться. Ра-
зумней позвать на помощь. Или отправить кого-ни-
будь за магом. Но Фаргал не любил просить помо-
щи. К тому же его меч — это не просто отлично
выкованная и отточенная полоса металла. Сей кли-
нок разил, невзирая на чары.

Фаргал шагнул вперед, и тварь, похоже, опреде-
лилась. Перестав кружить на месте, она заковыляла
к человеку. Фаргалу ничего не стоило ускользнуть,
но он поступил иначе. Меч царя взлетел и опустился
на чешуйчатую броню твари.

Фаргал ожидал, что чешуя уступит стали. Или
клинок отскочит от нее, как отскочил бы от панциря
сухопутной черепахи. То, что произошло, царь пред-
видеть не мог.

Спина чудовища лопнула с медным звоном.

Нечто скользкое, красное, как свежесодранная
шкура, выметнулось из трещины и ударило в Фар-
гала, едва не сбив с ног. Лицо, грудь, живот царя
оказались залепленными горячей отвратительно пах-
нущей массой. Он успел закрыть глаза, но ядовитая
слизь проникла в ноздри и рот, обжигая, как кис-
лота. Сознание начало мутиться, словно от дурман-

ного дыма. Царь выронил меч и зашатался под тяжестью повисшего на нем существа. Почему-то Фаргал знал, что должен устоять на ногах. Но через полсотни неистовых ударов сердца перестал различать, где верх, а где низ, стоит он или уже повержен. Фаргал ослеп, оглох, потерял оружие и возможность дышать. Но стать покорной жертвой был просто не в состоянии. Воин сражается до конца!

Заскрежетав зубами, Фаргал вонзил пальцы в скользкую жилистую массу, накрывшую его. Ярость утратила силы. Чудовищным напряжением мускулов царь отодрал порождение зла от своего лица. Он по-прежнему ничего не видел, но наконец сумел вдохнуть — рот освободился.

Царь жадно втянул воздух... и закричал от нестерпимой боли. Будто удар медвежьей лапы обрушился на его лицо, до костей раздирая плоть.

Чудовищная тварь выбросила из себя дюжину жгутов-щупалец. Каждое из них заканчивалось острым закрученным когтем.

Десяток щупалец тут же обвилились вокруг туловища Фаргала. Два оставшихся свободными полосовали когтями лицо царя и руки, которыми Фаргал пытался защитить залепленные кровавой слизью глаза.

Царь перестал чувствовать боль. Щупальца, обхватившие его торс, сдавливали ребра кольцами огромного удава. Когти воткнулись в его тело и начали ввинчиваться в живое мясо, как головы гигантских клещей.

Фаргал на ощупь пытался поймать рвущие лицо конечности, но ладони стали скользкими от слизи и собственной крови, и когда царю это удалось, оказалось, что удержать щупальца почти невозможно. Казалось, пальцы сдавливают скользкие, тугие, оплетенные сухожилиями внутренности. Через несколько мгновений щупальца освободятся и dokonчат дело.

Или когти, что вбуравливались в тело все глубже и глубже, пронзят мышцы спины и живота и доберутся до внутренних органов: легких, печени, сердца. Царь проигрывал бой.

Мозг Фаргала, отрешившись от всех чувств и ощущений, безуспешно искал путь к спасению...

Но спасли царя руки!

Прежде чем прошли те несколько мгновений, которые Фаргал мог удерживать разящие щупальца твари, царь инстинктивно, не размышляя, намотал склизкие конечности на руки. Так наматывают канат для прочности захвата. Еще миг — и Фаргал вновь позволил ярости выплеснуть еще оставшуюся в нем силу. Суставы затрещали, мышцы напряглись так, что еще чуть-чуть — и разорвутся.

Из горла царя вырвался хриплый рык. Вслед за ним раздался отвратительный чмокающий звук... и оторванные щупальца обмякли в руках Фаргала.

Горячая вязкая жидкость хлынула на ковер. Ослепительная вспышка озарила стены царского шатра... и тварь, потеряв свою силу, повисла на впившихся в тело царя щупальцах.

Фаргал не осознал, что с тварью покончено. Может быть, инстинкт подсказал ему: смерть чудовища еще не означает, что опасность миновала. Потому с тем же яростным хриплым рычанием царь вырвал из своей плоти одно за другим отвратительные щупальца и отшвырнул от себя останки монстра.

Кровь хлынула из многочисленных ран, унося проникший в тело яд... и жизнь.

Царь еще думал о том, что надо выйти наружу, позвать... Но не мог сделать даже шага. Шаг — и он рухнет наземь, чтобы уже никогда не подняться.

С каждым ударом сердца смерть подступала все ближе к Владыке Карнагрии. Еще пара ударов — и не спасет никакой лекарь.

Фаргал пошатнулся, и огромная черная тень его поплыла вдоль полотняной стены шатра, удлиняясь, все ниже, ниже...

Вождь соктов проснулся от неистового крика, пронзившего мозг. Люг узнал голос. Отбросив покрывало, вождь схватил то, что было сейчас важнее одежды. Меч! Золотой браслет огнем жег запястье сокта.

Выскочив наружу, Люг едва не сбил с ног стражника, взмахнув мечом, рассек привязь и прыгнул на спину неоседланного жеребца. Вцепившись левой рукой в длинную гриву, сокт гикнул и с силой ударил пятками в крепкие бока.

Конь закричал почти как человек, от боли и неожиданности, но, узнав хозяина, обратил ярость в ярость бега — прыгнул в темноту.

Напрямик, через спящих солдат, через пламя угасающих костров, с неистовым ржанием пронесся он по лагерю, исчезая раньше, чем смолкал стук копыт. Оставляя позади разбуженных, всполошившихся людей, жеребец, как смерч, пролетел сквозь ночь и был осажен всадником в шаге от царского шатра.

Люг слетел на землю, еще в прыжке успев разглядеть прореху в расшитой золотом ткани. Предоставив коню свободу, сокт подскочил к часовому, застывшему у входа в шатер, и ударил его кулаком в грудь.

Без звука, как деревянная кукла, воин упал к ногам вождя. Люг Смертный Бой задохнулся от страшного предчувствия и, отшвырнув тяжелый полог, ворвался в шатер... чтобы увидеть, как падает на ковер истекающий кровью Фаргал.

Люг прыгнул вперед, но не успел поддержать царя, и тело Фаргала ударилось оземь, выбрызнув из многочисленных ран слабые струйки крови.

Ни один лекарь уже не смог бы спасти царя. Даже его Верховному магу это было не по силам: нельзя в единый миг сплести заклинание. Но Люг, жрец Яго, мог попытаться.

Коснувшись правой рукой слипшихся волос Фаргала, сокт прошептал слово обращения, и сила Яго снизошла на него. Будущий миг, в котором уже не было Фаргала живого, отступил перед продлившимся Настоящим, подарив Люгу несколько мгновений. Их хватило на одно короткое заклинание: раны царя перестали кровоточить. Теперь сокту осталось лишь собрать воедино всю свою любовь к другу и отдать ему часть своей жизненной силы. Воин действительно любил Фаргала более, чем самого себя: у него получилось!

Силы оставили вождя соктов, он опустился на ковер рядом со своим другом. Глаза его заволокло туманом. Последнее, что увидел вождь: полог шатра откинулся, и в проеме возникла зловещая фигура с мечом в руке... Вот только не было у Люга сил, чтобы поднять свой собственный меч! Мир вокруг него перевернулся, и сокт повалился на бесчувственное тело Владыки Карнагрии.

Начальник царской стражи Бехер, самый преданный и в преданности своей — самый свирепый из Алых, услышал сквозь сон звериный хриплый крик Фаргала.

Шатер Бехера стоял в непосредственной близости от шатра императора. По традиции Бехер должен был во время похода неотлучно находиться рядом с царем. Но Фаргал предпочитал одиночество и сумел убедить своего начальника стражи, что на земле Карнагрии тот может не оберегать его так тщательно.

Привстав на ложе, Бехер прислушался. Крик не повторился. И все-таки Алый решил проверить.

Одевшись, он вышел наружу... и не увидел часового перед царским шатром. Бехер обнаружил стража, только оказавшись у самого входа. Часовой без признаков жизни лежал на земле.

Выхватив меч, Бехер ринулся внутрь... и застыл в ужасе!

Первое, что бросилось ему в глаза: чудовищная туша убитой Фаргалом твари.

— О Ашшур! — пробормотал начальник стражи, чувствуя, как его желудок готов вывернуться наизнанку.

Но когда взгляд его переместился на неподвижные тела Фаргала и Люга, Бехер забыл, что у него вообще есть внутренности. Инстинктивным движением он поднес к губам свисток и дунул в него, вызывая стражу. Вложив в ножны меч (клинки сокта и царя, чистые, лежали здесь же, на ковре — значит, от мечей толку было немного), начальник стражи осторожно приблизился к лежавшим. Широкое красное пятно расплзлось по ковру, и Бехер вздрогнул, нечаянно наступив на кровь Императора. Опытным взглядом Алый сразу определил: Люг жив. А Владыка Карнагрии... мертв! Никто не может избежать смерти с такими ранами!

Что ж, если Император мертв, умрет и Бехер.

Вбежавшие в шатер воины замерли, увидев своего царя. Они тоже не усомнились, что жизнь покинула Фаргала. Бехер посмотрел на их побелевшие лица и вспомнил, что он пока еще командир царской стражи!

— Лекаря! — рявкнул он. — И Верховного мага! Мигом!

Если не удастся уже спасти царя, так, быть может, удастся вытащить хотя бы сокта?

Алый чувствовал свою вину: не Люг, а он, Бехер, должен был первым оказаться здесь.

Стражники втокнули в шатер царского лекаря. Выдернутый из женских объятий в самый интересный момент, лекарь ошалело мотал головой. Бехер подтолкнул его к Люгу, которого стражники аккуратно сняли с груди царя и положили рядом.

Бросив беглый взгляд на Фаргала (монстра он, к своему счастью, не заметил), лекарь покачал головой, сочувственно покивал Бехеру и склонился над соктом. Удостоверившись, что ран на нем нет, врачеватель достал из сумки флакон со снадобьем и, ложкой разжав губы Люга, влил необходимую порцию.

Появился его Мудрость Верховный маг Императора Карнагрии Мескес Могушественный. Этого стражники не посмели торопить, но чародей и сам не стал медлить, услышав о случившемся.

В отличие от лекаря Мескес обратил внимание именно на монстра. Более того, он, увидев останки, забыл даже о царе.

— Ваша мудрость! — Бехер коснулся сухонькой ручки мага. — Может быть... Что-нибудь...

Сознание собственной вины сделало Бехера робким.

Это было настолько не похоже на начальника царской стражи, что теперь смутился сам Мескес. Несмотря на пышный титул, Мескес был не из самых сильных магов. Оно и понятно: какой властелин рискнет приблизить к себе человека, способного завладеть его душой?

— Мне очень жаль, командир, — пробормотал маг, переводя взгляд на Фаргала. — Но уже слишком... О Ашшур! Да он жив!

Бехер, не смея поверить, уставился на тощего маленького человечка с черными блестящими глазами.

— Ты меня не обманываешь?

— Я? Ну-ка, парень, назад! — крикнул он, ткнув пальцем в стражника, слишком близко подошедшего

к останкам монстра. — Нет, Бехер! Я тебя не обманываю! А сейчас выстави отсюда всех, кроме лекаря!

— Все — вон! — рявкнул начальник стражи.

Теперь внутри шатра оставались только Бехер, Люг, уже начавший приходить в себя, лекарь и Фаргал.

Шагнув было к царю, Мескес остановился и покачал головой. Если человек с такими ранами еще жив, то он не умрет в ближайшие пару минут. Из складок своей одежды Мескес извлек белую палочку с серебряными концентрическими кольцами у обоих концов. Взмах — и над останками чудовища вспыхнул желтый пламенный шар. Пробормотав заклинание, царский маг коснулся палочкой туловища монстра, похожего на обнаженный человеческий мозг. Только не серого, а самого отвратительного из возможных цветов.

Коснулся — и чудовище зашевелилось!

Меч Бехера оказался у него в руке быстрее, чем взмах крыла ласточки. Но маг был спокоен.

Чудовище было лишено глаз, ушей, носа. Бугристое тело сверху пересекала щель, отдаленно напоминающая вагину. Мескес тронул ее палочкой и проговорил заклинание.

Голубое пламя обьяло останки монстра. Миг — и от отвратительного существа не осталось даже пепла.

Это было совсем не то, чего ожидал маг, сообразил Бехер, поглядев на озадаченную физиономию Мескеса.

Маг быстро оглянулся, ища оторванные конечности монстра, не обнаружил и еще более огорчился.

Правда, осталась скорлупа, расколотая мечом Фаргала.

Непрерывно бормоча, маг подступил к ней, ощупал. Вопреки его ожиданиям, чешуя не была чешуей.

Такое ощущение, будто она была просто нарисована на твердой поверхности. Твердой и гладкой. Маг похлопывал, постукивал, буквально обнюхивал броню, короткие когтистые лапы. Но все это представляло собой не больше чем панцирь, сброшенный крабом во время линьки. И никаких следов волшебства. Да, его сотворили какие-то чары, но чары эти исчезли полностью. Хотя само образование осталось. Загадка! Ни намек на ниточку, что привела бы к виновнику нападения!

Царский маг не слишком расстроился. Он был отважен (иначе не стал бы чародеем), но сотворивший чудовище не из тех, с кем хотелось встретиться. Мескесу такой колдун может оказаться не по зубам.

Маг был настолько поглощен панцирем, что не заметил того, что произошло за его спиной. Не заметил и Бехер, следивший за магом. Зато увидел Люг, частично возвративший себе силы. Настолько, чтобы, оттолкнув лекаря, сесть и возгласом привлечь внимание остальных.

Мескес и Бехер обернулись на его крик... и застыли, пораженные.

Фаргал поднимался!

Медленно, неуклюже, как управляемая кем-то огромная кукла, царь перевернулся на живот, привстал на колени и наконец выпрямился во весь рост, застыв в неподвижности.

Бехер вспотел. Мескес тоже в первый момент побледнел от страха. Если царем управляют враждебные силы...

В наступившей тишине стало слышно, как снаружи переговариваются воины.

— Помоги мне встать! — тихо сказал Люг.

Опираясь на плечо лекаря, он подошел к царю, коснулся его правой рукой и, отчасти успокоившись, повернулся к начальнику стражи.

— Дай мне губку и кувшин с вином! — приказал он.

Бехер поспешно вручил вождю требуемое.

Мескес, не вмешиваясь, наблюдал за происходящим, время от времени шевеля пальцами и проговаривая слова усиливающих чувства заклинаний. Желтое защитное свечение вокруг него приугасло.

Мокрой губкой сок бережно стер с лица Фаргала запекающуюся кровь и слизь. Страшные раны уродовали Фаргала, но глаза он сумел защитить, и, едва Люг промыл их, веки царя дрогнули.

Фаргал открыл глаза, но взгляд царя был пуст. Он смотрел прямо на сока, но не узнавал друга.

— Он без сознания, — негромко произнес Мескес.

— Тогда почему он встал? — еще тише спросил Бехер.

— Последняя мысль! — пояснил маг. — Последняя мысль, последний приказ, который он отдал собственному телу.

— Давай! — велел сок лекарю. — Поторопись, пока ничего не чувствует!

Лекарь раскрыл свою сумку, но тут вмешался царский маг.

— Я попробую! — сказал он, приближаясь к Фаргалу и обводя его легкими взмахами палочки.

Люг с сомнением посмотрел на Мескеса, но не стал возражать.

Маг, встав на носки, потянулся к лицу Фаргала... но мог достать только до подбородка.

На мгновение он задумался, потом повернулся к начальнику стражи:

— Подними-ка меня, Бехер! — попросил он.

Воин осторожно обхватил ручищами сухую талию мага и поднял на два локтя вверх.

Легкими коричневыми пальцами маг пробежался по ранам.

Люг с большим интересом глядел на сосредоточенное лицо чародея.

Подушечки узловатых пальцев еще раз прошлись по разорванной, сочащейся сукровицей плоти. Маг облизнул языком тонкие, вдруг пересохшие губы и улыбнулся царю. Мескесу было страшно.

— Держи меня крепче! — приказал он Бехеру. И быстро произнес заклинание.

Начальник стражи дернулся. Руки его обожгло так, будто он коснулся пламени. Но он пересилил боль.

Лицо Мескеса блестело от пота. Костяной палочкой он нарисовал сложный узор перед лицом царя.

Ничего не произошло. Сначала. Маг ждал. Ждали и остальные. Бехеру казалось, что на ладонях его вздуваются пузыри ожогов.

Вдруг кожа на лице Фаргала, помимо его воли, пришла в движение. Как будто невидимые пальцы разминали ее. А еще через несколько мгновений безобразные борозды начали затягиваться. Не так, как застывает рана, а скорее как сплавляются в горне края разрубленной кирасы.

Не прошло и пяти минут, как на лице и на теле царя от ран не осталось даже шрамов. Чистая загорелая кожа. Совершенно такая же, как до падения.

— Опустить меня! — приказал Мескес.

Бехер тут же поставил мага на ковер и посмотрел на свои руки. Никаких ожогов!

Царский маг довольно улыбнулся и картинно, как певец или комедиант, взмахнул палочкой.

Протяжный стон вырвался из груди Фаргала. Затем мускулы его напряглись. Быстро оглядевшись, царь убедился, что враг исчез, а сам он окружен друзьями.

— Хорошая работа! — проговорил Фаргал, касаясь пальцами щек.

— Да, хорошая, — согласился Люг. — Вот только почему ты раньше скрывал свое умение?

— Я... — начал маг, но Фаргал прервал его и потребовал, чтобы ему рассказали о происшедшем.

Ему рассказали. Сначала Люг, потом Бехер.

Мескес молчал, пока Фаргал не обратился прямо к нему, повторив вопрос Люга.

— О царь, — отвечал Верховный маг, несколько не смутившись. — Колдовские раны лечатся колдовством куда легче, чем раны, нанесенные железом. Потому что лечатся они иначе. То, что сделал я, называется оборотом времени. Я как бы отнял волшебство, повредившее царю, собрал его здесь! — Маг показал на костяную палочку. — И время на этом месте стянулось так же, как раны царя! Верней, наоборот, раны пропали, когда вместе с магией пропало и время. Нечто сродни тому, что проделал ты, вожды! — повернулся он к Люгу. — Но ты сделал, безусловно, больше. Сила времени, о царь, источник самой действенной магии в нашем мире! — Мескес снова обращался к Фаргалу. — Последователи и Аша, и Яго (поклон в сторону Люга) используют его!

Сокт улыбнулся. К рассуждениям «свободных» магов он относился свысока: знания никогда не заменят настоящую преданность богу.

— Существуют миры, мой государь, — продолжал маг, — где время можно собирать, как колосья пшеницы. Но доступны эти миры лишь величайшим из магов. Говорят, Великая Диадема Аша обладает подобной силой. Но, возвратясь к нашему делу: кажется, у меня появилась возможность выследить напавшего на тебя, мой государь!

— Эту тварь?

— Нет! Тварь — только форма. Хотя мастерство создавшего ее — достойно восхищения. Я хочу выследить создателя! Но предупреждаю, справиться с ним мне не по силам!

— Дай только след! — потребовал Фаргал. — И я сам разделаюсь с ним! Моему мечу по вкусу слуги Зла!

Мескес кивнул.

— Бехер! — попросил он. — Пусть это, — кивок в сторону скорлупы-панциря, — отнесут в мою палатку!

— А я знавал людей, верней — магов, что лечили и обычные раны! — поддел-таки напоследок Люг.

— Меня нет среди них! К сожалению! — сказал Мескес и поклонился царю.

— Могущественный! — попросил Бехер, видя, что чародей уходит. — Не взглянешь, что с моим солдатом, тем, что лежит у шатра?

— Когда я подсказал, он стоял как столб! — проворчал вождь соктов.

— Как столб, говоришь? Да, я посмотрю! Могу я идти, мой государь?

— Да, благодарю!

— Бехер! — сказал Люг. — Распорядись, чтобы прислали мою одежду. И поймали жеребца, на котором я приехал.

Бехер бросил взгляд на Фаргала, и тот кивнул, подтверждая.

Даже Друг царя не указывает начальнику царской стражи.

— Распоряжусь! — сказал Бехер. — А твой жеребец здесь, у шатра, не беспокойся!

И вышел, прихватив с собой лекаря.

Вошел глухонемой раб из фетсов и стал одевать царя.

Люг вынул из раскрытого сундука с одеждой халат с меховой оторочкой и набросил на плечи. Даже на его мощной фигуре халат висел мешком — Фаргал был куда крупнее.

— Ну, что скажешь, мой царь?

— Я — только воин! — уклонился Фаргал. — Мескес?

— Да! — раздалось из-за стенки шатра.

— Как мой стражник?

— Будет жить, государь! Но мне придется... — Тощая фигурка мага вновь появилась на пороге.

— Потом! — оборвал его царь. — Войди! Я хочу знать, кто и зачем проделал подобное! Когда ты сможешь дать мне ответ?

Верховный маг пожевал губами, на морщинистом лице проступило замешательство:

— Я уже говорил тебе, государь! Не гневайся, но мне трудно дать определенные ответы. Я немного поразмыслил, и сейчас мне кажется, что напавший на тебя не создание черных рук, а демон, призванный из миров дальних и древних. Демон, заключенный в оболочку, непроницаемую для его собственных сил. Сим же был достигнут двойной результат: никто из одаренных волшебным чутьем не обнаружил присутствия демона, а заключенный в оболочку демон не нуждался в заклятии Власти самого чародея. Оттого сила демона не убавилась из страха пред вызвавшим его. Но сказанное — не более чем домысел.

— С какой стати этот демон напал на царя? — спросил Люг. — И кто дал ему плоть?

— Демон сей, если я прав, по природе своей нападает на первое живое существо, что видит пред собой. И на самом демоне нет власти призвавшего его в наш мир. Как верно заметил Друг царя, демон не может по собственной воле обитать здесь. Равно, как и ты, царь, не можешь обитать в мире сего

демона. Но мал, ничтожно мал собранный мною пепел невидимого!

— И все-таки ты надеешься вызнать кое-что?

— Даже птица в небе оставляет след, по которому предсказывают грядущее! Даже выброшенная тобой за ненужностью мысль возбуждает эхо в каком-либо из множества миров! Потому я обращаюсь к солидарным мне силам! И узнаю!

— А зачем на императора натравили демона — ты узнаешь? — спросил Люг.

— Царю лучше ведомы его помыслы и намерения. Там лежит ответ на вопрос: зачем маг напустил на него демона. Еще прошу тебя, повелитель, пусть собрат мой Бауран Семиглаз побудет у твоего шатра!

— Пусть, — согласился царь. — Но не дай ему Ашшур услышать что-либо, кроме поступи Сил Зла!

— Он будет нем и слеп, как могильный червь! — заверил Верховный маг.

— Даю тебе срок до завтрашнего вечера! — сказал Фаргал. — Ступай, не теряй времени!

— Разумное решение! — сказал Люг, когда маг вышел. — С одной стороны, солдатам не помешает отдых, с другой — днем такая жирная приманка, как ты, мой царь, еще более опасна! Если тот ловкий колдун пронюхает, что у него только день времени, то ему ничего не останется, как забросить сеть, не медля! А уж ты — такая рыбка, мой царь, что разорвет любой невод!

— Это так! — воскликнул Фаргал, и глаза его сверкнули. — Я люблю, когда на меня охотятся!

И сжал огромный кулак.

Вошел Бехер.

Начальник царской стражи лично принес тючок с одеждой и вооружением вождя соктов. Пока Люг одевался, Фаргал приказал призвать к себе Шотара и тысячника Алых. И предупредил, что неподалеку

от его шатра обоспуется маг Бауран. И еще раз наставил Бехера, как следует охранять его, царя Карнагрии.

Начальник стражи выслушал с непроницаемым лицом. Он не хуже Фаргала знал, что следует сделать. И Фаргалу достоинства Бехера были хорошо известны. Но таким образом император сделал начальнику стражи выговор за свою испорченную кожу.

— Стоило ли унижать его, мой царь? — вступился за Бехера вождь соктов, когда начальник стражи отправился рассылать гонцов. — Разве он виноват? Это же колдовство!

— Не виноват часовой! — строго ответил Фаргал. — А начальник царской стражи не имеет оправданий! Если меня убьют, Бехер ответит собственной жизнью. Даже если он в это время находился за тысячу миль от царя по собственному приказанию своего государя! И это, говорю тебе, очень мудро для такой державы, как Карнагрия. Вот ты недавно пошутил над советами Саконнина...

— Ладно, ладно! Я понимаю, что именно начальнику царской стражи проще всего подсыпать в твой кубок яд!

— Или отвернуться, когда это сделает другой. Впрочем, в Бехере я уверен почти так же, как в тебе, мой друг! Но в тебе — больше! Потому что и сейчас ты появился раньше, чем он, хотя до твоего шатра в десять раз большее расстояние!

— Я немедленно велю перенести его поближе! — отозвался Люг.

— А я, — продолжал Фаргал, — так и не поблагодарил тебя!

— Пустое, мой царь, — отмахнулся сокт. — Моя жизнь — твоя. Это мне следует благодарить тебя! Я послал бы пару разъездов прочесать окрестности!

— Нет! Может спугнуть «охотника»! Подождем, что скажет Мескес!

— А! — махнул рукой сокт. — Я уверен, он не скажет ничего путного! Я не протестовал против дневки только потому, что торопиться нам некуда. Воинам не помешает отдых. А твой маг...

— Не торопись! — остановил его Фаргал. — Не ищущай Судьбу!

— Ладно! — усмехнулся вождь соктов. — Тогда ставлю десять золотых твоей собственной чеканки, что колдун ничего не сможет!

— Принято! — отвечивал царь. И они хлопнули по рукам.

Глава третья

Люг проиграл. За час до захода явился Мескес и подал царю перстень с прозрачным камнем, выточенным в форме шестигранной пирамиды.

— Надень его на средний палец левой руки! — сказал маг.

Царь с сомнением оглядел перстень.

— Вряд ли он подходит даже для мизинца. Но попробовать можно!

— Мой повелитель! — воскликнул Мескес. — Я сказал: на *средний* палец!

— Да ты посмотри на мой палец! — воскликнул Фаргал. — Разве это колечко на него налезет?

— Налезет! Надевай! — уверенно сказал маг.

Царь покачал головой, но попытку сделал. И едва черный металл коснулся пальца, колечко растянулось, словно сделанное из упругого шелка, и само скользнуло на палец, удобно облекая третью фалангу.

— Поверни его камнем внутрь и сожми кулак, мой повелитель! — произнес маг.

Фаргал выполнил сказанное, и, когда он разжал руку, внутри камня затеплился красный огонек.

— Сделай так! — Маг, держа перед собой ладонь левой руки, совершил полный оборот.

Царь повторил его действие, и, когда рука оказалась напротив уже зашитого ткачом разреза в стене шатра, камень запылал, как уголь, который овеял порыв ветра.

— Твой враг — там! — не без самодовольства заявил Верховный маг. — И где бы ты ни был, камень укажет путь! А когда ты окажешься рядом с колдуном, камень загорится зеленым!

— Я вознагражу тебя, Мескес! — пообещал Фаргал.

— Благодарю, мой повелитель! Я это заслужил. Но прошу тебя: будь начеку, иначе кто вручит мне награду?

Что ж, он заслужил и право на шутку.

— Государь позволит мне удалиться?

Царь кивнул, и маг поспешно вышел. Фаргал не отрывал глаз от камня, неизменно вспыхивавшего, когда рука оказывалась в нужном направлении.

— Интересно, мне он тоже придется впору? — поинтересовался Люг.

Фаргал удивленно взглянул на сокта.

— Это было бы кстати, — продолжил вождь. — Потому что именно я возглавлю отряд, который приведет тебе колдуна!

— Ты?

Глаза царя, сузившись, уперлись в темные глаза Люга.

— Перстень-то — на мне!

— Так сними его! — предложил сокт. — Ты полагаешь, что я хуже тебя разбираюсь в колдовстве?

Или что мой меч выпотрошил меньше нечисти? Может быть, твоя армия станет повиноваться мне, если тебя превратят в паука?

— Меня не так просто превратить в паука! — возразил Фаргал.

Но взялся за перстень: вождь был прав.

Однако волшебное кольцо решило по-своему. Оно словноросло в палец царя.

— Проклятый чародей! — возмутился Люг. — То-то он так поспешно удрал! Я пошлю за ним!

— Постой! — Фаргал схватил его за руку. — Не думаю, что он дал его мне по собственной прихоти! Но скажу тебе в утешение: ты пойдешь со мной! Ты и я! Неплохая компания, верно?

— Отвратительная!

Сокт, упрямо наклонив голову, исподлобья уставился на своего друга.

«Настоящий бык!» — подумал Фаргал с удовольствием, глядя на этот мощный выпуклый лоб и широкие плечи.

— Две сотни Алых! — заявил Люг. — Вот что я считаю хорошей компанией для подобного дела! И прихватим твоего Верховного ловкача! А то и всех троих: пусть отрабатывают жалованье!

— Мескес и так хорошо потрудился! — возразил Фаргал. — И будь у него чувство, что может пригодиться, он сказал бы!

— Хрен! Когда доходит до драки, твои маги всегда норовят пристроиться за чужими спинами!

— Мы пойдем вдвоем! — твердо сказал Фаргал.

— Ашшур! — воскликнул возмущенный сокт. — Как только где-то впереди распахнется особенно омерзительная пасть, так царь Фаргал непременно должен первым запихнуть туда коронованную голову!

— Успокойся, вожды! — рассмеялся Фаргал. — Ты ведь знаешь: в этом деле надо двигаться очень тихо, а рубить очень быстро!

— Ну чем не хороши твои Алые? — просительным тоном произнес сокт. — Чем плох отряд Шотара?

— Хорошо, — согласился Фаргал. — Хорошо, но — недостаточно! Кроме, разве что, самого Шотара! Ладно! Ради тебя! Возьмем капитана третьим!

— Разорви тебя тысячу демонов, царь! — про-рычал сокт. — Ты просто хочешь подраться!

— Не без того! — согласился тот. — Я получаю особенное удовольствие, когда мой собственный меч проливает кровь во имя славной Карнагрии! Не забудь, тварь искала именно меня!

— И ты решил облегчить задачу тому, кто ее послал! — проворчал Люг, смирившись.

Хорошо хоть согласился взять его и Шотара!

В розовой глубине Камня Великой Диадемы Аша вспыхнул зеленый треугольник. Носитель Диадемы крепче сжал руками выточенные из черного агата подлокотники трона. Свет Камня пожелтел, а зеленый треугольник, уменьшившись, отступил вглубь и медленно повернулся. Теперь смотревшему извне (если б нашелся такой) увиделось бы, что не треугольник это, а пирамида с квадратом в основании. Сейчас пирамида опускалась вершиной наружу, одновременно оборачиваясь вокруг центральной оси. Вращение это постепенно набирало быстроту.

Пальцы мага побелели. Лицо выражало крайнее, экстатическое напряжение. Зеленая пирамида в глубине камня слилась в пульсирующий круг: зрачок магического Глаза.

Длинные светлые волосы сидящего на троне поднялись, вздыбились, окружив его голову потрескивающим ореолом. И тут же сухое лицо мага рассла-

билось, губы разжались, выпустив воздух... Ослепительный луч ударил в пространство перед ним, раздался громкий хлопок, и зеленый Глаз Аша закрылся, оставив в воздухе пещеры расширяющееся облако желтого тумана.

Увенчанный Диадемой спокойно наблюдал, как пятно в двенадцати локтях от него густеет, наливается плотью и, наконец, обращается в человеческое существо.

Зеленый туман исчез. Человек упал на четвереньки, затряс головой, торопливо проговаривая охранительные слова...

— Во имя пробуждения Мудрого! — отчетливо произнес увенчанный Диадемой.

— Да будет! — привычно отозвался стоящий на четвереньках, поднял глаза, и лицо его исказилось.

Словно не собрата по вере увидел он, а злейшего врага. Собственно, так оно и было.

Сообразив, в какой он позе, перенесенный вскочил на ноги. Был он темен кожей, как табит или сокт, но не принадлежал ни к табитам, ни, разумеется, к соктам.

Горящие глаза с ненавистью и страхом взирали на старшего собрата.

— Ты нужен Мудрому! — объявил сидящий на троне.

— Скажи лучше — тебе! — выкрикнул жрец.

— Сие одно и то же. Равнозначно для тебя!

Увенчанный Диадемой наслаждался унижением стоявшего пред ним. Он знал все мысли и чувства жреца, видел смятение и страх, все пережитое, когда волеизъявление более сильного сковало жреца, вырвало из ткани бытия (что подобно смерти) и унесло за тысячи миль, сюда, к излучине Агры.

— Ты нужен Мудрому! — повторил увенчанный Диадемой. — А сделаешь вот что...

— Нет! — закричал жрец, отскакивая назад.

— Да!

Глумление и угроза соединились в голосе сидящего на троне.

— Я не могу!

Это уже был вопль отчаяния.

— Я дам тебе силу, чтобы воплотить задуманное! — прозвучал присвистывающий голос увенчанного Диадемой. — Я помогу тебе создать вместилище без крупницы нашей магии. Вместилище, которое не учует ни один враг. Ты понимаешь, что это значит для тебя самого?

Вызванный молчал.

Но сидевший на троне видел, что зацепил его. Знание, предложенное им собрату по вере, давало ключ к новой силе. С точки зрения младшего, риск, оправданный возможностью когда-нибудь повергнуть более сильного соперника. Но сидящий на троне как более сильный игрок провидел дальше и точнее.

Показав вызванному, что следует сделать, он заключил:

— Ты создашь хранилище, заключишь в него демона и пошлешь к цели. Когда демон выпьет жизнь, предназначенную ему, он вернется в свой мир, а ты вправе будешь вернуться назад.

— А где я сейчас? — уже спокойнее спросил жрец.

Но, узнав, воскликнул:

— Меня же погубят прежде, чем я достигну границ Самери!

Презрительная усмешка искривила губы сидящего на троне:

— Хорошо, — сказал он, явно издеваясь. — Я верну тебя тем же путем, каким перенес сюда!

— Нет!!!

— Как знаешь! — увенчанный Диадемой усмехнулся. — Но твои тревоги преждевременны. Может быть, демон не сумеет управиться с нашим врагом. Тогда...

Черные глаза жреца округлились от ужаса, казалось, его нос еще более заострился, а щеки впали, воздев руки, он хотел обратиться к увенчанному Диадемой, но язык не повиновался ему...

— Я дам тебе защиту! — успокоил слабейшего сидящий на троне. — Конечно, я дам тебе защиту! Вызванный не набросится на тебя! А чтобы ты спокойно достиг границ нашей земли, я напитаю силой три дюжины слуг. Трех дюжин хватит, чтобы защитить тебя под покровом ночи. Разве это недостаточная охрана для мага?

Увенчанный Диадемой нуждался в помощи и не скупился на обещания. Впрочем, он собирался их выполнить. Это — дело его Будущего.

«Да погубит тебя Время!» — злобно подумал жрец.

А вслух сказал:

— Я согласен!

Увенчанный Диадемой слышал его мысли так же хорошо, как и слова. Но знал, что вызванному, некогда сопернику, а нынче лишь орудию в руках более могучего, никогда не достичь границ Самери.

Овеществив пред мысленным взором лик звездного неба, сидящий на троне привычно сопоставил течение звездных вихрей и остался доволен:

— Приступим! — изрек он. — Время подошло!

Огни лагеря остались далеко позади. Кони трех воинов осторожно двигались через лес. Время от времени Фаргал бросал взгляд на перстень: туда ли они едут?

Лес становился все гуще. Обученные кони сами находили дорогу в темноте.

Люг ехал рядом с царем. Насколько позволяла чаша. С того момента, как воины покинули лагерь, вождь соктов не проронил ни слова.

«Может, он прав? — подумал Фаргал. — И стоило прихватить с собой сотню Алых? Нет! Внезапность — лучшее средство, когда нужно управиться с колдовством! Дай магу время — и он сладит с целой армией». Разве Фаргал не видел, как ядовитый туман пожирал сотни отважных и умелых солдат? Или как те же солдаты бросали наземь оружие, чтобы раскалившиеся рукояти не прожгли им ладони до костей?

Нет! Люг просто боится за его жизнь!

Внезапность...

— Стой! — прошептал он.

Хруст сучьев под копытами лошадей тут же стих.

Фаргал спешился, бросил на землю поводья. Он знал, стоит свистнуть — и его скакун вновь окажется рядом. А лошади Люга и Шотара вышколены не хуже.

Камень пылал зеленым огнем: враг рядом!

Фаргал вглядывался во тьму, но не видел ни огня, ни стены, ни капища. Ни даже хижины углежога, сплетенной из ветвей!

Сокт и Шотар застыли позади, сдерживая дыхание, чтобы не мешать царю вслушиваться в ночь.

Медленно-медленно Фаргал двинулся вперед. Он ставил ногу мягко, беззвучно, осторожно.

Но вокруг была такая темень, что Фаргал едва не наступил на то, что искал. У его ног, завернувшись в плащ, лежал человек.

Или — нечеловек.

Царь поднял руку, развернул ее ладонью назад и один раз сжал и разжал кулак.

Его спутники увидели, как вспыхнул и погас зеленый огонек, и без слов поняли: Фаргал наткнулся на врага. Одного.

Царь осторожно переступил через лежащего.

И через три шага обнаружил еще одного. А еще через несколько шагов — третьего.

«Да их тут не меньше дюжины!» — подумал он.

«Почему нет часовых?» — размышлял Фаргал, обходя лежащие на голой земле тела.

И тут же заметил часового.

Царь ожидал увидеть дозорного, сидящего спиной к костру. Фаргал забыл, что есть глаза, не нуждающиеся в свете.

Часовой сидел на корточках. Силуэт его почти сливался со стволом дерева. То, что Фаргал сумел его разглядеть, было удачей. И нельзя было ее упустить.

Царь подкрадывался к сторожу тише, чем кошка. Мысль, что он окружен неизвестным числом врагов, утраивала осторожность Фаргала.

Сторож почувствовал приближение царя как раз в тот момент, когда Фаргал, очень медленно и осторожно, вынимал из ножен меч. Пара красных глаз вспыхнула... и погасла. Клинок с молниеносной быстротой рассек горло. И по сопротивлению разрезаемой плоти Фаргал понял: нелюдь. Но некогда было разбираться, кого он убил. А меч царя всегда оправдывал свой девиз: «Рублю демонов так же легко, как человек!» Древние руны редко лгут.

Да, Фаргалу некогда было разбираться, кого он убил. Ясно, что врага! Наткнувшись еще на одного лежащего, царь быстро сдернул с его головы капюшон. И, увидев пылающий глаз, вонзил в него острие кинжала, который держал в левой руке. Умирая, жертва даже не вздрогнула. У нее не было души, что могла сотрясти тело, покидая его.

Фаргал обернулся и с трудом различил позади силуэты соратников. Подняв меч, царь перевернул его острием вниз. Даже в такой темноте блеск клинка заметен с пяти шагов. А перевернутый вниз кли-

нок на всех языках жестов означал только одно: убивать! А уж спутники Фаргала были достаточно опытны, чтобы понять: убивать без шума!

И началась резня.

В бытность разбойником Фаргал однажды в одиночку перерезал всю стражу своего недруга. Двенадцать человек, включая часовых. Теперь же втроем они могли рассчитывать на успех. Но не успел царь прикончить четвертого, как за его спиной раздался пронзительный визг, и ослепительная вспышка света озарила лес на добрую сотню шагов.

Проклиная неосторожность спутников, царь прикрыл рукой глаза, чтобы свет не лишил его ночного зрения. Но в этой предосторожности не было нужды. Сквозь опущенные веки царь увидел: пламя померкло, но не исчезло совсем. В снопе идущего от очерченного круга света застыла черная фигура с вытянутыми вперед руками. А в шаге от нее, раскачиваясь, как пьяный, стоял Шотар. И меч его никак не мог опуститься... Закливание мага держало руки капитана крепче цепей.

Фаргал был в шести шагах. В одном хорошем броске. Но кто поручится, что маг не остановит и его руку?

Решение пришло мгновенно.

— Бей!!! — взревел Фаргал во всю мощь луженой глотки.

И власть его голоса, власть, куда более привычная для капитана, чем власть мага, сделала свое. Широкий клинок обрушился на голову черной фигуры. Удар был неверен: меч повернулся в руке и не раскроил черепа. Но тяжелый меч оглушил колдуна. Как подкошенный повалился он на землю. Но очерченный магом круг продолжал излучать свет, а существа, которых не пригвоздили кинжалы воинов, поднимались одно за другим. Три человека с трево-

гой наблюдали, как вырастают меж деревьев темные фигуры.

Одна, две, десять... Каждый понимал: врагов может оказаться и целая сотня. Даже таким бойцам, как Фаргал и его спутники, не устоять на открытом месте против сотни вооруженных врагов. Да, вооруженных! Когтистые лапы тварей сжимали кривые сабли.

— Ко мне! — закричал Фаргал.

И прыгнул в освещенный круг.

Два его спутника тут же оказались рядом. Чудища уже обступили кольцом. Зазвенела сталь. Мечи с хрустом врубились в жесткую, как дерево, плоть нелюдей. Пылающие глаза тварей, оскаленные пасти — со всех сторон. И чудовища оказались куда более живучими, чем люди. Монстр, которому меч Фаргала отсек руку до самого плеча, перехватил саблю другой и вновь пытался достать Владыку Карнагрии. Хотя из раны струей лилась кровь или что-то похожее на кровь. Второй удар развалил голову чудовища. Клинок обрушился на плечо Фаргала. Но кольчуга выдержала, а второго удара не последовало.

Ужасало то, что атака происходила в полном молчании. Только звон металла, хруст и тяжелое дыхание людей. А сами твари, казалось, даже не дышали. Хотя были живыми, если из их ран лилась кровь.

Врагов оказалось не меньше трех десятков, и лишь одно преимущество было у людей: быстрота! Чудовища двигались куда медленнее, чем воины. Это удивило бы Фаргала, будь у него время удивляться.

Груды тел громоздились вокруг, но твари продолжали напирать, не обращая внимания на потери. Люди отступили... Теперь они сражались, почти касаясь друг друга плечами...

И вдруг все кончилось.

Три воина стояли с опущенными мечами, переводя дыхание. А вокруг не осталось ни одного чудовища, способного нападать.

— Нам повезло! — проговорил Люг. — Ловить их в такой темнотище — сущее мучение! А так — дело сделано, и никаких забот!

— Все целы? — спросил Фаргал.

— Да! Похоже на то! — откликнулись его соратники.

— Разве это бойцы! — воскликнул Люг. — Просто ходячие... дрова!

— Ладно, ладно, — пробормотал царь. И вдруг вспомнил:

— Маг!

Как удачно вспомнил. Человек. А в этой компании один лишь колдун мог быть назван человеком (насколько можно назвать человеком колдуна), и он уже начал подавать признаки жизни.

— Заткни ему рот, вождь! — велел царь, схватив чародея за руки.

Пока сокт запикивал подвернувшуюся тряпку в рот чародея, тот очнулся, замычал, дико завращал глазами.

— Подержи-ка! — Фаргал передал Шотару левую руку колдуна, наступил лежащему на живот.

Тот вырывался с крайним ожесточением, но Фаргал был сильнее раз в пять.

Хрустнула кость. Глаза мага налились кровью, мычание стало еще громче, он дергался под коленом царя, как придавленная ящерица. А Фаргал совершенно спокойно, один за другим переломал все пять пальцев правой руки чародея. А потом то же проделал с левой рукой.

— Обыщи его, вождь! — приказал он сокту.

Тот с рвением выполнил приказ.

Вскоре горка предметов, от которых лучше держаться подальше, громоздилась на земле. Люг, смысливший в магии побольше, чем император Карнагрии, оглядел их один за другим, три отложил в сторону, остальные забросал ветками, достал трут, кремень с кресалом.

Шотар по собственной инициативе скрутил руки и ноги чародея ремнями, третьим же обвязал голову, чтобы маг не выплюнул кляп.

— Я прихвачу одну из тварей! — сказал Люг, вскидывая на плечо труп.

Шотар поднял с земли связанного мага.

Их кони прибежали на свист хозяев. Но Фаргалу пришлось поддержать жеребца сока, пока тот пристраивал у него на шее тело монстра. Конь храпел, рвался, и только исполинская сила Фаргала помогла Люгу закончить дело. С магом было проще.

Дорога назад показалась легче и короче. Уже через час воины были в лагере.

Семеро мужчин собрались в палатке Шотара. Сам хозяин, царь, Бехер, Люг и два мага: Мескес и Бауран Семиглаз. Третий маг, Сабатонис, караулил снаружи: дело рискованное. Потому и избран шатер Шотара, а не царский.

Собственно, мужчин в шатре было восемь. Посередине, прямо на земле (ковер предусмотрительно убрали, чтобы не загадить), рядом с трупом убитой твари, привезенной соктом, валялся пойманный чародей. И свирепо пялился на своих мучителей.

Мескес начал с твари. Потыкал неизменной костяной палочкой, посыпал какой-то желтой дрянью, постучал ногтем по оскаленным острым зубам. Наконец задрал твари плащ, чтобы убедиться в отсутствии признаков пола.

— Нежить! — констатировал он.

И утратил к трупам интерес.

Темное лицо мага, с острым носом и черными, выкаченными — то ли от природы, то ли от волнения — глазами, заставило Мескеса задуматься.

Выпрямившись, он пропел заклинание, силой Яго возвращавшее змеелюдям-оборотням исконный облик.

Браслет на запястье Люга немедленно запульсировал.

— Ты уж нас совсем за тупиц считаешь! — проворчал сокт.

Маг не ответил. Он изучал пленника.

Наглядевшись сполна, Верховный чародей вернулся к Баурану.

— Да? — спросил Мескес.

— Определенно! — согласился Семиглаз.

Мескес взялся за кисть одной из связанных рук колдуна.

— Я для верности переломал ему пальцы! — сказал Фаргал.

— Дело прошлое, государи! Он их уже срастил!

— Каков! — покачал головой сокт. — Но мы повторим, раз ему понравилось!

— Ни к чему!

Мескес достал из кошелья две тонкие нити, перевязал ими пальцы колдуна, пошептал.

Маг задергался, замычал.

Шотар пнул его ногой.

— Лежать!

— Вот и хорошо! — промурлыкал Мескес. — Люг! Вынь-ка кляп у него изо рта!

— Не опасно? — осторожно спросил Бехер.

— Мы проследим, Алый! — басом откликнулся Семиглаз. — А то как же он с вами говорить будет?

— А будет? — поинтересовался Бехер, к колдовству, колдунам, чарам и даже к своим, царским магам относившийся с опаской.

— Заговорит! — свирепо заявил Шотар. — Или я ему шкуру спущу от шеи до задницы! Да солью присыплю, чтоб получше сохранился!

Колдун, которого как раз освободили от кляпа, злобно засмеялся.

Как ни странно, Мескес присоединился к нему своим дребезжащим хохотком.

— Ну, капитан! — укоризненно произнес Семиглаз. — Что ж он тебе, разбойник? Ему твои пытки, что девке — щипок! А кожу он себе новую нарастит раньше, чем ты коня вычистишь!

— Особое отношение! — Мескес поднял узловатый палец. — Слуга Аша пред нами!

— Вот как? — Шотар подошел поближе. — Может, добить его — и дело с концом? Или его и прикончить нельзя?

— Убить можно всякое создание, что на свет родиться несчастье имело! — сказал Верховный маг. — Даже вот это! — Он указал на труп монстра. — Нам же с братом моим по ремеслу крайне любопытно узнать о твари, что послал на тебя, государь, этот чародей! А уж тебе, я мыслю, желательно узнать, зачем черная душа сделала сие?

— Тебе придется остаться при своем невежестве, червь! — прошипел чародей.

Бауран тут же оказался рядом, поднял руку.

Но Мескес покачал головой.

— Пусть поговорит! — произнес он добродушно. — По его разумению я и впрямь червь, ибо не властен вызывать демонов! Зато... — Он шагнул к колдуну. — Я властен натравить на тебя твоих собственных демонов, черная душа!

Его высохшая коричневая рука повисла над глазами лежащего мага.

— Ты силен и быстр, черная душа! — промурлыкал Мескес. — А нынче ж беспомощен, как младенец!

И грозно:

— Видишь его?

— Да, — вдруг севшим голосом ответил колдун. — О! Нет! Нет!

— Да! — В голосе Мескеса прозвучало торжество. — Вот я, червь, уберу эту границу, и он возьмет тебя, черная душа, возьмет слабого и беспомощного...

Воины с трепетом наблюдали, как меняется лицо лежащего на земле. То, что видел колдун, было так страшно, что панический ужас, выразившийся на лице чародея, тронул даже отважное и безжалостное сердце вождя соктов.

Один лишь Фаргал наблюдал за происшедшей переменой с холодным интересом.

— Нет, — чуть слышно пролепетал колдун. — Нет! Не смей! Я... скажу. Скажу!

— Вот и хорошо! — одобрительно произнес Мескес. — Я-то знал, что ты согласишься! Ну, повременим!

Чудовищное напряжение, исказившее лицо плененного чародея, ушло. Мышцы его расслабились. Колдун обрел несвойственный ему умиротворенный вид.

— Я знал, что нет таких тайн и такого страха, которые не стоило бы отдать под угрозой подобной участи! — проговорил Мескес.

Лицо колдуна опять свела судорога. Но — только на краткое мгновение.

— Ты послал тварь убить меня? — резко спросил Фаргал. — Кому ты служишь? Ладару?

— Я служу Ашу! Только Ашу! — прошептал маг, и тень гордости легла на его темное лицо. — Но моему господину не уберечь меня сейчас! По

воле моего бога и силой его создал я хранилище для демона, что был прислан старшим моим собратом! Я — великий маг!

Последнее прозвучало довольно жалко.

— Демон должен был убить царя? — спросил Мескес.

— Нет, не убить. Царь должен был исчезнуть... исчезнуть навсегда.

— Зачем?

— Чтобы дать место преемнику!

— Кто он? — низко наклонясь над чародеем, прорычал Фаргал. — Кто? Как его имя?

— Я не знаю!

— Он — оборотень?

— Он человек! Не одни оборотни служат господину! И на трон, что принадлежал нам тысячи лет, снова воссядет слуга Аша!

— Где этот человек? — спросил Фаргал так, словно речь шла о новом коне.

Но никого не обманул его тон.

— Он здесь, в лагере!

— Имя?

Маг прикрыл глаза:

— Я не знаю!

— Он не лжет! — подтвердил Мескес. — Но ему ведомо имя твоего врага, которого мы вскоре встретим!

— Говори, жрец!

— Андасан, — прошептал колдун. Лицо его искажилось от боли. — Скоро! Он ждет вас!

— Злые силы терзают беднягу! — пояснил Мескес. — Ведь не мы одни слышим его речь! Но страдание сие — ничто в сравнении с тем, что уготовил бы ему...

— Нет, — не открывая глаз, прошептал колдун. — Не называй!

— Значит, Андасан! — с отвращением проговорил Фаргал имя взбунтовавшегося предводителя Черных. — Андасан и Ладар! Хорош бы я был, — произнес он, обращаясь к Люгу, — если бы послал Шотара с сотней Алых! Или сам пошел — с тысячей! Спасибо посланцу! Ничего! — Царь свирепо усмехнулся. — Я рад, что крыса выползла из норы!

— Царь, — проговорил Мескес. — Слуга Аша недолго протянет! Не мог бы ты оставить последние минуты его жизни мне?

— У меня много вопросов! — заявил Фаргал. — Но ответы на них я вполне могу получить и этим! — Он похлопал по ножнам меча. — Займись им, Верховный маг! Буду рад, если твоя сила возрастет! Но попытайся вытряхнуть из него все, что он знает!

— Да, повелитель!

Маг наклонился над лежащим и произнес что-то на древнем языке. Ответ прислужника Аша был чуть слышен. Головы Баурана и Мескеса приблизились к его лицу, почти соприкоснулись.

— До замка — три скорых дневных перехода! — произнес Фаргал. — Мы должны пройти их за двое суток! Если Андасан соединился с Ладаром, он наверняка знает, где я и сколько у меня людей!

— Естественно, — согласился сокт. — Он отличный военачальник!

— Предатель! — процедил Фаргал.

— Алые раздавят всех! — гордо заявил Шотар.

— Два дня... — задумчиво проговорил Люг. — Пехоте придется попотеть!

— Они дойдут! — уверил его царь. — Я поставил им таких начальников, что жилы из них вытянут, а дело сделают!

— Вроде Андасана?

— Царь! — вмешался Бехер. — Ночь на исходе. Не желаешь ли отдохнуть?

— Ты лекарь или начальник стражи? — осведомился Фаргал.

— Мой повелитель, — настойчиво проговорил Бехер, — тут в дело замешана магия. А я слышал, что от недосыпа слабеет воля.

— Ты слышал? — прищурился Фаргал. — Может, мне взять тебя четвертым магом?

Бехер смутился.

— Он прав, мой царь! — поддержал воина Люг. — Пошли-ка спать! Тем более что наш невольный гость, по-моему, преставился! А, Мескес?

— Верно! — откликнулся царский маг.

Он выглядел, как сытый кот.

— Сказал что-то ценное? — спросил Фаргал.

— Многое. Но сие предстоит обдумать!

Царь беглым взглядом окинул лежащее тело. Глаза колдуна слепо смотрели вверх. Волосы из черных стали серыми, как тусклое железо.

— Он получил свое?

— Да, мой государь: он умер сам!

Глава четвертая

Армия Фаргала двигалась по земле Реми, не встречая сопротивления. Вот только селения, мимо которых проходила дорога, были покинуты. Но для этого не требовалось особого приказа владыки Реми: своя ли армия, чужая ли — земледельцу от солдата хорошего ждать не стоит.

Итак, когда вечер застал войско в шести милях от Ремийской крепости, лишь несколько лазутчиков, пойманных патрулями, свидетельствовали, что хоть кто-то обращает внимание на шеститысячную армию.

Пойманные лазутчики выложили все, что знали и чего не знали. Последнего, к сожалению, было больше, чем первого. А первое не содержало ничего особенно важного. То, что Ладар и его союзники (кто они, пойманным известно не было) обоснуются в Ремийской крепости, Фаргал знал и так. Хотя бы потому, что это была одна из самых сильных крепостей в Карнагрии. О численности же войск в цитадели сведения были очень противоречивые. От тысячи до ста тысяч. Но чего не скажет человек под пыткой, когда ему нечего сказать?

Правда, был среди пойманных человек, отличавшийся от других. Во-первых, тем, что оказал отчаянное сопротивление, а во-вторых, испытанный огнем и железом, смеялся в лицо палачу и будто вовсе не чувствовал боли. А с виду — обыкновенный солдат, ничем не примечательный.

Шотар, присутствовавший при допросе, не сразу сообразил, что к чему. Так что когда захваченного передали царским магам, вид у него был плачевный. Но и в таком жалком состоянии этот человек выглядел счастливым.

Когда же Мескесу и Семиглазу удалось частично снять с пленного чары, пойманный повел себя еще более странно: совершенно отказался разговаривать, плакал, бормотал что-то невнятное и, наконец, впал в полную прострацию.

Будь у магов побольше времени, может, они и подобрали бы к очарованному ключик. Но до Ремийской крепости оставалось шесть миль.

По распоряжению Фаргала лагерь разбили основательно. Еще за два часа до захода солнца начали ставить частокол. Естественно! В такой близости от противника можно ожидать чего угодно, вплоть до ночной атаки. Ясно было и то, почему

Фаргал остановился в шести милях, хотя успел бы засветло подойти к стенам цитадели. Штурмовать крепость после тяжелого марша — гиблое дело.

— Это не для нас! — сказал Кайр-Косогубый своему подопечному, когда рожки сигнальщиков протрубили отбой. — Собери-ка мне сотников!

Кэр исполнил приказ, ломая голову над тем, что задумал его родич. Через четверть часа командиры наемников собрались в шатре Кайра.

— Ребятки! — заявил тысяцкий своим подчиненным. — Сейчас вы тихонько поднимете своих людей и тихонько поведете их к крепости Реми! — Он с удовольствием обозрел озадаченные физиономии воинов. — Там есть одно местечко, где ночевать уютней!

— Не понял! — сказал один из сотников. — Ты что, Косогубый, предлагаешь нам переметнуться?

— Я предлагаю вам золото вместо стали! — усмехнулся тысяцкий. — Одна птичка мне пропела, что крепость Реми набита железноголовыми, как старый труп — червями! Первые, кто полезет в драку, получают сталь. А те, кто немного подождет... — Он обвел взглядом своих бойцов.

Намек был ясен, но далеко не всем это понравилось.

— А присяга? — спросил кто-то.

— Я отвечаю! — отрезал Кайр. — Отправляйтесь к своим, и чтоб через полчаса лошади были под седлами. Шатры и прочее барахло — оставить. Победим — заберем. Не победим — мертвым дождик не страшен! Марш, парни! И помните: Реми — богатое местечко!

Озадаченно переглядываясь, сотники покинули шатер.

— Кайр, — спросил Кэр, — ты что, решил изменить Фаргалу?

— А как ты думаешь? — Тысяцкий испытующе поглядел на юношу.

— Я думаю — нет! — не слишком уверенно сказал Кэр.

— Ты — неглупый малый! — отозвался Кайр. — А теперь отправляйся! Завтра тебе предстоит славный денек!

Спустя три часа, ровно в полночь, тысяча наемников, расположившаяся отдельно от остальных, бесшумно снялась и канула во тьме.

Когда Фаргалу сообщили об этом, он покачал головой, но особенного огорчения не выказал. И было непохоже, что царь собирается спать в эту ночь.

Миновало еще два часа, и в шатер Фаргала вошел Бехер.

— Взошла луна! — сказал начальник стражи.

— Поднимай! — распорядился царь.

Спустя еще час, оставив десятка два людей поддерживать костры и еще столько же — изображать дозорных, вся армия Фаргала покинула столь тщательно устроенный лагерь.

Когда стало светать, войско вышло к Ремийской крепости, а с первыми лучами солнца — заняло окрестные холмы.

Ремийская крепость была заново отстроена около шестисот лет назад и представляла собой могучую твердыню. Ее стены достигали шести локтей в толщину и более тридцати — в высоту. Их окружал ров, а сама крепость располагалась на плоской вершине большого холма. За такими стенами две тысячи человек могли бы удерживать цитадель против вчетверо превосходящих сил столько, насколько хватило бы припасов внутри.

Единственным уязвимым местом были восточные ворота. Уже две сотни лет Ремийская крепость

являлась фактической столицей и резиденцией Владыки Реми. Потому, как только в стране воцарился мир, часть рва, как раз перед восточными воротами, была засыпана, а сами ворота расширены, чтобы не препятствовать свободному движению в обоих направлениях.

И к тому моменту, когда армия Фаргала заняла две ближайшие к восточной части цитадели возвышенности, ров восстановить не успели.

Фаргал с вершины правого, более высокого холма оглядел окрестности. В миле впереди возвышалась сама крепость. Черный квадрат со скругленными углами и мощными выступами башен. Над зубчатыми стенами возвышалась еще одна твердыня, куда более древняя, чем сама крепость. Черный замок.

«Клык Кхорала!» — вспомнил Фаргал.

Но круглая крыша Злого (его называли и так) замка скорее напоминала увенчанную короной лысую голову, чем зуб хищника.

Между армией царя и крепостью лежала небольшая долина, сухая, поросшая травой и пересеченная обмелевшей речушкой.

Слева и справа — лесистые холмы, близко подходившие к стенам крепости. Но склоны там покруче, чем с востока, и основательность окруженных рвом стен делала попытку атаки с севера или юга совершенно бессмысленной.

Солнце уже позолотило древние стены, когда Фаргал, стоя на вершине холма, прикидывал, удасться ли ему взломать восточные ворота.

Расчет на внезапность не оправдался. Тяжелых осадных машин у царя не было, а лестницы не могут заменить осадных башен и стенобитных механизмов. Фаргал колебался. Послать солдат на штурм, не имея представления о количестве врагов там, за стенами, слишком рискованно.

Фаргалу не пришлось долго предаваться размышлениям. Широкие ворота распахнулись, и оттуда рекой потекли пешие воины.

— Ударим? — спросил жадно смотревший на движущихся врагов Дарзар, тысячник Алых.

— Далеко. — Царь покачал головой. — Шотар! Передай тысячникам Черных: пусть спускаются вниз и занимают оборону на нашем берегу ручья. А лучники пусть прикроют их с флангов!

Солдаты противника, развернувшись в три линии, выдерживая строй, спускались вниз. Медленно.

Через некоторое время Фаргал увидел, как его собственная пехота, Черные, сходят в долину и занимают указанную царем позицию. Прошло еще минут десять. Враг сближаться не спешил. Похоже, ожидал, чтобы Черные сами выступили им навстречу.

— Они полагают, что мы болваны! — заметил Люг.

— Я ударю? — еще раз предложил нетерпеливый Дарзар. — Алые размажут их, как сопли! У этого ручья твердое песчаное дно, а в траве — никаких сюрпризов! Мои ребята проверили!

— Достаточно одной травы! — сказал Фаргал. — Погоди, у тебя будет возможность развлечься!

Две линии стояли в четверти мили друг от друга. Выжидали.

— Их — тысячи две! — оценил Люг. — Против четырех наших!

— Мескес? — не оборачиваясь спросил царь.

— Ничего, государы! — отозвался маг. — От самой крепости несет так, что держись! Но солдаты — только солдаты. И то, что ты видишь, вполне реально. Так что, если захочешь атаковать, мы...

— Поберегите силу для более важных дел! — сказал Фаргал.

— Ну наконец! — воскликнул сокт.

Из ворот крепости вылетели стремительные ремийские всадники и понеслись вниз по склону холма на ряды Черных.

— Ударят справа! — определил Люг. — Кто хочет пари?

— Ясней ясного! — проворчал Шотар.

Пестрая лавина, ошетилившаяся пиками, выплеснулась в долину и с разбега врезалась в правый фланг Черных. Часть всадников взяла еще правее, но там начинался склон и атаковать было трудно. Да и лучники не бездельничали.

Но основной удар пришелся точно в центр правого фланга.

До стоявших на вершине донеслись вопли, лязг, грохот, истошное ржание коней: музыка битвы.

Черные выдержали. Всадники откатились назад. И пешие солдаты пришли в движение.

— Андасан! — воскликнул Фаргал, увидев поднятые стяги с Черной Рукой, Сжимающей Меч.

Пехота бегом перебралась через ручей и, перестроившись, ударила в правый фланг и центр Черных. И одновременно кавалерия снова обрушилась на правый фланг.

— Перебросить... — начал было Фаргал.

Но командиры Черных уже сами разобрались, и царь увидел, как в задних рядах его воинов возникло движение.

Около пятисот солдат пехотного резерва спешили на правый фланг.

Некоторое время ни одна из сторон не имела явного успеха. Военачальники Фаргала, да и сам царь то и дело хватались за рукояти мечей. Каждый из них охотно обнажил бы клинок, чтоб лично поучаствовать в сече. Тысяча Алых, расположившаяся за гребнем холма, испытывала нечто похожее. Их боевые кони прыдали ушами, слыша знакомые звуки.

Только царские маги спокойно взирали на происходящее внизу. Царские маги да Бехер, все мысли которого вот уже два года были сосредоточены на безопасности императора. Чудовищно трудная задача, учитывая характер Владыки Карнагрии.

Между тем положение внизу начало меняться.

Центр и левый фланг стояли крепко. Черные доказали, что ничем не уступают новым солдатам своего бывшего военачальника. А вот правый фланг, который атаковали неистовые всадники Реми, пошатнулся.

Фаргал с беспокойством наблюдал, как врубаются в ряды воинов яростные конники. Как линия его солдат медленно-медленно сдвигается и начинает ползти вверх, иззубриваясь, теряя форму. Первая шеренга смешалась. Остальные же все больше и больше расстраивались. Кое-где пестрые языки стягов Реми на десятки шагов углубились в боевые порядки Черных.

— Они крепко бьются! — одобрительно произнес вождь соктов. — Не хуже твоих!

Фаргал невольно оглянулся назад. Его резерв, ровные ряды Алых. Дай он знак — и закованная в броню тысяча устремится вниз, сметая любое сопротивление.

— Они атакуют, как варвары! — пренебрежительно ответил сокту Дарзар. — Безумцы!

Фаргал промолчал. Он, не отрываясь, глядел, как рушится его правый фланг. В некоторых местах ремийцы прорезали его почти насквозь. Еще немного — и оборона будет разорвана, лучшие из солдат — окружены и сбиты в бесформенное стадо, а те, кто, поддавшись страху, обратится в бегство, найдут еще более быструю смерть. Ничто так не мило всадникам, как погонять удирающую пехоту убийственными взмахами мечей.

Но пока Черные еще держались. Их командиры умело перебрасывали солдат, укрепляя ослабевшие участки. Не зря Фаргал после бунта Андасана поставил над Черными не самых лихих и любимых солдатами рубак, а самых умных и жестоких.

Все же долго правому флангу не простоять.

Ворота крепости были по-прежнему распахнуты. Кто знает, что выплеснут они, когда царь бросит в бой лучшую часть своей армии?

Да, Черные отступали, но это было еще не бегство. И успех недешево обошелся ремийцам.

Люг взглянул на царя и без труда угадал его колебания.

Он улыбнулся и сжал коленями бока своего жеребца.

Конь вождя взвился на дыбы и рванулся вперед.

— Я подниму их, мой царь! — крикнул сокт.

Всадники охраны шарахнулись в стороны. Фаргал не успел и слова сказать, как между ним и соктом уже было приличное расстояние.

Царь посмотрел вслед скачущему вниз Люгу и выругался.

— Шотар! — рявкнул он. — За ним!

Капитан, будто ожидая подобного, сорвался с места и стрелой полетел вслед за соктом. Оба всадника, быстро превратившись в игрушечные фигурки, пересекли зеленый склон и достигли тылов пешего войска Фаргала. Царский штандарт — Коронованный Лев Карнагрии на золотом фоне, прикрепленный к задней луке седла Шотара, — солнечной искрой сверкнул в рядах Черных. И еще ярче горели алые латы капитана между черных доспехов пехоты. Люг был не столь заметен, но там, где появился сокт, отступление прекратилось.

Фаргал видел, как подтягиваются, восстанавливаются ряды пехотинцев. И увидел, как, взвившись

на дыбы, конь Шотара рухнул, увлекая за собой всадника. Но через минуту алый плюмаж снова возник между черных шлемов — капитан продолжал сражаться.

Когда под Шотаром убили коня, Люг понял: лучше и ему спешиться. Одинокий всадник слишком уязвим для вражеских лучников.

— Фар-гал! — заревел сокт.

И голос его, на миг перекрыв грохот битвы, вселил мужество в сердца воинов.

Люг соскочил на землю, едва не сбив с ног одного из Черных, и тут же вогнал меч в ногу налетевшего ремийца.

Клинок пронзил бедро и вошел в бок коня. Животное взвилось на дыбы, едва не вырвав оружие из рук Люга.

— Фаргал! — еще раз прокричал воин и, бросив клинок в ножны, подхватил пику убитого легионера. Для такого боя она была более подходящей.

Люг оказался в самой гуще сечи. Меч всадника обрушился на него сверху. Прикрывшись щитом, вождь вогнал острие пики в смотровую щель вражеского шлема. Ударил, выдернул и, унеревав древко в землю, направил оружие под щит другого ремийца.

Прыжок коня бросил всадника на острие и вырвал из седла. Пика с хрустом переломилась. Третий ремиец, налетев сзади, замахнулся... И двуручный меч Шотара разрубил колено ремийца вместе с наголенником и подпругой. Ржание раненой лошади заглушило истошный вопль всадника, а капитан ловко отскочил и подсек ноги коню еще одного врага.

— Славно, славно, Шотар! — воскликнул вождь соктов, уже подыскавший новое копые.

Капитан засмеялся, отбил удар сверху и, перехватив меч левой рукой, правой схватил всадника

за ногу и сдернул с седла. Один из Черных тут же прикончил ремийца ударом копья. Люг проткнул очередного врага. И еще одного... Сокта не зря прозвали Смертным Боем. Шаг за шагом, не смотря на яростные атаки ремийцев, Люг, Шотар и еще десятка три ближайших к ним воинов теснили противника.

Фаргал, немного успокоившись, наблюдал теперь за пехотой Андасана. Он даже разглядел самого мятежного военачальника. Гигант сидел на коне позади строя в окружении сотни всадников. От него и к нему то и дело скакали гонцы. Андасан умело управлял битвой, но Фаргал знал: с Черными ему не справиться. В центре и на левом фланге пехота Фаргала в полтора раза превосходила противника по численности. Да и экипированы Черные лучше.

Переслать еще несколько сотен вправо, подумал царь.

Ему было не оторвать глаз от своего врага. Как Фаргалу хотелось добраться до бывшего командира Черных и лично проткнуть ему горло! Но сначала спросить, как мятежный военачальник ухитрился пробраться из Эгерина через всю Карнагрию сюда, в Реми. Явно его кто-то прикрывал. Кто-то из сильных Владык. Чем больше Фаргал думал об этом, тем меньше это ему нравилось.

— Царь! — раздался рядом напряженный голос Бехера. — Взгляни! Похоже, волки обложили Люга!

Фаргал мгновенно повернулся... И пришел в ужас.

Выровненные совсем недавно ряды Черных в беспорядке отступали назад. Кое-кто даже пустился бежать. А ведь атакующих ремийцев осталось не больше восьми сотен против полутора тысяч пехотинцев Фаргала.

Царь быстро обернулся к магу. Но тот отрицательно покачал головой: никакого колдовства.

Но Черные потекли, и численное преимущество больше не играло роли. Но побежали не все. Горстка Черных, человек двадцать, продолжала стоять. Этим бежать было некуда: их обложили со всех сторон. И среди окруженных капель крови горели доспехи Шотара. А приглядевшись, Фаргал заметил и ныряющий вверх-вниз коричневый шлем сока.

Ярость багровой пеленой застлала взор Фаргала. Он вырвал щит и копье из рук оруженосца.

— А-а-а! — заревел он и, даже не опустив забрала, ударил шпорами в брюхо коня.

— А-а-а!

Боевой жеребец царя, огромный, как носорог, зверь в сверкающих доспехах, снялся с места и, разгоняясь, поскакал вниз.

— Фаргал! Ха! Фаргал! — взвыл Бехер.

И двенадцать десятков царской стражи, сто двадцать Алых, понеслись вслед за своим государем.

Дикой радостью вспыхнули глаза Дарзара. Тысяцкий поднял тяжелое копье с золотым флажком и указал им: вперед!

И сплошная масса всадников в красных, будто окровавленных уже доспехах, сотрясая почву, взрыхляя ее не хуже бороны множеством огромных подкованных сталью копыт, перевалив через гребень холма, покатилась вниз.

Царь лишь на полсотни шагов опередил собственную охрану. А его стража — на три сотни шагов опередила тысячу Алых.

Фаргал достиг первых бегущих. Те, мимо кого пронесся огромный всадник, останавливались, оглядывались.

Вражеский воин, преследующий бегущего пехотинца, увидев Фаргала, развернул коня, потянулся,

чиркнул мечом по белому наплечнику. Царь проскакал мимо, даже не заметив нападавшего. Все его мысли были устремлены вперед, туда, где, обложенный со всех сторон, бился Люг.

Ремиец поскакал следом, но куда ему было тягаться в скорости с жеребцом царя. Осадив лошадь, он повернулся, выискивая более легкую добычу...

Налетевший отряд Бехера опрокинул всадника вместе с конем, втоптал их в грязь.

Расшвыривая стальной грудью озверевшего жеребца чужих и своих, не успевших убраться с дороги, Фаргал подскакал к месту, где враги плотным кольцом охватили девятерых оставшихся воинов и Люга с Шотаром. Когда копье царя, с маху ударив в спину, выбило из седла первого из ремийцев, Черных оставалось уже только семеро.

Шотар потерял шлем, голова окровавлена. Но это была кровь врагов. Люг сменил уже третью пику. Бешеная энергия вождя соктов, казалось, заразила и сердца простых пехотинцев. Они бились и умирали с невиданной среди Черных яростью и отвагой.

На четвертом ударе копье Фаргала с треском переломилось, и царь выхватил меч. Всадники врага теснили его со всех сторон. Удары так и сыпались. Но лучшие в Карнагрии доспехи и невероятная мощь хранили Фаргала. Огромный меч взлетал и падал с такой быстротой, что позади не оставалось живых. Как вспахивающий землю плуг, царь прорывался сквозь теснящихся врагов.

И он пробился!

— Фар-гал! — заревел сокт, увидев над собой белые доспехи царя.

— Фар-гал! — из последних сил завывли Черные.

Но появление грозного всадника нисколько не смутило ремийцев. Их было не меньше двух сотен.

И атаковали они с яростью бешеных псов. Две сотни — против девяти, нет, уже шести пеших и одного всадника. Воины Реми напрочь забыли о том, что и они — подданные Фаргала.

Десять дюжин Алых под водительством Бехера с маху врзались в толпу ремийцев. Как раскаленный клин сквозь глыбу воска. Мигом прорвались они к царю, окружили его и уцелевших воинов, стеной отделив от врага.

— Как ты вовремя, мой царь! — воскликнул сокт, бросая копье и ловя за узду ремийского коня.

Его собственный жеребец сейчас скакал по склону холма в четверти мили от хозяина.

Фаргал без слов, приподнявшись на стремянах, обнял друга. Их стальные шлемы зазвенели, ударились. Оба расхохотались.

— Шотар! — воскликнул Фаргал, увидев подле своего стремени капитана.

Воин был ранен, на голове его красовался черный шлем пехотинца вместо разрубленного собственного. Но — жив!

— Ты будешь вознагражден, Шотар!

— Лучшая награда — твоя милость, государь! — воскликнул воин, отдав коронный салют.

Алые Бехера отбросили всадников Реми. А сверху уже нахлынула лавина Дарзаровой тысячи. Несколько минут — и конница Реми перестала существовать.

— Вперед! — зарычал Фаргал, прорываясь в первые ряды, хотя Бехер делал все, от него зависящее, чтобы между царем и врагом оставалось по меньшей мере три ряда всадников.

— Вперед!

Воя, словно стая демонов, Алые понеслись вдоль линии сражавшихся, обрушившись, как тайфун, на ошеломленных врагов. За каких-нибудь пятнадцать минут они прорезали насквозь, справа налево, все

порядки пехоты Андасана, развернулись и проутюжили еще раз. И войско мятежного военачальника перестало существовать. Так же, как и всадники Ладара. Вместе с последними погиб и сам Владыка Реми. Но его гибель осталась незамеченной.

Зато Андасан уцелел. И это не укрылось от глаз Фаргала.

— Ха! Андасан! — закричал царь, углядев отступающий к лесу отряд.

Бывший командир Черных кое-как собрал его из нескольких десятков всадников и полусотни пехотинцев.

Услыхав громоподобный выкрик царя, Дарзар, сам хорошо знакомый с Андасаном, тоже засек отходящих врагов. Взмахом копья он отправил вслед мятежнику первую сотню. И сам царь, сопровождаемый стражей, тоже устремился в погоню. Он мог позволить себе насладиться местью — противник был рассеян.

Расстояние между отрядом и преследователями быстро сокращалось. Когда стало ясно, что всем не уйти, Андасан и его всадники бросили пеших и прищипорили коней. Алые промчались мимо оставленных солдат — Андасан важнее.

Но для мести Фаргала то был неудачный день.

В крепости низко и мощно загудели трубы.

Царь оглянулся на скаку... И осадил коня.

Из распахнутых ворот навстречу его армии, навстречу железной стене скачущих Алых и линиям бегущих Черных выходили ровные каре пехоты.

Фаргал узнал штандарты Владыки Райно и выплеснул гнев в неистовой ругани. Пока сам Владыка ошивался в безопасном дворце царя, кто-то из родичей, скорее всего предприимчивый племянник, перехватил власть.

Шесть каре! Не менее двух с половиной тысяч!

Райносцы торопливо, но в полном порядке покинули крепость и готовились встретить противника.

Райносцы, всего лишь год назад приветствовавшие Фаргала! Поистине здесь не обошлось без магии. Но спросить было не у кого: все три царских чародея остались на вершине холма в миле от самого Фаргала.

Царь посмотрел на свой штандарт, кажущийся крохотным на таком расстоянии, и снова выругался.

Алые ударили в первое каре и разметали его, как ветер — осенние листья.

— Хо-хо! — воскликнул Люг.

Весь сопровождавший царя отряд, позабыв о погоне, выстроился позади. Сотни глаз из щелей забрал наблюдали за ходом битвы. Перевес все еще был на стороне воинов Фаргала.

Второе каре выдержало натиск. Алые отхлынули. Каре тоже отошло назад, оставив на земле не меньше сотни трупов. Вперед выступили сразу три свежих.

Алые ударили в среднее. Все разом, не рассредоточивая сил. Успешно. Им удалось прорвать первые ряды и уложить значительную часть врагов. Но другая часть успела укрыться за подошедшим слева четырехугольником.

Лавина Алых отхлынула назад. И снова обрушилась на врага. На сей раз — с меньшим успехом. Но шеренги Черных уже поднимались вверх по склону, на помощь.

Каре райносцев отступали к крепости. Алые ударили еще раз. Дарзар напирал, рассчитывая сбросить противника в крепостной ров. На каждого павшего Алого приходилось по трое мертвых врагов, хотя прежний напор ослабел: лошадям трудно было разгоняться вверх по склону.

Ряды бегущих Черных несколько расстроились. Каждый торопился побыстрее оказаться в замке. У

первых — самая богатая добыча. Распахнутые ворота манили. Войско врага было рассеяно, а резерв сейчас сокрушат Алые. Пехотинцы торопливо поднимались по зеленому травяному ковру. Не боевые порядки, а нестройная масса людей, где каждый стремился обогнать другого.

Фаргалу в поведении противника почудилось нечто странное, но он не мог точно определить — что именно.

Между тем всадникам Дарзара удалось разметать еще одно каре, а остальные отеснить почти под самые стены. Лучники Райно посылали в них стрелы из-за спин копейщиков, но доспехи у Алых хороши, и потому урон был ничтожный.

Каре продолжали медленно отходить. Вот-вот райносцы посыплются в ров.

Дарзар опять развернул своих людей, их оставалось около шестисот, не считая первой сотни, что была сейчас с Фаргалом.

Еще одна атака.

— Они выдохлись! — сказал Люг. — Дарзару надо отвести людей — пусть потрудятся Черные!

— Как же! — желчно отозвался начальник первой сотни Алых. — Черных сейчас интересуют только ворота! Нам всегда...

И тут со стен крепости в самую гущу Алых ударили орудия.

Тяжелые снаряды баллист, громадные стрелы крепостных катапулт обрушились на плотные ряды латников. Тут уж никакие доспехи не могли защитить.

— Им конец! — прошептал Люг.

Но и это было не все.

Еще не прекратился смертоносный ливень, стоявший жизни половине всадников Дарзара, а из ворот замка выехали конные отряды тяжеловоору-

женных воинов и, построившись в боевой порядок, ринулись на Алых. А тех оставалось меньше трех сотен — против трех тысяч. Три тысячи отлично вооруженных, полных сил всадников — против измотанных битвой остатков Алых.

— Хонт-Хурзак! — прорычал Фаргал, узнав штандарт Владыки земли Шорисдар, племянника свергнутого Фаргалом императора Йорганкеша.

Значит, это не случайный бунт (насколько бунт может быть случайным), а тщательно подготовленный заговор. Ладар оказался всего лишь приманкой.

Кэр наблюдал за битвой с вершины поросшего лесом холма. Нельзя сказать, что ему нравилось то, что он видел. Война больше походила на хитрую игру, чем на честный поединок. Крохотные человечки теснили друг друга то в одну сторону, то в другую. Не имея опыта, Кэр не мог представить сечу изнутри, глазами пехотинца, на которого несется оцетинившаяся сталью смертоносная волна. Впрочем, сын вождя заметил и эффект, который произвело вмешательство всего лишь пары воинов (Люга и Шотара), и яростную атаку Фаргала.

«Вот такой, — подумал юноша, — и должна быть битва!»

Впереди — вождь, сметающий врагов ударами меча, а за ним — неустрашимые воины, после которых не остается ничего живого.

А вот Кайр, увидев, как император самолично ринулся в бой, недовольно поморщился.

«Ведет себя, как юнец!»

И вместе с тем не мог не восхититься воинской доблестью.

Когда Алые вступили в дело, Кэр решил, что битва окончена. Даже появление резерва райносцев

не поколебало его уверенности. Юноша видел, как прошла гвардия Фаргала по солдатам Владетеля Реми и Андасана, и ожидал увидеть то же, когда Алые атаковали пехотные каре.

— Мы что, так и будем здесь стоять? — спросил он у тысяцкого. — Сейчас они возьмут крепость...

— Помолчи! — оборвал родича Кайр.

Он смотрел на ворота цитадели: какой еще сурприз им преподнесут? Усобица Владык вдруг превратилась в заранее спланированный заговор.

— Мы так и простоем здесь! — проворчал Кэр.

Ему было очень обидно упускать свою первую битву.

— Не бойся! — отозвался тысяцкий, повернув к сыну вождя изуродованное лицо. — Алые уже потрастили пыл, а у Райно крепкая пехота. Я видел их в деле!

— Ну вот и все! — констатировал он, когда гвардия разбила второе каре. — Выдохлись.

Подозвав вестового, тысяцкий приказал:

— Скачи к Фаргалу и скажи: мы ждем! Да не напрямую скачи, а обойди слева! Марш!

— Кайр! — воскликнул сын вождя. — Они отступают!

Тысяцкий снова посмотрел на поле битвы.

— А верно, — пробормотал он и, сдвинув шлем, почесал потную голову. — Отступают. Вот только — с чего бы?

Вскоре он понял, почему отходят райносы. Пораньше Дарзара, увлеченного сражением, но слишком поздно, чтобы вмешаться и предупредить командира Алых.

Кайр огорчился. Наемники не слишком любили гвардию, но ловушка, в которую угодили Алые, оказалась настолько простой, что самерийцу стало обидно.

— Эх, император! — с горечью пробормотал он.

Останься Фаргал на своем месте, полководцем, а не солдатом, он никогда не допустил бы такого.

— Ну, брат, скоро ты получишь, что хотел! — сказал он Кэру, когда всадники Хонт-Хурзака навалились на Черных.

Кэр промолчал.

Тысяцкий не сводил глаз с Фаргала. Царь должен знать, что Кайр видит его и ждет только сигнала, чтобы вступить в бой.

Фаргал ждал, и Кайр понимал почему. Ряды преследующих врагов должны расстроиться, чтобы удар тысячи задел их за живое при многократном численном превосходстве.

И вдруг командир наемников увидел, как император дважды поднял на дыбы своего коня. Это и был условный сигнал. Но поданный рано, слишком рано! Сам Кайр выждал бы, пока солдаты врага не окажутся внизу, между холмами.

Но тысяцкий привык доверять своему господину. Свистом он подозвал к себе сотников.

— Наш черед! — сказал он. — Ныне...

И замолчал. Он увидел, что царь, опять отделившись от своего эскорта, скачет прямо к воротам крепости.

Жеребец царя взвился на дыбы. Потом еще раз. И охваченный яростью Фаргал поскакал вниз.

«Самое глупое, что он мог сделать, обнаружив ловушку», — подумал Люг и помчался за царем.

Разве у него был выбор?

Тем временем воины Хонт-Хурзака, Владыки Шорисдара, первого претендента на престол Карнагрии в случае смерти Фаргала, опрокинули жалкие остатки Алых и обрушились на ошарашенную пехоту.

Пешие каре райносцев бегом спускались с холма. И тут Люг обнаружил, что царь скачет не к месту схватки, а к воротам крепости.

Глава пятая

Кайр криво усмехнулся.

— Вот демон! — пробормотал тысяцкий, повеселев. — Клянусь Мудростью Аша, он победит и сегодня!

Кэр ничего не понял, но сотники — поняли и оживились.

Кайр-Косогубый подмигнул сыну Хардаларула и с лязгом уронило забрало, закрыв изуродованное лицо.

— Ха! — воскликнул он, поднимаясь на стременах. — Сожрем их, парни! Во славу царя Фаргала!

И поскакал вниз.

Сотники ринулись к своим бойцам, и через несколько мгновений вся тысяча наемников, укрывшихся в леске в четверти мили к северу от цитадели, стронулась и вихрем понеслась к крепости.

Фаргал не зря был первым военачальником Карнагрии до того, как сел на Кедровый трон.

Ворота крепости по-прежнему были нараспашку. Райносцы спустились в долину и готовились форсировать ручей. Всадники, гоня перед собой улепетывающих Черных, взбирались на вершину соседнего холма. Там развевалось золотое знамя Фаргала.

Вот только самого царя там не было.

На храпящем жеребце, разбросав человек десять солдат, попытавшихся преградить ему путь, Фаргал ворвался в ворота крепости Реми. И вслед за ним туда же проскакали две с лишним сотни Алых.

Будь у противника еще один существенный резерв, атака обернулась бы гибелью для Алых. И скорее всего смертью самого Фаргала. Но царь любил рисковать, когда ставки достаточно велики.

Резерва не оказалось. Набежавших со стен солдат (сотни полторы, не больше) Алые мигом втоптали в землю.

На башнях надсадно завывали трубы. Слишком поздно. Тысяча Кайра уже была в двухстах шагах от ворот. Еще несколько минут — и всадники-варвары пронеслись по насыпи внутрь крепости. И ворота закрылись.

— На стены! На стены! — закричал Фаргал, видя, как Алые и воины Кайра носятся по площади перед воротами, гонясь за одиночными солдатами противника.

А кое-кто из наемников уже подался взламывать двери ближайших домов!

— На стены! — быком заревел Шотар.

— На стены, шакалье дерьмо! — рычал, вторя ему, Кайр. — Десятники! Всех на стены, демоново семя! Эй вы там! Да, вы, у дверей! Оглохли? На стены, гиенова отрыжка!

Пятеро наемников мигом оставили в покое двери, которые уже трещали под ударами топоров, и припустили к лестницам.

Алые, спешившись, карабкались на башни, к крепостным орудиям. Они хорошо воевали не только в седлах.

Это был даже не бой. На стенах с восточной стороны общим счетом оставалось не больше трех десятков защитников. Тех, кто не сдался сразу, отправили в ров, остальных согнали вниз, под присмотр царской стражи.

Кэр, новичок в конной атаке, упустил момент и оказался в числе последних. Зато когда всадники, одолев овраг, помчались вверх, каурый юноша, радуясь легкой ноше, пробился вперед.

Со всех сторон Кэра окружал могучий топот копыт и лязг металла. Но жуткий вой наемников не рвал воздух. Скакали молча. Каждый понимал: чем позже их заметят, тем больше шансов оказаться внутри крепости. Первыми!

Четверть мили вниз и вверх по склонам тысяча одолела за несколько минут.

На крепостных башнях тревожно заревели трубы. Поздно! Алые уже прочно держали ворота, и всадники Кайра живым потоком влились внутрь и растеклись по площади.

Кэр дал волю коню, и тот вынес сына вождя в первые ряды. Увидев впереди несколько вражеских солдат, выскочивших из-за угла трехэтажного дома, Кэр азартно завопил и ринулся на них.

Но юношу обошли. Прежде чем он добрался до вожделенной цели, с полдюжины наемников уже насели на солдат Хонт-Хурзака. Когда каурый, понукаемый всадником, прорвался сквозь толчею из лошадиных круп и прикрытых железом спин, солдат уже освободили не только от жизней, но и от кошельков.

Каурый щелкнул зубами, попытавшись укусить за ноги одного из наемников. Тот треснул жеребца по носу, развернулся... но, увидев всадника, тотчас сменил свирепую гримасу на более дружелюбное выражение.

— Присматривай за конем, парень! — пробормотал он.

Кэр, приподнявшись на стремянах, пытался угледеть кого-нибудь из врагов. Тщетно.

— Эй! Кэр! Кэр! — прорвался сквозь шум зычный голос.

Сын вождя увидел одного из вестовых тысячника.

— Начальник зовет тебя! — гаркнул вестовой и указал рукой наверх.

Кэр посмотрел туда, куда показал наемник, и увидел своего родича. Кайр вместе с несколькими воинами стоял рядом с гигантом в белых, забрызганных кровью доспехах. Фаргал!

— Присмотри за ним! — Кэр соскочил с коня и бросил повод вестовому.

— Я тебе не слуга! — возмутился наемник.

Но самериец уже пробежал половину пути к лестнице, и вестовой, поймав повод каурого, повел жеребца к коновязи. Алчный взгляд его при этом ощупывал окна домов, окружавших площадь. Наемнику взятая крепость, что колодец — для умирающего от жажды.

Он уже подумывал о том, чтобы плюнуть на свои обязанности гонца и присоединиться к товарищам, взламывающим двери, когда свирепый голос Кайра прогремел над площадью и разрушил его мечты.

— Шотар! — приказал Фаргал. — Возьми половину Алых и скачи ко вторым воротам, пока нас не взяли с тыла. Кайр! Поставь сотню охранять подступы к площади! А тем, что на стенах, прикажи поберечь стрелы! Здесь есть кое-что посерьезней! Люг! Спустись вниз и распорядись, чтоб поставили пленников к смоляным котлам. Мне понадобятся все солдаты, которые у меня есть! Устрой и немедленно возвращайся: мне пригодится твоя голова!

— Ха! — воскликнул он через несколько минут, когда запах разогретой смолы ударил в ноздри. — Сейчас они отведают собственной стряпни!

На какое-то время царь ухитрился забыть, что воюет со своими подданными.

Фаргал оглянулся и увидел нависший над крепостью черный зубчатый шлем Злого замка. В лицо царю будто повеяло холодным ветром. Фаргал стиснул зубы и вонзил в черную громаду взгляд прищуренных глаз. Воля против воли.

Грохот, донесшийся снизу, вернул его мысли к более насущным делам.

Спустя несколько минут после того, как стены были очищены, разъяренные всадники Хонт-Хурзака подскакали к крепости. Десятка два копий с маху ударили в окованные железом створы. Да что толку? Хоть восточные ворота и были слабым местом Ремийской крепости, но чтобы взломать их, нужен таран в пять быков весом.

Всадники, две с лишним тысячи, теснились внизу галдящей беспорядочной массой. Наконец подгребла и райноская пехота. Сумятица усилилась. Штурмовать крепость без осадных машин, без лестниц невозможно. Между тем у многих внутри остались семьи, подруги, имущество! Огромная толпа кипела, как живой котел. Командиры пытались навести порядок, но тщетно!

А захватившие крепость не делали ровным счетом ничего. Ни одной стрелы, ни одного камня.

Десятка три, половчее или поглупее — с какой стороны взглянуть, — полезли наверх, цепляясь за неровности кладки. Шум стоял невообразимый. Лучники снизу стреляли наугад между крепостных зубцов. Некоторые стрелы находили цель. Но им не пробить было доспехи Алых, наблюдавших сверху за происходящим.

— Ей-ей, стая крыс у дверей колбасной лавки! — ухмыльнулся Кайр.

Он, Фаргал, Люг, Бехер и Кэр стояли у бойницы в левой привратной башне.

— Не пора ли, мой царь? — спросил вождь соктов.

— Они приготовили для себя неплохие подарки! — сказал Владыка Карнагрии, наблюдая, как четверо наемников пристраивают к бойнице желоб для кипящего масла.

— Бей! — воскликнул он громовым голосом. — Бей!

Команда, поддержанная возгласами военачальников, прокатилась по стене, и все пришло в движение.

Град камней, стрел, свинцовых шаров полетел вниз. Хлынуло кипящее масло, сметаю со стены ползунов, обжигая подобранных слишком близко к стенам. У собравшихся внизу не было ничего, чтобы защититься: ни деревянных щитов, ни мокрых шкур. Дикое ржание коней смешалось с истошными воплями. Человек сто барахтались в грязи на дне рва. Лучники-наемники сеяли смерть среди тех, кто оказался ближе к краю толпы. Баллисты роняли снаряды в самую гущу. Даже прицеливаться не надо, а тяжи натягивать — в четверть силы; до цели — рукой подать.

Гибель Алых, пойманных в похожую ловушку, была просто игрой в сравнении с уроном, какой терпели противники Фаргала. Настоящая бойня! Тела убитых лежали грудami, и живые топтали их, пытаясь спастись. Десятки обожженных выли нечеловеческими голосами, и крики их заглушались душераздирающим ржанием раненых лошадей.

— С ними — все! — констатировал Фаргал, глядя на охваченных паникой солдат под стенами крепости.

Часть разбежалась врассыпную, стремясь уйти из-под обстрела. У других не было такой возможности;

и они бессмысленно умирали под ударами снарядов и камней.

— Да, — согласился Люг. — Такие стены голыми руками не возьмешь!

— В лагере есть осадные машины! — напомнил Кайр.

Царь задумчиво посмотрел на дальний холм, на котором по-прежнему развевался его собственный штандарт. Всадники Хонт-Хурзака так и не успели добраться до него. Там остался обоз, три царских мага и...

— Шарез, — произнес он. — И тысяцкий Грим. И еще с десятков неглупых бойцов!

— Ты о чем? — спросил вождь соктов.

— Неплохо бы повернуть их обратно! — сказал Фаргал, указывая на разрозненные группы Черных, карабкавшихся вверх по склону дальнего холма.

— Неплохо! — согласился Люг. — Но когда три тысячи солдат удирают без оглядки, их не так легко переубедить!

— Ну, бегут они в гору, а под зад их уже не подкалывают! — возразил Фаргал. — И гляди, бегут прямо в мой лагерь! А там есть кому их встретить! Да и маги пособят! Вот что, Бехер! Отыщи сигнальщика из Алых. Пусть лезет на башню и передает: отступление прекратить, войска собрать, построить и идти к крепости под моим знаменем!

— Сомнут? — усомнился Люг, прикинув количество уцелевших солдат противника. — Этих-то раза в два побольше!

— Мясо! — отрезал Фаргал. — Теперь — только мясо! Мы вырвали победу прямо у них из пасти! От такого вдруг не оправишься!

— У Хонт-Хурзака — отличные командиры! — не уступал Люг.

— Да? А ты погляди вниз! Где ты видишь этих отличных командиров?

Сокт посмотрел.

— А ведь верно, — согласился он. — Ни одного черного султана!

— Алые и наемники Кайра четверть часа лупили их на выбор! — сказал Фаргал. — Как ты полагаешь, кого они выбирали? Бехер! Ты еще здесь?

— Но... — Начальник стражи предпочитал в такое время быть поближе к царю.

— Выполний! — рявкнул Фаргал.

В дверях начальник стражи столкнулся с Шотаром.

— Крепость — наша! — доложил тот. — Вся, кроме замка. Твои волки, Косогубый, уже шарят по домам!

— Пусть потешатся! — разрешил Фаргал. — Через часок-другой возьмем их к ногтю! А то перепьются и крепость подожгут! А это моя крепость!

— Мы еще не победили, царь! — напомнил Шотар.

Ему, старому соратнику царя, разрешалась такая непочтительность.

— Победили! — сказал Фаргал. — Там, снаружи, все как надо! Что замок?

— Стоит. Ворота открыты. Мои было сунулись туда — да отступились!

— Отступились? Алые? Что так?

— Страшновато. Запах что ли такой... Да ты сам, государь, слышал, что говорят о Черном замке? Гнездо Зла! Сам Ладар до последнего времени в него не совался!

— До последнего времени?

— Мы тут прихватили пару человек, потолковали...

— И что же? — насторожился Фаргал.

— В прошлом месяце Ладар не только сам, но и почти всех солдат своих через замок провел! Не зря говорят: не трожь Зло — целее будешь!

И сплюнул.

— Не уверен, — сказал Фаргал. — Что в казармах?

— Пусты, государь! Хонт-Хурзак всех подчитую выгнал. В крепости, считай, солдат не более ста человек осталось... Да сам Хонт-Хурзак! — выпалил капитан и засмеялся: приготовил-таки сюрприз для царя!

— Что? Хонт-Хурзак?

— Угу! — Шотар буквально лучился от удовольствия. — Мои прихватили толстяка в саду Ладара!

— А сам Ладар?

— Говорят, дрался снаружи. Думаю, прикончили Владыку! Он ведь самолично своими ребятами командовал!

— Ладно, демоны с Ладаром! Хонт-Хурзак мне вдвое милей! Молодец!

Фаргал хлопнул ручищей по плечу капитана так, что воин пошатнулся.

— Тащи его сюда! Хотя — нет! Успеем! Бехер! — обратился он к вошедшему начальнику стражи. — Как?

— Сделано! — ответил тот. — Имей в виду, царь, что на стенах осталось человек двести! Кайр! Твои волки разбежались. Полагаю, грабить!

— Шакалы, а не волки! — проворчал самериец. — Все?

— Нет. С полсотни осталось. И, похоже, не самые хилые!

— Ясно, — кивнул Косогубый. — Эти-то не грабят — так берут! Как тигры у гиен!

— Отлично!

Это сказал Фаргал, и все удивленно воззрились на него.

— Я предложу твоим тиграм неплохой кусок! — сказал царь. — Кусок, от которого не откажется только храбрец. Но уж он-то — не откажется! Бехер! Возьми три десятка Алых! Кайр! Столько же своих головорезов! Мы идем в Черный замок!

— Может, лучше подождать наших магов? — осторожно предложил Люг.

Царь посмотрел на сокта. Уж кого-кого, а Люга в трусости не упрекнешь!

— Нет! — отрезал Фаргал. — Я не буду ждать! Бехер, Кайр! Действуйте!

Уцелевшие военачальники Фаргала с восторгом наблюдали, как разворачиваются события. И сигнал, передающий волю царя, не остался незамеченным.

Остановить бегущих в этой ситуации, да еще с помощью магов, не составило труда. Черных кое-как организовали и двинули к крепости. Позади, на крытых повозках, окруженные персональным эскортом, ехали маги. Впервые у них появилась возможность участвовать в битве. Чародеи применили свое искусство и не встретили никакого противодействия. Теперь их воля подстегивала Черных, впереди которых, опережая шагов на двадцать, бежал Страх. Действовало безотказно. И без того охваченные паникой шорисдарцы и райносцы бросали оружие раньше, чем копья Черных касались их щитов.

— Им конец! — воскликнул великан Андасан, видя, как толпами сдаются его бывшие союзники.

— Это — магия! — возразил один из его подручных, указывая на три повозки, окруженные неторопливо шагающими солдатами. — Царские колдуны! Начальник! Если мы ударим по ним сейчас...

— То подохнем вместе с этими придурками! — отрезал гигант. — Ну положим мы колдунов, если они прежде не выжгут нам глаза! Дальше что? Крепость союзнички просради, а то, что от них осталось, — просто стадо взбесившихся свиней!

Мятежный военачальник злобно плюнул наземь, в последний раз поглядел на ряды Черных, без всякого сопротивления поднимавшихся к крепости. Потом на саму крепость, где на стене краснели между зубцами фигурки царской гвардии.

Андасан развернул коня, привстал на стрменах:

— Уходим! — гаркнул он и поскакал к лесу.

Весь его небольшой отряд двинулся следом.

— Мы еще встретимся, Фаргал! — пробормотал великан себе под нос. — Мы еще встретимся!

Спустя несколько минут солдаты мятежного военачальника скрылись в чаще.

А спустя еще четверть часа ворота Ремийской крепости распахнулись, принимая подошедших воинов Фаргала.

Глава шестая

Замок стоял мрачный, древний, как гранитный утес. Вокруг ни стены, ни рва — если и были когда-то, то Время давно поглотило их. Черные стены уходили вверх на две сотни локтей. Причем снизу это были тридцать локтей сплошного камня, без окон или бойниц. Когда-то этот камень покрывали надписи и барельефы, но Время прошло по ним, обратив работу мастеров-резчиков в бесформенные неровности и выступы.

Круглая, окаймленная зубчатым барьером крыша чернела в голубизне неба, как увенчанная короной

лысая голова. Издали Злой замок и впрямь казался головой закопанного в землю царя-великана из минувших эпох.

Но если какой-нибудь безумец пожелал бы проникнуть внутрь — он мог бы это сделать. Вратная арка, чудовищный распахнутый зев, была достаточно широка, чтобы шестеро всадников, поднявшись по ступеням, могли въехать внутрь шеренгой, не наклоняя голов. Створы ворот из толстой, совершенно черной бронзы были распахнуты уже не первое столетие: прошу! И находились смельчаки из магов, воинов или просто алчных дураков, осмеливавшиеся войти в тень древней арки.

Возвращались немногие. Очень немногие. Может быть — никто.

И только в последние два месяца не один, не двое, а сотни людей поднялись по вытертым ступеням. И вернулись.

— Скверное местечко! — произнес Кайр, разглядывая тысячелетнее сооружение. — Нет таких соковок, что увлекли бы меня внутрь!

— Нет такого места, что отпугнуло бы меня от добычи! — откликнулся один из его подначальных, рослый самериец.

Раздробленный когда-то подбородок делал воина похожим на дикого кабана.

Сказал, но вперед, однако, не спешил, уступая честь первенства другим.

Пространство позади ворот казалось пустым. Но когда царь, Люг и десятник из Алых взойшли на последнюю из девяти ступеней, из темноты появился здоровенный мускулистый детина с выбритой круглой головой. Скрестив на груди руки, такие же толстые, как руки самого Фаргала, детина в упор уставился на царя.

— Кто ты? — спросил удивленный Фаргал. Он-то полагал, что людей в замке нет.

— Хочешь войти? — спросил бритоголовый.

— Эй! — гаркнул десятник. — Пред тобой — император Карнагрии!

— Если хочешь войти, — не обратив внимания на реплику, продолжал здоровяк, — ты должен оставить здесь оружие и одежду!

— Ты что, не слышал, кто он? — прорычал Алый.

Бритоголовый пожал плечами.

— Всякий, кто хочет войти, сделает так, как я сказал! — бесстрастно произнес он. — Вы все, — взгляд его скользнул над головой Фаргала, пробежался по стоящим внизу воинам, — сделаете так!

Царь усмехнулся. Тот, кто диктовал им условия, был один и безоружен. Нет, не один. Из темноты выступили еще трое, такие же бритые, мускулистые, в белых набедренных повязках. И также без оружия.

Фаргал улыбнулся еще шире и положил руку на эфес.

Десятник Алых рванулся вперед, к бритоголовому.

— Ну ты! — зарычал он, хватая здоровяка за плечо.

И, получив удар в грудь, отлетел назад, едва не сбив с ног царя. Скатившись по ступеням, десятник остался неподвижно лежать на мостовой.

Один из Алых подскочил к упавшему.

— Да он мертв! — воскликнул воин.

Кулак Фаргала с хрустом врезался в подбородок бритоголового, кривой меч сокта вылетел из ножен, а толпа Алых и наемников устремила вверх по лестнице. Первых гнала преданность, вторых — азарт, жажда наживы, а главное, кажущаяся легкость победы. Ведь противник даже не вооружен!

Кэр рванулся вместе с остальными, но Кайр, оставшийся на месте, схватил его за руку.

— Без тебя управятся! — заявил он. — Пять с лишним дюжин — на троих!

Инстинктом горного барса самериец уловил опасность.

Трое странных жрецов и не подумали отступить. Люг разрубил голову одному, Бехер проткнул второго, а чья-то стрела продырявила третьего. С голыми руками — на опытных воинов? Умалишенные!

Воины гурбой ввалились внутрь. И притихли.

Они оказались в зале поистине невероятных размеров. Голые мрачные стены уходили ввысь, теряясь в сумраке. Рассеянный свет падал откуда-то сверху, может, из щелей, прорезанных в толще стен. Но самих щелей снизу не разглядеть. И непонятно, как держится без колонн и опор чудовищный свод?

— Неуютное местечко! — пробормотал Люг.

И выругался: его браслет снова жег запястье.

— Злая магия, мой царь! — предупредил сокт.

— Не разбредаться! — бешено закричал Фаргал.

Но солдаты и так старались держаться вместе.

— Ко мне, Алые! — металлическим голосом рявкнул Бехер.

— Стройся!

Кайр, Кэр и еще двое наемников остановились под входной аркой.

— Ох, не хочется мне идти дальше, — пробормотал тысяцкий, нащупывая что-то у себя на груди, под кольчугой.

Алые построились, окружив царя.

Наемники — чуть поодаль, сплоченной группой. Настоящие волки, лучшие бойцы Кайра, вполне доверявшие друг другу. Если дело не касалось добычи.

Люди казались муравьями в огромном гулком пространстве. Вдали виднелись три отверстия. Как крысиные норы.

— Вперед! — скомандовал Фаргал.

И двинулся к среднему проходу через огромное, как площадь, пустое пространство.

Воины, настороженно оглядываясь, последовали за царем. Их длинные черные тени тянулись по полу на десятки шагов.

Вдруг странный звук прокатился под сводами зала. Он напоминал искаженный и умноженный эхом женский смехок.

Воины вздрогнули и остановились.

Кайр разрывался между долгом перед царем и своими людьми и уверенностью: смерть или нечто похуже стоит прямо за этим порогом.

Звук повторился.

Бехер нервно схватился за меч. Его пробрала дрожь.

Не он один взялся за оружие. Часть наемников сорвала со спины луки, наложила стрелы. Все напряженно вглядывались в полумрак, ожидая нападения. Каждый чуял опасность, как хищник чует запах крови.

Но смерть пришла изнутри.

Один из наемников повернулся, натягивая тетиву. Звонкий щелчок тетивы, удар — и его товарищ рухнул на каменный пол с пробитым горлом.

И началось.

Засвистели стрелы, зазвенели мечи. Клинки солдат Фаргала скрещивались с клинками их же соратников.

Запах крови и внутренностей. Вопли умирающих и рычание еще живых.

Черные тени и серые быстрые тела. Темно-серые пятна крови на полу. Сумрак пожирал краски так же, как магия Злого замка пожрала разум людей.

Каждый дрался с каждым, и победитель искал себе новую жертву среди тех, кто ближе. Лязг металла порождал тысячеголосое эхо. Сотни невидимых демонов корчились от смеха, глядя, как друг убивает друга и сам тут же гибнет, пронзенный выпущенной в упор стрелой.

Только две группы сражались в единстве. Одна, малая, из двух человек — Фаргала и Люга. И вторая — из двух дюжин Алых, рьяно набросившихся на того, кого должны были охранять. Царь и его друг с трудом отражали бешеный град ударов. Кривой меч сокта мелькал, как молния. Фаргал увидел рядом искаженное лицо Бехера, его занесенный меч... Начальник царской стражи натужно закричал и страшным усилием воли в последний миг изменил направление удара. Меч вошел под его собственную кирасу, в живот, снизу вверх. Начальник стражи захрипел, растянул губы в улыбке, изо рта его хлынула кровь, и Бехер повалился наземь. Он сделал все, что мог.

Но еще двое, кроме царя и сокта, не поддались магии. Кайр и Кэр, которого тысяцкий удерживал за плечо. Старший самериец отскочил к выходу, увлекая за собой Кэра. Два его соратника развернулись и напали на самерийцев.

Кайру пришлось отпустить своего родича, и тот немедленно выхватил меч. Налетевший на него наемник рухнул, пронзенный ударом «скорпиона». Кайр рукоятью вышиб пару зубов второму, швырнув на пол... И еле успел схватить за руку Кэра, который, оскалившись, собрался вонзить в него клинок.

Едва пальцы тысяцкого сжались на предплечье молодого воина, тот пришел в себя, ошалело покрывил головой.

— Не винись! — успокоил его Кайр.

Левая рука самерийца сжимала крохотный белый камешек. Когда-то Кайр отдал за него шесть золотых монет. И это была лишь ничтожная часть настоящей цены привезенного с гор талисмана.

Тысяцкий приготовился выбросить своего родича из зала. Он обязан был спасти его раньше, чем идти на помощь Фаргалу. И тут посланная кем-то стрела воткнулась в плечо тысячника рядом с ключицей.

Кайр сумел удержать и талисман, и руку Кэра.

— На! — прохрипел он, вкладывая камешек в руку юноши. — Спаси царя! Марш!

И толкнул сына вождя в сторону сражавшихся.

Горячая волна ярости захлестнула тысяцкого, но последним усилием Кайр сумел выброситься из тени, скатился по широким ступеням и остался лежать рядом с мертвым десятником.

«Скорпион» хищно блеснул в руке Кэра. Он окинул взглядом происходящее. От отряда Фаргала осталось человек пять, не считая тех, кто нападал на самого царя.

Кэр ликовал. Судьба дарит ему возможность совершить подвиг! Спасти царя!

При этом сам Фаргал был ему безразличен.

Какой-то наемник с кровавой пеной на губах и сквозной раной в щеке попытался разрубить голову самерийца.

Кэр отпрянул, «скорпион» пронзил правую руку наемника. И мигом позже — горло.

Молодой воин наслаждался своим мастерством. Меч был стремителен и послушен, как мысль. Как желание.

Еще один человек расстался с жизнью, и Кэр добрался туда, куда хотел.

Атаковавшие царя не заметили его появления. Двенадцать, нет, уже одиннадцать натравливаемых колдовством Алых, мешая друг другу, хрипя, рыча, наседали на царя и вождя соктов. Тяжелые мечи опускались, вздымались и снова опускались под хаканье воинов. Это была работа лесорубов. В желании угробить царя Алые растеряли половину мастерства, сгруппировались, как толпа варваров. Но их было слишком много даже для таких бойцов, как сокт и Фаргал.

Сухая мертвая пыль, поднятая ногами сражавшихся, оседала в горле. Вождь соктов перебросил меч в левую руку — правая онемела от удара в локтевой сустав. К счастью, Люг неплохо владел и левой рукой.

Огромный меч Фаргала со скрежетом вспорол алую кирасу. Царь вырвал оружие, пнул напавшего слева ногой в колено. Тот пошатнулся, клинок, целивший в лицо царя, прошел в стороне. Фаргал ударил Алого в щель шлема рогом гарды. С такой силой, что гарда, разворотив щель, раздробила переносицу воина. Пара рубинов, украшавших рукоять меча, выскочила из гнезд и упала под ноги сражающихся. Никто не обратил внимания на камни, способные нищего превратить в богача.

Сильный удар в бок отбросил Фаргала к стене. Но его латы выдержали. И ребра — тоже. Люг, метнувшись к другу, отбил второй удар. А царь, в свою очередь, выбросив меч слева от головы сокта, пробил кирасу нападавшего.

Вонзая свой узкий меч в просветы лат, Кэр улыбался. Он разил легко и быстро, погружая жало «скорпиона» не больше чем на две ладони. Укол, поворот, обратный рывок. «Скорпион» убивал бесшумно, без лязга, грохота и скрежета тяжелых мечей. Разве что иногда металл скрипел, задевая кость.

Но это был звук, который слышали лишь двое: убийца и жертва.

Хотя очень часто те, кого настигал клинок самерийца, даже не чувствовали удара. Только внезапную слабость и теплоту внутри, когда кровь из разорванной печени начинала плескаться в латах.

Гибкий, стремительный, Кэр метался в тылу Алых, и, пока меч Фаргала поразил двоих, узкое лезвие «скорпиона» выпило втрое больше жизней.

Вождь соктов раньше, чем царь, увидел длинную гибкую тень, метавшуюся за спинами Алых. А когда из горла воина, который атаковал Люга, вдруг выскочил окровавленный стальной язычок, сокт осознал, что у них появился союзник. Еще один Алый повалился с разрубленным шлемом, и меч Фаргала взлетел над головой... Кэра.

Юноша вовремя заметил опасность, прыгнул в сторону и наткнулся на плечо Алого. Он вскинул руку, понимая, что «скорпион» не защитит от рубящего удара огромного меча...

Изогнутый клинок возник между мечом царя и тонкой полоской закаленного металла. И отвел удар. При этом Люгу с трудом удалось удержать оружие в руках.

— Нет! — простонал сокт.

Но царь, сообразив уже, что к чему, перехватил меч и воткнул его в шею Алого, собравшегося прикончить самерийца.

Сын вождя отпрыгнул далеко назад, уйдя от нового удара. Теперь, когда его обнаружили, молодой воин уже не мог убивать с прежней эффективностью. Но и врагов осталось только четверо.

Эти четверо бились до последнего и умерли безвинно и бессмысленно.

Три воина стояли в окружении десятков окровавленных тел.

— Ашшур! — прорычал Фаргал. — Как я ненавижу магов!

— Ты поспел вовремя, солдат! — сказал вождь соктов самерийцу. — Эй, да я тебя знаю!

— Я — Кэр, сын Хардаларула! — гордо произнес молодой воин.

— Слышал я и имя Хардаларула! — задумчиво проговорил сокт, обтирая меч, прежде чем опустить его в ножны.

Но не стал уточнять, где и когда он слышал имя отца Кэра.

— Но тебя я помню не как сына вождя, — продолжал Люг. — Ты — тот человек, которого наш царь отказался помиловать во имя справедливости? Не так? Ведь это тебя должны были казнить на площади у городского Совета? Пожалуй, иногда имеет смысл отступить от справедливости ради правды!

— Благодарю тебя! — сказал подошедший к ним Фаргал. — Твой меч оказался неплохим подспорьем для наших!

— Скажи лучше — он спас нам жизнь! — уточнил сокт.

— Пожалуй, — не слишком охотно согласился царь.

— Благодарите Кайра! — ответил самериец. — Его талисман защитил мой разум от чар!

— Они все еще действуют! — произнес Люг.

— Так ты из наемников Кайра? — спросил Фаргал.

— Я — его родич!

— Хорошо, — сказал царь и отвернулся.

Взгляд его упал на polegших воинов.

— Бедняги, — пробормотал он. — Люг! Надо помочь им! Наверняка кто-то еще жив!

— Чары действуют! — Сокт покачал головой. — Наклонись над раненым — и он всадит тебе в горло

кинжал! Предлагаю сначала добраться до тех, кто виновен в этой бойне!

— Так идем же! — прорычал Фаргал.

Не дожидаясь сока и самерийца, он бегом устремился к черному зеву коридора.

— Держись позади! — посоветовал сокт Кэру. — У тебя только талисман, а у нас мечи, что не боятся магии!

Перстень, который Фаргал несколько дней назад надел на палец, полыхал алым пламенем. А браслет Люга сиял так, что освещал коридор не хуже факела. Три силы вели их: собственная воля, магический зов и чары того, кто соединил десятки судеб в собственную паутину.

Когда колесницы царских магов въехали в крепость вслед за Черными, Шотар, не теряя ни минуты, подскакал к первой и прямо с седла прыгнул на подножку возницы.

— Гони прямо, мальй! — приказал он. — Маг! Мескес! Мы едем к Ремийскому замку!

— Я понял, — отозвался Верховный маг из глубины повозки.

Колесница загрохотала по мощеной дороге.

— Нам надо... — начал капитан.

— Теперь помолчи! — перебил Мескес. — Все, что ты хочешь сказать, я уже знаю.

Так, в молчании, под стук колес по булыжникам и брань солдат, уворачивающихся от скачущих упряжных, они доехали до замка.

Возница спрыгнул и помог сойти Мескесу.

Клык Кхорала, черный, тяжелый, нависал над ними, распахнув негостеприимные двери.

Три мага неторопливо поднялись вверх по ступеням к воротам замка. У подножия лестницы уже не было ни Кайра, ни труп десятника из Алых. А вот

тела бритоголовых так и остались лежать. Внутри никто заглянуть не решился.

Шотар поспешил вперед, чтобы присоединиться к магам, но Семиглаз решительно заступил воину путь.

— Капитан, — произнес он, растягивая гласные как истый уроженец северного Эгерина, — ты останешься здесь! Нам не нужен союзник, который...

— Я сам знаю, как мне помочь своему государю! — перебил Шотар.

— Впусти его! — раздался изнутри голос Мескеса.

И капитан вошел в тень замка.

Неистовая ярость охватила его. Он с рычанием схватился за меч и... ошарашенно помотал головой. Ярость пропала так же внезапно, как и возникла. Но руки Баурана и Мескеса покоились на плечах капитана.

— Посмотри вокруг! — негромко произнес Верховный маг.

Шотар оглядел зал и прикусил губу. Повсюду лежали тела его соратников.

— Вон там — Бехер! — сказал царский маг. — Он был менее предан, чем ты?

— Ашшур! — пробормотал капитан.

— Сабатонис, — попросил Верховный маг, — проводи капитана наружу!

— Нет, стой! — воскликнул Шотар. — А Фаргал? Он тоже там?

— Нет! — Мескес качнул головой.

Несмотря на кажущееся спокойствие, Верховный маг чувствовал себя мышью, ползущей по кошачьему хвосту. Смерть пугает мага меньше, чем обычного человека: он знает, куда уйдет. И все же смерть редко радует и мага. Разве что когда несет спасение от чего-нибудь похуже.

— Проводи его, Сабатонис! — повторил Мескес.

И на сей раз Шотар дал себя увести.

Три царских мага мгновенно «взяли след» Фаргала. Мескес поднял над головой жезл, синий огненный шарик сорвался с него и поплыл над головами чародеев, указывая и освещая путь. В его сиянии блоки, из которых был сложен замок, казались еще древнее, чем на самом деле.

Глава седьмая

Кэр шел последним. Он был горд собой. И уверен, что с ним все будет в порядке. Если уж боги хранили его до сих пор и вели по пути славы, то позаботятся и о дальнейшем. Вот он, равный, идет с прославленными героями, идет по подземельям древнего замка, чтобы сразиться со Злом! Совсем недавно он получил свой меч и уже спас жизнь царя Карнагрии! И показал, что он честней и благородней, чем Фаргал! Он идет последним, прикрывая их спины. Нет, Хардалару не придется стыдиться своего сына! Он, Кэр...

Вдруг самериец обратил внимание, что спина Люга удаляется от него. Он прибавил шагу. Но спина сокта по-прежнему удалялась, и свет волшебного браслета тускнел.

Кэр забеспокоился всерьез, припустил бегом. И обнаружил, что не двигается с места. Стены вокруг тоже не двигались, только становились все более мрачными по мере того, как слабел свет впереди.

Сын вождя набрал в грудь воздуха, чтобы окликнуть уходящих...

— Не нужно, — произнес рядом негромкий свистящий голос.

Кэр схватился за меч. Но вокруг никого не было. Он попробовал закричать, но горло его сдавило

спазм. Сын вождя сжал талисман Кайра... и услышал смешок.

— Ужели я не справлюсь с собственной магией, мой мальчик?

Высокая фигура в длинном плаще выступила прямо из стены.

Крупная голова, выразительное властное лицо, обрамленное светлыми волосами, тонкие, чуть искривленные губы, серые холодные глаза. И диадема с огромным, пылающим, живым камнем. От камня, через высокий выпуклый лоб к переносице, изгибаясь волной и раздваиваясь, опускалась полоска металла. Пульсирующий алым огнем камень окрашивал ее багровым отсветом. Казалось, лоб мага пробит и из раны толчками сочится кровь.

— Иди за мной, мальчик! — приказал властитель-чародей.

И двинулся вслед за ушедшими.

Кэр повиновался. Собственно, у него не было выбора.

«Я ведь и собирался идти за ними, — успокаивал он себя. — Попробую предупредить Фаргала, как только мы нагоним их!»

Так думал он, глядя на светловолосый затылок мага.

А губы чародея кривились в усмешке, когда он слушал мысли Кэра.

Слева, из черной дыры бокового прохода возникла человеческая фигура. Человек могучего сложения и полностью вооруженный. Кэр резко остановился. «Скорпион» будто сам прыгнул ему в руку. Чуть позже он сообразил, что опять владеет своим телом.

— Хорошо, мой мальчик! — похвалил маг. — Не доверяй никому! Но это — мой слуга! Значит, и твой тоже. Спрячь меч!

И рука Кэра, опять помимо его воли, отправила клинок в ножны.

— Ступай вперед, Карашшер! — приказал чародей. И они втроем двинулись дальше. Кэр опять шел замыкающим. Но мысли его были совсем не такими, как прежде.

Шли довольно долго. И остановились внезапно.

— Подойди! — сказал маг.

Сын вождя приблизился и увидел: прямо перед ними, на грубом каменном полу коридора лежали одежда и оружие: мечи, помятые доспехи. Кэр узнал их: то были вещи Фаргала и вождя соктов.

— Видишь? — спросил чародей, устремив на сына вождя горящий взгляд. Камень на диадеме казался третьим глазом. Таким же яростным.

— Любая сила — ничто пред магией этого места. Царская власть, доблесть воина, чары Великого Яго! Ничто! Только я! Только моя магия и только моя дорога существуют здесь! Да, мой мальчик! Ты и я! Начнем наш путь отсюда — закончим в Вечности.

Голос мага словно ледяной меч вонзился в тело. Кровь застыла у Кэра в жилах. Но через миг ужас его перешел в гнев. Никто не сможет испугать воина клана Мечей! Никто не заставит склониться сына Хардаларула!

— Аш-ш! — произнес маг, стирая именем Мудрого жалкий гнев Кэра.

«Даже не заметил, что я сказал: “мы”, — отметил жрец. — Корни Яго уже проросли в нем: выражение ставит выше смысла».

Маг выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Порыв ветра овеял лицо Кэра. Ему показалось, что черные базальтовые своды над головой разошлись, открыв кусочек звездного неба.

Жрец Аша прикоснулся к мыслям сына вождя и придал им бóльшую легкость. Он сумеет обрубить вредные корни. Это его творение не разделит пороков своего предшественника и не осквернит имени, которое несет. Хотя бы потому, что на сей раз жрец не стал наделять свое произведение настоящим именем. Кэр получит его, когда уже не сможет уклониться от предназначения.

Жрец перевел взгляд на своего верного раба, Карашшера. Потом — снова на Кэра. Узда первого — страх и награда. Второму — никакой узды. Он должен быть предан магу. Жертвенно предан. По высшему долгу, а не по личной выгоде. Зовом крови человек может и пренебречь. Но воин клана Мечей не способен пренебречь Долгом!

— Карашшер! — приказал маг. — Забери это!

Воин двумя руками сгреб лежащие на полу вещи — доспехи, оружие, — связал штанами и курткой Люга и взгромоздил на спину.

— Уходим! — произнес чародей.

Они двинулись обратно.

Кэр терялся в догадках. Причем собственная судьба беспокоила его в последнюю очередь. Как ни грозен маг, сын вождя не чувствовал враждебности с его стороны. Перед ним был слуга Аша. По наивности юноша полагал, что жрец Мудрого не способен причинить вреда тому, кто родился на земле его бога. Вот только Фаргал... Что с ним? Если царь погибнет — погибнет и слава Кэра. К чему тогда его подвиг?

Сын вождя посмотрел на серебристую полосу металла, пересекавшую светлый, как у самого Кэра, затылок мага. Жрец наверняка знает, что происходит сейчас с Фаргалом. Прислужники Мудрого знают все. Если спросить его...

Но Кэр не решился. Хотя и чувствовал, что к благоговейному страху перед слугой самого Аша

примешивается и симпатия. Чародей сумел расположить к себе юношу. Насколько Кэру мог понравиться тот, кто отнял у него право распоряжаться собой.

Ни Фаргал, ни Люг не заметили исчезновения сына вождя. Они были слишком сосредоточены на том, что могло ожидать впереди.

А попались совершенно нелепо.

Потолок над их головами внезапно дал трещину. Зеленый тяжелый дым потек вниз.

Фаргал, догадавшись, ринулся вперед, задержав дыхание, надеясь, что проскочит полосе дыма раньше, чем отравится. Но едва острый запах зеленого дыма коснулся его ноздрей, грудь царя рефлекторно расширилась, и Фаргал вдохнул дурман.

Он еще успел услышать, как с шумом упало на камни тело Люга.

Дым рассеялся. Из глубины коридора появились мускулистые бритоголовые мужчины. Они раздели бесчувственные тела царя и сокта, подняли и унесли.

Спустя некоторое время потерявших сознание воинов внесли в невероятных размеров пещеру, наполненную желтым с алыми проблесками сиянием. Посреди пещеры, занимая большую часть ее, простиралось озеро. Поверхность его, абсолютно черная, не отражала света. Берег, пологий каменный скат, уходил под желтую пенную полосу, окаймлявшую водную гладь.

Шагах в ста от берега из чернильного цвета воды поднималась голова женщины. Огромная, от подбородка до макушки — не меньше двух локтей. И тем не менее женщина была прекрасна! Ореол ее золотистых легких волос пронизывало теплое сияние. Там, где локоны касались воды, поверхность тоже

обретала золотистый оттенок, а сами волосы не погружались в нее, а плавали наподобие пуха.

— Они здесь, о Богиня! — произнес один из бритоголовых, поклонившись так низко, что коснулся лбом камня. — Вот они!

— На землю положите их! — произнесли пурпурные огромные губы.

И голос ее был как горячая струя.

Жрецы опустили принесенные тела. Люг при этом негромко застонал.

— Все удалитесь! — приказала Богиня, медленно поднимаясь над водой.

Это была Ирзай.

Глава восьмая

Фаргал с трудом приподнялся на руках. Он лежал совершенно голый на отполированном до блеска мраморе. А вокруг, на тысячи локтей, — пустое пространство, залитое оранжево-желтым светом.

У Фаргала кружилась голова, приятно кружилась. Он словно раскачивался на теплых волнах. По телу струились чудные возбуждающие токи. Восхитительное ощущение! Волосы у царя встали дыбом. И еще была необычайная легкость в членах. Но подняться Фаргал не мог, даже если бы захотел. Раскачивающие волны лишили царя уверенности в движениях.

Неподалеку от себя он увидел Люга. Сокт лежал на спине, не делая попытки подняться. И блаженно улыбался.

— Вождь! — негромко позвал Фаргал.

Люг слегка повернул голову. Улыбка стала еще шире.

Блаженство не уничтожило разума: глаза Люга остались осмысленными. Вероятно, вождь испытывал то же, что и сам царь.

В конце концов Фаргалу как-то удалось сесть и повернуться. Даже смертные иногда способны отчасти противиться могуществу богов.

Теперь Фаргал видел озеро. Совершенно гладкое озеро. А шагах в сорока от места, где волнующаяся кромка желтизны обрамляла черное, царь увидел фигуру женщины. Она была до пояса погружена в непроницаемо-черную массу воды. Прекрасная голова на алебастровой колонне шеи казалась высеченной из мрамора. Золотистые пышные волосы, совершенно сухие, развевались так, будто в лицо ей дул сильный ветер. Руки богини были сцеплены на затылке, полные приподнятые груди слегка касались поверхности воды. Огромные синие глаза глядели прямо в сердце Фаргала.

Ирзаи молча взираала на царя, и тот чувствовал исходящий от нее поток. Это напоминало запах. Так пахнет от некоторых женщин. Запах, от которого мужчины сходят с ума и крушат черепа друг другу. Да, это похоже на запах, но не запах. Тягучие вязкие волны текли к Фаргалу. Они действовали не на обоняние — на самую мужскую суть его. Фаргалу стоило большого труда удержать в узде свой разум.

Богиня двинулась к берегу. Без заметных усилий, которые нужны, чтобы преодолеть сопротивление воды. Она словно плыла сквозь воду, держась так же прямо и так же неотрывно глядя на человека, сидящего в двадцати шагах от желтой кромки озера.

Медленно, неторопливо поднималась Ирзаи из воды, приближаясь к берегу. Струи влаги стекали по гладкому животу к лону, плавные изгибы бедер были совершенны. Вот уже колени женщины показались из воды. Она двигалась не шевелясь!

Фаргал сообразил, что рост ее по крайней мере вдвое больше его собственного. Но это нисколько не уменьшило желания. Царь жаждал обладать ею. Он слабел от этой жажды. Он, Фаргал, прославивший в Карпагрии женоненавистником (ведь ни одна женщина не могла похвастать, что делила с царем ложе!).

Но разве перед ним была женщина? Нет! И... Да! Прекрасная, совершенная и... доступная!

Царь ждал, откинувшись назад, опираясь на локоть, с открытым ртом, с поглупевшим жадным взглядом...

Рядом, улыбаясь и пуская слюни, валялся на теплом мраморе вождь соктов. Два величайших воина Карпагрии были повержены в одно сладкое мгновение...

— Оставь его!

Резкий окрик плетью рассек насыщенный желанием воздух. Фаргал дернулся, гневно посмотрел назад...

И увидел трех своих магов.

Они вошли в огромную пещеру и застыли треугольником, в зеленом сиянии. Бритоголовые прислужники богини окружили их, но явно бессильны были помешать.

Фаргал почувствовал, будто его из горячей ароматной, благоухающей ванны сунули в горный ручей, вытекающий из-под ледника.

— Зачем вы здесь? — воскликнул он неожиданно окрепшим голосом.

Ни один из магов не обратил внимания на его возглас.

— Ты отпустишь его, Ирзай! — повелительно произнес Мескес — крохотная фигурка в сравнении с царственным телом богини.

— Ты отпустишь его! Ибо чары твои бессильны против нас! Ты видишь, кто перед тобой, Ирзай?

— О, вижу вас, ничтожных!

Голос Ирзай, чарующий и грозный, разлился, затопив крохотные фигурки людей.

— ...ничтожных!

И смеюсь! Вы развлекли меня

Невежеством своим!

Но это — тоже радость

Для спавшей шесть тысячелетий!

— Ирзай! — голос Мескеса дрогнул. — Отпусти его!

— Как?

Мне отпустить? И лучшего из тех,

Кто стал моим от мига Пробужденья?

Нет, ты безмерно веселишь меня!

— Тогда, — сухо сказал Мескес, — мы сами заберем его. Чары твои спадут. Рабы твои не властны нам помешать. А ты — не сможешь. Мы заберем его, Ирзай!

— Так! Я не властна? И мои рабы,

Моя ничтожно жалкая услада,

Тебе не помешают? Да, забыл

Иль вовсе ты не ведаешь о том,

Как величали меня прежде. И поныне.

И через сотни тысяч лет все так же будут

Взывать ко мне, страпась и наслаждаясь:

Ирзай! Всадница!..—

и двинулась дальше, к берегу. И Фаргал увидел, что великолепные колонны ног ее неподвижны, а

между ними поднимается из воды отвратительная голова Зверя.

«Всадница на Золотом Леопарде!»

Нет, не леопард. Много страшнее.

Точеные ступни Богини упирались в массивные, поросшие золотистым мехом, бугристые плечи. Голова чудовища, рывками, по-птичьи, поворачивалась на толстой звериной шее. Красный язык шевелился в оскаленной пасти, в которой свободно уместился бы боевой шлем царя. Но звериная шея вращалась в человеческий торс, непомерно широкий, и руки были так длинные, что достигали колен. А вот сами колени уже не имели ничего общего с человеком. Они сгибались назад и заканчивались широкими когтистыми лапами.

Ирзаи легко (будто и не была столь огромна) соскочила на мраморное ложе пещеры. Зверь-человек, Золотой Леопард Ирзаи, макушкой не доставал до груди богини. Но был на локоть выше Фаргала. И вдвое шире.

Впервые с тех пор, как взял в руки меч, царь-воин не подумал о том, чтобы сразиться с чудовищем. Он желал лишь, чтобы маги поскорее убрались и вернулось прежнее блаженное состояние.

Фаргал видел, как дергается над почти человеческими ягодицами толстый короткий хвост с круглой кистью.

Золотой Леопард прыгнул. И еще раз.

Мескес вскинул руку, два его собрата положили на плечи Верховного мага ладони. Пучок зеленого пламени выплеснулся навстречу чудовищу, ударил в оскаленную морду... и рассеялся.

Зазвучал чарующий смех Ирзаи.

Чудовище прыгнуло, со звонким хлопком пробив магическую защиту трех чародеев. Две руки

одновременно схватили шеи Баурана и Мескеса. Верховный маг бессильно повис. Семиглаз попробовал сопротивляться. Он вцепился в запястье зверя.

Чудовище зарычало и вдруг быстрым рывком челюстей напроць отхватило голову Баурана и проглотило ее целиком. Видно было, как откушенная голова проскользнула, вздувшись бугром, по пищеводу в нутро зверя.

Все еще держа в другой руке Мескеса, Леопард вскинул обезглавленный труп над головой и распахнул пасть. Струя крови хлынула прямо ему в глотку.

Ирзай смеялась.

Последний уцелевший маг, Сабатонис, самый молодой из троих, попытался сотворить заклинание, но чудовище, не прекращая глотать кровавый поток, не глядя, выбросило когтистую лапу и пригвоздило Сабатониса к полу. Маг закричал. Хрустнула, сминаясь под тяжестью зверя, грудная клетка, и Сабатонис умолк.

Ирзай смеялась.

Леопард огромными кусками, жадно отрывал человеческую плоть и глотал, давясь и кашляя. Вскоре от трех тел не осталось ничего. Даже кровь чудовище слизнуло, встав на четвереньки, длинным широким языком.

Когда Леопард вернулся к Ирзай, брюхо его заметно раздулось.

Богиня вспрыгнула ему на плечи, но не встала, как раньше, а уселась, обхватив бедрами звериную шею. Блаженный поток вновь окатил Фаргала.

Но что-то произошло в нем.

Словно некая невидимая струна проросла внутри и застонала, нарушая сладостную гармонию. Он смотрел на великолепное существо, восседающее на

чудовищном, но по-своему тоже притягательном звере, он купался в блаженстве, но...

Ирзаи, быть может, и ощутила слабенькое это сопротивление, но не придавала значения.

— Ты — лучший из всех! — пропела она. —

Ты станешь так же могуч, как ушедший

Мой Повелитель!

Усладой моей ты станешь...

Она спрыгнула с плеч Леопарда и оказалась над Фаргалом. Наклонясь, Ирзаи коснулась его длинных черных волос:

— Ты лучший из всех!

Ты пришел на мой зов!

И кудри твои, обрезав

Чтоб в радости нам не мешали! —

она коснулась пальцами лона:

Я буду хранить!

— Не будь ты так мал, не будь ты, увы...

Она вскрикнула, и на Фаргала дохнуло стужей.

— Ушел он, ушел! — простонала Богиня и рванула волосы царя с такой силой, что он невольно вскрикнул.

Но Ирзаи сумела успокоиться, и вновь жажда наслаждения охватила Фаргала...

И диссонирующая песнь медленно, но, удар за ударом набирая силу, разгоняясь, как, сомкнувшись, разгоняется конная лава, мощный тревожный ритм большого барабана, толчок за толчком, вниз к пропасти:

*«Спускался в Ад, зажав в кулаке клоч
осеннего неба.*

*И души предков витали над ним обрывками
темных лет...»*

— Ты будешь лучшим из любовников моих
и наивысшим
Я наслаждением награжу тебя...

В руке богини возник черный клинок. Взмахнув
им, Ирзаи отсекла прядь волос царя.

— Ты растворись в радости...

Все органы чувств Фаргала трепетали от неги.
Но внутри било и жгло:

*«Бродяга, пират, правитель, аскет
И тысячи тех, кто не был
Никем, бумажные бабочки, дым...
Воздадим
Каждому...»*

Грудь Фаргала жгло, словно к коже прижали
раскаленное железо, а живот содрогался от сладост-
ного томления:

— Ты будешь всегда со мной!

Ты будешь — в глазах моих! — пела Ирзаи:

Я буду хранить тебя
В сиянии вечно!

Она взмахнула рукой, нож пропал, и над Фар-
галом сплелось из светящихся нитей огромное про-
зрачное яйцо.

— Ты будешь взирать на меня!
На жаркие игры мои!...

*«Спускался в Ад. Шестнадцать кругов,
Шесть заржавленных истин
Вместо цепей. В счастливых глазах —
Медь. По жаркой смоле.
За хохот мглы. За гнев богов.
Сюда не доходят мысли!..»*

Еще одна черная прядь легла на теплый мрамор.

Существо Фаргала разрывалось надвое!

*«...За хохот мглы. За гнев богов.
Сюда не доходят мысли!
Но здесь — душа моя!
И нельзя
Без нее там,
На земле!»*

Там, там... — звенело в растекшемся сознании Фаргала.

— Да, — пересохшими губами шепнул он. — Да!
Чистый серебряный звон прокатился по пещере.
И царь увидел Ту, Кому Принадлежал.

Огромный золотой зверь зашипел, как рассерженная кошка.

Между Фаргалом и Ирзаи возникла сияющая фигура Таймат.

Всадница осеклась. Ее синие глаза выплеснули холод:

— Приветствую тебя, Сестра!
Прошло столь много лет!
Я ждалась! Пришла нора:
Я снова в мире...

— Нет!

Лик Ирзаи потемнел. Она качнулась навстречу сияющей фигуре, но охранительница Фаргала подняла руки:

— Сестра! Ты помнишь, мы клялись
Рождением своих Имен,
Что после Первого никто —
Никто не будет разделен
Меж нами? И не посягнет
Другая на чужой огонь!
Покуда одна из нас живет,
Другая...

— Нет, Сестра! Не тронь!

Ирзаи метнулась вперед, но Таймат вновь заслонила Фаргала:

— Он — мой! — вскрикнула Всадница. —
Он сам пришел на Зов!
Как все они! — Рука ее указала на толпу бритоголовых.

И здесь
Ты промахнулась! Что ж, готовь
К безвременной стезе
Себя! Как я! Сквозь бездны лет
Сквозь вечность пустоты
В полубеспамятстве ты...

— Нет!
Не я уйду, а ты! Смотри!
Смотри же! Вот мой Знак!
Он — мой! Извне или внутри
Мой пламень — в нем. Итак,
Ты видишь?

И шагнула в сторону.

Ирзаи впиалась взглядом в Фаргала, и тот содрогнулся от лавины обрушившегося на него ужаса, боли, смятения.

— Вижу! — произнесла Ирзаи мертвым голосом.
Забирай!
Он твой! Уходим мы.
Прощай!

С трудом (куда девалась прежняя легкость?), богиня взобралась на плечи Леопарда. Зверь вперевалку побежал к воде. Он тоже как будто съезжился, отчего еще больше выпирало набитое брюхо.

Зверь и его наездница вошли в озеро и через минуту исчезли под черной поверхностью.

Таймат, древняя богиня, повернулась к Фаргалу, шевельнула губами. Брошенные Ирзаи на пол отрезанные волосы взлетели и приросли к своим корням.

— Ну вот и кончилось, о царь! — проговорила она нежно.

Прощай и позабудь.
О том, что свет мой до конца
Твой озаряет путь!

Сияние вспыхнуло и угасло. Осталось только черное озеро и два голых человека, распростертых на отполированном камне.

Глава девятая

— Вот храм бога моего! — торжественно произнес маг.

Кэр увидел уходящее вверх, сверкающее, изумрудно-зеленое спиральное дерево. И лишь чуть поз-

же, заметив огромные переливающиеся кольца, сообразил, что это за дерево. Где-то на огромной высоте повисла широкая сплюснутая голова с рубиновыми горящими очами. Кэр только раз поднял на нее глаза и сразу же отвернулся.

Никогда раньше не видел он изображения Аша в полную величину. И не догадывался, что внушающий ужас идол — всего лишь символ Мудрого бога. Так же, как атакующий сокол только символ Яго.

Но в отличие от жрецов Яго, для которых бог был незримым и никогда не воплощавшимся в изваяние, последователи Аша очень часто создавали чудовищные подобию Змея.

Или Трехглазый Змей был не самым богом, а только Стражем, охраняющим сны Аша?

Откинув назад крупную длинноволосую голову, маг наблюдал за сыном вождя. Его глаза не упускали ни малейшей детали, фиксируя и вспышку страха и то хладнокровие, с которым юноша сумел подавить испуг. Жрец понимал, что не само огромное изображение потрясло Кэра. Не фетиш, а то, что юноша оказался в настоящем храме Аша, вот что заставило затрепетать сердце молодого воина. Да, на сей раз жрец Мудрого не ошибся. Сколь ни смешны были представления горцев о Господине, но старейшие клана Мечей сумели напитать воспитанника благоговением.

Слуга мага, Карашшер, тоже не спускал глаз с юноши. Его обязанность — охранять господина от физической опасности. А то, что Кэр — опасен, Карашшер знал. Неважно, что сам слуга мага куда сильнее юноши. Бывает, и черная антилопа пронзит рогом прыгнувшего льва!

Воин не мог читать мысли Кэра. И сейчас пере-
менил о нем мнение. Раньше Карашшер думал:
Кэр — волчонок, натасканный на убийство. Гордый
тем, что может убивать лучше других. Ни к пер-
вому, ни ко второму качеству Карашшер не испы-
тывал приязни. Карашшер не любил хороших вои-
нов. Хорошие воины представляли пусть и незна-
чительную, но опасность для него самого. И убийц
он тоже не любил, воспринимая убийство не более
чем как скучную работу. Азарт борьбы полностью
угас в слуге мага. Такова была цена подаренного
бессмертия.

До сих пор Карашшер считал Кэра волчонком,
но, увидев, как потрясла юношу какая-то размале-
ванная статуя, переменял мнение. Парнишка — все-
го лишь щенок. Глупый щенок крупной породы.

Карашшер презирал идолопоклонников. И посто-
янно забывал, что любой идол может оказаться вмес-
тилищем магической силы.

Решив, что Кэр не слишком опасен, воин рассла-
бился и теперь приглядывал за молодым воином без
прежнего беспокойства.

Поперек зала, к алтарю размером с шесть боевых
колесниц, тянулся выдавленный в полу канал в три
локтя глубиной. Словно след, оставленный в камне
непомерной тяжестью бога.

— Дай мне свой меч! — приказал маг.

Сын вождя, преодолев внутреннее сопротивление,
протянул чародею оружие.

Тот взял, вытянул руку, камень на диадеме за-
пульсировал. И клинок «скорпиона» раскалится до-
бела, согнулся, оплыл, превратившись в некрасивый
кусок железа.

Кэр прикусил губу. Ему было безумно жаль меча.

— Он чужд моему богу! — будто извиняясь,
произнес маг. — Нашему богу, Кэр!

И, быстро приблизив лицо к лицу юноши, прошепел:

— Посмотри на меня, мальчик! Посмотри на меня!

Кэру показалось: жар камня обжигает его лоб.

— Ты не боишься! — прошепел маг. — Это хорошо! Хорошо! Посмотри на меня? Ты узнаешь?

Нечто смутное шевельнулось в сознании Кэра. Это холодное красивое лицо определенно было ему знакомо!

— Сейчас! — свистящим шепотом произнес жрец Аша. — Сейчас я верну тебе память!

Он начал произносить заклинание, но вдруг заппнулся.

— Нет! Слишком много сил вокруг жаждут наших тел и душ! Погоди, мальчик! Я сделаю иначе!

«Я не мальчик! Я — воин!» — хотел произнести Кэр, но не успел.

Чародей прочел его мысли.

— Успокойся, сын Хардаларула! Сейчас ты вспомнишь все!

На правой ладони его появился серый порошок.

— Кора дерева биб! — сказал маг. — Она делает память крепкой и удобной, как написанный мастером фолиант. Ты сможешь заглянуть в любой уголок. Ты вспомнишь все не хуже, чем под властью заклинания!

Он поднес порошок к ноздрям Кэра и приказал телу юноши сделать глубокий вдох.

Храм исчез. Смерч огней, цветов, звуков завертелся вокруг, запрыгал тысячами знакомых и полужнакомых образов. А потом вновь проступил вид храма Аша, смутно, нерезко. Зато все, что когда-то видел или слышал юноша, проявилось с совершенной ясностью. Он действительно вспомнил все.

Пред его внутренним взором предстала гора Печали. И гора Черного Снега, немного западнее. И ущелье Четырех Братьев. А у входа в ущелье —

сложенные из камня домики Старшего селения клана Мечей. Все было неизменно. Как десять лет назад, как сто или триста лет. Горы дают людям иное время, чем земли долин.

Еще увидел Кэр своего отца, вождя Хардаларула, непомерно огромного, с жесткой черной бородой и черными, глубоко посаженными глазами. Гордого вождя Хардаларула, тогда, тринадцать лет назад, внушавшего жуткий страх двухлетнему малышу. Он, Кэр, стоял, держа за руку высокого худого человека, который отнял его у матери и привез сюда, в холодные горы Самери.

— Я выбрал тебя, вождь! — высоким свистящим голосом говорил пришелец. — Ты — лучший из вождей, а твой клан — лучший из кланов. Мой господин глядит на вас с благоволением! Возьми этого ребенка и сделай своим сыном! Он достаточно крепок, чтобы стать твоим сыном! И он принесет клану Мечей славу, равной которой не будет в Четырех Империях!

Говоривший подтолкнул маленького Кэра к будущему отцу.

— Я сделаю как ты скажешь, повелитель! — проговорил вождь и поклонился высокому пришельцу. (Кэр, теперешний, содрогнулся, увидев, как Хардаларул склоняет голову.)

Жесткие сильные руки подняли мальчика, приблизили к широкому угрюмому лицу. Мальш очень испугался, но не заплакал, а только сердито смотрел на обросшее волосами лицо Хардаларула.

— Не нашей крови! — пробасил вождь. — Но нашей породы! Волчонок!

— Он — моей крови! — произнес пришелец, названный повелителем.

Маленький Кэр почувствовал, как сильнее сжались пальцы вождя:

— Я буду беречь его!

— Нет! Сделай то, что я сказал! Я не стану винить тебя, если он умрет, не осилив науки воина! Но он не умрет! Прощай! Когда он пройдет испытание, дай мне знать!

— Как, повелитель?

— Просто подумай об этом, и я узнаю!

Высокий человек повернулся, чтобы уйти.

— Повелитель! — окликнул его Хардаларул. — Как его имя?

— Ты дашь ему имя! — последовал ответ. — Теперь он — твой сын!

Сидя на руках у вождя и обоняя его резкий мужской запах, Кэр смотрел, как человек спускается по тропе к Теплому озеру, чтобы оттуда, обойдя озеро по правому берегу, выйти на дорогу к городу-крепости Ахш.

— Вот и хорошо, — вкрадчиво произнес человек, перед которым склонил голову сам вождь Хардаларул.

— Мой повелитель...

Где-то у них над головами нависла огромная голова Аша, но Кэр не осмелился поднять глаза.

— ...Мой повелитель правил Карнагрией тысячи лет. И тебе, мальчик, даровано право владеть ею! Наш бог дарит нам, тебе и мне, это право!

То были сильные слова. Но в сердце Кэра жило сомнение.

«Фаргал!» — вспомнил он.

— Забудь о Фаргале! — прошептал маг. — Ныне он принадлежит Ирзаи, Всаднице! Взгляни!

Движение коричневых пальцев — и прямо из воздуха возникла живая картина. Кэр увидел Фаргала, полулежащего на блестящей поверхности. И огромную женскую фигуру, наклонившуюся над царем, с черным ножом в руке. А еще дальше, еле различимый, маячил зверь.

— Она убьет его? — спросил юноша.

— Нет! — маг издал свистящий смешок. — Она сделает его жизнь долгой и сладкой, Ирзан, Всадница! Забудь о Фаргале, мальчик! Кедровый Трон пуст!

Кэр некоторое время переваривал эту мысль, потом сказал:

— Что ж, если так, то — да! Думаю, я справлюсь!

И, представив себя въезжающим во главе войска в Великондар:

— Да! Это неплохое дело для воина!

Сын вождя засмеялся, а потом, вдруг оборвав смех, добавил с неизвестно откуда взявшейся свирепостью:

— Пусть они только попробуют мне помешать!

Кэр совершенно не представлял, кто такие «они», но зато предвкушал множество битв вроде той, что произошла сегодня. И себя — на месте Фаргала.

«У парня мозгов — как у хорька! — поморщился Карашшер. — Такому хорошего коня доверить нельзя, не то что государство! Если чародей отыскал ключик к Дивному Городу, почему бы не посадить на Кедровый Трон меня?»

— Никто не станет тебе мешать! — терпеливо произнес маг. — Ни один Владыка не оспорит твое право на трон Карнагрии!

— Да? — несколько разочарованно спросил Кэр. — Почему?

Видение грядущих битв потускнело.

— Я думаю, — произнес он прежде, чем маг успел ответить, — все они сочтут себя более подходящими для трона, чем я.

Карашшер ошибся: с мозгами у сына вождя все было в порядке. Просто юноша далеко не всегда ими пользовался.

— Я обещаю тебе, — торжественно произнес маг (Карашшер скривил губы у него за спиной), — что ни один Владыка Земель не выступит против! Потому что ты... станешь Фаргалом!

Слуга мага не сумел сдержать удивленного возгласа: вот так ход!

— Ты уже достаточно вырос, — продолжил маг после паузы, давшей Кэру возможность обдумать сказанное. — Волей случая... (Карашшер с подозрением посмотрел на своего хозяина. «Случай» для жреца Аша был тем же, что «добродетель» для блудницы.)

— Волей случая ты очень похож на Фаргала. Мне остается лишь изменить кое-что... Но ты станешь только лучше!

Кэр колебался. Скрыть свое имя казалось ему не вполне достойным. Он дорого дал бы за возможность посоветоваться со своим названным отцом!

— Фаргал, — вкрадчиво произнес маг, — не стал бы сомневаться! Он не бросил бы свою Карнагрию на произвол усобицы! Сам же ты только что сказал: половина Владык сочтут трон подходящим для себя!

Карашшер хмыкнул: «Какое ему дело до Карнагрии, этому юнцу?»

— И еще, — продолжал маг, — есть ведь и внешние враги!

«Да! — вспомнил Кэр. — Ведь есть и другие Империи! Я завоюю их!» — решил он.

Маг, читавший его мысли, тут же развил успех.

— Думаю, ты достаточно храбр, чтобы стать царем! А что касается имени... когда твоя власть упрочится, ты можешь и открыть его!

Кэр думал. Но он уже был готов.

— Я помогу тебе! — сказал жрец Аша. — Но сейчас мне нужно погрузить тебя в сон. Прежде чем

начать необходимые превращения. Приди ко мне с открытой душой, будущий царь Карнагрии!

Кэр вздохнул. Худое лицо мага манило и пугало одновременно.

Перед глазами сына вождя возникла картина: Фаргал и склонившаяся над ним прекрасная великанша с ножом в руке.

Но другая картина — зрелище атакующих Алых — вытеснила первую.

Кэр еще раз вздохнул и покорился.

— Ты слишком мягок с ним, мой господин! — сказал Карашшер. — Почему бы тебе просто не внушить ему покорность?

Маг бросил на воина холодный взгляд, в котором не осталось и тени той мягкости, какая была при разговоре с Кэром.

Карашшер почувствовал, как привычный холодок возник в груди. Но жрец Аша не собирался настраивать своего слугу против того, кто мог принести магу власть над землей Ашшура.

— На нем не должно быть и следа чар! — пояснил он. — Только тогда его не учуют там, во Дворце! Возьми его и отнеси на алтарь!

Карашшер поднял обмякшее тело Кэра и положил его на возвышение между зелеными кольцами Змея.

— Раздень его! — приказал маг. — Да поаккуратней!

— Разве так трудно избавиться от царских магов? — спросил Карашшер. — Пока они здесь, поблизости?

— Маги — ничто! — ответил жрец Аша, сбрасывая плащ. — Зверь Ирзай уже пожрал их. Жрецы Яго, вот кого следует опасаться. Милостью Фаргала их полно во Дворце!

Вот тут ясновидение изменило слуге Аша. Кроме Люга и Кен-Гизара, в Великондаре не было никого с символом сокола на браслете.

— Мальчик будет чист и послушен! — продолжал чародей, закатывая широкие рукава и обмакивая пальцы в настоянное на целебных травах масло. — Постарайся добиться его привязанности! Он послушается тебя, пока я не смогу присоединиться к вам!

— Ты хочешь сказать, что я буду сопровождать его один? — не на шутку обеспокоился Карашшер.

— Так и будет! — отрезал жрец.

Слуга не посмел возразить.

— Не трусь, — произнес маг, продолжая готовить необходимые для волшебства предметы. — Никто не станет тебе препятствовать. Ты выступишь под именем вождя соктов Люга.

— Люга? — изумился Карашшер. — Но я похож на сокта не больше, чем ты!

— Я выкрашу твою кожу и изменю цвет глаз! — сказал маг. — Сложением ты почти не отличаешься от сокта. В шлеме запросто сойдешь за него!

— Но я не могу все время быть в шлеме! — запротестовал воин... — Меня тут же заподозрят!

— Я дам тебе талисман, чьи чары сделают тебя похожим на Люга! И футляр для него — из вещества, проникнутого магией Ирзаи. Так его не учуют жрецы Яго. Но ты должен быть осторожен в его применении! Кстати, тебе придется последить и за своим голосом: слабый акцент Священных островов изобразить нетрудно, но смех сокта тебе скопировать не удастся!

— Мне будет не до смеха! — мрачно сказал Карашшер. — А что, если Фаргал и Люг вырвутся из объятий Ирзаи?

— Не вырвутся! — заверил маг. — Покровительница Фаргала (как вовремя я узнал о ней!) может

явиться лишь по его зову. А мой посланец передал Фаргалу все, что должна была сообщить пророчица. Кроме главного. Бывший царь не сумеет позвать Таймат. А если сумеет... Что ж, Сестры разорвут его, как некогда своего Величайшего Мужа! Где ты оставил вещи Фаргала и сокта?

— В соседнем коридоре!

— Принеси! Они мне понадобятся!

Слуга ушел, а маг, приблизившись к телу самерийца, провел над ним руками, словно гончар, ощупывающий свежую глину.

Появление Карашшера отвлекло чародея.

Слуга ничего не принес. И видно было, что он здорово испуган.

— Что? — строго спросил жрец Аша.

— Там... Там... Она! — с трудом проговорил Карашшер.

Чародей взмахнул рукой, и перед ним появилось магическое окно. В нем — отрезок коридора и огромная сияющая фигура, склонившаяся над одеждой Фаргала.

— Аш Аршахс! — вскрикнул маг. И без того бледное лицо его стало белей алебаstra.

Таймат!

— О Змей! Господин мой! — взмолился он, вскидывая руки к гигантской трехглазой голове.

Карашшеру показалось: громадная пасть приоткрылась: Змей ухмыльнулся.

Маг закрыл глаза и испустил стонущий крик.

— Хозяин! — не своим голосом завопил Карашшер.

Светящаяся, видение, вызванное чародеем, вдруг шагнула из магического окна прямо в храм Аша.

Маг успел взмахнуть рукой, и Карашшер потерял сознание. Но сам жрец был бессилен против Таймат здесь, в Лоне Древних Сил.

Он обратился к Ирзаи, но Всадница не откликнулась.

Таймат взидала на мага сверху и, казалось, раздумывала, как с ним поступить.

И тут громадное каменное тело Змея пришло в движение.

Изумрудная голова размером с небольшую лодку начала медленно опускаться вниз. Раздался звук, напоминающий грозовой раскат, и в пещере запахло свежестью. Треугольная голова опускалась все ниже и ниже, пока не повисла между жрецом и богиней. Каменное тело Змея образовало арку в двадцать локтей высотой. Чародей увидел золотистое чешуйчатое горло. Маг застыл в полном оцепенении. Он обессилел, и камень, направленный в Диадему Власти, впервые за несколько столетий утратил свой живой огонь.

Жрец Аша не видел, как средний глаз идола — слюдяная тусклая пленка между каменными веками — стал угольно-черным, а из приоткрытой пасти выскользнул такой же черный длинный язык и коснулся лица Таймат.

Богиня (ее прекрасная голова была вровень с треугольной мордой идола) протянула руку и дотронулась до каменного бугра с отверстиями ноздрей. Словно приласкала.

Черный язык на миг обвился вокруг светящегося запястья богини — браслет тьмы на сияющей коже — и канул в пасти Змея.

Огромная голова Стража Мудрого начала подниматься, а Таймат, забыв о жреце (словно его больше не существовало), повернулась и, шагнув в магическое окно, исчезла. Растаяло и само окно.

Освободившийся от заклинания Карашшер бросился к своему господину. Тот был без чувств.

Прошло не меньше пяти минут, пока в камне на Диадеме Власти снова затеплился огонь, а жрец Аша сумел вернуть себе дар речи.

— Кэр... — еле слышно прошептал он. — Что? Карашшер посмотрел на алтарь.

Кэра на нем не было.

Двое мужчин лежали у берега огромного подземного озера. Воздух над ними пронизывал слабый желтоватый свет, отчего полоска пены вдоль края воды казалась желтой.

Сама пещера была столь громадна, что два человеческих тела на дне ее — не больше, чем пара муравьев на полу царской опочивальни.

Оба человека, распростершихся на каменном основании пещеры, были в беспамятстве. И совершенно обнажены. Но на пальце одного блестел перстень с путеводным камнем, а на запястье другого — золотой браслет с атакующим соколом.

Глава десятая

Войска простояли в ремийской крепости три дня. О судьбе тех, кого поглотило нутро Злого Замка, не было никаких известий. Дарзар приказал своим людям непрерывно дежурить у ворот замка, но оттуда никто не выходил. И войти внутрь тоже никто не пытался.

Дарзар, Шотар и Кайр совместными усилиями навели порядок в крепости и прилегавших к ней областях земли Реми.

Ладар погиб. Погиб и мятежный племянник Шарамы Сарнала. По следам Андасана был послан отряд из трех тысяч всадников-райносцев, горевших

желанием искупить свою вину (часть объединенного войска мятежников, после разгрома рассеявшегося по окрестным лесам, спустя сутки снова собралась у крепости и предала себя на милость императора). Три сотни райносцев достигли предгорий Яго и вернулись ни с чем. Бывший командир Черных опять ускользнул.

Благородный из благородных Хонт-Хурзак, Владыка Шорисдара, был подвергнут допросу. Бескровно, однако и без почтения к титулу. О чародействе он не знал ничего. Подняться против императора его уговорил Андасан.

Теперь, после разгрома, Хонт-Хурзак искренне поносил Андасана и клялся приложить все силы для его поимки, а также возместить ущерб, причиненный бунтом. Владыка Шорисдара был готов на все, лишь бы сохранить жизнь. Правда, узнай он об исчезновении Фаргала, быть может, обрел бы прежнюю спесь. Как-никак по праву крови он первый кандидат на трон.

Впрочем, знай военачальники Фаргала наверняка, что царь погиб, вряд ли Хонт-Хурзак надолго бы его пережил. Мстительность Владыки Шорисдара знали все, а три военачальника, в чьи руки он попал, были не настолько глупы, чтобы рисковать.

Дни шли. В окрестные селения стали возвращаться жители, ушедшие в леса, едва запахло войной. Это принесло новые проблемы. Наемники, которые посчитали себя обойденными (им не позволили полностью ободрать захваченную крепость), роптали. Только железная рука Кайра и обещание дополнительного вознаграждения из средств Хонт-Хурзака держали их в повиновении. Однако к исходу третьего дня в крепость явились жалобщики, и Кайру пришлось выпороть пятерых солдат за грабеж и повесить двоих за насилие и убийства.

Пора было возвращаться в столицу. Но как возвращаться без императора? Приняли решение подождать еще три дня.

К исходу второго к Шотару прискакал вестник: «Фаргал вернулся!»

— Я знал, что он выкарабкается! — воскликнул Дарзар, бывший в это время в гостях у Шотара.

— Веди нас к нему! — приказал он вестнику, поспешно пристегивая меч.

Воин покачал головой.

— Он направляется сюда! — сказал он не слишком радостно.

Воодушевление Дарзара угасло. Приглядевшись к унылому лицу вестника, он тут же заподозрил неладное.

— Верное решение! — одобрил Шотар, менее пылкий, чем тысячник Алых. — Здесь ему будет удобней, чем в любом другом доме!

Капитан имел в виду дворец Владыки Реми, который занял в первый же день после падения крепости.

— Позови сюда Косогубого! — приказал капитан одному из своих охранников. И, повернувшись к вестнику:

— Что с царем?

Тот мялся, не зная, что ответить. И тут внизу, на первом этаже, раздался шум и несколько голосов одновременно выкрикнули императорское приветствие.

— Он здесь! — воскликнул Дарзар, побледнев.

— Идем! — сказал ему капитан. — Встретим!

Сбежав вниз по широкой лестнице, военачальники сразу же увидели отряд Алых, пересекающий обширный зал. Оба поспешили навстречу. Воины расступились, давая им дорогу.

— О, мой государь! — в смятении проговорил Дарзар, увидев своего императора.

Фаргал выглядел ужасно. Доспехи его превратились в решето, черные волосы свалились и лохмами висели вдоль изможденного лица. Могучая шея стала по-стариковски тонкой, а от мышц, облежавших широкий костяк, почти ничего не осталось. Царь выглядел как человек, не один десяток дней проведенный без пищи. Кайр, в эту минуту вбежавший в зал, остановился справа от Шотара и взирал на царя, не зная, радоваться ему или горевать.

Потускневшими глазами Фаргал посмотрел на встречавших его военачальников. Если б не характерный ястребиный профиль, ни один из них не признал бы царя — настолько тот изменился.

Люг, на плечо которого опиралась рука императора Карнагрии, выглядел получше, но и ему досталось изрядно. Толстый слой пыли, размытой потеками пота, покрывал лицо сокта. Борода была опалена, нос распух, глаза воспалились и заплыли.

— Приветствуем тебя, царь! — четко произнес Шотар.

Но губы его дрожали.

— Благодарю! — Даже голос царя стал высоким и скрипучим, словно в горле у Фаргала пересыпался песок.

— Люг, — негромко спросил Кайр. — Только — вы?

— Да! — сокт вздохнул. — Только мы. Больше никто!

Шотар подхватил царя слева и был поражен легкостью его тела.

— Кто-нибудь! — крикнул он. — Распорядитесь о трапезе для государя!

— Я позабочусь! — взялся Дарзар. — Пища, горячая вода, постель и лекарь!

— Лекарь ни к чему! — сказал Люг, и Шотар удивленно взглянул на сокта.

Но Фаргал поддержал:

— Да, лекарь — это лишнее! Только вода, пища и постель!

Спустя час, когда Фаргал, накормленный, вымытый и осмотренный все-таки лекарем (Шотар настоящий!), уснул, Люг и трое военачальников собрались в соседних покоях.

— Если вы думаете, что я стану что-то рассказывать, — хмуро заявил сокт, — то ошибаетесь! Есть кое-что, о чем лучше молчать!

— Ты уверен, что все, кто был с вами, — погибли? — спросил Кайр, поглаживая повязку.

Тысячник все еще надеялся увидеть Кэра живым.

— Все! — ответил сокт. — И воины и маги. Это был кошмар! А потом мы целую вечность блуждали в крошечной тьме! Не знаю, сумеет ли государь оправиться! Ему пришлось много хуже, чем мне! Боюсь, ему уже никогда не стать прежним Фаргалом!

Слова человека, всегда более других верившего в мощь царя-воина, повергли остальных в смятение.

— Мы будем беречь его! — угрюмо пробормотал Дарзар.

— Что бы ни было, — произнес Шотар, — вы вернулись, хвала богам! Погибни Фаргал — ушибы не миновать!

Кайр и Дарзар кивнули, соглашаясь.

— Что у вас? — спросил сокт.

— Войско готово выступить! — ответил Шотар. — Но Фаргал...

— Царь не скоро сядет в седло, — произнес сокт. — Но его можно нести на руках. Уверен, во Дворце он быстрее придет в себя! Если вообще

когда-нибудь... Так! — оборвал он сам себя. — Мы можем выступить послезавтра! А сейчас прошу меня простить — я хотел бы отдохнуть!

— Да, — проговорил Дарзар, когда сокт вышел. — Люг Смертный Бой... Досталось ему...

— Ну, в сравнении с Фаргалом вождь еще хорош! — возразил Кайр. — Из тюремной ямы краше выходят!

— Косогубый! — сказал Шотар. — Займись-ка завтра с утра носилками! Везти царя на колеснице по здешним дорогам нельзя!

— Люг и сказал: на руках! — напомнил Дарзар. — А насчет носилок... Думаю, паланкин Хонт-Хурзака — в самый раз! А толстяк пусть прогуляется пешком, порастрясет жирок!

Все трое рассмеялись преувеличенно громко, словно обрадовавшись поводу посмеяться.

Но на душе у каждого было темно. Особенно у Кайра, которого потеря Кэра буквально выбила из седла. Сколько надежд он возлагал на молодого воина!

Выйдя из дворца Владыки Реми, самериец вспомнил, что должен отправить черного вестника в дом Шера, как обещал Вардали.

Жена царского Советника связалась с самерийцем за день до того, как войско выступило в поход. С ее связями отыскать след юного гладиатора было не так уж трудно. Кайр, знавший Вардали достаточно хорошо (не он один!) и уважавший ее не только как женщину, искусную в любви, но и как человека, управлявшего своей судьбой, не отказал в просьбе. Кайр (и, опять-таки, не он один) питал слабость к Вардали, чья древняя кровь не прокисла за время, прошедшее от Шаркара-Победителя. Быть бы ей женой настоящего мужчины, а не этого слизняка Гагарана!

Узнав о подруге своего родича, Кайр не мог не одобрить выбор Кэра.

«Вот кому придется еще круче, чем мне! — подумал самериец, вспомнив о юной Ирдик.

Кайру, воину клана Мечей, достойная смерть Кэра служила хоть каким-то утешением, а вот ей...

«Все-таки я расспрошу Фаргала, когда он немного придет в себя! — подумал самериец. — Быть может, он окажется разговорчивей сока?»

Шотар, капитан дворцовой стражи, плохо спал в эту ночь. Приняв негласное старшинство над войском, он надеялся не только на возвращение Фаргала, но и на то, что царь сам решит мучившую его проблему. Теперь же стало ясно, что ответственность все еще на нем, Шотаре. «Черный замок», так называлась недавняя капитана тревога.

Шотару было очевидно, что корни вспыхнувшего бунта не в одном лишь Андасане. Бывшему командиру Черных не удалось бы склонить к восстанию ни осторожного Ладара, ни трусливого Хонт-Хурзака. И тем более сохранить все в тайне от соглядатаев императора.

Подготовка мятежа требует времени. И еще надо уговорить собственных людей подняться против такого властелина, как Фаргал. Уговорить всех, да так, чтобы ни один не отправился к царю продавать ценные сведения.

Шотар складывал факты: странное поведение пленников, которых захватили на подступах к Реми, мгновенное и, кажется, совершенно искреннее раскаяние недавних врагов. Не для того, чтобы вымолить прощение, ведь Фаргал никогда не карал рядовых мятежников, что было общеизвестно. Царя не раз порицали за мягкость к своим: в Карнагрии это не принято.

Злой замок, полагал Шотар, был центром всего. Счастье, что Фаргалу удалось выбраться, но замок-то по-прежнему стоит. И никто не решается даже вынести из него тела погибших, хотя смрад разлагающейся плоти чувствуется за три квартала.

«Прикажу заложить его камнем! — решил Шотар. — В два ряда. Нет, в три! Чтобы ни один демон не выбрался наружу! Три ряда камней и серебряный щит с именем Ашшура! Вот так!»

Определив, что будет делать, Шотар несколько успокоился. Однако уснуть ему удалось только под утро.

Не спали и в покоях царя.

Часть третья

„ПОЙ, МОЙ МЕЧ!”

Глава первая

Герой, шестилетний пес боевой породы, поднял обросшую черным жестким мехом голову, прислушался.

Негромкий скрип раздавался из-за стены.

Герой поднялся, сошел с ковра и, постукивая когтями по полу, приблизился к стене. Он знал, что за ней — пустота. И пустота — за тремя из пяти стен царской опочивальни.

Он, Герой, стерег императорские покои каждую ночь. Это его работа: стеречь царскую спальню в отсутствие хозяина.

Пес чувствовал: там, за стеной, что-то живое. Он не боялся. Таких, как он, и вывели, чтоб не боялись никого. Потому Герой с одинаковым бесстрашием прыгал и на вооруженного человека, и на атакующего кабана. А сила пса была такова, что даже любитель собачьего мяса, леопард, не стал бы задирать Героя.

Там, за стенкой, кто-то был.

Этот кто-то, возможно, не догадывался о присутствии Героя. Поэтому пес не залаял. Даже не зарычал. Он из тех, кто нападает молча. Бесшумно и стремительно набрасываясь из засады и разрывая горло одним мощным ударом челюстей.

За стеной щелкнуло. Деревянная панель дрогнула, поползла в сторону, как живая. Героя это не смутило. Он видел подобное не раз. Осторожно,

задом, пес отполз к царскому ложу. Затаив дыхание, припал черным боком к бахrome покрывала. Короткие подрезанные уши пса прижались к широкой голове, пушистый хвост мелко дрожал.

Оно появилось. Не человек. Не зверь. Существо с зеленой светящейся кожей. Существо, способное привести в ужас любого пса. Но не Героя.

Двигаясь, как человек, Оно пересекло комнату. Пес выжидал. Вот существо обогнуло царское ложе... Герой бесшумно, прижимаясь брюхом к коврику, пополз... Зеленая мерцающая спина, круглый затылок...

Пес прыгнул! Сильные челюсти сомкнулись на толстой шее, широкие лапы ударили существо в спину... Но враг не упал! И кровь не хлынула из разорванных артерий. Клыки собаки не более чем на четверть длины погрузились в жесткую плоть. Герой, свирепо рыча, с остервенением сжал челюсти. Но пасть не наполнилась горячей вкусной кровью... Вместо нее нечто жгучее, тошнотворное обожгло язык и небо. Но пес не обратил внимания на боль и челюстей не разжал.

Враг дергался, пытаясь достать Героя, но тот верно выбрал положение.

Жгучая мерзость все текла и текла. В горле собаки пылал костер. Но клыки продолжали сдавливать шею врага, а когти драли его гладкую спину.

Вдруг что-то произошло. Шея, которую стиснула пасть Героя, начала куда-то уходить, сокращаться. Миг — и зубы пса щелкнули, схватив пустоту. И прежде чем лапы коснулись пола, когтистая клешня сцапала пса за загривок, встряхнула с беспощадной силой, подбросила в воздух (огромного пса, весившего больше, чем взрослый мужчина!) и поймала, разорвав кожу на голове собаки. Герой щелкнул зубами, рванулся — и тут клыки, ничем не уступав-

шие его собственным, сжали его горло. Не прокусили. Просто сдавили с такой силой, что дышать стало невозможно. Герой забился, замахал в воздухе лапами — бесполезно! Через несколько минут глаза боевого пса остекленели. Оборотень разжал челюсти и вновь поменял форму, превратившись в нечто, напоминающее низкорослого, очень сильного человека. Затем он легко вскинул на плечо обмякшее тело собаки и нырнул в черноту тайного хода. Панель беззвучно задвинулась.

Утром, зайдя в царскую спальню, чтобы покормить пса, дежурный стражник не обнаружил там Героя.

Это удивило воина. Но поскольку он не был уверен, что пес ночевал здесь, в комнате (он принял дежурство с рассветом), стражник не стал поднимать шума. Ведь в спальне не было ни трупя собаки, ни даже следов борьбы. А уж такое чудовище, как Герой, украсть совершенно невозможно.

Так подумал стражник. А другие, те, кому он рассказал потом об исчезновении пса, решили: Герой просто улизнул. Ну и ладно — ведь завтра прибывает сам Фаргал! А уж поприветствовать хозяина пес обязательно явится!

Глава вторая

Войско прибыло в Великондар через неделю после того, как покинуло крепость Реми. Воины не стяжали славы, зато вернули в Карнагрию мир, что иногда поважней, чем слава. И сам царь (пусть и не во главе колонны, на боевом коне) вел их по своей земле. Фаргал был с ними, и конь его шел рядом с носилками, дожидаясь, когда хозяин сможет сесть в седло.

Войско двигалось без поспешности, и весть о возвращении пришла в столицу несколькими днями раньше.

Весть эта сняла тяжелое бремя с души Саконнина. Теперь можно было доложить Совету о случившемся и положить конец слухам.

И подготовиться к встрече.

Шарам Сарнал, Владыка Райно, отбыл в свою вотчину, не дожидаясь возвращения Фаргала. Саконнин не стал ему мешать, даже дал в помощь сотню Алых. В мятеже Сарнал явно не замешан, а земля Райно сейчас куда больше нуждается во Владыке, чем Дивный Город.

В день, когда воины Фаргала вошли в Ашшуровы, западные, ворота столицы, погода стояла превосходная. Легкие облачка затянули небо, скрыв безжалостный лик солнца. Можно было надеяться, что к вечеру будет и дождь, в котором давно нуждались поля.

Жители Великондара заполнили улицы города часа за два до того, как дозорные возвестили о появлении колонны. Они уже начали скучать, но ожились, когда стражники принялись расчищать проходы.

Поредевшая армия двигалась в строгом порядке. Пусть из трех воинов возвращается один (не менее двух тысяч осталось в Реми залечивать раны), зато сам царь Фаргал, не знающий поражений, возглавляет войско.

Несмотря на возражения друзей, Фаргал покинул носилки и пересел в седло. Выглядел он неважно, царские одежды свободно висели на иссохшем теле. Но соратники императора Карнагрии не особенно отговаривали его. В том, что царь решил возглавить войско, видели знак: Фаргал оправляется от потрясения. Кроме того, у царя проснулся аппе-

тит. Богатырский. Разве это не признак выздоровления? Глядишь, и мрачные предположения Люга останутся только предположениями.

Царь ехал сразу за трубачами, и теплый ветер столицы оведал его запавшие щеки, принося приветственные возгласы горожан. Легкая тиара венчала гордо поднятую голову. Черные волосы Фаргала покрывала золотая сетка, исхудавшие руки лежали на передней луке седла. Белый иноходец, выбранный для царя Шотаром, нес Императора по улицам его столицы.

Фаргал, в который раз, возвращался с победой.

Семья Советника Шера ожидала появления войска у входа во Дворец. Положение обеспечило Шера место в первом ряду. Вардали пришлось потрудиться, чтобы уговорить дочь прийти сюда. Теперь она почти жалела об этом. Праздничное настроение толпы не уменьшило, а увеличило страдания Ирдик.

Когда пара трубачей показалась из-за Белой Башни, аристократия Великондара разразилась криками не менее громкими, чем вопли простонародья.

Царь встретил ликование высших с тем же равнодушием, что и радость черни. Молчаливый, серьезный, он чуть покачивался в седле под ровный стук серебряных копыт иноходца.

Ирдик негромко вскрикнула и вцепилась в руку матери.

Вардали Шера обернулась, и привычная улыбка сползла с ее нарумяненного лица. Дочь ее стала совершенно белой.

— Мама! — проговорила девушка. — Это Кэр!

— Где? О чем ты? — с тревогой воскликнула женщина, озираясь.

— Это не Фаргал, — пробормотала Ирдик. — Это Кэр, мама!

Глаза девушки лихорадочно блеснули.

Вардали быстро оглянулась.

— Да нет же! — возразила она. — Это царь! Конечно, он немного похож на нашего мальчика... — женщина засмеялась, но смех застыл у нее внутри, оборвавшись. Так иснувало ее лицо дочери.

— Ты посмотри, — дрогнувшим голосом произнесла она. — Царь — мужчина! И волосы у него черные! Ирдик!

— Это Кэр! Кэр! — словно в трансе повторяла девушка. — Кэр! — вдруг закричала она во весь голос.

Иноходец Фаргала как раз в этот момент поравнялся с Шера. Пронзительный крик девушки пробились сквозь сотню других возгласов, и всадник услышал.

Гордая голова с ястребиным профилем медленно повернулась.

Император взглянул вниз, и его серые глаза встретились с зелеными глазами Ирдик.

Судорожно вздохнув, девушка потеряла сознание. А белый иноходец понес императора Карнагрии дальше, и спустя несколько минут победоносное войско вошло в дворцовые ворота.

А Ирдик Шера пришла в себя только через час, и первое, что сказала она не находившей себе места от беспокойства матери:

— Это Кэр!

Миновав дворцовые ворота, войско разделилось. Наемники, не задерживаясь, поехали к своим казармам. Пехотинцы выстроились вдоль стен, а Алые, все, кроме царской стражи, образовав полукруг, оцепили площадь перед великолепным фасадом Царского дома.

Советники во главе с Саконнином встречали государя на ступенях Императорской лестницы.

— Фаргал, Царь царей, Владыка владык!.. — закричал герольд.

Исхудавшее лицо царя дернулось.

Люг, ехавший рядом, соскочил наземь, помог царю спешиться.

Посланник Священных островов Кен-Гизар, укрывшись за спинами Советников, наблюдал, как идет Фаргал, тяжело опираясь на плечо вожды соктов.

«Досталось ему!» — подумал посланник с состраданием.

Царь в окружении охраны прошел через ряды Советников. Совсем близко от Кен-Гизара. И что-то странное почудилось сокту и в самом Фаргале и в своем соплеменнике Люге, на чьем мощном плече лежала рука царя. Что-то большее, чем потрясение и слабость.

Лицо Люга закрывал шлем, но царя Кен-Гизар видел во всех подробностях. Сильно изменившееся, оно все-таки, вне сомнения, было лицом Фаргала. Но — чужого Фаргала.

«Оборотень!» — вспыхнуло в мозгу жреца Яго.

И губы сами прошептали заклинание.

Ничего. Только ближайший из Советников удивленно взглянул на сокта. Значит, не оборотень! Тогда — чары? Кен-Гизар потрогал браслет... Ничего! Посланник глядел на удаляющуюся спину в императорском плаще-мантии. Чар не было. Если Фаргал был заколдован там, в подземельях Злого Замка, то колдовство оставило бы свой след. Великий Яго!

Посланник точно знал: что-то не так. Беда в том, что в Великондаре не так много людей, на помощь которых Кен-Гизар мог бы рассчитывать.

«Присмотрюсь поближе, когда он призовет меня, — подумал сокт. — Скорее всего, это произойдет еще сегодня!»

Но царь не призвал его ни в этот день, ни в следующий.

Кен-Гизар посетил Старшего Советника Трона и узнал, что царь ведет себя так, будто и не назначал сокта соправителем Саконнина. Так, будто совсем забыл о существовании старого друга. Кен-Гизару пришлось потратить полчаса, чтобы убедить осторожного Советника оставить свои подозрения относительно самого посланника.

Да, Саконнин встречался с царем наедине. Да, он видел и Люга. Да, поведение Фаргала показалось Старшему Советнику не совсем обычным. Да, память то и дело подводила императора, а речь его была неуверенной. Но чему тут удивляться? Достаточно только взглянуть на царя — и сразу станет ясно: Фаргал не в себе.

«Вопрос в том, насколько Фаргал не в себе? — попытался спрямить речь царедворца Кен-Гизар. — Может быть, во время пребывания в Черном Замке на царя были наложены чары?»

Лицо Старшего Советника сохранило невозмутимое выражение. Что ж. Если уважаемый Кен-Гизар полагает, что кроме усталости на поведении Фаргала могут сказываться и злые чары, он, Саконнин, не станет отрицать. Или соглашаться. Старший Советник Трона не обязан разбираться в колдовстве. На то есть царские маги, а поскольку магов сейчас в его распоряжении нет, Старший Советник предпочитает отложить сей вопрос до их возвращения. Или пока он, Саконнин, не подыщет новых. Что же касается подозрений посланника, то не от того ли достойный Кен-Гизар так озабочен, что царь охладел к нему самому?

— Да, — подтвердил сокт. — Это одна из причин. Но беспокоится он не за себя, а за представляемый им народ. И еще более — за государство, в котором в настоящее время живет!

— Вот как? — отозвался Старший Советник.

— Да, так! — подтвердил Кен-Гизар.

Разве Опоре Трона не известно, что Карнагрия нуждается в расположении соктов никак не меньше, чем сами Священные острова — в расположении Карнагрии?

Поскольку Старшему Советнику Саконнину это было известно очень хорошо, то он позволил себе задуматься.

— Допустим, — сказал он наконец. — Но в таком случае колдовство затронуло не только императора, но и соплеменника уважаемого Кен-Гизара, благородного вождя Люга!

— Почему же Старший Советник так полагает? — в свою очередь стал осторожничать Кен-Гизар.

Потому, что есть некоторые, незначительные, впрочем, факты. Например, никогда прежде Люг не обращался к царю — «государь» или «владыка». И еще, похоже, у соотечественника Кен-Гизара напрочь исчезло чувство юмора. Что, впрочем, менее странно, чем отказ от прежнего обращения «мой царь».

— Вот как? — удивился сокт.

А знает ли благородный господин Советник Трона, что Люг уже в четвертый раз отказывается встретиться с ним, Кен-Гизаром, ссылаясь на занятость?

— Занятость? — сквозь маску царедворца проглянул человек.

Насколько известно Саконнину, вождь Люг равным счетом ничего не делает — только жрет и пьет за двоих. Похоже, и он, и император так изголодались в подземельях Злого Замка, что до сих пор не могут наесться.

Жаль, что царские маги сгнули, посетовал посланник. Не полагает ли благородный Саконнин, что следует поторопиться с поиском новых?

Полагает. И, более того, разослал глашатаев. Но в Карнагрии магов не так уж много. Карнагрия — не Острова! Да, согласился посланник, не Острова! Может, обратиться к жрецам Ашшура?

— Жрецам Ашшура? — удивился Советник Трона.

И, с оттенком иронии: жрецы Ашшура не занимаются такими пустяками, как чары. А вот если бы отыскать жрецов Яго...

Как? Разве благородный Саконнин не знает, что он, Кен-Гизар, и есть жрец Яго! Но все, что он, жрец, может сказать: Фаргал — не оборотень. Это его собственное лицо.

Да, Советник тоже подумал об этом. (Сокт поднял бровь.) Очевидно! Будь под личиной Фаргала оборотень, это объяснило бы многое. Больше ничего посланник не желает сказать? Как жрец Яго?

Нет. Но хотел бы знать, не происходило ли в окружении Старшего Советника каких-либо перемен: в людях, в поступках? Может, были какие-нибудь необычные просьбы?

Была одна, подумав, сообщил Саконнин. Может, и вздор, но просьба действительно странная. И имеет касательство к личности государя!

— Даже так? — заинтересовался посланник соктов.

Очень слабое касательство, заверил Саконнин. А дело в следующем. Жена Советника Шера, Гагарана Шера, коего Посланник, несомненно, знает, обратилась к жене Старшего Советника с деликатной просьбой прислать к ее дочери царского лекаря.

Просьба и впрямь деликатная, согласился Кен-Гизар. А какова необходимость, вызвавшая такую просьбу?

Советнику Саконнину удалось это узнать. Верней, не самому Советнику, а его жене. Дочь благородного Шера повредила в уме. Ей привиделся в царстве Карнагрии какой-то мальчишка-гладиатор.

Как прискорбно, отметил посланник. И оживился, как охотничий пес, взявший след. Прискорбно — и вместе с тем любопытно. Послал ли Старший Советник лекаря? Нет, Старший Советник лекаря к дочери Советника Шера еще не посылал.

А знает ли благородный Саконнин, что, как жрец Яго, он, Кен-Гизар, весьма искушен во врачевании. Особенно же — душевных недугов молодых девушек?

Нет, Старший Советник Трона об этом не знал. А знает ли посланник Священных островов, что род Шера — очень древний и весьма почитаемый в Карнагрии?

— К демонам! — воскликнул Саконнин, решив, что настало время отбросить церемонии. — Судьба твоей Карнагрии висит на волоске! Не время говорить о деликатности!

— И все же я не рекомендую, посланник, делать то, что вы собираетесь делать! — заявил Саконнин. — Но я также не могу и запрещать вам посещение дома благородного Шера!

Сокт усмехнулся.

— Понимаю, — сказал он. — Если мне удастся узнать что-либо, я в первую очередь поделюсь этим с тобой, Старший Советник Трона!

На том и расстались.

На следующее же утро посланник Кен-Гизар, переодевшись в скромное (по меркам посланника) платье, явился к воротам дворца Гагарана Шера.

На душе у сокта скребли кошки.

Глава третья

Когда Вардали Шера доложили, что прибыл царский лекарь, она, разумеется, вышла, чтобы взглянуть на него. Увидев перед собой немолодого, тучного мужчину с добродушным черным лицом, Вардали потеряла к нему интерес.

— Проводи его к дочери! — приказала Вардали служанке. — Я подойду позже!

И, повернувшись, пошла через зал к мраморной лестнице, вдоль которой высились статуи предков Шера.

Глаза Кен-Гизара обежали внутренность дворца, не пропустив ни мозаики на полу, ни фресок, ни алебастровых колонн, ни сверкающей позолоты. Времена, когда сокты не умели ценить роскошь, давно ушли в прошлое.

«Приятное место, — подумал посланник. — И женщина эта — приятная. Но следует сразу поставить ее на место».

— Пойдем, лекарь! — служанка, тоже довольно милостивая, тронула Кен-Гизара за рукав.

Посланник посмотрел на девушку и подмигнул.

— Эй, женщина, — громко сказал он. — Женщина, вернись!

Вардали и в голову не могло прийти, что обращаются к ней. Но она обернулась на голос.

И изумилась, поняв, что этот лекарь зовет именно ее.

Некоторое время она изучала сокта. Более внимательно, чем прежде.

«Староват, — решила Вардали. — Темнокожий, наверняка уроженец Священных островов! Ну конечно, только у соктов такие глаза! Пожалуй, не стоит обращаться с ним как со слугой! Все же он — царский лекарь! Если он повернется и уйдет, я же

не смогу приказать рабам задержать *царского* лекаря!»

— Да, господин целитель?

«Урок усвоен! — подумал Кен-Гизар. — Умница! Готов поставить пять золотых, что под этим шелком нет набедренной повязки!

— Руку, женщина! — властно потребовал мнимый лекарь.

Вардали повиновалась раньше, чем успела сообщить, что она делает.

Сильные темные пальцы сжали кисть благородной карнагрийки. От прикосновения мурашки побежали по ее телу. Впрочем, так бывало всегда, когда ее касался незнакомый мужчина.

— Не зови меня — женщина! — заявила Шера. — Зови меня... Вардали!

При этом голос ее еле заметно дрогнул.

«Кен-Гизар! Ты не за *этим* сюда пришел!» — напомнил себе посланник.

Рукав туники сокта соскользнул к локтю, и Вардали увидела массивный золотой браслет с выпуклым изображением хищной птицы. И восьмиугольники из рубинов, вправленных в золото по обе стороны от него.

«Ого!» — подумала Вардали Шера.

Кен-Гизар заметил ее взгляд и поправил рукав. Не слишком быстро, чтобы она не подумала: он что-то скрывает. «Не хватало еще, чтоб аристократка заметила следы от перстней на моих пальцах! — с неудовольствием подумал он. — А кожа у красотки — великолепная!»

— Тебя снедает некое... томление! — произнес мнимый лекарь проникновенно. — Но сей недуг...

— Я вполне здорова! — отрезала Вардали.

Но руку отнимать не спешила.

— Советник Саконнин сказал: ты больна! — возразил сокт.

«Узнаю Саконнина!» — подумала супруга Советника Шера.

— Нет, целитель! Беда случилась с моей дочерью!

— В таком случае, пойдем к ней! — предложил мнимый лекарь. — А твоим, менее серьезным, недугом можно заняться попозже... если ты пожелаешь!

— Возможно! — ответила женщина. — Идем же!

Теперь она и помыслить не могла перепоручить Кен-Гизара служанке. Да и за тем, как он будет лечить Ирдик, следовало присмотреть!

Комната младшей Шера располагалась на втором этаже дворца. Свежий ветерок со стороны увитого виноградом балкона приносил приятную прохладу и бодрящий запах водяной пыли от небольшого фонтана из розового мрамора. Вдоль стен в больших глиняных вазах росли причудливые растения. Желтые и голубые цветы с длинными мягкими лепестками источали тонкий аромат. На зеленых глянцевых листьях блестели водяные капли.

Негромко пела флейта. Мальчик-музыкант, скрестив ноги, сидел на ковре. Глаза его были закрыты.

Вардали прикоснулась к голове флейтиста, и мелодия оборвалась.

— Выйди! — приказала женщина, и музыкант покинул комнату.

Ирдик, откинувшись в низком широком кресле, глядела в переплетение зеленых виноградных ветвей. На ней было свободное платье из полупрозрачного шелка. Волосы ее, расчесанные, но не убранные, рассыпались по темно-голубому бархату кресла.

Кен-Гизар взглянул на ее босые маленькие ноги, на соединенные вместе колени, на острые груди и живот, просвечивающий сквозь серый шелк, и рот его наполнился слюной. Он буквально чувствовал, как руки его раздвигают стройные нежные бедра, а

черные пушистые усы смешиваются с рыжими вьющимися волосками, когда губы припадают к Источнику Наслаждения.

Но тут глаза его встретились с зелеными печальными глазами девушки, и сокт понял: этого не будет никогда.

Он отнесся к своему неотвратимому поражению с философским спокойствием.

Вардали, угадавшая мысли мнимого лекаря (честь ей, ибо мысли Кен-Гизара угадать нелегко), прониклась к посланнику еще большим уважением.

— Доченька, — проговорила она. — Вот царский лекарь, он...

— Царский? — глаза девушки, до сего мига подернутые пеленой, вспыхнули.

Вскочив на ноги, она подбежала к сокту. Ее пальчики вцепились в край туники посла:

— О! — выдохнула она. — Вы, только вы можете мне!

Сокта не обманул ее пыл. К нему самому эта страсть не имела отношения.

— Ну конечно, милая! — откликнулся он с небрежной легкостью привыкшего утешать. — Говори, милая, я тебя слушаю!

Вардали открыла рот... и закрыла, наткнувшись на предостерегающий взгляд.

— Раз вы — лекарь, — пылко произнесла Ирдик, — вы не можете спутать их!

— Кого — их, девочка?

— Кэра и Фаргала!

— Кто такой Кэр, милая?

Ирдик выпустила его одежду, отшатнулась.

— Ты осматривал царя, господин лекарь, после... его возвращения? — напряженным голосом спросила девушка.

«А ведь еще и умна!» — восхитился Кен-Гизар.

— Да, — ответил он осторожно. — Я осматривал государя.

— И что? — зрочки Ирдик расширились.

Кен-Гизар поймал ее кисти, сжал, повел обратно к креслу, усадил, сел рядом на краешек (нелегкая задача, учитывая комплекцию посланника), отечески обнял:

— Скажу тебе, я был удивлен... — произнес он спокойно.

— Да? — вскрикнула Ирдик.

— ...Наш государь, он ведь, как знает каждый, кто видел его по возвращении в Великондар, не в лучшем состоянии здоровья. Я был удивлен тем, что государь заставил меня ограничиться лишь поверхностным осмотром!

— О! — выдохнула Ирдик.

Кен-Гизар почувствовал, как расслабилось тело, которое он обнимал.

— Ты можешь говорить мне все! — Сокт пристально взглянул в зеленые блестящие глаза. — Я лекары! И умею хранить тайны. Любые тайны! — подчеркнул он.

И Ирдик прорвало.

Торопливо, сбиваясь, нервничая, немилосердно теребя тунику Кен-Гизара, девушка выложила ему все.

О пире. О лабиринте. Об оборотне-змеечеловеке (Вардали за ее спиной ахнула и закрыла рот ладонью. Кен-Гизар, потрясенный не меньше, но лучше умеющий сдерживать свои чувства, предостерегающе сдвинул брови), о том, как оборотень их пощадил и вывел из лабиринта. Снова о Кэре. О неудачной попытке отца выкупить Кэра. И о том, как он все-таки стал свободен. О том, как она, Ирдик, любит его. И как сразу узнала там, на площади перед Дворцом.

— Это не Фаргал! — воскликнула она убежденно. — Это он, Кэр! Я знаю! Точно знаю! Потому что я люблю его!

— Хорошо, хорошо, девочка! — серьезно и спокойно произнес Кен-Гизар, глядя в пленительные доверчивые глаза. — Спасибо, что рассказала мне! Если это действительно Кэр, твой Кэр, — он достанется тебе! Я обещаю!

И поклялся самому себе, что так и будет. Опрометчиво. Но иначе он не мог бы поступить с такой девушкой.

Вардали с изумлением уставилась на лекаря, горюющего так, будто он сам правит царством.

Зато ее девочка наконец успокоилась!

— Ты немного отдохнешь! — продолжал сокт. — Поешь, поспишь и постарайся не слишком волноваться! Пройдет три, может, четыре дня — и все выяснится! И мы найдем твоего Кэра, даже если он не в мантии царя Карнагрии!

Кен-Гизар негромко рассмеялся. И поднялся.

«Ирдик-то успокоилась! — подумала Вардали, выходя из комнаты дочери. — А я? Ну уж нет!»

Сделав вид, что споткнулась, она, согнувшись, оперлась рукой на выгнутую спинку дивана, задержалась в этом положении чуть дольше, чем требовалось.

«Ну, лекарь, да...»

Сильный толчок швырнул ее на диванные подушки. Вардали вскрикнула, потом еще раз, вцепилась зубами в расшитый атласный шелк...

«Все-таки у придворного платья есть существенное преимущество перед штанами! В некоторых случаях!» — подумал Кен-Гизар. Он выиграл бы свои пять золотых. У сокта было все, чтобы утешить Вардали Шера. Абсолютно все, что нужно!

Женщина безжалостно грызла дорогой шелк, чтобы ее вопли не разносились по всему дворцу. Этот царский лекарь — о! — если он действительно лекарь, а не самозванец, взял ее с грубостью пьяного солдата! Именно так, как хотела Вардали! Неожиданно, больно, беспощадно!

— А-а-а-х! — Вардали содрогнулась, уткнула лицо в подушку и завывла пронзительно, долго. Как волчица.

Сокт навалился на нее сверху всем грузным телом, распластал на диване, захрипел в пушистый каштановый затылок.

— О-о-о-о!

Но у них было не слишком много времени. Обоих ждали дела.

Выходя из ворот усадьбы Шера, Кен-Гизар пришел к выводу, что пять золотых выиграны не им, а этой карнитской тигрицей. Решив так, он выбросил Вардали из головы.

Глава четвертая

— Ты знаешь, — Саконнин на время отбросил официальный тон, — я уже слышал имя: Кэр! Нынче в полдень вспомнил об этом. И именно от Гагарана Шера. Он просил продать мне его! Кэра из Гладиаторского Двора!

— Кэра? И что же?

— Как я понял, это даже прихоть не самого Советника, а его жены Вардали!

— Вот как? — произнес Кен-Гизар. — Почему ты не стал содействовать?

— Наоборот! Сделать что-либо для Вардали Шера только приятно!

«Как верно сказано!» — Кен-Гизар мысленно улыбнулся.

— Но, — продолжал Саконнин, — на Гладиаторском Дворе распоряжается Гронир! А Гронир уже успел отказать Гагарану. Значит, пришлось бы обращаться к государю, а я не посмею тревожить императора по столь ничтожному поводу!

— Гронир... — протянул посланник. — Значит, вот как...

Он был наслышан об одноруком Управителе.

Саконнин подозрительно посмотрел на сокта.

— Ты думаешь, здесь замешано что-то еще? Почему Гронир отказал Шера в такой мелочи? А ведь Гагаран был готов отдать сотню золотых! За ученика гладиатора!

— Сотню? — Кен-Гизар поперхнулся персиком, который только что укусил. — Сотню золотых?

— Вот именно, — подтвердил Саконнин, очень довольный, что сумел поразить посланника.

— Ставки? — спросил Кен-Гизар, откашлявшись.

Старший Советник с удовольствием поглядел на собеседника. Раньше он немного недолгоблывал сокта. За то, что он — сокт. Но, Ашшур, голова у сокта работает.

Старший Советник был рад переложить часть груза на чужие плечи. Он всегда был только Советником. И не помышлял о том, чтобы самому занять сделанное из драгоценного самерийского кедра сиденье. Нет, Саконнин не привык быть первым. Поэтому и пережил двух царей. Но сейчас Советнику приходилось нелегко.

— Когда к тебе приходил Шера? — спросил посланник.

Саконнин ответил.

— Знаешь, — подумав, проговорил сокт. — Через два дня после этого я выиграл шесть золотых на малую серебряную монету! На Играх!

— Ну и что?

Кен-Гизар рассмеялся.

— Вижу, ты в этом мало смыслишь! Удачей считается, если одна серебряная монета приносит две. Если она приносит десять — это уже чудо. А если золотой... Такого лично я до того дня не мог представить! Но получил — шесть! Клянусь Ашшуром, я почти уверен, что Змея — гладиатор, подаривший мне шесть золотых, — и есть тот самый Кэр! Ах, демон! Наверняка — он! Только... Я не слишком хорошо его разглядел — сидел с простонародьем, наверху, — но скажу тебе: за Фаргала ему не сойти! Это — наверняка!

— Опиши мне его, посланник! — попросил Саконнин. — Или он был в глухом шлеме?

— Как раз нет! Представь! Противником его был Устул. Мой родич. Но из тех, что у нас на Островах вздергивают за ноги быстрее, чем ты чихнешь! Зато на Играх чаще всего побеждают именно такие, как он. Выходит Устул, в железе от пяток до макушки, огромный, с огромным хвостатым копьем! Страшное, скажу тебе, оружие, если умеешь им владеть! А Устул умел. И против этого зверя Гронир — ты представляешь, Саконнин? — Гронир выпускает новичка! Новичка!

— Ну и что? — вежливо спросил Советник.

— Ах, ты не знаешь! — воскликнул Кен-Гизар азартно. — Если новичок идет не в партии, он должен быть по меньшей мере опытным воином! А тут — буквально мальчишка! Да еще голый: без шлема, без панциря! Только в набедреннике и сапогах! Будто на праздник явился: голый, тощий, длинный сопляк! С мечом в три пальца шириной! Против соктского копья, у которого и наконечник — в четыре раза шире!

Я подумал: сильно Гронир невзлюбил парнишку! Да все мы так подумали! Если и нашлись два-три кретина, что поставили на паренька, то уж не больше двух-трех!

И тут они схватились! Мальчишка даже меч выхватить не успел. Устул гонял его, как бык — поросенок! Из тех трех дураков, что поставили против Устула, верно, двое уже забрали назад свои деньги. А я чувствую: что-то не так. Уж больно ловок поросенок! Дай, думаю, поставлю на него мелкое серебро. А вдруг...

И представь, Советник, когда все решили, что Игра сделана, парнишка достал меч. И вот тут я понял, что поставил верно! Мастера-то сразу узнаешь! А Игра действительно была сделана. Через минуту наш поросенок зарезал быка-Устула! Да так чисто и красиво, что все ахнули! Но это еще не все! Парень завыл по-самерийски! Никогда не слышал? Повезло! Жуткий звук! Но и это не все! Он отрубил башку Устулу и минут десять приплясывал с ней на Арене!

А я получил свои шесть золотых! — заключил Кен-Гизар. — И, знаешь, подумал: мало получил!

— Разве? — спросил Саконнин. — А что ты говорил о чуде?

— Сам посуди! Ведь все, абсолютно все, я уверен, ставили против! При таком раскладе, чтоб выиграть на Устуле медный грош, надо три серебряных заложить! А я получил шесть золотых! Значит, кто-то ставил на парня! И серьезно ставил! Кто-то из тех, кто хорошо знал, на что он способен!

— Гронир? — спросил Советник.

— Возможно, очень возможно!

— Послушай, — Саконнин задумался, припоминая. — Ты сказал: парень кричал по-самерийски? Может, он из горного клана?

— Не может, а наверняка! Именно с горцами мы тогда ходили на кушога. А что?

— Пока ничего. Посмотрим.

Тут колокольчик над дверьми в покои четырежды звякнул.

— Войди! — крикнул Советник.

Вошедший, воин в латах Алого, с золотым медальоном на поясе и Львом царской стражи, поклонился Саконнину и сдержанно приветствовал посланника соктов.

«Он знает меня!» — подумал Кен-Гизар.

Вид у Алого был невеселый.

— Мы упустили его! — сообщил он сокрушенно.

— Как? — воскликнул Саконнин. — Он проскочил?

— Да нет! — воин с досадой мотнул головой. — Если б он проскочил, мы догнали бы его через час-другой! Он принял яд! И никаких бумаг, никаких отметок на коже!

— Следовало ожидать, — пробормотал Советник. — Хорошо. Вы сделали, что могли. Что бы ни вез гонец, об этом не узнает и император Эгерина!

— О чем? — спросил Кен-Гизар.

Воин в красных доспехах бросил на него насто-роженный взгляд.

— Можешь говорить! — сказал Саконнин. — Этот человек был назначен моим сопровителем, когда государь отбыл в Реми!

Воин поклонился.

— Я не знал, — сказал он. — Прости меня, посланник Кен-Гизар!

— Никто не знал! — кивнул сокт. — Не извиняйся! Лучше объясни, в чем дело!

— Да, — вставил Советник. — Познакомься и ты, посланник: Бренелар, новый начальник царской стражи! Нет! — отвечая на немой вопрос сокта. — Я

сам его назначил! А история такова: посол Эгерина Скаэр Станар вчера утром попросил у царя аудиенцию. И получил, к моему немалому удивлению!

— Почему — к удивлению?

— Потому что незадолго до этого он отказал тысяцкому Кайру и Владыке Помершару.

— Вот как?

— Я присутствовал на аудиенции. И могу сказать, что это был обмен ничего не значащими фразами. С каким бы делом ни пришел посол Эгерина к царю, его он излагать не стал. Может быть, Станара поразила странная манера государя...

— Что именно?

— Фаргал вел себя с не свойственной ему прежде надменностью. Пожалуй, это самое главное отличие. И тем не менее царь ничего не сказал, когда Станар по собственной воле прервал аудиенцию и откланялся. Впрочем, этот полукушога проделывал это и раньше и Фаргал ни разу не вернул его обратно. Далее, Станар отправился к себе и сразу же отрядил гонца в Эгерин.

— Это его право! — кивнул Кен-Гизар.

— Да. Но я счел возможным задержать гонца. На время. За посольством по распоряжению Фаргала была установлена полная слежка. Гонца пропустили. Задержали только при выезде из города. Обычная стража. Предлог: отсутствие документов.

— С ним не было грамоты? — удивился Кен-Гизар.

— Была, но ее украл один из стражников. То была всего лишь отсрочка. Если бы гонец потребовал связать его со Станаром, мы выпустили бы вестника сразу же. Но он не потребовал.

— Что же он сделал?

— Сбежал!

— Тогда ты послал за ним Алых?

— Именно! Но они провалили дело!

Бренелар мрачно глядел в пол.

— А не кажется ли тебе, благородный Саконнин, что ты делаешь работу капитана Шотара? — осведомился посланник соктов.

— У меня не было времени связаться с Шотаром!

Бренелар мрачно глядел в пол.

— Да, — пробормотал Кен-Гизар, — любопытно было бы узнать, что же пронюхал наш Станар. Но теперь, господа мои, я предлагаю вам выслушать историю, что рассказала мне прекрасная Ирдик Шера! История, которую новому начальнику царской стражи очень неведно послушать! Вне зависимости от того, что творится с нашим царем!

Бренелар открыл было рот... И закрыл, видя, что Советник Трона совершенно спокойно отнесся к высказыванию посланника.

— Оборотень? — ахнул Саконнин. — Во Дворце?

— А девушка не врет? — спросил Бренелар.

— Ирдик Шера! — оскорбился Саконнин. — Она не может врать!

— Ну, если не врет, то все-таки откуда она может знать...

— Я знаю! — жестко сказал посланник. — И поклянусь на мече, который уже шесть лет не брал в руки, что все сказанное ею — правда!

— Разрешено ли мне будет покинуть вас? — спросил воин, поднимаясь.

— Даже желательно! — ответил сокт. — Действуй, Алый!

— И еще одно, — произнес Советник Трона, когда начальник царской стражи вышел. — Упомянутый выше Станар в свое время передавал Фаргалу пожелание одного из вождей горных кланов Самери:

посодействовать в розыске сына, пропавшего по дороге в Великондар. Или в самой столице. Имя вождя — Хардаларул!

— Не знаю, — покачал головой сокт. — А каков тотем клана?

— Клан Мечей!

— Ого! — воскликнул Кен-Гизар. — Так, говоришь, Кайр-Косогубый просил у царя аудиенции и не получил ее? А знаешь ли ты, что Кайр — самериец! И именно из клана Мечей!

— Ашшур!

— А вот мы не откажем Кайру в аудиенции, верно, Советник?

— Безусловно!

— Значит, сегодня вечером у меня, потому что это безопасней, чем во Дворце. И еще я хотел бы видеть капитана Шотара, царского лекаря, Управителя Гронира, нового начальника стражи — он должен быть в курсе происходящего — и, разумеется, тысяцкого Кайра! А также любого, кого ты, Советник, сочтешь нужным пригласить для разговора о нынешних делах! И еще, благородный Саконнин. Неплохо, если с Грониром предварительно поговорят о гладиаторе Кэре. И лучше, если не ты, а...

— Я знаю Гронира! — улыбнулся Саконнин. Бренелар поговорит с ним: они — друзья!

— Еще одно, Советник! Как обстоят дела с кандидатами в царские маги?

— Неважно! — признался Саконнин. — Есть пара желающих. Но самое большее, на что они способны, это зажечь свечку или заговорить грыжу!

— Тоже полезное дело! — заметил сокт. — Но для царского мага, пожалуй, маловато? Догадываюсь, ты решил подождать других?

— Ты невероятно проницателен! — улыбнулся Саконнин. — До вечера, посланник!

Глава пятая

Дворец, в котором сейчас обосновался Кен-Гизар, был построен четыреста лет назад, и вовсе не для того, чтобы в нем разместилось посольство Островов. Однако ж предшественник Кен-Гизара купил его, перестроил внутреннюю часть и заложил сад, уступавший царским садам только размерами и разнообразием. Вот в этом саду, в павильоне, чья легкая крыша покоилась на резных колоннах из розовой сосны, посланник Священных островов принимал своих гостей. А поскольку у собравшихся не было желания, чтобы содержание беседы разнеслось дальше этого ажурного летнего павильона, то вместо музыкантов и танцовщиц их окружали бородатые стражники-сокты. «Надежные, как ясеновое древо» — по выражению Кен-Гизара. А снаружи посольство охраняли Алые Бренелара. Можно было надеяться, что тайный совет действительно останется тайным.

— Есть предположение, — осторожно начал посланник, что царь Фаргал, вернувшийся из Реми, уже не тот царь, что выехал из столицы тремя неделями ранее! Прошу всех высказываться, господа мои!

— Сильное заявление, — пробормотал Гронир, чувствовавший себя немного не в своей тарелке в присутствии аристократов, коими он считал посла и Советника Саконнина. — И многозначительное! А что полагает благородный Советник Трона?

Хитрые поросычьи глазки бывшего Алого остановились на длинном лице Саконнина.

— Поддерживаю! — отозвался тот. — Полагаю, царь околдован! Шотар?

— Я видел, каким он вышел из Ремийского замка! — буркнул воин. — И я видел сам замок! Да, такое возможно!

— Кайр? — спросил Кен-Гизар.

— У меня не было возможности поговорить с царем с тех пор, как мы покинули крепость! Он отказывает мне в аудиенции, хотя есть нечто, о чем я должен сообщить лично императору!

Чувствовалось, что тысяцкий обижен. Царь не должен так поступать со своим старым соратником!

— А скажи мне, тысяцкий, — вкрадчиво спросил Гронир. — Как вышло, что ты оставил царя в опасности?

— Не отвечай, Кайр! — быстро вмешался Шотар. — А ты, Управитель, держи рот на запоре, если ни хрена не знаешь!

— Я только спросил! — пробормотал Гронир.

Шотар был одним из немногих, чье превосходство бывший Алый признавал безоговорочно.

— Ага! Спросил, не предатель ли он?

— Да ладно, успокойся! — пробурчал Гронир.

— Я могу объяснить! — вмешался самериец.

— Обойдемся! — отрезал капитан. — Я сам...

— Нет уж, я объясню! А остальным невредно будет послушать!

И рассказал о том, что произошло в замке, до того как он сам со стрелой в плече вывалился наружу.

— Все — правда! — хмуро сказал капитан. — В том — мое слово.

Некоторое время в павильоне царило молчание. Потом Кен-Гизар спросил:

— А твой родич, что с ним?

— Мертв! Но он выполнил свой долг, раз Фаргал здесь!

— Надо полагать, выполнил, — негромко произнес Кен-Гизар. — Если здесь — Фаргал...

— Что за намек? — Кайр подозрительно посмотрел на посланника. — Если царь очарован, то родич мой тут совершенно ни при чем!

— Я сказал то, что сказал! — спокойно ответил сокт. — А ответь, тысяцкий, верно ли, что этот юноша... его ведь звали Кэр, да?

— Да! — подтвердил удивленный самериец.

— Правда ли, что он был очень похож на Фаргала?

— Сходство было, верно! — не стал спорить Кайр, пытаясь догадаться, куда клонит сокт. — По крайней мере, на Фаргала он был похож больше, чем на собственного отца! Но мало ли людей, похожих на царя?

— Лицом — немало! — согласился Кен-Гизар. — А как имя достойного отца Кэра?

— Вождь клана Хардаларул!

— Почему ты не сказал об этом раньше? — резко спросил Саконнин.

— Потому что со своими людьми я разбираюсь сам! — отрезал самериец. — И сам отвечаю за них! Только царь...

— Считай, что перед тобой — царь! — твердо сказал посланник соктов. — Если Фаргал очарован, Советник Трона говорит от имени прежнего Фаргала!

— Так ли это важно, что наемник Косогубого — сын какого-то вождя? — спросил Шотар.

— Если он действительно сын Хардаларула — неважно! — ответил капитану Кен-Гизар. — Он сын Хардаларула, Кайр?

— Клянусь на мече! — ответил тысяцкий.

— Но не похож на отца?

— Только внешне! И что с того? Ведь он — приемный сын!

— Приемный? — воскликнул Гронир. — Ты же сказал — он твой кровный родич!

— Какая разница? Если он оказался хорош, как сын, для вождя клана, то не может быть плох для меня!

— Ну теперь-то ты повыше, чем какой-то племенной вождь! — напомнил Шотар.

— Это как посмотреть, — пробормотал самериец. — Может — повыше, а может, и пониже!

— Кто и почему назвал его Змеей? — неожиданно задал вопрос Кен-Гизар.

— Хар-Руд, мой помощник! — ответил Гронир. — И, клянусь Ашшуром, кличка ему подошла! Его меч разил не хуже змеиного яда!

— И кое-кто неплохо подзаработал на его мече! — ни к кому не обращаясь, произнес посланник.

Гронир помрачнел:

— Кого ты имеешь в виду?

— Хотя бы себя!

— К чему столько разговоров о каком-то наемнике? — спросил Шотар. — И как дела с поисками нового царского мага, Советник Трона?

— Есть обнадеживающие новости! — отозвался Саконнин. — Советник Дир говорил с претендующим на должность магом, показавшимся ему достаточно серьезным. Завтра с этим магом буду говорить я.

— Может, отложим решение о чарах, пока не выскажется маг? — предложил Шотар.

— Не стоит! — возразил Кен-Гизар. — Я — не маг. Но могу сказать определенно: тот, кто сейчас на троне Карнагрии, вероятнее всего, свободен от чар!

— Но ты же сам сказал... — начал капитан.

— Что сказал? — перебил Кен-Гизар. — Разве я говорил о чарах?

— Но... — капитан остановился в замешательстве.

— Это я говорил о чарах! — уточнил Саконнин.

— Теперь, господа мои, я, пожалуй, объясню вам, почему я так долго расспрашивал о некоем наемнике Кэре, — медленно проговорил посланник соктов. — А делал я это потому, что не могу отверг-

нуть возможности того, что именно Кэр сейчас находится в царских покоях!

— С Фаргалом? — изумился Шотар.

— Вместо Фаргала!

— Вздор! — закричал тысяцкий. — Как может пятнадцатилетний мальчишка выдавать себя за царя? Да все сходство между ними — в чертах лица. Даже волосы...

— Волосы — это просто! — сказал сокт. — А вот глаза... немного сложнее. Какого цвета глаза были у твоего родича?

— Я не помню, но...

— Серые! — вступил Гронир. — Я помню. Серые. Как у Фаргала. Но я — за Кайра! Невозможно такого мальчишку выдать за нашего царя! Все равно что боевого коня подменить жеребенком-однолеткой!

— И все-таки есть человек, что утверждает: это именно Кэр! — спокойно сказал посланник.

— Я не подвергаю сомнению честность девочки, — произнес Саконнин, — но не стал бы так доверять ее фантазиям!

— Какой еще девочки? — спросил Бренелар.

— Сейчас расскажу! — сказал посланник.

И передал то, что услышал от Ирдик.

— Красивая история! — скептически произнес Шотар, когда сокт закончил.

— Эй, капитан, если послушать, о чем говорят женщины на рынке, — еще не такое узнаешь! — ухмыльнулся Гронир. — Бренелар! Как тебе идея о змеечеловеке у тебя под боком? — и хохотнул.

— Я предупредил моих людей! — без улыбки ответил начальник стражи. — Даже если это ложь, я обязан...

— Это не ложь! — мрачно сказал Кайр. — Сам Кэр рассказал мне то же. Слово в слово. Будь на чеку, Алый!

Теперь удивился Кен-Гизар:

— Кэр рассказал тебе?

— Ну да! Незадолго до нашего выступления. Потому-то я и подумал: раз Фаргала во Дворце не будет, дело может подождать! Но в твое предположение, посланник, я не верю!

— Твое право! Только учти, тысяцкий, — женщины, особенно любящие женщины, замечают то, что не видит даже начальник царской стражи!

— Кто же станет спорить с Кен-Гизаром о женщинах? — рассмеялся Шотар. — Всем известно, какой он знаток!

— Да, — согласился сокт. — Я знаю женщин. И не только женщин. Я знаю еще одного человека, которому прежде верил, как себе. А теперь не верю!

— Кого?

— Вождя Люга!

Некоторое время все молчали. Потом Шотар спросил:

— Неужто ты усомнился в Люге Смертном Бое? Верно ли я тебя понял на сей раз?

— Я усомнился в том, что человек, который выдает себя за вождя Люга, — вождь Люг.

— Еще один двойник? — произнес Саконнин. — Я видел лицо твоего соотечественника, достойный Кен-Гизар! Он изменился, да. Но не более, а менее, чем Фаргал. Впрочем, вы, сокты, похожи друг на друга!

— Я не видел его! — сказал посланник. — А скажи мне, Советник, был ли на руке у Люга вот такой браслет?

Он откинул рукав.

— Я не заметил, — ответил Саконнин, поглядев. — О чем это говорит?

— О многом! — заверил Кен-Гизар. — Если браслета нет, значит, мы имеем дело с подменой!

— Оборотень? — насторожился Бренелар.

— Нет! Оборотня я заставил бы раскрыться!
Двойник!

— Погодите-ка! — воскликнул Шотар. — Вот же сидит человек, который осматривал Фаргала после возвращения! Он-то может сказать наверняка! Лекарь! Что ты молчишь? Или тебя тоже подменили?

— Я? Что я могу сказать? — царский врачеватель смутился. — Да, осматривал.

— И что же? — резко произнес Шотар.

Лекарь еще более смутился.

— Ну, — проямлил он, — по ряду телесных признаков...

— Да говори же ты! — рявкнул капитан.

— По ряду признаков... Он был очень немощен, конечно... Но... Да! — наконец заключил лекарь. — Да!

— Разорви тебя демоны! Что — да?

— Это — государь Фаргал! — заявил лекарь, собравшись с духом. Он виновато поглядел на Кен-Гизара. — Я ведь знаю каждый шрам на его теле! Это наш царь!

Почти все присутствующие облегченно вздохнули.

— Что ж ты раньше молчал? — упрекнул его Шотар. — Мы тут час толчем воду в ступе! С подменной все, посланник?

— Почти... — уклончиво ответил Кен-Гизар.

Интуиция говорила сокту: что-то не так.

— А относительно чар... — взял на себя инициативу капитан. — Мы будем говорить, когда новый царский маг приступит к делу! И выскажется! Ты ведь не маг, посланник?

— Ладно, — пробормотал Кен-Гизар. — И впрямь можно отложить. Как насчет ужина, мои господа?

Глава шестая

— Я не хочу видеть посла соктов! — отрывисто бросил Кэр. — Не утомляй меня больше подобными предложениями! Лучше вызови мне Шотара, Советник!

Тонкие губы Саконнина, казалось, стали еще тоньше.

Карашшер с неудовольствием посмотрел на костлявое, не утратившее еще «голодной» сухости лицо юноши. Собственно, теперь только он сам и мог назвать Кэра юношей. На взгляд всех остальных Кэр был мужчиной слегка за тридцать.

«Действие снадобий продлится не меньше трех месяцев! — сказал хозяин Карашшера. — А через три месяца я буду сам управлять Карнагрией! По воле Мудрого!»

— Капитана Шотара нет во Дворце! — спокойно ответил Старший Советник Трона. — Он — в городе. Потребуется время, чтобы его найти!

— Так не теряй его зря! — раздраженно бросил Кэр.

Старший Советник поклонился и вышел.

— Ты слишком жестко держишь поводья! — упрекнул сына вождя Карашшер. — Этот человек — глава Царского Совета. И вполне может подпилить ножки твоего трона!

— Ты сам сказал: держись с ними покруче! — возразил сын вождя, вскакивая с места и сбега с возвышения, на котором стоял трон.

Карашшер, оставшийся наверху, назидательно произнес:

— Я сказал: веди себя с ними как государь и никому не позволяй набиваться тебе в друзья! Любой из тех, кто знал Фаргала, вскрыет тебя за пару минут, если не ты, а он будет задавать вопросы! Потому-то ты и опростоволохился с этим эгеринским послом!

— Кто мог знать, что посол враждебной державы разделит чашу с Фаргалом? — воскликнул Кэр, взбегаая по лестнице, так, чтобы оказаться наравне с Карашшером.

Для этого ему понадобилось подняться всего на две ступеньки, хотя слуга мага стоял на третьей. Ни ростом, ни шириной плеч Кэр теперь не уступал настоящему Фаргалу.

Синие глаза Карашшера холодно глядели в серые глаза самерийца. Пусть черты лица Кэра и изменятся, но богатырское сложение останется с ним навсегда. Так сказал маг, и слуга его с неудовольствием подумал, что парень уже и сейчас кажется покрепче, чем он сам.

Кэр видел только глаза и верхнюю часть лица Карашшера. Нос, рот и подбородок слуги мага закрывала личина из тонкого листового золота. Карашшер выбрал ее из обширной коллекции масок, украшений и парадных доспехов вождя соктов. Карашшера золотая личина раздражала. Равно как и парадные доспехи, которые можно было пробить шпилькой для волос. Он чувствовал бы себя уверенней, ощущая на плечах тяжесть настоящих лат.

— Мне кажется, я могу полагаться на Шотара больше, чем на других! — сказал Кэр. — Он пришелся мне по душе еще там, в Реми! Настоящий воин!

— Шотар хорош, пока думает, что ты император! Настоящий император! А после твоей оплошности с посланцем...

— Довольно!

Окрик, отразившись от потолка Зала Приемов, еще несколько мгновений перекатывался в пахнущем подогретым воском воздухе.

«Как ему удастся так ловко подделывать голос царя!» — в который раз удивился Карашшер.

Сам он с большим трудом имитировал сока. В основном тембр и акцент. А вот Кэр копировал не только сам голос, но интонации, оттенки, то, о чем просто не мог знать! Наверняка об этом позаботился хозяин.

«Вот величайший из чародеев!» — подумал воин.

— Я решу это дело с послем! — сердито сказал Кэр.

— Интересно, как?

— Война, — заявил сын вождя. — Война с Эгерином!

Карашшер хотел по привычке почесать шрам на щеке, но рука наткнулась на золотую личину. Пожалуй, мальчишка предложил удачный ход. Наверняка и сам не подозревает, какой удачный. Война сразу сметет все подозрения. Подозревать будут только врага!

— И как же ты это сделаешь? — поинтересовался воин.

— То есть как это — как? — искренне удивился Кэр. — Просто соберу войско, объявлю всем, что желаю завоевать Эгерин, — и завоюю! Разве Карнагрия не сильнее?

Карашшер хмыкнул:

— Думаешь, этого достаточно?

— Мой отец начинал войну, когда считал ее необходимой для клана! — объявил Кэр. — Старейшины могли высказаться против, но отец своего мнения не изменял! Война полезна для народа! Закаляет боевой дух!

— Здесь не горы Аша! — напомнил Карашшер.

— Верно, — охотно согласился сын вождя. — Здесь куда больше гнили! Я научу их жить достойно!

«Дурак», — подумал Карашшер. Он завидовал.

В Кэре было то, что давно утратил он сам. Кроме того, какими бы глупыми ни были объяснения, но идея оказывалась верной.

«Его никогда не били плетью!» — подумал воин.

Кэр задумался. Взгляд его рассеянно скользил по стенам, на которых красовались гербы подвластных императору Карнагрии земель, остановился на огромном — в десять локтей — Коронованном Льве, потом поднялся вверх, к огромному прозрачному куполу, сквозь который падали вниз цветные, подкрашенные витражными стеклами полосы света. На паркете они смешивались, отчего возникало ощущение пестрого шелкового покрывала, брошенного на пол.

Сын вождя прошелся по ковровой дорожке — от трона до дверей и обратно. Ступал он так мягко, что Карашшер не слышал звука шагов.

Слуга мага тоже оглядел стены. Но не праздно, а высматривая потайные отверстия. Прежде их здесь не было, но за тридцать лет могли и появиться.

«Нет, — решил он. — Многое изменилось во Дворце со времен Аккарафа, но не этот зал!»

Тридцать лет назад хозяин отправил Карашшера десятником в царскую охрану. Тогда это показалось воину рискованной прихотью. Теперь воин понимал: маг строил будущее. И знал, что его слуге понадобится знание Дивного Города. Даже когда жрец Аша был за тысячу миль от Карашшера, воин ощущал его присутствие. Любое действие, любая случайность могли оказаться работой мага. Даже сумма очков, которую воин выбросит, играя в кости на постоялом дворе.

Тридцать лет назад Карашшер прибыл в Великондар тоже под чужим именем, но был куда более уверен в себе, чем сейчас. Маг «сделал» его чистокровным карнитом, Алым, и не просто Алым, а заслуженным сотником с эгеринской границы. С таким послужным списком ничего не стоило попасть в царскую стражу, и Карашшер прожил во Дворце шесть лет, до самой смерти Аккарафа. Не худшие

годы, как он считал. Шесть лет, а потом хозяин приказал ему уйти. Что же, шести лет хватило, чтобы изучить и Дивный Город, и придворный церемониал. Теперь же это оказалось очень кстати. Но все равно следовало быть предельно осторожным. Фаргал — не обычный император. И окружил себя не обычными людьми. Людьми, которых его предшественники никогда не подпустили бы к настоящей власти. Взять, например, того же Шотара. Верность его покоится только на уважении к более сильному. Сочти капитан, что он сам более достоин трона, чем нынешний император, — и нет императора.

«Умеет разбираться с трудностями!» — как сказал Кэр. Еще бы! Непринужденность, с которой капитан рассказал «Люгу» о своем намерении убить Хонт-Хурзака, если бы Фаргал не вернулся, как нельзя лучше характеризовала Шотара. («Кстати, с Хонт-Хурзаком надо разделаться, — подумал воин. — Пользы от него не будет, а вред очевиден!») Капитан Шотар. Человек силы. Без почтения к такой чепухе, как должность или древность рода. Шотар — человек войны. И Саконнин — человек мира. Эти двое были доверенными Фаргала. Но не только они. Беда в том, что по-настоящему преданные не просят об аудиенции. Царь сам вызывает их, когда нуждается. Забытые, они начнут беспокоиться, задумываться... Есть Шотар. Есть Саконнин. Хотя этот скорее предан Кедровому Трону, чем Фаргалу.

Карашшер помнил Саконнина еще с прежних времен. Только тогда аристократ не был Старшим Советником. Даже просто Советником. Но Аккараф ценил его и понемногу продвигал наверх.

Кто еще? Бренелар? Нет, это человек Саконнина. Новый человек. Его стоит расположить к себе. Осторожно. Еще есть те, кого царь взял с собой в Реми. Дарзал, Кайр... Полезные люди. Но не для дворцо-

вой интриги. Зато и тот и другой поддержат идею войны с Эгерином с большой охотой. АЛЫЙ — потому что любит драку, самериец — потому что наемник — всегда наемник. Даже, если он носит пояс тысячника и пользуется особым покровительством государя.

Теперь Карашшер полагал, что знает причину, по которой его хозяин не желал трогать Фаргала. Кто бы еще мог оставить им в наследство империю, идеально подготовленную к тому, чтобы подмять под себя весь Мир Ашшура? Всех, даже хитроумных соктов? Вот от кого следует держаться подальше. И держать подальше Кэра. С ними хозяин пусть управляется сам! А Карашшер будет держаться от посла подальше. Можно поклясться Третьим Глазом Аша: стоит Кен-Гизару взглянуть на них поближе, и черномазый мигом узнает правду!

Ох, как бы пригодилось Карашшеру умение хозяина читать мысли! И почему он медлит? Каждый день здесь может оказаться последним для его слуги!

Конечно, и хозяин не всемогущ. Карашшер вспомнил, каким был жрец после явления Таймат. Еле дышал. Величайший из жрецов Аша, увенчанный Диадемой Власти, был слаб, как новорожденный щенок! Как тогда испугался Карашшер! Еще бы: умри маг — и воину уже не найти выхода из подземелий Кхорала. Так и сгнил бы там, вместе со своим бессмертием! Единственное, чему он тогда обрадовался: исчезновению мальчишки.

Но Кэр вскоре нашелся. В одном из соседних коридоров. Интересно, кто его туда перенес? Змей? Богиня? Сам же Карашшер и нашел его, сам принес обратно в храм. А что делать? Разве от хозяина что-нибудь скроешь? Но, Мудрый Аш, почему же его до сих пор нет?

— Мой государь...

Вернулся Саконнин.

— Мой государь! Капитан Шотар предстанет перед тобой через полчаса. Ты примешь его в библиотеке, как обычно?

— Да, — сказал Кэр.

Хотя понятия не имел ни об этом обычае, ни о местонахождении самой библиотеки.

— Необходимо ли мое присутствие, государь? — осведомился старший Советник Трона.

Кэр, вспомнив слова Карашшера о поводах, подошел к Саконнину и, положив тому руку на плечо, произнес как можно дружелюбнее:

— Твое присутствие мне всегда по душе! Но, уверен, у тебя слишком много незавершенных дел! Я поговорю с Шотаром сам!

«Десять демонов! — подумал Карашшер. — Откуда у мальчишки такая обходительность?»

Не меньше слуги мага был удивлен и Саконнин. Перед ним словно явился призрак из прошлого: Фаргал, только что занявший Кедровый Трон. В то время фамильярность царя коробила Саконнина, хотя он, разумеется, не показывал этого. Но когда Фаргал стал лучше чувствовать дистанцию между собой и Главой Совета, Саконнин с удивлением обнаружил, что ему не хватает ощущения этой жесткой ладони на своем плече.

— Прикажешь подать вам напитки, кушанья? — спросил Старший Советник, как всегда умело скрыв свои чувства.

— Да, обязательно, — ответил Кэр, у которого постоянно сосало в желудке.

Маг обещал, что это пройдет, когда на костях самерийца нарастет нужное количество мяса.

Старший Советник перевел взгляд на Карашшера. Обычно именно сокт определял, какие вина и

какие яства должны быть поданы. Вождь знал в этом толк. Но сейчас сокт молчал. Только разглядывал Саконнина своими яркими синими глазами. Можно было поклясться, что он улыбается там, под этим золотым намордником, который взял обыкновение носить последние несколько дней.

«Но какое мне дело! — остерег себя Старший Советник, следивший за мыслями не менее тщательно, чем за речью. — Да и чего ждать от островитянина?»

Он еще раз посмотрел на сокта, стоявшего (какая наглость!) на две ступени выше, чем государь. Может, Кен-Гизар прав? Но Фаргал и прежде вел себя своеобразно, а вождь соктов (бесцеремонность у них в крови!) и прежде плевал на этикет.

— Мне дозволено уйти, государь?

— Да, конечно! Пошлю за тобой, как только возникнет нужда!

«Ненадолго хватило его деликатности!» — мысленно отметил Карашшер.

Советник вышел.

Церемониймейстер вопросительно посмотрел на него, но Саконнин покачал головой, и тот приказал стражнику закрыть ореховые двери Зала Приемов.

Кэр и Карашшер остались одни.

— Ты знаешь, где библиотека? — спросил сын вождя.

Глава седьмая

Саконнин велел привести мага в Зал Царей. Он полагал, что запечатленный в камне и металле облик тех, кто тысячелетия правил Карнагрией, настроит кандидата на подходящий лад. Эти колдуны склонны слишком много воображать о себе. А кое-кто,

что особенно прискорбно, обладал и чересчур большой властью. А власть в Карнагрии принадлежит царю. И тем, кто рядом с царем.

Сам Фаргал тоже не жаловал магов. А со своими мирился, как с необходимостью. Как человек, не любящий собак, заводит мелкую визгливую шавку, чтобы давала знать, если волк, или вор подберется к дому. Но кто же берет в сторожа тигра?

Поначалу маг не понравился Саконнину. Слишком гордый вид, слишком вызывающе глядит из-под капюшона, который не потрудился сбросить с головы в присутствии Советника Трона.

— Как тебя зовут? — холодно спросил Саконнин.

— Хлисс, мой господин!

Голос неприятный, но подобострастный.

— Что можешь сказать о себе, Хлисс?

— Я учился у чародея Бин-Лесена из Вертална! — отвечал кандидат. — Овладел искусством зажигания огня, лечения горячки, распознавания и растворения чар...

— А наводить чары ты можешь? — перебил Саконнин.

— Могу. Но... — кандидат замялся. — Но не слишком преуспел в сем искусстве. Обратное я умею лучше!

— Ты говорил о возжигании огня?

Маг вытянул руку ладонью вверх. Саконнин заметил на безымянном пальце кольцо. С гранатом, кажется. Небогатое колечко.

Светящийся туман поднялся над ладонью, сгустился, образовав желтый шарик. Взлетев, шарик ярко вспыхнул и приблизился к сидящему Советнику. Огонек вращался и негромко потрескивал.

— Господин может его потрогать: он безвреден!

Но Саконнин из осторожности воздержался.

— А сотворить жгущий огонь ты можешь?

— Могу зажечь камин! — отвечал чародей. — Пусть мой господин не сомневается: я знаю очень много серьезных заклинаний. Царю не придется сожалеть, если он возьмет меня на службу!

Именно заискивающий тон заставил Советника переменить мнение об этом человеке.

— Значит, ты умеешь распознавать и снимать чары? — спросил он строго.

— Умею! И очень хорошо! — заверил Хлисс.

«Похоже, и впрямь умеет! — подумал Саконнин. — И не слишком много мнит о себе! Значит, не опасен! Да, я возьму его!»

— Я возьму тебя, Хлисс! — сказал он. — О жалованье поговорим, когда ты покажешь, на что способен. Где твои вещи?

— Мне велено было оставить их снаружи! У меня немного вещей, мой господин! Пара книг, кое-какие полезные травы...

— Помолчи! — оборвал Старший Советник. — Эй, солдат! Да, ты! Позови сюда Бренелара! А ты, маг, подожди там, снаружи! Если начальник стражи сочтет тебя безопасным, останешься во Дворце.

— Благодарю, мой господин!

Бренелар появился через несколько минут.

— С виду не слишком силен, — сообщил ему Саконнин. — Но утверждает, что хорошо распознает и сводит чары! Обыщи его мешки и выбрось все подозрительное! А посели недалеко от покоев Фаргала. Заодно и поглядим, так ли хорошо он знает дело, как говорит!

— Он держится слишком скромно для чародея! — заметил осторожный Бренелар.

— Скорее всего, оттого, что не слишком силен. Но слишком сильный нам и не нужен! — Советник кивнул. — Сделай, как я сказал, и приставь надежного человека: пусть присмотрит за этим Хлиссом.

Выбора у нас нет: другие вообще ни на что не годятся!

— Если бы Советник обратился в Фетис или Эгерин...

— То они наверняка подсупили бы нам битое стекло во фруктовом салате! Этот-то — карнагриец, хоть и учился в Верталне!

— Судя по выговору и привычкам — да, наш! — согласился Алый. — Но почему бы не взять троих, как это сделал Фаргал? Пусть следят друг за другом!

— Те-то трое превосходно спелись! — возразил Саконнин. — А впрочем, худого в этом нет! Будь у них черные души, они не ладили бы так хорошо!

— Жаль только, — сказал Бренелар, — они не смогли защитить государя от колдовства!

— Царь жив, — напомнил Советник. — И кто знает, что произошло там, в Ремийском замке?

— Мне можно идти? — спросил начальник стражи.

— Можешь у меня не спрашивать! Я ведь не царь!

— Но пока твоё слово значит не меньше!

«Испытывает меня, негодник! — с одобрением подумал Саконнин. — Ну, в добрый путь, Алый!»

— А все-таки привыкай! — наставительно произнес он. — Да, сообщи Шотару, когда царь отпустит его, что я принял на службу мага. Капитану дворцовой охраны следует об этом знать! А самого мага помести... в Летний Кабинет! Где сломанный фонтан! Если Шотар захочет с ним потолковать, проводишь.

— Сделаю!

Бренелар покинул Зал Царей и кликнул мага.

Тот подошел. С мешком в руках.

— Вываливай все сюда, на стол! — приказал начальник стражи.

«И впрямь какой-то забитый! — подумал Алыш. — Будет ли с него прок? Впрочем, что за дело! Окажется вахлаком, спровадим, а казна не обеднеет из-за десятка серебряных монет!»

Спустя два часа Саконнин вновь потребовал к себе Хлисса.

— Ну, — спросил он. — Что ты скажешь о царе?

— О царе? — удивился маг. — Я не видел его!

— Он обедал час назад в зале, соседнем с твоей комнатой!

— А... Их было двое, — сказал Хлисс.

— Да, двое.

Советнику осведомленность мага понравилась.

— Что ты скажешь о них? Есть на этих людях злые чары?

— Нет! — не раздумывая, ответил новоиспеченный царский маг. Оба — чисты!

— Неужели ему это было надо? — удивленно спросил Кэр, разглядывая полки, заставленные оправленными в кожу и металл фолиантами.

— Фаргалу? Почему бы и нет? — пожал плечами Карашшер. — Если есть охота...

— Но зачем воину читать? — Кэр вынул одну из книг, открыл, чихнул, когда пыль защекотала ноздри.

Фолиант весил не меньше хорошего меча. Черные буквки на пергаменте напоминали птичьи следы на глине.

— Воину, может, и ни к чему, — отозвался слуга мага, — А вот государю — не помешает! К примеру, вот это!

Карашшер снял с полки еще один внушительный том, полистал и, найдя нужное место, показал Кэру.

— Что это? — недоуменно спросил сын вождя, глядя на разноцветные пересекающиеся линии и стрелки.

— Битва между Шаркаром-Победителем и его старшим братом Хар-Нешгом. Побежденным, как явствует из прозвища первого!

— Битва? — Кэр нахмурил лоб. — А что значат эти палочки?

— Красные — это линии пехоты Шаркара, — пояснил слуга мага. — Вот это желтое — Хар-Нешг. И сверху — знак полуохвата, которым царь Эгерина пытался смять левый фланг противника. А эти стрелки, красные с золотыми точками, — решающие удары Шаркара. Прорезывающие удары. Да тут все описано, парень!

— Я немного разбираю по-самерийски, — смущенно сказал Кэр. — Но по-здешнему... ты мне можешь, Карашпер?

— Это — благородное письмо! — пояснил слуга мага, смягчаясь от уважительного тона сына вождя. — Им пользуются ученые и знать Эгерина и Карнагрии. Оно не слишком трудное. Вот письмо Фетиса — это серьезно. Но, пожалуй, я смог бы научить тебя и ему. Хотя на это потребовался бы год, не меньше. Так что пусть тебя учит мой господин. Магу это проще! А пока взгляни сюда! Видишь, вот здесь всадники Эгерина угодили прямо в...

— Капитан Шотар! — закричал из-за дверей стражник. — Позволено ли ему войти, государь?

— Да, я жду его, — повывсив голос, откликнулся Кэр.

И положил обе книги на стол. Последняя так и осталась раскрытой.

Капитан Шотар, войдя, окинул бывших в библиотеке быстрым взглядом. Что бы там ни говорили посланник и лекарь, а капитан более всего полагался

на собственное суждение. Он считал, что сумеет отличить фальшивых царя и сокта от настоящих. Особенно если найдется повод скрестить с ними меч. Можно изменить лицо, но не манеру вести поединок.

Тут взгляд капитана упал на раскрытый том «Истории Эгеринских войн», под которой покоилась книга «О расширении пределов государства», написанная десять веков назад неким си-Арзом, но до сих пор почитаемая многими.

Шотар насторожился.

Фаргал не слишком любил чтение. А если уж брался за книги, то всегда с конкретной практической целью. «Эгеринские войны» и «Расширение пределов». Уж не собирается ли император воплотить в жизнь свою давнюю шутку?

— Уж не собираешься ли ты, мой государь, завоевать Эгерин? — усмехнувшись, Шотар кивнул на фолианты.

Здесь, в библиотеке, Фаргал приучил своих приближенных держаться свободно. Без условностей этикета.

Искра замешательства промелькнула в глазах Кэра: «Как узнал?»

Выручил слуга, принесший вино и закуски.

Пока он сервировал стол, сын вождя вполне овладел собой.

— Честь твоей проницательности! — сказал он, порадовавшись, что его идея не идет вразрез с образом, который он представлял. — Да. Собираюсь!

Левая бровь капитана поползла вверх.

— И более того, — продолжал Кэр. — Я желаю начать приготовления немедленно!

Теперь растерялся Шотар. Капитан знал, скольких усилий потребовало от Фаргала обуздание собственной воинственности. Похоже, там, в Замке Зла,

царь оставил не только большую часть мускулов, но и значительную часть рассудительности.

«Да у него даже глаза помолодели! — подумал капитан, приглядываясь к Кэру. — Пожалуй, мне ясны подозрения Кен-Гизара!»

Сын вождя взял с блюда завернутый в лепешку кусок колбаски, разорвал пополам и откусил.

«Пожалуй, — наблюдая, рассуждал Шотар, — Фаргал „до похода“ не стал бы так делать. Он воспользовался бы вилкой и обязательно обмакнул колбаску в соус». Но это всего лишь придворные манеры плюс желание улучшить аппетит. А вот то, как царь ест — откусывая одной стороной рта, наклонив голову и тщательно пережевывая, — это никак не изменилось. Это — врожденное. Сымитировать такое невозможно. Даже он сам, человек наблюдательный и превосходно знавший все привычки Фаргала, не смог бы с такой абсолютной точностью передать манеру императора есть. Существуют мелочи, не исчезающие ни при каком обучении. Мелочи, которые нельзя перенять. Можно научить человека ходить бесшумно или перекатывать стопу. По манере передвигаться или держать меч опытный воин всегда узнает, какую школу боя прошел его противник. Но попробуй отучить человека щуриться при улыбке, если эта особенность перешла к нему от отца...

Несомненно, Фаргал!

— Война с Эгерином? — повторил капитан. — Что ж... — А говорил ли мой государь со Старшим Советником Трона?

— Чтобы начать войну, — заявил Кэр, — мне нужна помощь воина! От Советника мне потребуется только совет!

Это была занятная мысль. Многозначительная!

Капитан решил, что позже обдумает ее как следует.

— Но, — возразил он, — чтобы начать войну нам нужен предлог!

— Желателен предлог!

Эту поправку внес сок.

Шотар перевел на него взгляд.

До сих пор Люг был твердым противником войны с соседями. Это понятно. Сокты смотрят на Империи как на источник дохода. Особенно на три южные Империи.

— Можно сказать и так, — согласился капитан. — А у нас он есть?

— Предлог? Найдем! — уверенно ответил Карашшер и повернулся к окну, так, чтобы его лица не видел Шотар.

Подозрительно, если слуга мага не будет пить и есть. А для этого придется снять маску. Карашшер вынул амулет из защищающей шкатулки. Теперь, благодаря чарам, его лицо ничем не отличалось от лица Люга. И голос тоже.

— Например, — продолжил он, — бестактность посла! Или недавний мятеж! Разве не Андасан был его причиной? Разве не император Эгерина укрывал этого самого Андасана в своих владениях от кары Фаргала?

— Ну, при известной доле юмора можно назвать это и укрыванием! — улыбнулся Шотар.

— Когда армия ступит на левый берег Карна, — сказал фальшивый «Люг», — эгерини в полной мере оценят глубину шуток!

— Пожалуй!

Шотар перестал улыбаться.

— А теперь не перейти ли нам к более конкретным вещам! — предложил Карашшер.

— Да! — подхватил Кэр. — Как ты смотришь на то, чтобы возглавить моих всадников?

— Всадников? — в голосе капитана сын вождя уловил разочарование. — То есть всю конницу, кроме Алых?

— Почему — кроме? — Кэр не заметил предупреждающего знака Карашпера. — Всю конницу!

«Он искушает меня! — мелькнуло в голове капитана. — Быть не может, чтобы император Карнагрии, да еще и не карнит, передал кому-нибудь командование над Алыми!»

Но дружелюбная улыбка Кэра была столь обаятельна, что Шотар отбросил подозрения. Что ж, если так, то это наивысшее доверие, какое Фаргал может оказать своему военачальнику. Он, Шотар, не посрамит своего имени! А там, быть может, когда Империя Эгерин станет землей Эгерин, почему бы ему, Шотару, не стать ее Владыкой?

— Высочайшая честь оказана мне, государь! — капитан поклонился. — А теперь, если царь желает узнать мое мнение о подготовке, то я готов его высказать...

Глава восьмая

Два совершенно голых человека выбрались из дыры, больше всего смахивающей на огромную барсучью нору.

Стоял ясный солнечный день.

Странная парочка, щурясь, озиралась вокруг, попутно счищая с кожи приставший мусор.

— Хорошо, что сейчас лето! — заявил тот, что поменьше ростом, и поскреб ногтями темно-коричневый живот.

— Угу! — согласился второй. — Как полагаешь, где мы?

Вокруг расстиралось ровное, поросшее высокой зеленью поле. Вдали темнела гребенка леса, а перед ним...

— Там, кажется, дорога? — произнес тот, что пониже. — А место... Да таких мест в твоей Карнагрии — не счесть! Вон! Спроси у пастуха!

Голыш махнул рукой в сторону дюжины тощих коровенок, пасшихся под опекой маленького старичка.

— Разумно, — одобрил второй голыш, в котором Старший Советник Трона Саконнин не без труда признал бы императора Карнагрии.

И решительно зашагал босиком по мягкой теплой траве.

Лучший друг императора поспешил следом.

Три стражника из уцелевших ремийцев ехали по пыльной дороге. Жарища была ужасная. Стражники то и дело прикладывались к флягам, и разбавленное вино с бульканьем стекало в их просторные желудки. К полудню головы стражников стали клониться к холкам лошадей. Не удивительно в такую жару! Поэтому, поразмыслив и посоветовавшись, все трое единодушно решили передохнуть. Они спешились, стреножили лошадей и расположились на траве в тени великолепной пинии, отмахиваясь от насекомых и с достоинством обсуждая стати двух фетских рабынь, купленных месяц назад содержателем борделя.

Два голых человека вышли на дорогу прямо напротив трех стражников.

Разумеется, те не могли не заметить голышей, а заметив — не заинтересоваться.

Голые люди тоже заинтересовались. Лошадьми.

Три стражника окинули голышей придиричвыми взглядами и с похвальным единодушием пришли к

выводу, что за таких здоровяков можно отхватить по меньшей мере трехмесячное жалованье.

Два голыша не менее придирчиво оценили коней и пришли к выводу, что на таких конях вполне можно добраться до столицы.

Три стражника были полностью уверены в своем превосходстве.

Два голых человека о превосходстве вообще не задумывались. Они много лет прожили в мире, где легкого кивка было достаточно, чтобы любой солдат с *удовольствием* отдал своего скакуна. За царем не заржавеет!

— Эй! — сказал здоровенный мускулистый голыш заслуженному десятнику ремийского войска. — Где мы сейчас находимся, солдат?

— Э? Что? — переспросил десятник, смущенный не столько вопросом, сколько повелительным тоном того, кто его задал.

И тут, на свою беду, он заметил на руке второго голыша золотой браслет. Да еще с *такими* камнями! Десятнику подумать бы, откуда может взяться золото у совершенно голого человека на совершенно пустой дороге. Но — алчность!

— Ну-ка дай сюда! — приказал десятник, указав на браслет коротким толстым пальцем.

— Э? Что? — переспросил Люг, и мысли не допускавший, что к нему могут обращаться подобным образом.

— Сымай вещицу! — подскочил второй стражник. — Или с рукой оттяпать?

И помахал мечом для острастки.

Стражники Реми — люди бывалые. Да и кому в голову придет, что два голыша начнут вздорить с тремя вооруженными солдатами?

У «голышей» же при виде обнаженного оружия начисто пропадала способность спокойно рассуж-

дать. Вместо нее на свободу выбирался хищный и кровожадный зверюга, отточивший мастерство в сотнях стычек, схваток, битв и обыкновенных драк.

Но откуда об этом знать стражникам?

Люг рухнул под ноги солдата с мечом. Тот, потеряв «голыша» из виду, тупо уставился в прогретый маревный воздух (вроде и не очень пьян?). И тут обнаружил, что взлетает вверх! Еще он почувствовал, как меч выдирают у него из руки, а в довершение — неприятный удар головой о землю.

Тем временем Фаргал, не мудрствуя, треснул предприимчивого десятника в лоб. Оказал, так сказать, бедняге честь: как-никак, а кулак-то — императорский! Кстати, кулак сей мог убить лошадь, если бил в полную силу. Десятнику досталось — в четверть. Хватило с лихвой!

Третий стражник взялся было за меч, но, учуяв, чем пахнет, счел разумным бросить его на травку и продемонстрировать пустые руки.

Владыка Карнагрии обозрел всех троих оценивающим взглядом. Десятник валялся на спине без признаков жизни. Второй солдат сидел на траве, очумело мотая головой. Третий же был еще вполне способен подчиняться.

— Ну-ка, малый, — велел Фаргал. — Разоблачи мне этого красавчика!

Солдат с ужасом поглядел на великана. Потом на своего десятника. Потом снова на великана. Если у него и возникла мысль возразить, то от одного взгляда на Фаргала мысль эта умерла в младенчестве.

Через пару минут десятник стал таким же голым, как царь и его друг.

Однако странные люди никакого непотребства чинить не стали. Фаргал кое-как натянул на себя

тунику. Благо, она была на шнуровке, а не цельношитая. Сандалии пришлось обработать мечом. Слава Ашшуру — пешком идти не придется. О кольчуге и речи быть не могло — ее и Люгу не натянуть. Поняв, что жизнь его останется при нем, солдат куда спокойней воспринял желание сокта примерить его собственную одежду.

Меньше всего пострадал тот, кого швырнул на землю Люг. Сокт забрал его пояс и меч.

Теперь, вооруженные мечами и луками, верхом, друзья почувствовали себя намного лучше. В суммах нашлась еда. А вино во флягах, пусть и не то, что в дворцовых погребах, но все-таки — вино.

— Чувствуется, ты когда-то неплохо промышлял, — сказал Люг.

Друзья неспешно ехали по дороге в паре миль от места, где три стражника все еще не могли опомниться от прискорбного поражения.

— А то! — Фаргал усмехнулся. — Но из тебя, вождь, вышел бы недурной грабитель! Хотя, — он пощупал пропотевшую тунику, — голым, сдается мне, ехать приятнее!

— Ничего! — успокоил сокт. — В ближайшем городке разживемся более приличной одежкой!

— На коня, что ли, обменяем?

Люг ухмыльнулся и показал на собственный пояс. На нем висели два туго набитых кошелька.

— Эх, цари! — сказал он. — Пожалуй, ты уже слишком стар для дорожного промысла!

— Повесить тебя вон на том буке, вождь! — проворчал Фаргал. — Ладно! Вернемся в столицу, пошлю, чтоб возместили ущерб! — успокоил он сам себя.

— Ущерб, говоришь? А руки когда рубить прикажешь? До возмещения или после?

— Какие руки?

— Молодчики ведь ограбить меня собирались! Или забыл?

— Верно, забыл! — согласился Фаргал. — Ну раз так, все в порядке!

— Эй, человек! — крикнул он возчику на телеге с сеном. — Куда это мы едем?

— В Заралон, добрые люди! — с опаской поглядев на них, отозвался тот.

— Ну, от Заралона рукой подать до гнезда Сарнала! — сказал Фаргал. — Пусть только попробует не дать нам лучших коней, — за ноги повешу!

Проехав еще мили две, наткнулись на речушку. Напоили лошадей, выкупались. Теперь то, что произошло с ними в подземельях Клыка Кхорала казалось чем-то давним и ненастоящим. Но таким же показался Фаргалу и Дивный Город. Он вновь ощутил себя свободным человеком. Как лет двадцать назад. Когда только собственное желание повелевало им, а вся сила заключалась в добром мече и крепких руках.

— Хорошо! — вздохнул Фаргал, откидывая назад мокрые волосы. — Свобода!

— Никак заскучал, царь, по бродяжьему житью? — ухмыльнулся сокт. — А то плюнем на все и отправимся куда глаза глядят?

— Нельзя! — ответил Фаргал и еще раз вздохнул. — Долг!

— Нельзя так нельзя! — согласился Люг, пряча улыбку.

Его-то жизнь бродяги не прельщала. Вождь соктов сызмала был правителем, и отказаться от власти ради возможности болтаться по дорогам не показалось ему заманчивым.

Заралон, небольшой городок, окруженный десятком деревень, отстраивался. Не то чтобы он очень пострадал от набега ремийцев, но стена была пору-

шена в трех местах. А это — непорядок! Так и заявил войсковой старшина местному совету. Выкладывайте денежки!

Пришлось выложить, ясное дело. У Владыки Сарнала разве что плетей получишь в ответ на просьбу о помощи.

Когда царь и сокт подъехали к городку, там как раз ставили новые ворота.

Работами руководил лично войсковой старшина, большой мастер фортификации.

Старшина был крупный сорокалетний мужчина, властный, хитрый и упрямый. Природа одарила его могучими челюстями и красным вислым носом. Глазки же у старшины были маленькие и блеклые. Под стать редким белым волосам, облепившим бутристую голову.

И сам старшина, и его работники, среди которых — половина заралонских стражников, не сразу заметили всадников. Слишком увлеклись делом. Поднимали на таях створы ворот.

Фаргал остановил коня. Въехать сейчас в городок не было никакой возможности.

Царь и сокт не без интереса наблюдали за происходящим.

— Ошибка! — заявил вдруг вождь. — Петли не совпадут!

— Думаешь? — откликнулся царь.

— погоди, сам увидишь!

Говорили они довольно громко. Кое-кто из занятых работников оглянулся.

Правая створка раскачивалась на тросах, никак не желая садиться на место. С ней и впрямь было что-то не то.

Старшина ругался, как кушога, вздернутый соктами за ноги. Не помогало.

Кончилось тем, что допнул один из талей. Створка опрокинулась и едва не пришибла стоявшего

внизу стражника. Стражник завопил и принялся честить подъемщиков. Те не остались в долгу. Ругань по густоте превосходила пыль, поднятую упавшими воротами.

Наконец старшина не выдержал.

— Ну-ка всем заткнуться! — заревел он.

Подействовало. Воцарилась относительная тишина. И в этой тишине раздался спокойный голос Фаргала:

— Ты прав, старина, не совпали!

Старшина соскочил с лестницы.

— Это что еще за умники выискались? — гаркнул он.

Люг вопросительно взглянул на царя.

— Да ладно! — произнес Фаргал. — Мы же не представились!

— Придержи язык! — жестко бросил старшине сокт. — Сам кто таков?

Старшина оглядел всадников. Не очень-то! Но голос у черномазого напористый! Кто знает, что за птицы?

— Я, — заявил он, — войсковой старшина города Заралона! И будь вежливей теперь, когда знаешь, кто перед тобой!

Воины переглянулись и расхохотались.

Широкое лицо старшины побагровело.

Фаргал увидел неподалеку от ворот коновязь и оживился.

— Взгляни-ка; вожды! — сказал он. — Вон там привязана пара неплохих лошадок.

Сокт оценил животных.

— Да, — согласился он. — Пара неплохих, остальные — так себе!

— А что, если мы не будем останавливаться в Заралоне? — предложил царь. — Сменим лошадей — и вперед? Эй, старшина! Мы забираем тех двух лошадей! Хозяевам возместят!

Старшина потерял дар речи. Рот его открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы. Одна из «неплохих лошадок» принадлежала самому старшине, и, купив ее месяц назад, он вовсе не собирался с ней расставаться.

Фаргал и Люг, как ни в чем не бывало, подъехали к коновязи.

Тут дар речи неожиданно вернулся к старшине.

— Что вы смотрите, болваны! — заорал он. — Залем! Хонт! Грош! Хватайте их!

Полдюжины стражников бросились к всадникам.

— Эт-то что еще такое? — грозно спросил Фаргал, разворачивая коня им навстречу.

Солдаты живо притормозили. Вид у пришельцев был внушительный, а стража Заралона воинственностью не отличалась.

— Луков нет, — негромко сказал Люг.

И двинул коня навстречу стражникам, опередив царя.

Заводная лошадь друзей подошла к коновязи и ткнулась мордой в кормушку.

— Ну-ка назад, собаки! — тихо и свирепо произнес вождь соктов. — Пред вами император Карнагрии Фаргал!

Стражники попятились, опустили копыя. Еще немного, и они повалились бы в пыль у ног царского скакуна.

— Какой, к демонам, Фаргал! — зарычал старшина. — Какой Фаргал, ослиные задницы? Вы что, забыли, ублюдки, что царь и его войско прошли мимо нас пять дней назад?

Фаргал посмотрел на Люга. Люг — на Фаргала.

Оба были, мягко говоря, удивлены.

— Эге! — воскликнул вдруг один из стражников. — Да это лошадь Халахона! Ремийцы угнали ее, выпотроши их гиены!

— Вот демон! — пробормотал сокт. — Что будем делать, мой царь?

— Не могу их убивать, — смущенно проговорил Фаргал. — Они ведь в своем праве. Мои подданные!

— Как бы подданным не остаться без повелителя, — заметил вождь соктов.

Солдаты, опомнившись, снова стали приближаться. Пока их было только семеро, но наверняка вот-вот прибудет подмога.

— Уходим? — сказал Люг.

— Да! Но прежде... Прихватим лошадей! Ха!

Он ударил коня в бока, вздернул на дыбы и бросил прямо на стражников. Солдаты отскочили в стороны, уворачиваясь от бьющих воздух копыт. Люг грудью собственной лошади сшиб стражника, отрезавшего его от коновязи, ударом меча по голове, плашмя, опрокинул второго. Невооруженные слуги, как зайцы, порскнули в стороны. Меч Фаргала рассек кожаные ремни, а Люг ловко поймал их концы и поскакал прочь по дороге, уводя за собой пригланувшихся коней.

Фаргал вертелся на месте, размахивая мечом и не подпуская солдат к коновязи.

По упавшим створкам протопали сандалиии еще дюжины стражников. Подкрепление.

Фаргал взмахнул мечом. Жердь, к которой были привязаны лошади, развалилась пополам. Царь завыл волком, бросил коня прямо на цепочку солдат, опрокинул двоих и поскакал за соктом, оставив позади полную неразбериху.

Люга он догнал мили через полторы.

— Ну, мой царь, — сказал вождь. — Раз у тебя появился наследник, ты вполне можешь стать бродягой!

— К демонам! — закричал Фаргал. — Через два дня мы будем в столице, и я собственноручно сдеру с него кожу!

— Почему ж нет? У нас теперь есть заводные лошади, и через два дня мы наверняка доберемся. А что касается кожи, то подари ее мне: обтяну новое седло!

Люг рассмеялся.

Оба всадника на ходу сменили коней и прибавили ходу. От Заралона до Великондара немногим больше ста миль.

Глава девятая

В Великондаре шел дождь. Он начался в середине первой полуденной стражи и лил, не переставая, уже несколько часов.

Ирдик Шера стояла в дверном проеме, ведущем на террасу и смотрела, как крупные капли разбрызгиваются, ударяясь о глянцевые виноградные листья.

Прежде она очень любила дождь. Ливень спустя три недели после Игр означал, что самое жаркое время года позади и наступает приятный сезон прохлады. Еще через несколько недель, когда уровень воды в Великоне поднимется и затопит пороги, можно будет на речном судне подняться вверх по реке до самой подошвы Ашшурова Хребта и полюбоваться уходящей под небеса стеной, которой бог отделил сотворенный им мир от своего собственного.

Ирдик вспоминала, как приятно было, расположившись на палубе корабля вместе с матерью, глядеть на свинцовые вершины, затянутые дымкой и набухшие водой облака, ползущие у подножия льдистого хребта. Неподвижные горы, с каждым днем плавания закрывающие все больше и больше неба. Синяя вода, текущая навстречу.

Набросив на плечи меховые накидки (дувший с восхода устойчивый ветер становился холодней с

каждой пройденной милей), мать и дочь жадно вглядывались в очертания береговых изгибов, подмечая все, что изменилось с прошедшего года. От Вардали Ирдик унаследовала почти соктскую страсть к путешествиям. Страсть, которую ее матери так и не удалось утолить.

Холодный ветер, шуршание воды, пенные шапки вокруг верхушек залитых поднявшейся водой камней, мерные всплески весел, судно против течения. Запах воды, палубных досок, ритмичные удары барабана... Когда ветер спадал или сузившиеся берега убыстряли бег реки — шли бечевой. Тогда сам берег приближался, оказываясь в десятках локтей от борта, и можно было разглядеть птичьи гнезда в нависших над водой ветвях старых ив.

Вечером останавливались на ночлег. Ставили шатры, разводили огонь на песчаной полоске берега. Как славно окунуться в воду и позволить реке нести себя! Здесь, в верховьях, не было ни крокодилов, ни хищных водяных змеев в двадцать локтей длиной, приплывавших с моря в жаркое время года к самой столице.

Наплававшаяся, замерзшая, Ирдик заворачивалась в меха и подсаживалась поближе к огню, вдыхая восхитительный запах жарящегося мяса и чувствуя, как рот наполняется слюной. Нет ничего вкусней, чем эти сочные ломтики, нанизанные на деревянные вертела вместе с остро пахнущими свежими лесными кореньями. Или запеченная в глине жирная рыба с гроздьями крупной розовой икры.

Ночью, завернувшись в одеяло, Ирдик лежала у пахнущей дымом стены шатра, в темноте, слушая отдаленные голоса слуг, укладывающихся на ночлег у костров. И просыпалась ночью от протяжного рыка вышедшего на охоту горного льва. Просыпалась,

замирая от страха и вздрагивая, когда порыв ветра шевелил шерстяную ткань шатра: вдруг не ветер это, а когтистая лапа хищника...

Великондар погружался в сумерки. Скоро слуги зажгут фонари и столичный дворец Шера превратится в волшебный замок.

Ирдик улыбнулась, шагнула на террасу. Дождевая капля упала на подставленную ладонь.

«Если все будет хорошо, — подумала она, — Кэр скоро будет со мной!»

Смягченная этой мыслью, девушка вернулась в комнату и опустилась в свое любимое кресло.

Рабыня, сидевшая на ковре в углу комнаты и лениво перебиравшая струны сейтры, заиграла громче.

— Спой! — приказала Ирдик, откидываясь назад и кладя ноги в легких сандалиях на подушку.

Рабыня отпила немного сока из стоявшей на ковре чаши, откашлялась и прикрыла глаза:

— Пеночка у краешка
Желтоватой кромкой
Двигается, а знаешь, что
Счастье так огромно,
Что не помещается
В съежившемся сердце.
Лодочка качается,
Парус треплет дерзкий
Ветер обещания
Призраком надежды.
Комната качается,
Брошена одежда
На пол грудой спутанной...

Ирдик прикусила губу. Ее сердце болезненно сжалось, а горло будто сдавило обручем. Ирдик прижала ладонь к груди и зажмурилась...

— ...Встану на колени я:
Погоди, не кутай нас
В пелену забвения!
Лучше — пламя танец нам!
Сладко так сгораешь в нем!..
Только и останется:
Пеночка у краешка...

— Еще, госпожа? — спросила рабыня, продолжая перебирать струны быстрыми пальцами.

— Что?

— Спеть еще одну песню?

— Нет! Пошла прочь! — сердито крикнула Ирдик и сжала зубы, чтоб не разрыдаться.

Обиженная рабыня выскользнула из комнаты, а Ирдик свернулась в кресле клубочком, как замерзший зверек, и больше не шевелилась.

Вардали, занятая собственными делами и мыслями, в которых посланник соктов занимал не последнее место, вспомнила о дочери, когда уже совсем стемнело.

Вардали поднялась наверх и, не увидев в комнате Ирдик света, решила: девушка спит. И все-таки решила убедиться в этом наверняка.

Толкнув дверь, женщина очень тихо вошла в комнату и зажгла свечу. И увидела дочь...

— Что с тобой? — почти испуганно спросила она.

Ирдик подняла голову, глянула на мать снизу, затравленным зверьком.

— Да, ненадолго хватило «лекарства», — подумала женщина.

Ирдик судорожно вздохнула, и тут из глубины всплыла мысль, заставившая девушку выйти из прежнего состояния. Чужая мысль, но мгновенно все объяснившая и ставшая своей.

- Так он не лекарь? — прошептала она.
- Кто — он? — осторожно спросила Вардали.
- Перестань! «Кто он?» Ты знаешь!

Вардали поколебалась немного, но все же решила быть откровенной, хуже не станет.

— Да. Он — один из друзей царя. Посланник Священных островов. Его зовут Кен-Гизар!

— Ты отведешь меня к нему! — решительно заявила Ирдик.

— Сейчас?!

— Немедленно! — крикнула девушка, вскакивая. — Вели слугам готовить носилки! Или я пойду пешком!

— Ты уверена, что знаешь, что делаешь?

— Мама! Я хочу его видеть!

— Уверяю тебя, с Кен-Гизаром ничего не случится до утра!

— При чем тут Кен-Гизар? Я хочу видеть Кэра!

— А, Вардали! — воскликнул сокт, которого позвал охранник. — Это была неплохая мысль — заглянуть ко мне! Но не вредно было бы сначала прислать гонца! Я...

— Я! — сказала Ирдик, шагнув вперед из-за материнской спины. — Я хотела видеть тебя, посланник Кен-Гизар!

Сокт вежливо поклонился:

— Что ж, проходите, благородные дамы! Вимпс! Проводи госпожу Шера и ее дочь в Янтарную гостиную! Сожалею, но я должен покинуть вас, мои благородные гости! Чтобы привести себя в надлежащий вид!

— Что ж, если ненадолго, мы позволяем! — улыбнулась Вардали. — Невежливо надолго оставлять даму одну!

Сокт ответил улыбкой на улыбку. Разумеется, Вардали имела в виду не себя. И не свою дочь.

Слуга проводил Шера в просторные покои, стены которых были инкрустированы пластинами янтаря, а убранство выдержано в солнечных тонах. Не было недостатка и в золоте.

Первый слуга с поклоном удалился, и тотчас появился другой, принесший свежие фрукты и три хрустальных кубка с винами. Поставив принесенное на столик, инкрустированный драгоценным рогом элѳантоса, слуга со знанием дела описал историю вин и уговорил Вардали попробовать все три. Ирдик же не стала ни есть, ни пить.

Вошел Кен-Гизар.

— Оставим церемонии! — сразу же заявил он. — Ирдик! Моя прекрасная девочка! Вынужден тебя огорчить: на Кедровом Троне действительно царь Фаргал! Да! — он поднял руку, заметив, что та собирается возразить. — Все, что ты сказала, — правда! Я говорил со многими людьми и убедился в этом. Я узнал также, что твой Кэр сражался рядом с Фаргалом! Да, да, он удостоился этой чести! Но — канул в недрах Черного Замка вместе с другими достойными воинами!

— Да, да! — вставила Вардали. — Именно так нам и сообщили!

— Возможно, — быстро продолжил сокт, не дав девушке вмешаться, — Кэр жив. И тоже сумеет спастись, как удалось это царю и моему соотечественнику вождю Люгу! Так что не теряй надежды, девочка!

— Я не теряю надежды! — спокойно сказала Ирдик. — Потому что знаю: твой лекарь ошибается! Вы все ошибаетесь! Это Кэр! И я хочу его видеть!

— Лекарь... — начал Кен-Гизар.

Ирдик подбежала к посланнику, схватила его за руки. Ее огромные зеленые глаза наполнились слезами.

— Обещай! — воскликнула девушка срывающимся голосом. — Обещай, что отведешь меня к нему! Ты обещаешь? Да?

— Да! — помимо воли вырвалось у сока.

«Яго! Что я делаю?»

— Но следует немного подумать, — поспешно сказал он. — Сядь!

«И впрямь, почему я должен верить лекарю больше, чем ей? — подумал посланник. — Эй! — тут же одернул он сам себя. — Ты знаешь свои слабости, Кен-Гизар!»

Зардевшееся лицо Ирдик было прекрасно. Кен-Гизар не мог оторвать от него глаз. «Если этот Кэр жив, ему необычайно повезло!» — подумал он.

Девушка очень красива. Но только ли красота заставила Кен-Гизара сказать — «да»? Было что-то еще, и он должен это выяснить!

— Я еще раз покину вас, мои гости! — вежливо сказал он. — Ненадолго!

Поднявшись по ступеням деревянной лестницы в святилище, сокт опустил на колени и закрыл глаза, ожидая. Спустя некоторое время, когда его спокойствие и отрешенность достигли необходимого, голубой свет пробился сквозь опущенные веки, а еще через некоторое время знакомый звук возник в сознании Кен-Гизара.

«Яго, мой повелитель! — послал он простую мысль. — Наставь своего слугу!»

Прошло несколько минут. И Кен-Гизар получил ответ. Настолько удививший жреца, что он открыл глаза.

— Так ли я понял тебя, Величайший? — прошептал он.

Подтверждения не последовало. Да в нем и не было необходимости. Прошла еще минута, и сомнения Кен-Гизара полностью рассеялись.

Когда он вернулся в янтарную комнату, то уже принял решение. Он, жрец Яго, выполнит волю своего бога, какой бы нелепой с его, человеческой, точки зрения, ни казалась эта воля.

Вардали с восхищением глядела на посланника. Смуглое лицо сокта обрело былую красоту. Не политик и вельможа, любитель утонченной роскоши, старый и отяжелевший, а воин. Настоящий воин, внушающий страх врагам и надежду — другу.

— Девочка, — сказал он Ирдик. — Мы отправляемся немедленно!

Девушка кивнула. Ни слова благодарности. Будто именно этого она и ждала.

— Нет! — посланник движением руки остановил Вардали. — Ты останешься!

— Не беспокойся, мама! — быстро сказала Ирдик. — Так будет лучше!

Женщина хотела возмутиться, но неожиданно для себя смирилась. Вряд ли Кен-Гизар причинит зло ее малышке!

— Чувствуй себя как дома! — сказал сокт. — Вели позвать музыкантов, мимов! Все, что есть в этом дворце, — к твоим услугам! Вимпе поможет тебе! Не стесняй себя ни в чем, благородная Вардали! Имей в виду: мы вернемся не скоро!

Ирдик была удивлена, когда Кен-Гизар повел ее не к выходу из дворца, а вниз, сначала — через богато убранные покои, потом — по каким-то мрачным, плохо освещенным коридорам, по винтовым лестницам, переходам, голые стены которых вместо ковров украшали пятна плесени. Наконец они оказались в прямом тоннеле, сыром и мрачном. Редкие светильники превращали тьму в серый сумрак.

Ирдик показалось, они прошли не меньше мили.

Тоннель кончился, кончился и ряд светильников. Их поглотил мрак. Но чуть раньше девушка успела

узнать каменную кладку. И ужас охватил ее. Они оказались в лабиринте, пронизывающем царский дворец.

Невольно она схватила Кен-Гизара за руку, заставив остановиться.

— Ты догадалась, где мы, моя храбрая девочка? — спросил сокт. — Не бойся! Мы не беззащитны!

Он вынул из ножен кинжал, и широкое лезвие слабо засияло во тьме.

— И еще это! — сказал Кен-Гизар, отправив кинжал в ножны.

Подняв правую руку, он сдвинул с запястья рукав шелковой куртки. Золотой браслет, вспыхнув, озарил стены лабиринта... И уничтожил страх Ирдик. Она вдруг совершенно успокоилась.

— Идем? — Кен-Гизар, не дожидаясь ответа, двинулся дальше.

Сокт уверенно определял направление. Он много раз ходил этим путем. Браслет сиял, разгоняя мрак. Ирдик казалось, он разгонит и нечисть, обитавшую в холодной и сырой темноте.

Шли долго. Девушка давно потеряла счет поворотам, спускам, подъемам. Она устала, но не подавала виду и ни на шаг не отставала от быстро идущего сокта.

Наконец, после очередного подъема по ходу, спиралью поднимавшемуся вверх, Кен-Гизар остановился.

— Пришли! — сказал он и коснулся выступа на каменной кладке.

Плита шириной в три локтя поползла вверх. За ней оказалась изнанка деревянной панели. Кен-Гизар толкнул ее рукой, и панель легко отъехала в сторону.

— Давай! — посланник легонько подтолкнул Ирдик. Она шагнула в отверстие... и оказалась в царской опочивальне.

Кен-Гизар приложил палец к губам.

На просторном ложе, прикрытый до пояса тонким одеялом, лежал человек.

Царь!

Кен-Гизар первым осторожно приблизился к постели.

Нет, это определенно был Фаргал!

За время, прошедшее с тех пор, как царь покинул Ремийский замок, здоровье его начало восстанавливаться. Мощный костяк покрылся плотью, лицо уже не казалось обтянутым кожей черепом. Великолепный ястребиный профиль императора четко вырисовывался в сумраке спальни. Рядом, на ковре, у края ложа, лежал меч Фаргала, наполовину вынутый из ножен. Точно так же, как всегда клал его царь, укладываясь спать. Если бы с другой стороны лежал его пес, Герой, можно было бы подумать, что царь и не уезжал усмирять мятеж.

«Да, — подумал Кен-Гизар. — Это Фаргал! Его лицо. Его привычки. Да разве можно подменить Фаргала пятнадцатилетним мальчишкой?»

— Мы ошиблись, девочка! — прошептал он на ухо Ирдик. — Давай уйдем, пока он не проснулся!

В конце концов, бог повелел ему привести Ирдик сюда. Только привести. Он вовсе не обещал, что на царском ложе окажется не Фаргал, а кто-то другой.

Девушка отрицательно качнула головой.

Она подошла к ложу — Кен-Гизар не успел ее остановить, — опустилась на колени и, коснувшись пальцами щеки царя, негромко позвала:

— Кэр...

Кен-Гизар стиснул зубы: царь проснулся!

Серые глаза открылись. Худое горбоносое лицо повернулось в их сторону.

Бесконечно долгое (как казалось соку) время царь глядел на склонившуюся к нему девушку. Потом губы его разомкнулись, и хриплый юношеский голос произнес:

— Ирдик...

Глава десятая

— Мерзость! — пробормотал Фаргал.

Нельзя было понять, к чему это относилось — к запертым городским воротам, пятым по счету, или к воде, безостановочно хлещущей с неба.

— Давай вернемся! — предложил вождь соков. — Тримя милями к югу есть отличный постоянный двор! Кусок жареной баранины и кувшин горячего вина — то, что нужно мужчине в такую погоду!

Лошадь Фаргала мотнула головой, стряхивая воду.

— Бездельники! — проворчал царь. — Я же запретил им запираť ворота на ночь! К чему чистить дороги от отребья? Чтобы честный человек не мог попасть домой через два часа после заката?

— Ты накажешь их! — терпеливо произнес Люг. — Но — завтра! Завтра, мой царь! Я такой мокрый, что похож на семидневного утопленника! Да и ты не лучше! Вернемся, мой царь! Утром намного проще попасть во Дворец и показать, кто ты такой!

Сокт украдкой взял под уздцы лошадь Фаргала и потянул ее прочь от городской стены.

Некоторое время казалось, что Владыка Карнагрии поддался на уговоры, но не успели они отъехать и на сотню шагов, как царь решительно остановил коня.

— Нет! — сказал он. — Я — царь! И должен попасть в свою столицу, даже если придется прорубать ворота мечом!

— Фаргал! Опомнись! — воскликнул Люг. — Эти ворота окованы бронзой в три пальца толщины! Ты только испоганишь меч! А эти сони как спали, так и будут спать! В конце концов, мы объехали еще не все ворота. Остались те, что со стороны реки! Поедем-ка к Великону. Если удастся найти лодку, попробуем попасть прямо в Дивный Город!

Увы! Сокт знал своего друга и оставил надежды на сухую постель, ужин и горячее вино.

— Если б я знал все подземные норы этого города! — вздохнул Фаргал. — Наверняка не меньше дюжины ходов проходят под его стенами! Если б я знал!

— Ты не знаешь! — отрезал Люг. — И нечего об этом говорить! Мы едем к реке?

— Едем! — хмуро ответил царь. — Дворцовые стражники, по крайней мере, не спят! Но нужно быть сумасшедшим, чтоб сесть в лодку под таким ливнем!

— Вот это я возьму на себя! — сказал Люг.

Сокт плотнее завернулся в шерстяной плащ, тяжелый от влаги, но сохраняющий хоть какое-то тепло.

— Забыл! — вдруг сказал царь, резко останавливая коня. — У меня же есть перстень!

— Разве мы и так не знаем дорогу во Дворец? — осведомился Люг, в свою очередь останавливаясь.

— Посмотрим! — произнес Фаргал, обматывая поводья вокруг седельной луки и выпростав из рукава правую руку.

— Ну, камешек, — проговорил он, сдвинув брови, — где здесь путь, который мы ищем?

Сдвинув головы так, что капюшоны их соприкасались, друзья глядели на путеводный перстень.

Некоторое время с камнем ничего не происходило.

Дождь лил с прежней силой. Лошади стояли, понутив головы. Вокруг — темень и отупляющий шум падающей воды.

Люг уже решил, что ждать бесполезно, когда внутри камня вспыхнула зеленая пульсирующая звездочка.

— Взял! — с удовлетворением произнес Фаргал. Словно речь шла о собаке.

Поворачивая руку, он определял момент наибольшего свечения.

Они снова двинулись к воротам. Сокт все еще сомневался. До тех пор, пока ворота не остались позади, а под копытами лошадей не зачавкала размокшая земля: они свернули с дороги.

Примерно через четверть мили всадники въехали в небольшую рощицу, а еще через полсотни шагов конь Фаргала едва не споткнулся о могильную плиту.

— Здесь! — уверенно заявил царь, спрыгнув на землю.

Взявшись руками за край смутно видневшегося в темноте камня, он попробовал его поднять. Но на такое даже его великолепные мускулы были не способны: камень весил не менее шести быков.

— Здесь что-то написано! — сказал сокт. — Был бы огонь...

Фаргал не ответил. Он стоял неподвижно, глядя на плиту. Капюшон его был откинут, и холодные струйки воды стекали за шиворот. Фаргал не обращал внимания, он думал.

Люг пальцами пытался опознать вырубленные на надгробии буквы. Нога его поскользнулась на мок-

рой траве. Ударившись коленом о надгробие, он выругался по-соктски.

— Так, — сказал царь и снова взялся за край плиты.

— Постой, я помогу! — воскликнул сокт.

Но Фаргал уже сдвинул камень (вместе с опершимся на него Люгом) и повел его в сторону под омерзительный скрежет проржавевшего механизма.

Когда щель стала достаточно широкой, Фаргал оскочил вниз.

— Прыгай! — крикнул он оттуда сокту.

Люг прыгнул в открывшуюся яму. Он был готов к тому, чтобы услышать под ногами хруст человеческих костей. И услышал их. Тем не менее это была не могила. По крайней мере, не только могила.

Фаргал поднял руки, пошарил наверху, закричал.

Плита снова повернулась со скрежетом и отрезала последний проблеск света.

— Демон! — проворчал Фаргал. — Пальцы порезал! От рычага совсем ничего не осталось!

— Как твой камешек? — спросил Люг.

По крайней мере, дождь больше не лил им на головы.

— Поет! — ответил Фаргал и продемонстрировал огонек.

— Эх, сюда бы *мой меч!* — вздохнул он.

Сокт услышал, как царь вытянул из ножен клинок, который достался ему от ремийца.

— Это еще зачем? — насторожился он и поглядел на свой браслет.

Тот слегка засветился, повинувшись желанию хозяина. И потеплел: здесь присутствовала враждебная магия. Ну и что с ней делать?

— Пойдем, что ли, мой царь? — предложил сокт.

И друзья двинулись навстречу неизвестности.

Глава одиннадцатая

— Кэр... — негромко позвала Ирдик, и глаза царя открылись.

Кэр смотрел на лицо девушки, и ему казалось, что он все еще спит. Юноша не помнил, кто она. Эти воспоминания были укрыты магом. Но даже маги полностью не властны над человеческими снами. И над теми, кто любит. Пленка волшебства лопнула, и Кэр *вспомнил!*

— Ирдик? Ты?

Кен-Гизар шумно выдохнул.

Кэр быстро взглянул на него и тут же оказался сидящим на кровати. Босой ногой сын вождя нащупал меч. Теперь он в любой момент мог схватить оружие.

— Кто это, Ирдик? — резко спросил он, указав на посланника.

— Я — Кен-Гизар! — с достоинством, но стараясь не делать лишних движений произнес сокт. — Посол объединенного Совета Священных островов Сок!

«Вот! — мелькнуло в голове Кэра. — Первый враг!»

Должно быть, мысли его отчетливо проступили на лице, потому что Кэр увидел: пожилой мужчина, оказавшийся *тем самым* Кен-Гизаром, напрягся. Самериец уловил даже слабый запах, который исходит от человека при возбуждении или страхе. И тем не менее этот Кен-Гизар держался неплохо. Хотя его кинжал немногого стоил против меча Кэра.

Посланник Священных островов старался выглядеть уверенным и спокойным. Он очень хорошо понимал, что его жизнь сейчас зависит от самозванца. В очередной раз посланник пожалел об ушедшей молодости: будь сокт лет на пятнадцать моложе, они еще потягались бы!

— Он — друг! — твердо ответила Ирдик. — Это он привел меня к тебе!

— А ты, ты — друг? — спросил Кэр, пристально глядя на девушку.

Лицо Ирдик окаменело. Она попыталась что-то сказать, но не могла. Губы не слушались ее.

И сын вождя забыл о сокте, о мече, о том, что он сидит на ложе императора Карнагрии.

— Прости меня! — прошептал он, нежно обнимая девушку. — Прости!

Ирдик заплакала.

Кен-Гизар с облегчением перевел дух. Нет, этот мальчик, так похожий на мужчину, больше того — на самого императора Карнагрии, не станет убивать из одной предосторожности.

Посланник подошел ближе и опустился на край постели на расстоянии вытянутой руки от молодых людей. В ушах его шумела кровь, а тело охватила предательская слабость. Но он не имел права расслабляться.

«Думать! — приказал себе посланник. — Думать!»

Кто-то превратил пятнадцатилетнего юношу во взрослого мужчину. Кто-то снабдил его всем, даже шрамами Фаргала, и проделал работу настолько хорошо, что обманул царского лекаря. Кто? Зачем? И еще: если подменен царь, значит — и Люг! Кто скрывается за чудовищным маскарадом? Кто-то, кому по силам дать юному самерийцу могучее тело Фаргала!

Глядя на мускулистую руку, обнимавшую хрупкие плечи девушки, Кен-Гизар подумал: эти мышцы немногим уступят громадным бицепсам настоящего царя! Этот «кто-то» еще и уговорил Кэра стать царем. Кен-Гизар, поглядев на самозванца, был склонен поверить утверждениям Кайра о верности соплеменника.

И при этом чар на царе нет. Это говорит об огромной, почти божественной мощи врага. Шрамы — пустяк. Покрывать тело нужными отметинами, а потом заживить их могут многие. Сильный маг может и состарить человека лет на десять. Иное дело — изменить внешность, доставшуюся от отца с матерью. Полностью изменить облик, привычки, манеру держаться... Хорошо, если враг воспользовался случайным сходством! Но, судя по множеству совпадений, это не так. И ни следа приложенных чар!

— Кэр, — негромко произнес посланник, — может быть, расскажешь, как ты, сын вождя из Самери, оказался в царских покоях?

— Чем плох сын вождя Хардаларула? — мгновенно ошетинился самериец.

— Ничем, — согласился Кен-Гизар. — Но Фаргал — мой друг!

Тень скользнула по лицу Кэра. И не осталась незамеченной.

— Или был моим другом, если его уже нет в живых! А человек, который полагает своим другом тебя, — сокт заметил, как пальцы самерийца сжали край одеяла, — говорил мне, что доверяет твоей преданности царю Карнагрии!

— Кто? — холодно спросил Кэр.

— Кайр!

— А... — мышцы молодого воина расслабились. — Ему можешь верить!

— Однако ты здесь! — напомнил посланник.

Кэр промолчал. Ирдик сердито глядела на сокта. Видно было: она готова защищать самерийца от любых обвинений.

— Он мертв? — спросил Кен-Гизар.

— Думаю, что да, — неохотно проговорил сын вождя. — Но его можно считать мертвым... для Карнагрии. Я защищал его, пока мог. Но мне показали...

Я решил, — поправился он, — что, заняв место на Кедровом Троне, окажу услугу и Фаргалу. Если ему небезразлична судьба его империи. Да я ничем не хуже его! — с ожесточением произнес самериец.

— Будущее покажет, — ответил Кен-Гизар. — А все-таки я не прочь услышать еще кое-что. Клянусь! — сокт поднял правую руку с браслетом Яго. — Все, что ты скажешь, останется со мной! И ты приобретешь мою помощь, которая пришлась кстати и Фаргалу, когда тот только взошел на престол! Клянусь!

Тут браслет на его руке вспыхнул.

Ни Кэр, ни Ирдик не сообразили, что значит вспышка. Самериец решил, что это часть клятвы. Зато Кен-Гизар понял. Он быстро обернулся.

С другой стороны ложа, изготовившись к прыжку, застыл оборотень.

— Ха, — сказал Люг, — вот и дождь кончился!

Подземный ход вывел их на дно высохшего колодца. Остались сущие пустяки — подняться наверх? Прорывший ход не позаботился ни о лестнице, ни о веревке.

— Как не хочется идти обратно! — пробормотал сокт.

Вспомнились, кстати, и косточки, которые они с Фаргалом неуважительно давили ногами.

Люг поднял правую руку. Волшебный свет озарил облицованные камнем стены. Колодец имел квадратное сечение, ширина — локтей пять с небольшим. Строители потрудились на совесть — в кладке ни одной щели.

— В крысоловку мы с тобой еще не попадали, мой царь! — преувеличенно жизнерадостно сказал вождь соктов.

— Льва крысоловкой не поймает, — проворчал Фаргал.

Расстегнув пояс с оружием, царь бросил его на землю. Поглядел наверх. Дождь действительно кончился. Три звезды Жезла Яго висели как раз над отверстием колодца. И среди них белая, самая яркая в созвездии, Наконечник. Белая звезда — к удаче!

Фаргал наклонился вперед, уперся руками в одну стену, ногами — в другую. И полез наверх.

Даже для могучего Фаргала подняться таким способом на добрых пятнадцать локтей — тяжкая задача. Поэтому когда царь перевалился через ограждение колодца, сил у него почти не осталось.

Некоторое время он неподвижно лежал на земле, вернее, на каменных плитах (Отлично! Значит, он уже по другую сторону городской стены!), затем почувствовал легкий укол в шею.

— Встань, — произнес хриловатый голос. — И не дергайся — проткну как гуся!

Вот демон!

Фаргал пожалел, что оставил внизу меч. Подумаешь, шесть мер железа! Взобрался бы как-нибудь!

— Здоровый бык! — заметил другой голос.

Фаргал услышал, как скрипнула тетива лука, и решил пока воздержаться от решительных действий. Сначала глянуть, что да как.

Глянул. Его окружали десятка два вооруженных парней бандитского вида. Трое — с натянутыми луками.

За спиной — колодец. Впереди, слева и справа — противник.

— Что надо? — спокойно спросил Фаргал, оглядывая неизвестно откуда взявшихся врагов.

Если удастся определить вожака стаи и быстро свернуть ему шею, глядишь, у остальных воинственности поубавится. Хотя три стрелы с трех шагов... Шкуру ему попортят наверняка. Но не прыгать же обратно в колодец!

— Кошелек, — сказал тот, что поближе.

Меч у бандита наготове, и держится поодаль. Опытный, сразу обезоружить не удастся.

Фаргал обнаружил главаря. Инстинктом. Вожак ничем себя не проявлял и стоял на безопасном расстоянии.

Фаргал молча отвязал от пояса кошелек (один из отнятых у ремийских стражников), швырнул парню с мечом. Если бы тот попытался его поймать, царь, плюнув на лучников, рискнул бы и прыгнул. Но бандит проявил осторожность, отклонился, кошелек упал на мостовую, и его подобрал другой.

— Что дальше? — спросил Фаргал.

— Приколоть его? — спросил тот, что с мечом.

— Нет, Гарпун, погоди!

Вожак двинулся вперед.

Фаргал приготовился.

— Эй, у кого лампа? Посветите на него.

Голос главаря показался царю знакомым. Но мало ли голосов, знакомых Фаргалу?

«Где, демоны их разорви, шляются мои стражники?» — подумал царь.

Похоже, ему придется управляться самому. Рискованно. Могут и убить. И еще этот двойник, паршивец!

В лицо царю сунули масляную лампу. Момент был удачный, но — лучники! Нет, стоит потянуть время.

— Ашшур! — изумленно воскликнул вожак. — Большой Нож! Ты!

И уже без малейшей опаски шагнул к Фаргалу. Сейчас царь мог запросто осуществить свой план... Но не сдвинулся с места. Большим Ножом Фаргала звали в ватаге, которую он сколотил в молодости, удрав из тюрьмы Карн-Апаласара.

— Не узнаешь? — воскликнул вожак, подступая так, чтобы лампа осветила и его лицо. — Ну?

— Мормад?

Фаргал не сразу опознал в матером волчаре шестнадцатилетнего парня, которого он, выдернув из цепких лап палачей, принял в свою ватагу. Когда Фаргала схватили и увезли в Великондар, почти всех его разбойничков перебили. Почти, но не всех.

— Это наш, — бросил Мормад своим, и те опустили луки. — Так ты живой, Большой Нож? А я думал, с тебя содрали шкуру!

— Нет, как видишь, — сдержанно ответил Фаргал.

Похоже, Мормад не знал своего государя в лицо.

— Ты что же, в солдаты подался? — спросил вожак банды, оглядывая царя. — Ну-ка верните ему кошель!

— Нет, это не мое, — честно ответил Фаргал. — Это... позаимствовали.

— Ясно!

Мормад рассмеялся.

— Могу тебе чем помочь? Я здесь в силе.

— Мне надо во Дворец, — Фаргал шел напрямик. — И нет ли у тебя веревки, а то у меня друг там на дне остался.

Мормад заглянул в колодец, прищелкнул языком.

— Ну ты крепок, Большой Нож! — сказал с уважением. — Найдём и веревку. И к Дворцу проводим, и внутрь войти поможем. Это мой город, Большой Нож. Имей в виду.

Это было предупреждение.

— Да я так, мимоходом, — усмехнулся Фаргал.

— Умно. Хорошее время выбрал. В Дивном Городе сейчас полный бордель. С пустыми карманами не уйдешь. Если Алые не засекут.

— А хоть и засекут! — беспечно ответил Фаргал.

Мормад засмеялся.

— Ты все такой же, — сказал он.

— А ты что тут делал? — спросил царь. — Меня караулил?

Оба расхохотались.

— Нет, не тебя. Из этой дыры, — вожак похлопал по ограждению колодца, — сегодня золотой жук должен вылезти. Не встречал его там, внизу?

— Золотой? Нет. Только вонючки.

— Ладно, подождем. То есть я тебя провожу, как обещал. А ребята покараулят.

— А сведения верные? Насчет жука?

— Как Фаргаловы монеты! — засмеялся Мормад. — От настоящего колдуна!

— Ну тогда конечно, — согласился Фаргал.

А он-то рассчитывал на внезапность.

Из колодца по веревке взобрался Люг.

— Никак сокт? — удивился Мормад. — Что, своих не найти, Большой Нож?

— Черного ночью не видно, — сострил Фаргал.

— И то верно. Ладно, пошли. А то за разговором и ночь кончится.

Глава двенадцатая

Оборотень проскользнул в покои из тайного хода и незамеченным подобрался к людям. Кожа его тускло светилась, злые глаза пылали яростью.

Ирдик вскрикнула.

Широкая пасть распахнулась, чешуйчатые ноги согнулись для прыжка.

Ненавистный всем служителям Аша браслет, как факел, пылал на запястье сокта. Он защищал от магии. Но не от физической силы.

Кен-Гизар был немолод. Но не перестал быть воином. Рука его метнулась к оружию, и светящееся лезвие полетело в грудь оборотня.

Чудовище дернулось в сторону, и кинжал пролетел мимо. Кен-Гизар вскочил на ноги и отпрянул к стене. Оборотень перемахнул через широкое ложе. На Кэра и Ирдик он не обращал внимания. Ему нужна была жизнь жреца Яго.

— Кэр! — вскрикнула Ирдик, ударив кулачком оцепеневшего самерийца.

«Их тоже можно убивать!» — вспыхнуло в сознании молодого воина. И он ощутил под своей босой ногой рукоять Фаргалова меча. Теплую, как живое тело.

Кэр не успел бы спасти Кен-Гизара, если бы оборотень напал сразу. Но тот решил насладиться беспомощностью давнего врага. Раскачиваясь, слуга Змеебога навис над соктом. Широкая пасть медленно распахнулась, когтистые лапы потянулись к горлу Кен-Гизара.

Кэр опомнился. Огромный меч Фаргала сам прыгнул в руку. Новому Кэру меч не показался тяжелым.

«Рублю плоть демонов так же легко, как плоть людей!»

Длинный клинок взлетел над головой самерийца и косо упал на шею оборотня. Правое плечо и голова человека-зверя, отрубленные напрочь страшным ударом, упали на ковер. Ни капли не пролилось из огромной раны. Обезглавленное тело с деревянным стуком повалилось на пол, испустив зеленый светящийся пар. Чешуйчатая кожа оборотня померкла.

Кен-Гизар, задыхаясь, прижимал руки к груди. Браслет его больше не пылал, а мерцал неярко, успокаивающе.

— Хороший удар! — с трудом выговорил сокт. — Я — твой должник, воин! И готов помогать тебе, какой бы ни была твоя история!

Кэр подхватил его под руку, помог добраться до ложа.

— Так ты больше не сомневаешься во мне? — спросил он.

— Ты доказал, что не служишь врагу. И спас мою жизнь, хотя я могу тебя выдать. Нет, юноша, у меня есть основания тебе доверять!

— Что ж, — задумчиво сказал Кэр. — Вообще-то я не собирался быть с тобой откровенным...

— Ты можешь молчать! — заверил Кен-Гизар.

— Нет! — возразил сын вождя.

И рассказал, что произошло с ним в подземельях Клыка Кхорала. То, что помнил.

Воспоминания Кэра были «подправлены» и выстроены жрецом Аша. Но Кен-Гизар не уловил обмана. В рассказе Кэра маг выглядел «нейтральным». Он помог самерийцу из личной давней симпатии, и подсказал ему идею стать Владыкой Карнагрии. Причем выглядело это как акт благодеяния для самой Карнагрии. Выходит, Кэр занял место Фаргала едва ли не из чувства долга перед царем?

Кен-Гизар был в некотором замешательстве. Кэр не лгал. Но поверить в существование здесь, в Карнагрии, мага такой мощи, не привязанного ни к одному из божеств, было трудно. Впрочем, посланник ухитрился вычленить из рассказа самое существенное.

— Значит, — произнес он, — Фаргал жив?

— Маг сказал: все равно что мертв! Ирзай никого не отпускает!

— Возможно, — согласился Кен-Гизар. — И если то, что я знаю об этой богине, — правда, то от нее никто и не уходит по собственной воле. Но не стоит недооценивать Фаргала!

Оставался еще один вопрос: откуда у Кэра тело царя Карнагрии?

— Позволь мне узнать кое-что? — попросил посланник.

— Узнавай, — согласился Кэр.

Если Кен-Гизар хотел кому-то понравиться, он добивался этого очень быстро. Будь то Фаргал, Кэр или Старший Советник Трона.

Кен-Гизар взял руку сына вождя и коснулся ее запястья браслетом Яго, одновременно прошептав заклинание Истины. Если плоть Кэра изменена, значит, затронута и нить его Жизни. Браслет определит это.

Жрец Яго подождал несколько минут. Заинтересованное выражение на лице Кэра сохранялось не больше минуты. Потом он перевел взгляд на Ирдик.

Браслет молчал. Значит, решил сокт, тело, принадлежащее сейчас сыну вождя, было его собственным, дарованным от природы. Может быть, повзрослевшим лет на пятнадцать—двадцать, но это было уже вполне посильное среднему магу колдовство. Собственное. Но рука, которую посланник держал, была точной копией руки Фаргала.

О Великий Яго! Как он мог забыть!

Кен-Гизар перевернул руку Кэра ладонью вверх... и вздохнул с облегчением. Так и есть! Линии на ладони не были линиями Фаргала. Похожими, да, но — другими.

— Кэр, — сказал посланник, оторвав сына вождя от созерцания счастливой Ирдик. — Как ты собирался остаться неузнанным?

Вопрос о том, откуда взялся двойник Фаргала, сокт решил оставить на потом.

— Неузнанным?

— Рано или поздно ты выдал бы себя перед кем-нибудь из хорошо знавших царя!

— Через пару недель это было бы уже не важно, — ответил молодой воин. — Я начинаю войну!

— Что?

— Я начинаю войну с Эгерином! — сказал сын вождя, очень довольный собой.

Кен-Гизар опустился на край царского ложа и помассировал грудь. Определенно, сегодняшние потрясения его доконают!

— Кто тебя надоумил? — со вздохом спросил он.

— Я сам! — гордо ответил Кэр. — Когда посланник Станар догадался, что я — не Фаргал, это показалось мне достойным выходом!

— Давай найдем другой! — слабым голосом попросил сокт.

Скорость, с которой этот мальчик с лицом мужчины создавал новые проблемы, просто потрясала.

— Я уверен, — сказал посланник, — что могу сохранить твою тайну и без войны с Эгерином!

— Поздно! — отрезал Кэр. — Я уже приказал Шотару начать подготовку!

— Демоны Джехи!

Выходит, Шотар уже получил приказ и не поделился новостью ни с Кен-Гизаром, ни с Саконнином! Очень скверно! Значит, у капитана свой собственный интерес в этой войне! Какой?

— Ты не обещал Шотару землю в Эгерине? — спросил он.

— Никаких земель! Но он получит то, что заслужит!

«Шотар раскусил его! — подумал Кен-Гизар. — И хочет воспользоваться этим. Этак капитан может стать императором!»

— Какой пост капитан займет в твоём войске? — спросил посланник.

Он неплохо относился к Шотару. Более того, полагал, что тот будет лучшим и более полезным

для островов Сок императором, чем этот юноша. Но если Фаргал вернется, отнять трон у Шотара будет куда сложнее.

— Я пообещал сделать его начальником конницы! — ответил Кэр.

— Только и всего? — удивился Кен-Гизар. — Всего-то начальником конницы наемников?

— Наемников и Алых!

— Тебе надоело сидеть на троне? — поинтересовался Кен-Гизар. — Тебе не понравилось царствовать?

— Не очень! — признался Кэр.

— Скоро тебя избавят от этой заботы! В Карнагрии тот, кто командует Алыми, тот и правит страной! Покойник Йорганкеш, предыдущий император, мог бы порассказать тебе об этом. Но даже он собственноручно не передавал начальство над гвардией своему преемнику! Так что скоро мы будем приветствовать императора Шотара!

Кен-Гизар понял, что бороться с последствиями действий этого юноши ему не под силу.

— Шотар меня не предаст! — заявил Кэр.

— О да! — отозвался Кен-Гизар. И, внезапно вспомнив: — Скажи мне, что за человек скрывается под именем моего соплеменника Люга?

— Воин, — ответил Кэр. — Слуга того мага, что помог мне. Его зовут Карашшер. А как зовут мага, я не знаю!

— Это-то не удивительно, — произнес посланник. — Какой маг откроет свое имя? Но я не прочь поговорить с его слугой!

— Не станет он с тобой говорить! — сказал Кэр. — Он так и сказал мне: никаких бесед с послом Священных островов! Я, впрочем, не обязан ему подчиняться. Это он должен помогать мне! Кен-Гизар! А почему бы тебе не поговорить с самим магом?

— Что?

— Ну да! Он ведь здесь, во Дворце! Саконнин сам приводил его ко мне вчера вечером. Вот только у нас не было времени пообщаться. Но маг и прежде обещал мне свою помощь, так что, уверен, выполнит обещание. Ты, он, Шотар, Саконнин... Если вы можете мне, — сказал он с юношеской непосредственностью, — то я наверняка сумею заменить Фаргала, раз Фаргал все равно что мертв!

— Кто это мертв?

В зеве все еще открытого тайного хода стоял огромного роста человек с обнаженным мечом в руке.

Кэр мгновенно очутился между ним и Ирдик с соктом.

Царский меч сверкнул в его руке.

— Мой меч! — взревел пришелец. — Мой меч! И обрушил на самерийца яростный удар.

Кэр отклонился в сторону и ответил не менее быстрым выпадом. Его противник отпрыгнул назад... и оказался в объятиях второго мужчины, выскочившего из тайного хода следом за царем.

— Остановись! — закричал Люг. — Остановись, ради славы Ашшура! Здесь Кен-Гизар.

Даже Люгу не под силу было удерживать Фаргала дольше нескольких мгновений. Но между бойцами возник посланник, предотвратив заодно и выпад Кэра.

— Царь! — воскликнул Кен-Гизар. — Взгляни туда: твоему мечу не повредила чужая рука!

— Фаргал! — прямо в ухо царю крикнул вождь соктов. — Разве ты не узнаешь нашего спасителя?

— Демоны Джехи! — зарычал Фаргал, переводя взгляд с разрубленного тела оборотня на лицо, столь похожее на его собственное. — Тысяча демонов и все пламя геенны! Что делаете здесь вы все? И, Ашшур, откуда здесь, в моих покоях, женщина?

— Так, значит, ты жив? — произнес Кэр, опуская меч.

— Есть сомнения? — прорычал Фаргал.

И вдруг неожиданно улыбнулся.

— Отпусти меня, вождь! — сказал он. — Я не стану убивать человека, который сражался за меня. И вместо меня! — он указал клинком на труп оборотня. — Он неплохо использовал мой меч и, разумеется, вернет его мне!

— Он — твой! — спокойно ответил самериец.

И протянул клинок Фаргалу.

Царь жадно схватил рукоять, прижался щекой к холодному металлу.

— Ты возьмешь в моей оружейной все, что пожелаешь! — произнес он дрогнувшим голосом. — Я уже не чаял прикоснуться к тебе, мой друг!

Фаргал нежно провел пальцами по мерцающим письменам на клинке.

— Очень поэтично! — заявил Люг.

Сокт пересек комнату и повалился на царскую постель.

— Устал, — пояснил он. И, обращаясь к самерию: — Ну-ка выкладывай, герой, как ты здесь очутился!

— Герой? — царь на мгновение оторвался от созерцания собственного меча. — Кстати, где мой пес?

— Пропал! — ответил Кен-Гизар. — Как я слышал!

— Что за вздор? — возмутился Фаргал. — Да он не покинет моей спальни без моего приказа! И разорвет любого, кто попытается прикоснуться к нему!

— Боюсь, что знаю, кто к нему прикоснулся! — проговорил сокт. — Мужайся, царь! Это не последняя потеря!

— Назови-ка имя! — глаза Фаргала налились кровью. — Назови мне имя мерзавца! И я позабочусь, чтобы моему псу не было одиноко в загробном мире!

— Он, — Кен-Гизар кивнул на Кэра, — уже позаботился. Вызвал бы ты слуг, государи! Насколько я знаю оборотней, они начинают смердеть уже через пару часов!

Фаргал потянулся к гонгу, но посланник тут же сам остановил его:

— погоди, государи! Я запомнил еще кое о чем! Кэр! Напомни мне имя человека, что сопровождал тебя под видом моего друга Люга?

— Что? — вождь соктов подскочил на месте. — Под моим именем?

— Его зовут Карашшер! — ответил самериец, поворачиваясь к Люгу. — И он ничем не оскрамил твоего имени, вождь!

— Остуди свой гнев, Люг! — улыбнулся царь. — Это же наш спаситель!

— Да, — сказал сокт и засмеялся. — Как бы то ни было, тот, кто все это подстроил, сыграл нам на руку, мой царь!

— Подстроил? — удивился царь. — Разве это была не твоя идея? — он взглянул на Кэра.

Люг снова засмеялся.

— Значит, твоя? — Фаргал повернулся к посланнику соктов.

— Царь, — сквозь смех проговорил вождь. — Ты посмотри на нашего друга! Он — вылитый ты!

— Я не слепой! — проворчал Фаргал. — Да, он похож на меня! Иначе как бы все это получилось?

— Это была не моя идея, о царь! — произнес посланник. — И уж конечно не его! Могу засвидетельствовать: юноша занял твое место из самых достойных побуждений!

— Надеюсь, что так! — Фаргал нахмурился. — Ну и как тебе Кедровый Трон, наемник?

— Мое имя — Кэр! — холодно произнес самериец.

Ирдик прижала ладонь к губам.

Кен-Гизар приготовился вмешаться, но Фаргал не рассердился. Он смерил взглядом широкоплечую фигуру Кэра, ничем не уступающую его собственной... и нашел замечание справедливым.

— Так как тебе место императора, Кэр, сын Хардаларула?

— Мне было не очень уютно! — признался самериец. (По лицу Фаргала было видно, что ответ ему понравился.) — Но, — тут же добавил Кэр, — я еще не привык. Думаю, через полгода, а может, и раньше я начал бы находить в этом удовольствие!

Люг засмеялся и поднял большой палец.

— Не ты один! — сказал царь. — Но пока я жив, у тебя не будет возможности попробовать. Что ты успел натворить?

— Сделал кое-что, — признался Кэр. — Мне не кажется, что это плохо, но кое-кто меня уже осуждает!

— Что же ты сделал? — насторожился царь.

— Я начинаю войну с Эгерином! То есть ты начинаешь, — поправился он.

— Однако! Вестник уже послан?

— Вестник?

— Значит, нет! Ладно, разберусь. Что еще?

— Мой царь! — вмешался Люг. — Я не прочь взглянуть на своего двойника, если ты уже наговорился со своим!

— Да, — присоединился Кен-Гизар. — Ты, о царь, интересовался, кто все организовал? Я тоже не прочь узнать об этом побольше!

— Где он? — спросил Фаргал.

— В покоях вождя соктов!

— Тогда идем!

Царь шагнул к дверям.

— Мой царь! — воскликнул Люг. — А ты не хочешь переодеться? Мне, признаться, надоело ходить мокрым!

— Вы, наверно, голодны? — спросил Кэр. — Ирдик! Взгляни, там, на столе, должно было остаться от моего ужина!

Девушка бросила на царя испуганный взгляд. Разве можно предлагать Владыке Карнагрии свои объедки?

— Давай, давай! — отозвался Фаргал, стягивая через голову мокрую рубаху. — Только быстро! Люг, поройся в шкафах. Там не только мои вещи, но и моих предшественников! Найдешь что-нибудь по себе! Девушка! Раз уж ты здесь, заплети мне волосы! Кто знает, не придется ли нам поработать мечами!

— В собственном-то Дворце? — усомнился Люг. — Я возьму вот это! А кольчуга у тебя есть?

— В оружейной! Можем зайти!

— Вот так лучше! — заявил Фаргал, пристегивая к поясу ножны и энергично жуя. — Пошли!

Два стражника, которым была поручена охрана царской опочивальни, выпучили глаза, увидев, как вместо одного Фаргала из дверей выходит двое. Да еще два сокта. Да еще девушка.

— Всё в порядке! — заявил Кен-Гизар раньше, чем воины схватились за мечи.

— Хорошо же вы несете стражу! — проворчал подлинный Фаргал. — Меня могли трижды убить, а вы бы так и проторчали здесь!

— Но, — робко возразил один из стражников, переводя взгляд с одного «царя» на самерийца. — Было приказано не тревожить без зова...

— Да, — сказал Кэр. — Я велел им!

— Ну, с такими повелениями ты недолго усидел бы на моем месте! — заявил Фаргал.

Оставив стражников переваривать увиденное, все пятеро двинулись по галерее к покоям Люга.

Глава тринадцатая

— Этот демон Фаргал опять ухитрился вывернуться! — прошипел маг.

— Ты же сказал: от Ирзай никто не уходит? — буркнул Карашшер.

— Ушла сама Ирзай! Кто-то из Великих вмешался в мою Игру!

— Таймат?

— Думаю, да! — в голосе чародея смешались гордость и огорчение. — Но почему она не забрала Фаргала с собой?

— Что ж, — сказал Карашшер с наигранным спокойствием. — Значит, мы будем драться! Неужели величайший из магов и сильнейший из воинов не управятся с живым человеком?

— Фаргал — хозяин во Дворце! И он придет не один. С ним обязательно явятся проклятые сокты! Но это лучше, чем полсотни Алых!

— Я предпочел бы полсотни Алых! — отозвался слуга мага. Чего ждать от этих, я знаю! А со жрецами Яго тебе придется разбираться самому!

— Разберусь! — уверил маг. — Все! Они идут!

Жрец Аша сотворил заклинание, и перед ним вспыхнуло волшебное «окно». В нем Карашшер увидел четырех мужчин и девушку, быстро идущих по сумеречной галерее. Воин узнал мужчин, но что касается девушки...

— Для чего они тащат с собой девчонку? — подозрительно спросил он.

— Он вернул себе свой меч... — пробормотал маг. — Что ты сказал?

— Я спросил: зачем им девчонка?

— Случайность! — ответил маг и засмеялся. — Она и наш верный Кэр! Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что очень скоро они будут здесь! — сказал Карашшер.

— Я успею! Итак, они идут к тебе! Обо мне им пока неизвестно! С ними наш Кэр и девушка. Кэр, который проиграл как царь, но еще послужит нам как воин! И девушка, которая всегда становится слабостью того, на чьей она стороне! Эти двое обойдутся им в силу одного из соков! — маг снова довольно засмеялся. — Значит, двое против двоих! Ты все еще боишься, Карашшер?

— Конечно, боюсь! — буркнул воин. — Скрестить клинок с Фаргалом!

— Попробую позаботиться и об этом! — кивнул маг. — Отошли стражников: мы должны избавиться от неопределенности!

Когда воин вышел, жрец Аша, пропев несколько слов, медленно пересек просторную комнату. Камень на его Диадеме полыхнул.

— Иди ко мне! — приказал он вернувшемуся Карашшеру. — Стань сюда!

Чародей описал в воздухе волнистую линию правой рукой, и лента желтого пламени пересекла спальню Люга от стены к стене. Еще один жест — и лента погасла.

— Держись на этой половине! — сказал маг. — Никто из них не сможет пересечь границу! А я пока побуду в тени и подготовлюсь!

Маг прошептал заклинание и начал медленно растворяться в желтом от курений воздухе.

— Держись смело! — напутствовал он своего слугу и пропал.

Карашшер вытянул руку и осторожно прикоснулся к невидимой преграде. Под пальцами было нечто твердое и очень горячее.

С проклятием он отдернул руку и услышал смешок.

— Никогда не сомневайся во мне, Карашшер! И твоя жизнь никогда не оборвется! — прошипел его невидимый хозяин. — Они идут!

Дверь в покои распахнулась.

Четверо мужчин быстро вошли внутрь. Ирдик замешкалась... И осталась снаружи, у порога. Словно кто-то шепнул ей: не входи!

Кэр, который ни разу не был здесь, с интересом оглядел спальню. На стенах яркие ковры фетской работы, потолочная лепка вызолочена, изысканная мебель обтянута бархатом. Огромную кровать из черной ароматной древесины укрывал балдахин в три человеческих роста. Оконные ниши скрыты за портьерами из расшитой мелким жемчугом черной парчи.

Рядом с одной из таких портьер стоял Карашшер.

Кэр заметил его не сразу, хотя воин не прятался. Напротив, принял достаточно вызывающую позу: одна рука на бедре, вторая — на эфесе кривого меча, принадлежавшего Люгу. Голову слуги мага защищал открытый, без личины или забрала, шлем. Карашшер больше не нуждался в том, чтобы скрывать свое настоящее лицо.

Окинув взглядом Фаргала, Карашшер усмехнулся: редкое сходство с Кэром. И вдруг улыбка сбежала с его лица: он понял, что царь напоминает ему не только Кэра, но и еще одного человека. Если можно назвать человеком...

— Ты узнал меня, не так ли? — прогремел Фаргал.

Смущение воина царь приписал собственному грозному виду.

— Конечно, узнал! — отозвался Карашшер, и усмешка вновь растянула его рот. — Второго такого, как ты, нужно еще поискать! Но если поискать — можно найти!

— Ты!.. — рявкнул Люг, делая шаг к слуге мага.

И, наткнувшись на невидимую преграду, отскочил назад.

— Вот демон! — воскликнул он.

Карашшер расхохотался.

Фаргал выхватил меч.

— Осторожней, мой царь! — предупредил его сокт. — Тут какая-то мерзость!

— Ну же, император! — подзадоривал Карашшер. — Где твоя знаменитая храбрость?

Брошенный кинжал едва не продырявил ему грудь.

В последний момент воин успел отскочить, и оружие лишь царапнуло по кольчуге.

— Зачарован! — чуть слышно прошептал над ухом воина голос жреца Аша. — Царь — мой, но сокты — твои, Карашшер!

Если бы не загар, можно было бы увидеть, как побледнел слуга мага.

— Где мой прежний бросок? — посетовал Кен-Гизар. — Уже второй промах за сегодняшнюю ночь! Нет! Нет! — удержал он Фаргала, собравшегося метнуть свой меч в наглеца. — Твой клинок лучше прибереечь! Для того, кто в тени!

— Хитер! — прошепелестел над ухом Карашшера голос мага. — Чует!... Но не знает! — и свистящий смешок: — Развлечемся.

Слуга мага поглядел на надорванную кольчугу: его развлечения могли закончиться минуту назад.

— Ты о ком? — настороженно спросил Фаргал сокта.

— О его хозяине. Маге. Он здесь, не так ли?

— Да, — подтвердил Кэр. — Он — во Дворце!

Магические силы, наполнявшие комнату, вступили в связь с заклятиями забвения в самом Кэре и освободили последнее, оставшееся скрытым.

— Я не думаю, что от жреца Аша может исходить зло! — сказал молодой воин.

— Кого?! — Кен-Гизар побагровел.

— Теперь это уже не важно! — прошелестел голос чародея позади Карашшера.

— Теперь это уже не важно! — эхом откликнулся Фаргал. — Разве мы и так не знаем своего врага?

Люг тем временем изучал своего «двойника».

Фактически, сходство было не так уж велико. Сложение, цвет волос, кожи (их изменила краска, а не чары), борода. Зато само лицо куда грубей, а широкие лапищи с короткими пальцами совсем не похожи на руки Люга.

«Силен, должно быть, как медведь!» — подумал сокт, глядя на тяжелые покатые плечи и толстенную шею.

Вождь не обошел вниманием и собственный меч в руке врага. Но он был меньше привязан к своему оружию, чем Фаргал — к своему. Хороший меч, заговоренный клинок, да, но в оружейной царя есть и получше, а наложить чары сокт способен и сам. Хуже то, что меч, которым придется сражаться сейчас, самый обычный и вождь так и не успел привыкнуть к нему. Зато он Люг Смертный Бой!

Он еще раз оглядел спальню. Свою спальню. Место для отдыха и наслаждения. Втянул воздух,

насыщенный ароматами царских садов. Но запах крови уже явственно пробивался сквозь дыхание цветов.

Ирдик попятилась. Она не боялась крови. И не боялась опасности. Кэр сумеет защитить ее. И еще трое мужчин, которые не дадут ее в обиду. И все-таки что-то отталкивало девушку, отодвигало подалеже от этих великолепных гобеленов, подалеже от напряженных спин воинов. Но здесь был ее Кэр и она не могла уйти!

— Люг, — произнес Кен-Гизар.

— Да? — отозвался, не поворачиваясь, вождь соктов.

— А не попробовать ли нам Зов Двоих?

— Тебе или мне?

— Тебе, конечно! Я уже стар для живой борьбы!

— Мой царь, — попросил Люг. — Проследи за негодяем!

Он и посланник соединили руки с браслетами Яго.

— О мой повелитель, чистый и могучий, побеждающий врагов, насаждающий справедливость...

Ирдик удивилась тому, каким звонким, молодым стал голос посланника.

— ...вложи в брата моего, преданного тебе, силу отторжения чар зла. Вложи в него свою силу, повелитель, как я, ничтожный жрец твой, — отдаю свою! С радостью!

Что-то снова толкнуло Ирдик назад. Голубое сияние появилось над головами соктов... и Кен-Гизар тяжело осел на ковер.

Карашшер снова засмеялся. Но оборвал смех, когда Люг решительно шагнул к нему.

Невидимая граница вспыхнула желтым огнем. Вождь соктов коснулся ее — и желтое пламя стало

зеленым. Еще шаг — и Люг преодолел магическую черту.

— Защищайся же! — прошипел невидимый маг потрясенному слуге. — Повеселись! Ты сильнее, чем выползок Яго!

Карашшер был в этом далеко не уверен. Но пока в его голове копошились сомнения, руки делали привычное дело. Кривой меч Люга обратился на своего хозяина.

Сокт не спешил нападать. Воины медленно кружились по ковру вокруг невидимой оси. Два матерых волка, высматривающих слабину в противнике.

Люг ударил первым. Три стремительных движения, три звона скрестившихся мечей — оба отпрянули. И вновь закружились, высматривая, выжидая.

Но короткая схватка не прошла бесплодно для обоих. Люг понял, что противник не уступает в быстроте и превосходит в силе. Что учили его не карнарийские фехтовальщики и полагается он более на умение, чем на искусство, как это делал сам сокт.

Карашшер тоже узнал, что соперник не быстрее и не сильнее. Что клинок у него слабей и легче, чем у кривого меча. Еще слуга мага опознал традиционную манеру боя островитян и согласился с хозяином: превосходство на его стороне. Значит, маг нарочно подпустил к нему сокта, чтобы он, Карашшер, прикончил того на глазах остальных.

Больше века прожил Карашшер. И многому научился с тринадцати лет, когда впервые поднял боевой меч. Всю жизнь Карашшер сражался. А с тех пор, как век тому назад хозяин взял его к себе, исцеляя раны и продлевая жизнь жизнью, взятой из крови жертв, у воина была возможность стать лучшим бойцом в Семи Империях. Вот теперь даже прославленный Люг Смертный Бой уступает ему.

Воин бросил взгляд на Фаргала: царь жадно, приоткрыв рот, наблюдал за поединком.

«Ты — следующий!» — самонадеянно подумал Карашшер и устремился вперед.

Ложный выпад, режущий восходящий удар (Люг отскочил) и прямой рубящий — сверху. Карашшер вложил в него всю свою силу и нанес его так, что сокту ничего не оставалось, как парировать отводящим движением собственного меча. В последний миг Карашшер чуть изменил направление — Люг довернул клинок, чтобы избежать раны в руку, — и кривой меч со страшной силой обрушился на клинок Люга... И переломил его у самой рукояти.

Вождь соков потерял равновесие, отшатнулся и упал на спину.

Фаргал рванулся вперед... и с воплем отпрянул, ударившись о магическую преграду.

Карашшер перехватил меч и вскинул его, готовясь вонзить в живот Люга. Сокт откатился в сторону... и рука его задела кинжал Кен-Гизара.

Карашшер навис над упавшим, острие кривого меча взлетело вверх. И опустилось точно в середину груди Люга.

Но лишь разорвало кожаную куртку сокта. Меч выпал из рук слуги мага (золотое оголовье эфе-са больно ударило по пальцам Люга), а вслед за мечом повалилось на ковер грузное тело Карашшера. В правой глазнице воина, сверкая инкрустированной самоцветами рукоятью, торчал кинжал Кен-Гизара.

— Ашшур! — облегченно воскликнул Фаргал.

— Все, мой царь! — задыхаясь, проговорил Люг. И с трудом поднялся на ноги.

— Не все... — прошептал Кен-Гизар.

Но только стоящий рядом Кэр услышал шепот посланника.

— Не все! — раздался за спиной самерийца знакомый свистящий голос.

— Это еще кто? — рявкнул Фаргал, быстро обернувшись.

Высокая фигура в длинном плаще возникла прямо из воздуха.

— Не шевелись! — прошипел чародей.

Острый желтый луч ударил в сердце Фаргала. Еще один луч метнулся в сторону Люга, и сокт, наклонявшийся, чтобы поднять меч, повалился на окровавленный ковер.

— Великий Яго! — слабым голосом проговорил Кен-Гизар.

Маг даже не взглянул на посланника. Сейчас жрец Яго был не опасней младенца.

Еще один луч коснулся магической преграды. Желтая лента вспыхнула и погасла.

Маг уверенным шагом пересек комнату, поднял меч, к которому в последнем усилии тянулся Люг.

— Иди сюда! — велел он Кэру.

И самериец не смог не подчиниться.

— Возьми! — произнес жрец Аша, вручая Кэру оружие. — Мой повелитель дарит тебе право собственной рукой взять для него жизнь! Убей его!

Длинная рука указала на застывшего Фаргала.

Самериец покачал головой.

— Нет, — просто сказал он.

Слегка изогнутая рукоять меча Люга удобно лежала в ладони молодого воина. Он чувствовал силу этого оружия.

Кэр поднял глаза на мага. Тот стоял на расстоянии вытянутой руки от молодого воина. Камень на диадеме сиял.

«Убей его! Убей его! Убей! — шептали в сознании жреца Аша голоса Фаргала и соктов. — Убей!»

Достаточно лишь обернуть их желания к ним самим и вложить в сознание Кэра. Но жрецу почему-то не хотелось этого делать. Пусть мальчик решится по собственной воле.

Но Кэр, поколебавшись, протянул меч магу:

— Убей меня, если хочешь! — сказал он. — Я не подниму руку на того, кому клялся в верности!

— Ты — сын клана Мечей! — подавив раздражение, напомнил маг. — А клан Мечей издревле служил моему Господину! Что твоя присяга перед кровной верностью?

— Не я приносил клятву верности, — покачал головой Кэр. — Мой отец не осудил бы меня за такой выбор! Ты можешь меня убить...

Смех мага наполнил комнату. То был звук, от которого хотелось выть.

— Твой отец! Твой отец? Ты так думаешь?

Смех резко оборвался, на Кэра повеяло холодом.

— Нет, — произнес маг. — Я не убью тебя! Никогда! Ты был волен сделать выбор, но не в твоей воле спорить со мной! **УБЕЙ ЕГО!**

Рука чародея повелительно указала на Фаргала.

И Кэр, с окаменевшим, неживым лицом и остановившимся взглядом, двинулся к царю, поднимая меч.

Ирдик глядела на происходящее, до крови прикусив губу.

Сын вождя приближался к Фаргалу. Его движения были медленными, неловкими. Но отточенное лезвие по-прежнему несло смерть. Фаргал, скованный чарами, не мог и пальцем шевельнуть.

Светловолосая голова мага поворачивалась, провожая движение самерийца. Его затылок почему-то напомнил Ирдику затылок Кэра. Тех времен, когда волосы сына вождя еще были светлыми.

«А он красив!» — промелькнула в голове девушки кощунственная мысль.

«СБЕЙ С НЕГО КОРОНУ!»

Властный женский голос родился прямо в мозгу Ирдик. Голос настолько похожий на голос ее матери, Вардали, что девушка, не задумываясь, не успев задуматься, сделала три шага вперед и, встав на носки, ударила рукой по волшебному венцу.

И Великая Диадема Аша, сбита рукой пятнадцатилетней карнитки, упала на ковер и откатилась на несколько шагов.

Какой-то миг жрец Аша чувствовал себя как человек, неожиданно лишившийся зрения, слуха и обеих рук. Невероятно, но до сего момента он напрочь забыл о присутствии Ирдик за своей спиной.

Рука Кэра, занесшая над головой Фаргала меч, застыла.

Немного времени надо магу, чтобы прийти в себя.

Жрец Аша выбросил руку, и Диадема Власти, повинуясь движению его пальцев, взмыла над ковром и устремилась к своему хозяину.

Но не долетела.

Меч Фаргала с сухим шелестом рассек воздух и перерубил ее пополам.

Кен-Гизар похолодел от ужаса. Даже когда чародей сделал его недвижимым, он так не испугался. Посланник успел узнать Великую Диадему Аша. Венец бога, способный, будучи уничтоженным, унести за собой весь Мир Ашшурал!

Оцепенел и маг — от высочайшего кощунства!

Но Фаргал не подозревал о том, что совершил. Меч его взлетел еще раз и, опустившись чуть выше скреплявшей плащ серебряной пряжки, перерубил мага пополам.

Верхняя половина, отброшенная ударом, упала прямо к ногам Кэра. И самериец с ужасом обнаружил, что маг жив. Серые холодные глаза взирали прямо на юношу.

Тонкие губы шевельнулись:

— Хочешь знать, почему я никогда не убью тебя? — прошептал тот, кто по всем природным законам должен был быть мертв. — Хочешь?

Кэр молчал. Он не мог говорить.

— Потому что ты мой с-с-с...

Меч Фаргала с хрустом опустился на белое лицо мага и развалил его голову надвое.

— Они очень живучи! — спокойно пояснил царь, вонзая клинок в покрытую серым плащом грудь и оставляя его там. — Живучи, как демоны!

И, поняв состояние самерийца, ласково похлопал его по плечу:

— Но запомни: их можно убивать! И мы будем их убивать везде, где найдем! Так что успокой сердце, воин! Ты показал себя достойно! Император Карнагрии признателен тебе!

Фаргал рассмеялся, и Кэр решил: на каком бы троне ни сидел человек, он всегда остается только человеком.

Ирдик, затаив дыхание, глядела на двух воинов, огромных, мощных, таких похожих — и таких разных. Но один из них был ее Кэром, а другой — всего лишь царем Карнагрии. А мало ли их, царей, перебивало на Кедровом Троне с тех пор, как род Шера обрел силу в этой стране?

Люг помог Кен-Гизару добраться до кресла. Он с интересом поглядывал на останки мага: совсем немного крови натекло на ковер из разрубленного тела.

Фаргал сорвал одну из портьер с оконной ниши. Свежий ветер, наполненный запахами дворцового сада, всколыхнул воздух в покоях.

— Возьми... Диадему... — слабым голосом сказал Кен-Гизар соплеменнику.

— Что? — вождь соктов наклонился поближе к посланнику.

— Возьми Диадему Аша!

Лицо вождя соктов вытянулось.

— Это была великая Диадема Аша? — спросил он, понизив голос. — Ты не ошибся?

— Это *есть* Великая Диадема Аша, — проговорил посланник. — Возьми и соедини ее... пока мы живы!

Люг наклонился к Диадеме, но Кен-Гизар остановил его:

— Не голыми руками! — предупредил он.

Вождь соктов вынул из сундучка на столе тонкие кожаные перчатки и, одев их, осторожно поднял обе половинки Венца.

Магический камень запульсировал чуть ярче, и острая боль пронзила руки сокта. Словно он ударился локтями. Но терпеть ее было можно, и Люг взглянул на срезы темно-серого металла. Они были совсем непохожи на оставленные мечом: абсолютно гладкие зеркальные поверхности. Словно тщательно отполированное серебро.

— Она... живая, — сказал Кен-Гизар. — Дай я прикоснусь к ней!

— Стоит ли?

Кен-Гизар усмехнулся.

— Дай!

Правой рукой, той, на которой браслет, он слегка прикоснулся к древнему металлу.

Лицо его исказилось, капельки пота выступили на лбу. Золото браслета Яго на его запястье на миг стало черным, а металл Диадемы приобрел желтоватый оттенок. Камень вспыхнул зеленым огнем...

Фаргал наконец заметил стоявшую в тени Ирдик.

Двумя неслышными шагами он покрыл расстояние между ними.

— Я, император Карнагрии, — произнес он торжественно, — благодарю тебя!

И, немного подумав, поклонился, коснувшись пальцами кончика ее сандалии. То было высшее уважение, какое Фаргал мог оказать женщине.

Ирдик же глядела на Кэра, и глаза ее смеялись.

— Великий Яго! — прошептал Кен-Гизар, и ладони его порозовели. — Ну теперь — все! — сказал он, откидываясь на спинку кресла, продолжал куда более бодрым голосом, чем минуту назад. — Теперь — все! Соединяй!

Люг сложил две половины, и серый металл сомкнулся. Диадема Аша снова стала единой.

— Разумно! — произнес за спиной Люга свистящий шепот.

Вождь соков развернулся, одновременно отпрыгивая назад. Он вцепился в Диадему, а она уже рвалась из его рук, как живое существо.

Перед соктами стоял маг. Он был невредим, а меч Фаргала, который царь напоследок вонзил ему в грудь, лежал на ковре.

— Тебе ее не удержать! — прошипел жрец Аша и взмахнул рукой.

Диадема рванулась из рук Люга с такой силой, что он еле устоял на ногах.

Кен-Гизар легко, словно сбросил груз лет, вскочил на ноги.

— Нет, — сказал он, вставая между соплеменником и магом и скрещая перед собой четыре пальца. — Здесь Власть Яго!

— Была! — заявил маг.

И желтое пламя объяло Кен-Гизара.

Но посланник не шевельнулся.

— Тем хуже для тебя! — прошипел жрец Аша, поднимая руки.

И в этот миг над его головой вновь взлетел меч Фаргала.

Когда Фаргал услышал за своей спиной голос мага, он не успел удивиться.

Если бы он удивлялся всякий раз, когда жизнь проделывала с ним подобные штуки, то не дожил бы до сегодняшнего дня.

Поворот, быстрый взгляд — и Фаргал, оттолкнув стоящего на пути Кэра, метнулся к своему мечу.

Боковым зрением он отметил Люга с чародейской короной в руках, поднимающегося из кресла Кен-Гизара, слугу мага (этот, к счастью, так и остался мертвецом) и самого мага, вздымающего руки над головой.

Миг — и пальцы Фаргала сомкнулись на знакомой рукояти. Распрямляясь, царь увидел бегущего к чародею Кэра. В руке самерийца был меч.

«Молодец! — похвалил Фаргал. — Но я успею первым!»

Тяжелый клинок, опоясанный древними рунами, взлетел над головой жреца Аша. Тот слишком поздно заметил царя и был слишком погружен в сплетаемое заклинание, чтобы помешать Фаргалу...

Кен-Гизар увидел широкий клинок, падающий на голову соперника, и ощутил, как сила чародея, сомкнувшаяся вокруг, тает.

Справа от жреца возникла еще одна фигура. И еще один клинок взметнулся вверх над головой мага.

«Пустое!» — подумал Кен-Гизар.

Кто может опередить Фаргала, когда тот наносит удар?

Кривой клинок с лязгом ударил по мечу царя, отнес его по дуге вверх и остановил поворотом в высшей точке.

— Ты уже убил его один раз! — твердо сказал сын Хардаларула. — Хватит!

Люг восхитился мастерским движением Кэра. Воспользовавшись вогнутостью лезвия, самериец «поймал» более тяжелый клинок Фаргала и полностью погасил его мах широким обводящим движением. Точно так же он сам, спасая Кэра, отбил меч царя там, в Злом Замке.

Царь и его «двойник» застыли, скрестив над головами мечи, Люг решил, что пора вмешаться. Все еще держа корону в левой руке (она больше не рвалась из его пальцев — внимание мага перешло на единоборство Кэра и Фаргала) он бросился на помощь царю.

— Нет! — остановил соплеменника Кен-Гизар. — Не спеши!

Посланник за те несколько мгновений, которые «подарил» ему Фаргал, сумел осознать многое. Люг не должен помогать царю.

Кен-Гизар сумел прочесть мысли своего давнего врага. И теперь знал, почему Кэр и Фаргал похожи. Сейчас он так же ясно увидел их сходство и связь с третьим человеком. Тем, что наблюдал, также не собираясь вмешиваться. Но готовый сокрушить всякого, кто посмеет это сделать.

Кен-Гизар многое «увидел» за те несколько мгновений, подаренных ему прикосновением к Великой Диадеме Аша. Ибо Венец сей в иные времена был также и Диадемой Яго, хотя совершенно по-разному одарял жрецов двух богов.

Огромные мускулы Фаргала напряглись. Он мог бы хитростью освободить клинок. Он мог бы ударить Кэра левой рукой. Но решил положиться на свою невероятную силу. До сих пор никто не мог противиться ей.

Царь увидел, как покраснело лицо самерийца, пытающегося противостоять напору. Царь чувствовал, как мелко дрожит в сверхчеловеческом усилии поднятая рука Кэра. Владыка Карнагрии оскалил зубы в улыбке...

Кэр понимал: в этом единоборстве у него немного шансов. Мощь Фаргала известна. Но, сообразив, что царь решил поставить силу против силы, он, как и Фаргал, отказался от иных приемов. Чем сильнее противник — тем больше радость воина! Так учили сынов клана Мечей!

Ярость, вспыхнувшая в нем от волчьей ухмылки Фаргала, от высокомерной уверенности царя в победе, удивила и самого Кэра. Сын Хардаларула понял, что не может позволить себе сдаться.

«Какая пара! — подумал Кен-Гизар, глядя на противников. — Наконец-то нашелся воин, способный противостоять моему Фаргалу!»

Два великана с побагровевшими лицами и вздутыми жилами боролись почти минуту. А потом (Люг не поверил своим глазам!) меч Фаргала начал понемногу отодвигаться назад, и наконец Кэр отбро-

сил его мощным рывком вниз. Отбросил и отскочил, выставив перед собой клинок. Сын вождя был готов продолжить.

Но Фаргал медлил...

— Довольно!

Это сказал маг, и оба противника мгновенно повернулись к нему.

Два хищника, готовых напасть при первом же признаке опасности.

— Я проиграл! — с достоинством произнес жрец Аша.

Кен-Гизар понял, что чародей имеет в виду не сегодняшнюю ночь. Даже без Диадемы Власти у мага хватило бы сил, чтобы уничтожить их всех. *Кроме Фаргала!*

— Я проиграл! Позвольте мне уйти!

Кен-Гизар не удивился. Он знал, как смотрят владыки Вечности (ими полагали себя жрецы Мудрого) на временные поражения.

— Нет! — отрезал Фаргал.

— Да! — сказал посланник соктов.

Владыка Карнагрии, изумленный, уставился на старого друга.

— Пусть он уходит! — произнес Кен-Гизар, жрец Яго. — Так будет лучше, о царь! Но она, — посланник указал на Диадему, — останется здесь!

— Ты не сможешь повелевать ею! — прошипел жрец Аша.

Впрочем, он и не рассчитывал, что жрец Яго отдаст ему Венец.

— Вы требуете, — с оттенком превосходства произнес Кен-Гизар. — Вы требуете. Нам — дарят!

— Ты отвечаешь за нее! — с угрозой сказал чародей. — Понимаешь, что это значит, ничтожество?

— Знаю! — Кен-Гизар пропустил оскорбление мимо ушей. Он твердо решил не давать магу повода начать схватку.

Фаргал с растущей яростью слушал этот диалог. Он не мог поверить, что друг предает его.

— Слуга Змёя должен умереть! — прорычал царь.

Маг взглянул на него с интересом.

— Придется отпустить его, о царь! — покачал головой посланник. — Ты — высший суд на этой земле. Но не сейчас!

— Он умрет! Люг!

Вождь соктов огорченно посмотрел на царя. И покачал головой.

Итак, все они предали его!

Фаргал скрипнул зубами, но сумел загнать гнев поглубже. Царь-воин вновь поднял меч.

Кэр тут же оказался между ним и магом. Он знал, что должен так поступить. Но спроси его кто-нибудь: почему? — Кэр не смог бы дать связного ответа.

Фаргал почувствовал, насколько он устал. Царь не спал вторую ночь. Многодневная скачка вымотала его, а нервное напряжение последних часов мешало управлять чувствами. Но он был воином вот уже несколько десятилетий. Поэтому Фаргал убьет любого, кто станет у него на пути. И не станет звать стражу, а сделает это сам!

— Не мешай ему, Кэр! — раздался за спиной молодого воина голос мага. — Если он хочет убить меня, пусть попробует!

Самериец остался на прежнем месте. Только отрицательно мотнул головой. Он встал на пути Фаргала вовсе не потому, что жаждет спасти жреца Аша! Он делает это ради самого Аша!

Фаргал с минуту смотрел на лицо самерийца, так похожее на его собственное. Потом взглянул на мага... и опустил меч. Его утомленный мозг отказывался переварить происходящее.

— Пес с тобой! — буркнул он. — Убирайся!
Все, кроме самого мага, облегченно вздохнули.
Чародей же испытал некоторое разочарование.

— Я заберу и его! — указал жрец Аша на Карашшера.

— Мне падаль ни к чему! — проворчал Фаргал.
Царь не любил, когда его воле противились. Даже если понимал, что должен уступить.

Маг подошел к своему слуге и легко, без видимого усилия, выдернул застрявший в глазнице кинжал.

— Твое, — произнес он, бросив оружие Кен-Гизару.

И, выпрямившись, простер руку над Карашшером, ладонью вверх:

— Встань!

И тело воина пришло в движение. Медленно, неуклюже, оно поднялось сначала на колени, потом во весь рост. В пробитой глазнице пузырилась алая кровь. Но лицо уже не было лицом мертвеца: оно исказилось от нестерпимой боли.

— Я ухожу! — прошипел чародей, обводя ледяным взглядом собравшихся в комнате.

Глаза мага на секунду остановились на Кэре, и тому показалось: чародей улыбнулся.

Жрец Аша медленно вытянул руки. Желтый туман поднялся от его ладоней, как поднимается дым от брошенных в костер зеленых веток. Туман окутал жреца и его слугу, сгустился... и растаял.

Мага и Карашшера не было.

— Демоны Джехи! — пробормотал Фаргал, стараясь не смотреть на соктов. — Выходит, он мог ударить в любой момент?

Запах нагретого железа и свежевскопанной земли — вот все, что осталось в покоех от жреца Аша и Карашпера.

— Ты все равно не смог бы его убить, о царь! — произнес Кен-Гизар, принимая из рук Люга Диадему Аша. — Он связал ваши жизни: твою и свою. Ни один из вас не сможет убить другого.

Фаргал промолчал. У него не было причин не верить Кен-Гизару. Но поверить было трудно.

— Он настолько силен? — осторожно спросил Люг.

— Теперь — нет! — посланник погладил темный металл Диадёмы. — Но сделанного не вернешь! И змеепоклонник прав: я не могу повелевать этим чудом!

Фаргал и Люг одновременно взглянули на Венец бога. Живой камень еле заметно пульсировал: он спал.

— Я устал, — сказал царь. — Раз я не могу его убить, так довольно об этом! Я не сержусь на тебя! — объявил он Кэру. — Должно быть, сам Ашшур наставляет тебя в делах!

Кен-Гизар еле заметно улыбнулся. Он сказал, что маг связал жизнь царя со своей. Но не сказал, что связаны не две, а три жизни!

— Почему бы нам всем не отправиться спать? — предложил посланник и подмигнул Ирдик. — Завтра будет завтра!

Глава четырнадцатая

«Мы отправимся на рассвете,
В час, когда поднимают сети
Рыбаки на большой реке.
В час, когда величаво-строго

Мир в ладони лежит у Бога,
Как поводья в моей руке.
И ты будешь как южный ветер.
И такой, что никто на свете
Не сумеет тебя забыть,
Раз увидев. А в конских гривах —
Лепестки облетевшей сливы.
А к восходу, когда трубить
Рог начнет на привратной башне,
Мы с тобою минуем пашни
И вокруг уже будет лес.
Здесь земля, что не знала плуга.
Здесь мы будем любить друг друга.
Так любить, чтобы мнился блеск
Стали с запахом красной соли,
Чтобы ветер кричал от боли,
Чтоб земли поднимался сок.
Той земли, что ковром — пред нами.
Мы отметим ее — огнями!
Мы пройдем ее — поперек!»

*Сурнаш-Гин.
«Песнь исхода»*

Спустя восемнадцать дней, через час после восхода солнца четверо мужчин и одна женщина собрались в царской библиотеке.

— И куда же вы направитесь? — спросил император Карнагрии, с удовольствием оглядывая Кэра и Ирдик.

Молодой воин был облачен в превосходной работы доспехи. Меч из царской оружейной, выкованный двести лет назад прославленным мастером, висел у него за спиной. Открытый, с ярко-зеленым плюмажем из хвостовых перьев бескрылой птицы из Фетиса шлем украшал медальон с гербом, дарованным Кэру Фаргалом: меч, рассекающий крепостную башню.

Ирдик, в дорожном костюме и серебристо-сером шелковом плаще, была похожа на мальчика-оруженосца. Но необычайно красивого мальчика. Когда ее огромные глаза обращались к Кэру, они вспыхивали, как два зеленых солнца.

— Так куда вы направляетесь? — спросил Владыка Карнагрии.

— Сначала — в Самери, через Эгерин, — ответил Кэр. — Я хотел бы повидать отца, а потом... Не знаю... Дальше! Мир, он — большой!

— Не лучше ли — морем? — предложил Люг. — Один из наших кораблей мог бы доставить вас из Великонкада прямо в Кандиур!

— Мы хотели бы посмотреть землю! — переглянувшись с самерийцем, ответила Ирдик.

За восемнадцать дней сын Хардаларула опять помолодел. Теперь ему нельзя было дать больше двадцати. Сотворенное магией жреца Аша уходило, даже корни волос Кэра посветлели. Со временем его грива вернет себе природный цвет.

— Вождь, — велел Фаргал. — Отдай ему грамоты!

Сокт протянул Кэру пакет.

— Здесь, — пояснил Фаргал, — верительные документы к государям Хар-Азгауру и Гергобару. Подписаны мною и посланником Священных островов. Можешь рассчитывать на самое лучшее отношение!

— Благодарю!

— Шотар с Алыми рвется проводить вас до границы! Он проникся к тебе любовью... после твоей «щедрости»! — царь рассмеялся. — Между нами, он полагает, что ты — мой сын!

— Это было бы честью! — серьезно ответил Кэр. — Но у меня есть отец! Поблагодари капитана, государь, но мы поедем вдвоем! Вернее, втроем! — молодой воин похлопал по ножнам меча.

— Тогда — прощай!

Царь поднялся.

— Помни, что здесь, во Дворце, всегда найдется место для тебя и твоей жены! Может быть, тебе еще раз захочется посидеть на Кедровом Троне? — Фаргал улыбнулся и протянул руку.

Кэр прижал ее к своей груди, поклонился, каждому в отдельности, и шагнул к дверям.

— Как только Гагаран Шера рискнул отпустить свою единственную дочь? — спросил шепотом Кен-Гизар, глядя им вслед: хрупкая Ирдик не доставала макушкой даже до плеча молодого воина.

— Я приказал ему! — так же тихо ответил Фаргал. — Надеюсь, когда-нибудь ей захочется домой!

— Славный мальчик!

Кен-Гизар, слегка напряг мышцы и почувствовал приятную усталость. Предыдущий час он провел разминая руку мечом.

Посланник соктов не мог *повелевать* Диадемой, но получил *как дар* то, о чем просил Яго. Старость отступила.

— Да. Если он вернется, кто знает... Я не прочь, чтобы моим наследником стал он, а не кто-нибудь из этих разжиревших владык, — произнес Фаргал.

— Я думаю, он вернется, — отозвался Кен-Гизар. — Кстати, государь, цены на шелк поднялись. Как я и предполагал...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткое описание Земли Ашшур, или Мира Четырех Империй

Земля Ашшура — это часть некоего материка, отделенная от него с запада горами Ашшура, гигантским хребтом десяти-двенадцатикилометровой высоты, протянувшимся с севера на юг на несколько тысяч километров. Восточной границей является океан, южной — пустыня, протяженность которой не менее тысячи километров. Только с севера, за горами Аша, лежит более гостеприимная по природным условиям земля. Но и она фактически недоступна для путешественника из-за враждебности заселяющих ее племен.

Две горные гряды, отходящие от хребта Ашшура к морскому побережью, горы Яго (с юга) и горы Аша (с севера) отделяют пространство, на котором расположены три из четырех Империй: Самери, Эгерин и Карнагрия. Четвертая Империя — Фетис, лежит южнее гор Яго и примыкает к степной зоне, принадлежащей племенам кочевников-кансу. Еще южнее начинается великая пустыня Джехи.

САМЕРИ. Самая северная из Империй. Границы ее — горы Аша, берег океана и река Сарсог, за которой уже земли Эгерина.

Горы Аша не слишком высоки, и кочующие с другой стороны хребта племена айпегов в прежние времена не раз покушались на земли южного соседа. Но в последнее тысячелетие, когда из воинов, охраняв-

ших перевалы, сформировались полторы дюжины горных кланов, необычайно воинственных и искусных в бою, набеги прекратились. Теперь айпеги пересекают горы лишь с торговыми целями. С юга и юго-запада Империя граничит с Эгерином, а на северо-востоке, между отрогами гор Аша расположился самый неприятный сосед Самери — крохотное государство Кушога — народ пиратов.

Самери, как и все Империи, кроме Фетиса, делится на Земли. Император, живущий в столице Самери Кандиуре, повелевает Владыками Земель по феодальному принципу.

ЭГЕРИН. Это государство, ограничено с юга рекой Карн, с севера — рекой Сарсог, а с запада — горами Ашшура. Восток ее, как сказано выше, — побережье океана. Некогда (до успехов Шаркара Победителя) Эгерин был сильнейшим из четырех государств. В описываемое время его можно считать вторым после Карнагрии.

КАРНАГРИЯ. От реки Карн до гор Яго простирается крупнейшая и самая процветающая из Империй. Название свое она обрела от двух рек — Карна и Агры и двух народов — карнитов и агров, обитавших на берегах этих рек. К описываемому времени агров среди Властителей карнагрийских земель практически не осталось. Их родовая аристократия была истреблена во время захвата Карнагрии Шаркаром.

Карнагрия, Эгерин и, в меньшей степени, — Самери обильны судоходными реками и плодородными землями. Климат здесь мягкий тропический и субтропический, но без периода ливневых дождей. Поля Эгерина и Карнагрии приносят по три урожая в год (это относится к низинным землям) и требуют

полива только три месяца в году. Смена времен года в этих странах есть. Но температура никогда не падает ниже десяти и не поднимается выше тридцати восьми градусов Цельсия. В горах, конечно, намного холоднее.

ФЕТИС, четвертая Империя, расположенная «особняком» за горами Яго, намного суше. Значительная часть территории Фетиса прорезана каналами, и из-за многочисленного населения — здесь самая высокая культура земледелия. Так, лишь в Фетисе всерьез возделывается рис. Столица Империи Лосан, расположена на берегах огромного залива. Это самый крупный в Империях порт. И это единственная столица, расположенная на берегу океана.

Ни побережье, ни горы Яго не являются границами, внушающими опасение императорам Фетиса. Побережье их защищено с севера островами Сок, а горы Яго достаточно высоки (конному не пройти, да и пешему — нелегко), так что на этот хребет поднимаются лишь маги и отшельники. Зато южный сосед, кансу, с лихвой «окупает» благополучие остальных границ.

СВЯЩЕННЫЕ ОСТРОВА СОК. Эти острова — фактическое продолжение гор Яго на море. Их около двадцати, и в последнее тысячелетие на них сформировалось довольно сильное государство, управляемое Советом островов. К настоящему времени сокты — лучшие мореплаватели в мире Четырех Империй. Их флот держит под контролем все побережье: от пустыни Джехи до берегов племен Дан, обитающих за горами Аша. Острова Сок (главные) достаточно велики и богаты полезными ископаемыми. Там хватает места для земледелия и обширных лесных пространств.

Прямо противоположны Священным островам острова архипелага Табе. Это, по сути, коралловые рифы, занимающие достаточно большое пространство напротив побережий Самери и Эгерина там, где граница земли и воды отступает в сторону суши. Табиты — дикари и людоеды. И пираты еще покруче, чем кушога. Но приструнить их толком не удастся даже соктам. Их корабли уступают в скорости тримаранам табитов, когда приходится маневрировать между островами, где изобилуют рифы и отмели. Но сокты — единственные, кого боятся эти дикари.

Кроме Четырех Империй, Кушога, соктов и табитов, на Земле Ашшура обитает еще три племени: айпег и Дан — на севере и кансу — на юге.

Айпег и кансу в Империях известны достаточно хорошо. Первые — по описаниям торговцев, вторые — по набегам на территорию Фетиса. Что же касается племен Дан, то с ними Четыре Империи не контактируют. К чужакам здесь относятся крайне враждебно, настолько, что даже кушога не устраивают рейдов на север. Но в последнее столетие к их берегам подходили корабли соктов. Встречали их враждебно, но военное превосходство островитян позволяло им (с боем) брать пищу и пресную воду.

О народах и государственном устройстве

Карнагрийцы и эгерини внешне весьма сходны. Это скорее смесь народов, чем особый народ. Цвет кожи у них варьируется от белого до светло-коричневого, цвет волос, в основном, темный, а телосло-

жение крепкое. Конечно, крестьяне и ростом и силой уступают аристократам, но скорее, от недостатка пищи.

Самерийцы коренасты, не высоки ростом и широколицы. В Эгерине и Карнагрии уроженцев Самери считают некрасивыми. Кушога беловолосы и белокожи, высоки и худощавы. У соктов и табитов смуглая, почти черная кожа, но внешне эти два народа совершенно различны. Особенностью соктов являются голубые глаза. Жители Священных островов хорошо сложены и красивы даже с эгеринской точки зрения. Что касается табитов, то те длинноруки и длинноноги, худы и совершенно лишены растительности на лице.

Зато фетсы отпускают бороды столь длинные, что их приходится зачесывать за уши. Фетсы более светлокожи, чем их северные соседи, не стригут волос и, как правило, небольшого роста. Их соседи кансу, напротив, высоки и бреются наголо. Кожа у кансу совершенно белая, если не считать полоски на уровне глаз. Днем их лица полностью закрыты тканью.

Айпегии внешне похожи на самерийцев, но более легкого сложения. Даны — совершенно особая раса с бронзовой кожей и широкими плоскими носами. Они кажутся низкорослыми даже в сравнении с фетсами.

Государства Земли Ашшура, как уже было сказано, управляются императорами. Все четыре Империи — феодального типа, но степень независимости владык и народа от императора различна.

В Фетисе император — абсолютный властитель жизни, земли и имущества каждого подданного. Приближенные императора владеют тем, что даровал им государь, но их наследники могут и не по-

лучить земель своих родителей. Правда, такое случается не очень часто.

В Эгерине и Карнагрии императорам принадлежат жизни Владык, но землями их они распоряжаются ограниченно. Многое зависит от личности государя. Так, в описываемое время в Эгерине правит слабый царь, а в Карнагрии — сильный. Что же касается Самери, то власть ее императоров покоится на поддержке горных кланов и умении стравливать своих подданных.

Государственное устройство Священных островов можно было бы назвать демократическим, а социальные взаимоотношения внутри Архипелага Табе — анархией.

Рабство процветает на всей Земле Ашшура. Кроме государства Кушога. Эти пираты никогда не захватывают рабов. Мужчин просто убивают, а захваченных женщин, как только те забеременеют, ссаживают на берег ближайшей Империи. На полуострове Кушога живут только кушога. Это особый народ, который не боится никого и ничего. У них собственный жизненный кодекс, и любое преступление карается смертью. Недоступные с суши, кушога уязвимы с берега. Но — только прибрежные поселки. Стоит им укрыться в пещерах своих гор — а по слухам, там целые подземные города, — и достать их невозможно. Тысячелетия кушога грабили (систематически и безнаказанно) Самери, Карнагрию, Эгерин и даже Фетис. До тех пор, пока окрепшие сокты не ответили им тем же. Теперь не флотилии, а лишь отдельные корабли кушога про скальзывают дальше побережья Самери. Но с тех пор, как Самери вошла в число «данников» Священных островов, кушога и вблизи от дома становится несладко.

ИСТОРИЯ Четырех Империй настоящего времени начинается — фактически — с вторжения в Карнагрию Шаркара-Победителя.

Шаркар, третий эгеринский принц, выпросил у отца несколько тысяч всадников и вторгся на земли соседа. Он был бы раздавлен первым же ударом карнагрийской армии, если бы не заручился поддержкой карнитских родов и, по слухам, магов Аша. Карнитам он пообещал свергнуть агра-императора и помочь в истреблении агров-вождей. О том, чтобы сам Шаркар сел на Кедровый Трон, речи не было. Однако ж третий принц сумел так ловко посеять рознь среди самих карнитов, что как-то естественно очутился во главе государства. Что касается магов Аша, то доподлинно известно, что одного из них он приказал насадить на Копье Ашшура при захвате столицы Великондара.

Шесть лет, связанный вассальной зависимостью, Шаркар платил дань своему отцу Каргешу. То есть Карнагрия платила дань Эгерину. Когда Каргеш умер, брату своему Шаркар в повиновении отказал. Тот, неверно оценив положение, попробовал добиться своего силой, но был разбит и покончил с собой. Второй принц Эгерина подписал с братом весьма унижительное соглашение. Так Шаркар стал Победителем, а Эгерин — данником Карнагрии почти на двести лет. Только через два века, в пылу следовавших один за другим мятежей и «месячных» (как их называли из-за недолгих сроков царствования) императоров, Эгеринский Дракон скинул с себя тушу Карнагрийского Льва.

Четыре Империи и Священные острова связывает обширная торговля. Сокты торгуют оловом и кораблями, карнагрийцы — множеством полезных ископаемых, зерном, оружием, скотом. Фетсы прославлены ремесленными изделиями. Фетский шелк,

ковры, посуда, парусная ткань, драгоценные камни, все, кроме оружия (в Фетисе почти нет металлов, исключая серебро) и бумаги (тут первенство принадлежит Карнагрии).

Эгерин торгует почти тем же, что и Карнагрия. Здесь нет тростника, из которого делают бумагу, но зато есть черное ароматное дерево, очень дорогое и редкое. Самери вывозит металлы и земляное масло (нефть). Это государство также служит посредником между Империями и айпегами. Кочевники экспортируют лошадей, пряности и лекарственные растения. Единственное, чем могут похвастаться табиты — это жемчуг, а кансу — верблюжья шерсть.

В целом Ашшур, сотворяя свой мир, не покусился.

Боги

Главным божеством, естественно, является сам Ашшур. Хотя он почти не вмешивается в дела людей. Это было поручено его сыну. Но участь последнего прискорбна. Согласно мифологии Империй он был «разорван» пополам ревнивыми женами — Ирзай и Таймат. Так возникли две противоположности: Аш и Яго. Когда один из них спит, второй бодрствует. В определенное время (измеряемое тысячами лет) они меняются местами. То же касается и богинь. Спящий и бодрствующий боги являются источниками магических сил Земли Ашшура. Кое-кто из жрецов магов Аша полагает что их бога можно разбудить и прежде положенного срока. Никто из жрецов Яго формированием будущего не занимается. И тем не менее сокты, народ Яго, процветают из года в год.

За горами Ашшура лежит Небесная страна. Там никто не бывал в силу неприступности самих гор.

За пустыней Джехи располагается Земля Мертвых. Сокты время от времени пытаются до нее добраться, но пока безуспешно.

Такова „официальная“ теология. Посвященным, естественно, известно совершенно иное.

Можно также предположить, что через век-другой народы Империй выберутся за пределы своего мира через северные земли. Если, конечно, это возможно. Но вполне вероятно и то, что мир, замкнуто существовавший более шести тысячелетий, таким и останется.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. Великондар — столица Карнагрии . . .	5
ЧАСТЬ II. Клык Кхорала	245
ЧАСТЬ III. «Пой, мой меч!»	365
ПРИЛОЖЕНИЕ. Краткое описание Земли Ашшура, или Мира Четырех Империй. . .	481

*Литературно-художественное
издание*

Александр Мазин
ТРОН ИМПЕРАТОРА

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Маргарита Ахметова
Алла Семина
Елена Омеляненко

Верстка
Андрея Белокрылова

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 28.06.96.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 26,04.

Изд. № 83. Заказ № 1880.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и конечно же повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Готовится к выпуску сериал

— КОРМАК —

Его создатель — замечательный американский писатель, ученик Роберта Говарда, автор романов о Конане-киммерийце ЭНДРЮ ОФФУТТ.

Цикл романов о свирепом воине Кормаке МакАрте – прямое продолжение уже знакомых читателям повестей Говарда «Тигры морей» и «Ночной волк».

КТО НЕ С НАМИ – ТОТ ПРОТИВ НАС!

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

КЕЙН

Создатель всемирно известного сериала о Кейне Меченосце – американский фантаст Карл Эдвард Вагнер, признанный ученик Роберта Говарда, автор блестящего романа о Конане «Дорога Королей».

Изгнанный безжалостными властителями воин-колдун Кейн — скорее сторонний наблюдатель, чем активный участник необычайных событий, происходящих в мире, где правит черная магия.

Но стоит только подуть Ветру Ночи, как бессмертный воин, обнажив свой сверкающий клинок, бросается в битву против сил Зла. Ужасные оборотни, безымянные чудовища Хаоса, незнающие жалости убийцы... никто не может противостоять Кейну Меченосцу.

**Читайте первые два тома
«Сказания о Кейне»:**

**Том 1. «Ветер Ночи»
Том 2. «Ангел Смерти»**

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

Читатели откроют для себя писателя, имя которого овеяно множеством легенд. Это знаменитый американский фантаст **ДЖОН ДЖЕЙКС**.

В рамках серии «Сага о Бессмертных Героях» выходят в свет романы Джона Джейкса под общим названием «**БРЭК-ВАРВАР**». Летопись о приключениях отважного варвара множество раз переиздавалась на Западе — и вот наконец-то переведена на русский язык.

Джейкс создал свой неповторимый, удивительный мир, населил его самыми загадочными племенами и народами. И самое главное — автор создал великолепного Героя. Сказание о странствиях и подвигах могучего Брэка — это один из лучших образцов героического фэнтези. Это подлинный подарок тем, кто не привык скучать над книжными страницами, кто жаждет стать участником головокружительных приключений, испытать свою волю и ощутить вкус настоящей борьбы.

*Не пропустите двухтомник
Джона Джейкса «БРЭК-ВАРВАР»!*

**ТАКОГО ГЕРОЯ ВАМ НЕ ЗАБЫТЬ
НИКОГДА!**

Земля Ашиура

Земли Ашиура

Горы Аша

Самери

Астерич

Горы Ашиура

Горы Ашиура

Архипелаг Маде

Великондар

Великондар

оз. Речи

КАРКАТРИЯ

Горы Яго

Лосан

РЕКИ

Племеа Кочу

Священные о-ва Сок

Кандиор

Вертаин

река Кар

р. Великон

Герой этой книги стал Императором
не по праву рождения,
а по праву меча.
Много лет повелевал он Карнагрией,
сильнейшей из Четырех Империй.
Он побеждал и вражеские армии
и могучих чародеев.
Но вот пришел в столицу Карнагрии
пятнадцатилетний юноша-воин
из горного клана.
Пришел, чтобы по воле
могущественнейшего из магов занять

ТРОН ИМПЕРАТОРА